

А.ЯКУБОВ
СОВЕСТЬ

Перевод с узбекского В. Дубинцева

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Атакузы нагрянул неожиданно, показав, как всегда, широту и размах, подобающие председателю колхоза-миллионера. Домла¹ Шамуратов, кряхтя и одергивая широкую пижаму, вышел на улицу. Перед воротами стояли две «Волги» — цвета «белая ночь» и «морская волна». Следом подкатил еще и газик.

Из белой «Волги» вылез сначала сам раис Атакузы — высокий, жилистый, обожженный степным солнцем, проявленный ветрами. За ним — худощавый мужчина средних лет в хорошо сидящем заграничном костюме. На темно-смуглом лице незнакомца были особенно заметны серьезные серые глаза. Из зеленовато-синей «Волги» легко, будто птичка из клетки, выпрыгнула дочь Атакузы — Тахира.

Атакузы расправил широкие плечи, лихо надвинул на лоб новую тюбетейку и, приветливо сияя смуглым, будто выкованным из меди лицом, широко шагнул к домле:

— Здравствуй, дядя! Как поживает моя тетушка?.. Прошу познаться: Абрар Шукуров, наш новый секретарь. Руководитель молодой, но серьезный.

Шукуров поклонился с долей робости. То ли смутила его неуместная похвала Атакузы, то ли поразил необычный облик старика. Ученый, почтенный домла казался не по летам могучим, крепко сколоченным. Может, в заблуждение вводила мешковатая, в полоску пижама? Но голова! Шукуров взглянул, отвел глаза и опять посмотрел: перед ним была голова древнегреческого мудреца. Желтый, будто обтянутый сафьяном, бугристый череп — как у Сократа. Крупный нос придавал широкому, скуластому лицу непреклонно-суровое выражение.

На приветствие Шукурова домла ответил сердечно:

— Спасибо, сынок, спасибо... — Тут же он перевел глубоко запавшие глаза на Тахиру, ласково подергал ее за коротко подстриженные волосы и, будто спохватившись, опять повернулся к гостю: — Прошу вас, товарищ Шукуров, прошу, — и засуетился, засеменял, пропуская гостей в калитку.

Во дворе шофер газика догнал Атакузы:

— Хозяин!

Атакузы круто повернулся:

— Сколько раз тебе говорить... Какой еще «хозяин»!

¹ Домла — ученый человек.

— Виноват, Атакузы-ака,— шофер хлопнул себя по лбу.— Как быть с грузом?

— С грузом?.. Ящик огурцов и ящик помидоров оставишь здесь. Остальное отвези по списку, куда указано. Понял?

Шофер, должно быть, хорошо знал «указанные места». Согласно кивнул, побежал к машине. Атакузы, скрипнув новыми брезентовыми сапогами, повернулся к Шукурову и опять засиял улыбкой.

Посредине большого двора, затененного пологом из виноградных лоз, возвышался многооконный особняк. Воздвигали его некогда с размахом, но давно оставленный без ухода дом обветшал, штукатурка потрескалась и кое-где отвалилась. На айване — открытой террасе — хлопотала маленькая, чистенькая старушка в платке из белоснежной кисеи, одетая в зеленое шелковое платье, из-под которого виднелись крошечные, как ложечки, тапочки — кавуши. Гульсара-ая — так звали старушку — подняла глаза, обведенные черной сурьмой, и, приветствуя гостей, сложила руки на груди. Выждав паузу, обернулась к Тахире:

— Ай, милая, дай хоть посмотрюсь на тебя! Как же я соскучилась, ненаглядная!

Шукуров, все еще чувствуя неловкость, собрался было примоститься где-нибудь в уголке, но Атакузы взглядом остановил его.

— Дядя, я хотел показать уважаемому гостю вашу библиотеку. Можно?

— Пожалуйста, пожалуйста,— разрешил старик.— Веди сам, я сейчас приду...

Просторная, чуть сумрачная комната была вся набита книгами. Резные книжные шкафы и полки подпирали высокий, украшенный старинной резьбой потолок. И книги, всюду книги... Они теснились на полках, лежали на стульях, на столе, громоздились на тумбочках и подоконниках... Книги в новых золоченых переплетах, а рядом тяжелые тома, потемневшие от времени фолианты с арабской вязью на корешках.

Шукуров, не отводя глаз от книг, спросил:

— Ваш дядя, кажется, ученый технического профиля?

— Да. Он из первых ученых-иригаторов... Но, знаете, интеллигент старой школы... Учился в медресе знаменитого Мадихан-ишана в Ташкенте. Потом белый царь не поладил с Германией, и отец дяди, владелец галантерейной лавки в кишлаке, в один год стал бедняком. Ну и сын его, то есть мой дядя, вмиг вылетел из «султанов». Пришлось пойти в мардикеры¹. С фронта возвратился большевиком. В гражданскую тоже воевал. Потом в кишлаке бился насмерть с кулаками и баями. А как поутихло, поехал учиться в Москву... Вернулся инженером — первым инженером-водником в республике.

— Сколько же ему лет?

— Помнится, девяносто шестого года рождения. Выходит, уже семьдесят семь.

— А крепкий еще...

¹ Мардикеры — рабочее ополчение в царских войсках.

— По виду — да. Но возраст свое берет. Однако вот что, пойдете сюда, разговор есть. — Атакузы распахнул двухстворчатую дверь смежной комнаты.

И здесь были книги. Вдоль двух стен от пола до потолка выстроились небольшие картонные коробки, перевязанные белыми тесемками.

— Старик давно собирает книги для молодежи кишлака, — Атакузы сказал это с такой гордостью, будто все книги собрал он сам. — Хочет перевезти свою библиотеку в кишлак, да и сам, думаю, не прочь переехать.

— Можно? — Шукуров развязал тесемки на одной из коробок и вынул пачку книг в новеньких темно-синих переплетах с золотым тиснением. — Навои! Прекрасное издание! — Глаза гостя загорелись. — Надо, надо ему помочь. Он еще работает?

— Работает. Консультант Института водного хозяйства. Год назад проехал на машине от Арала до Оби! Вот вам и возраст. Пойдемте.

Атакузы вернулся в первую комнату и подвел Шукурова к массивному столу на изогнутых ножках. Он был, как скатертью, покрыт начерченной на ватмане огромной картой с трассой будущего канала Обь — Средняя Азия. Склонившись над столом, Шукуров вглядывался в карту. Она была пересечена красными и синими извилистыми линиями, вдоль которых пестрели разноцветные кружки, непонятные знаки. И всюду, начиная от северных рек до самого Аральского моря, по всей трассе торчали, как накрепко вбитые колышки, жирные восклицательные и вопросительные знаки. А рядом паутинным узором вились мелкие записи, затейливая вязь — домла по старой привычке писал арабскими буквами.

— Занимается проблемой переброски сибирских рек в Среднюю Азию?

— Чем только он не занимается! — сказал Атакузы.

— Колоссальная проблема! — Шукуров выпрямился. — Мой тесть тоже работает над этим.

— Вахид Мирабидович? — В уголках губ Атакузы, прикрытых коротким треугольником усов, вспыхнула и тут же погасла усмешка. — О, сейчас многие и говорят и пишут об этом!

— Да. Но... — Шукуров с недоумением посмотрел на Атакузы. — В таком случае зачем же ему ехать в кишлак?

— Ну, книги свои он может писать и там. Так сам мне сказал. Думаю, дело не только в этом. Не со всеми он тут, по-моему, ладит. Характер у старика — дай бог! К тому же одиноки они. Вы же видели, как обрадовались нашему приезду!

— У них никого нет?

— Сейчас нет. Был сын, Джаббар. Погиб в сорок третьем. Может, слышали, Герой Советского Союза...

Атакузы кивнул на фотографию в траурной рамке, висевшую над столом. С фотографии устало смотрел горбоносый, смуглый до черноты парень в офицерских погонах. Слабая улыбка чуть тронула впалые щеки.

— Да, замечательный джигит, — вздохнул Атакузы. — Учился на

третьем курсе железнодорожного института. По уши был влюблен в Фазилатхон... Вы ее видели, клубом у нас заведует. Красавица была в ту пору — не описать!

— Вот как!

— Да, птишка была подходящая!— Атакузы подмигнул.— Как и Джаббар, училась в Ташкенте, я говорю о Фазилатхон. А когда летом приезжали в кишлак, ваш покорный слуга — мне было тринадцать лет — бегал от одного к другому почтальоном... Э, да что там говорить, невероятные творились дела!— Атакузы, взволнованный воспоминаниями юности, смотрел на Шукурова и не видел его.— Есть один большой человек, вы его знаете, Джамал Бурибаев. Тот, что третьего дня приезжал в степь...

— Представитель «Сельхозтехники» из Ташкента?

— Какой там представитель — начальник большого управления! Занимал одно время даже пост заместителя министра водного хозяйства!.. А тогда, в войну, был у нас председателем райисполкома. Джаббар-ака, значит, на фронте, а Фазилатхон вернулась в кишлак... Вы только представьте: такая едва распустившаяся роза.

Шукуров поморщился:

— Все ясно...

— Терпение!— рассмеялся Атакузы.— Самое интересное еще впереди. Джаббар-ака в это самое время получает звание Героя Советского Союза и приезжает в отпуск. Представляете, что было! Стрелял в Бурибаева!.. К счастью, не попал.

Волнение Атакузы передалось и Шукурову:

— Ну? А дальше?

Атакузы раскрыл уже рот, чтобы продолжить рассказ, и вдруг будто спохватился. Наморщил лоб, невнятно забормотал:

— Да, были дела. Пришлось после этого ехать на фронт и Бурибаеву. Да вы еще услышите.

— Ваш Джаббар-ака погиб на фронте?

— Погиб,— вздохнул Атакузы.

— А этот вернулся цел и невредим?

— До самого Берлина дошел. Получил два ранения! Я, конечно, не судьба тому, что было. Должно быть, на фронте проявил себя — вся грудь в орденах.

Шукуров ничего не сказал, рассматривал фотографию в траурной рамке, потом, чуть прищутив большие серые глаза, поглядел на Атакузы:

— А что, этот тоже родственник вам?

— Кто?— не понял Атакузы.

— Да тот самый... Джамал Бурибаев. Вы, помнится, сватом называли его?

— Ах да...— Почувствовав, что сболтнул лишнее, Атакузы внутренне выругал себя.— Дело в том... У него от Фазилатхон осталось двое детей: сын и дочь.

— А что, разве разошлись?

— Давно! Но дети держат связь с отцом. Так вот, дочь наша Тахира подружилась с их сыном Кадырджаном. А старший мой, Хайдар, тот,

что завтра защищает диссертацию, полюбил их дочь Латофат. Что поделаешь! — Атакузы широко развел руками и беспокойно прошелся по комнате. — Ничего не поделаешь!

Латофат... Всего час назад Атакузы видел ее. И сейчас стоит перед глазами. Проезжали мимо университетского скверика, вдруг Тахира, сидевшая сзади, рванулась вперед:

— Дададжан! Остановите машину!

Едва успел Атакузы, сидевший за рулем, притормозить, Тахира тут же соскочила на обочину и с криком «Латофат!» побежала куда-то. По аллее, обсаженной молоденькими тополями, шла Латофат, невеста его сына. Шла не одна. Рядом вышагивал тощий, длинный как жердь, весь какой-то черный мужчина с ворохом взлохмаченных волос.

«Фазилат!» — мелькнуло в голове Атакузы при виде будущей невестки. Так похожа была на свою мать эта девушка с высокой, будто гнездо аиста, прической. Те же шелковисто-черные, прямые брови, огромные, невеселые глаза, та же яркая, бросающаяся чуть округлого смуглого лица. Только одета иначе, не так, как одевалась когда-то ее мать. На Латофат было короткое, не доходящее даже до колен, ситцевое платье, на ногах белые тупоносые туфли. Голые стройные ноги, оголенные до плеч смуглые руки... И потому ли, что она так напоминала молодую Фазилат, а может, потому, что шла рядом с этой жердью, с этим черномазым парнем, Атакузы пронзила давняя, не раз тревожившая его мысль: «Не устроила бы какой-нибудь фокус Хайдару, как мать ее устроила Джаббару-ака!»

И сейчас, вспомнив сегодняшнюю встречу, Атакузы помрачнел лицом.

— Ох уж эта молодежь. В жизни не думал, что случится такое. А тут еще старики. Как они отнесутся к новой родне? Вот и думаю-гадаю, Абрар Шукурович.

Шукуров промолчал. Атакузы наблюдал краем глаза за неожиданно замкнувшимся лицом секретаря. Подумал с досадой: «Э-э, раис, раис, простота! Разболтался хуже базарной бабы. Откуда знать ему, что говорил от души. Пожалуй, подумал: плевать тебе на твоих стариков, на их родительскую боль, рад породниться с большим человеком. Дурья башка! Под пятьдесят уже, а все как юнец лезешь, все открывничаешь!»

Еще не прошло и месяца, как Шукуров приехал в район. И сразу стало понятно: этот сравнительно молодой, немногословный человек — прямая противоположность прежнему секретарю райкома, к которому все давно привыкли. Прежний был прост, сердечен, как говорится, весь на виду. Порой, верно, любил показать свою власть председателям, поставить раисов по стойке «смирно» на бюро райкома, ухарски распечь их. Однако поругает, а вотом и утешит. После бюро садится вместе с председателем, получившим нагоняй, в машину и отправляется в его же колхоз. А там, в саду, где-нибудь у хауза — у прохладного водоема, окруженного раскидистыми чинарами, продолжит беседу. Оно как ведь полезно, в дружеской обстановке за дастарханом! А этот... За весь месяц, правда, еще ни одного раиса не «проработал» на бюро. Но зато ни у кого и не погостевал еще. В колхозах бывал, с людьми

беседовал, но тут же садился в машину и отправлялся восвояси. А там, в садах, на щедро раскинутых дастарханах, у зеркально чистых хаузов, тосковали нераспITYтые пятизвездные коньяки, бляели откормленные для шашлыка бараны. Председатели, привыкшие к манере прежнего секретаря после беспощадной головомойки на бюро продолжать беседу за дастарханом, веселить душу хорошеньким анекдотом, были крайне озабочены непривычным поведением нового начальства. И Атакузы, понятно, не на шутку встревожился вчера, когда Шукуров вызвал его в райком. Тем более что через своих людей знал причину вызова. Один из старых райсов «накапал» в райком: он-де, Атакузы, перехватил несколько машин дефицитных мраморных плит, которые предназначались для строящегося в соседнем колхозе Дворца культуры. Атакузы насторожился. А что, если «новый» отнесется к делу формально? Но все обошлось. Атакузы объяснил: ничего, мол, не перехватил. Добился, чтобы мрамор был предоставлен ему раньше, чем другому рансу, он ведь позарез нужен именно в его кишлак — там воздвигали памятник в честь погибших воинов. И Шукуров проявил понимание, тут же распорядился прекратить дело. Дальше совсем пошло хорошо. Во время разговора выяснилось, что Шукуров приходится зятем известному ученому-воднику Вахиду Мирабидову. А этот домла Вахид — научный руководитель Хайдара, сына Атакузы. Атакузы как раз собирался в Ташкент — послушать, как сын будет защищать свою диссертацию. И Шукуров очень кстати направлялся тоже в Ташкент. Поехали вместе. По дороге выяснилось еще одно приятное обстоятельство: Шукуров, оказывается, читал какую-то книгу дяди и с той поры питал глубокое почтение к домле. Правда, дядя и Вахид Мирабидов не очень-то ладили меж собой. Но Шукуров, видимо, не знал ничего, так что, когда Атакузы предложил познакомить его с дядей, с радостью согласился. Все шло как по маслу. И надо же, разоткровенничался! Свалил в одну кучу нужное и ненужное...

Шукуров наконец оторвал взгляд от карты и обернулся к Атакузы:
— После таких событий старикам должно быть тяжело.

— Да. Но что остается мне делать? Молодые ведь сами нашли друг друга...

Атакузы не успел договорить — открылась дверь и вошел домла.

— Что это ты, Атакузы? Чай ведь совсем остыл! Прошу вас, товарищ Шукуров, прошу к столу...

2

Стол под пологом из высоко поднятых виноградных лоз давно уже был накрыт белой накрахмаленной скатертью. Шумно кипел электрический самовар. Тахира, видно, успела упорхнуть, вокруг стола хлопотала только тетушка Гульсара. При виде гостей она снова приложила руки к груди:

— Проходите, милье, проходите... и ты, Кузуджан¹... Как пожива-

¹ Кузуджан — ласкательное от «Атакузы».

ет моя невестка Алияхон? А мои маленькие верблюжата? Я так соскучилась по ним, так соскучилась...

— Раз соскучились, давайте махнем к нам!— сказал Атакузы.— Если дядюшка откладывает свой отъезд в кишлак, пусть остается один или пусть ищет себе другую старушку!

Гульсара-ая, мягко улыбаясь, взглянула на своего старика. Видно было, ей тоже хочется ответить шуткой, но голос ее дрогнул:

— Как же я оставлю бедного моего старика? Теперь уж, видать, суждено нам до гроба быть вместе...

В словах старушки, в печальном взгляде ее обведенных сурьмой глаз, в ее личике, напоминающем круглую иссохшую лепешку, сквозили и самоотреченная преданность, и затаенная боль. Так бывает у людей, если долго прожили вместе и объединяет их одна большая беда.

Шукуров поспешил повернуть разговор в другое русло.

— Замечательные книги у вас собраны,— обратился он к домле.— Кстати, когда я работал в Каршинских степях, мне однажды попалась ваша книга об освоении Голодной степи. Меня поразила одна деталь.

— Ну-ну...

— Неужели знаменитый декрет Ленина об освоении Мирзачуля¹ оставался неизвестным до тридцать седьмого года?

— Да, это было именно так.

— И вы нашли этот документ?

— Что значит «нашел»? Декрет, разумеется, существовал, был напечатан. Но по каким-то причинам не входил в то время в собрание сочинений Ильича. И надо сказать, не отыщешь этот декрет... положение вашего почорного слуги было бы плачевно.

— Как так?

— А так... нашлись люди, которые хотели выглядеть самими, ну, что ли, преданными. Норовили навесить на ученых, выступавших за освоение Мирзачуля, всякие ярлыки. И выходило, что эти самые ученые чуть ли не враги советской власти...

Шукуров весь подался вперед:

— Вот что!

— Сейчас, наверно, это покажется просто неправдоподобным. Но попробуйте перелистать газеты предвоенных лет. Многое поймете. В одной из них и про меня есть. Собственными глазами можете прочитать.

— У вас сохранилась эта статья?

— Нет! — голос домлы неожиданно зазвучал сурово и гордо.— У меня нет привычки хранить всякие кляузы!

Атакузы, знавший, в кого метит домла, заерзал на стуле.

Шукуров, почему-то бледнея, тихо спросил:

— И сейчас еще живы эти самые... «преданные»?

— Живы...— Едкая улыбка искривила губы старика.— Вот он знает одного...

Шукуров быстро взглянул на Атакузы. Тот опустил глаза.

¹ Мирзачуль — Голодная степь.

— Ну к чему сейчас об этом? Говорят же: прошлым делам — забвение.

— А ты что думаешь, я собираюсь ворошить это прошлое? Товарищ Шукуров спросил, я и ответил. И только.— Домла, насупив редкие седые брови, метнул взгляд на притихшую старушку.— Иди носи обед!— И к Шукурову:— Раз вы интересуетесь книгами, пожалуй, могу дать вам одну. Хотелось бы, чтобы вы, как партийный работник, прочитали. Книга о проблеме химизации. Острейшая проблема дня.

— Совершенно верно, это всех сейчас волнует,— оживился Шукуров.

— Всех, говорите? Вот мой племянник — председатель знаменитого колхоза, а как он смотрит на эти вещи, не знаю...

И опять дядя больно задел Атакузы. Может, потому особенно больно, что заявил это при новом секретаре.

— Эта проблема в тысячу раз сложнее, чем вы себе здесь представляете!— попытался отбиться раис и, заметив испытующий взгляд Шукурова, невольно отвел глаза.

— А кто сказал, что эта проблема простая? Потому все и хлопочут, что она сложная!— старик дрожащими пальцами разгладил скатерть и встал.— Так посмотрим книгу, товарищ Шукуров?

— Да, да!— заторопился тот.— Кстати, я видел вашу карту переброски сибирских рек и кое-что хотел спросить...

В усталых глазах старика, оплетенных мельчайшей паутиной морщинок, заиграли насмешливые огоньки.

— Карта эта не моя. Вот вопросительные знаки — мои!

Домла и Шукуров, предупредительно уступая друг другу дорогу, пошли в дом.

Атакузы не тронулся с места, сидел у дастархана, покручивая в руке пиалу с остывшим чаем. Он был недоволен собой. И что сегодня с ним случилось? Что ни скажет — все невпопад. Хочет навести брови, а выбит глаз. И старик тоже хорош! Надо ему — иронизирует, язвит. А ведь впереди такой серьезный разговор! Прежде всего надо переговорить с дядей о завтрашней защите. Тоже ведь задача! Научный руководитель Хайдара как раз и есть тот самый, как выразился дядя, «преданный». Верно, Вахид Мирабидов когда-то обвинял, «разоблачал» дядю. Но ведь сколько времени утекло. Интересно, как старик смотрит на эту историю? Не выкинул бы завтра чего-нибудь. Если этот разговор пройдет спокойно, Атакузы закинет удочку и насчет предстоящей свадьбы. А если нет?..

Из летней кухни вышла Гульсара-ая:

— Все готово. Подавать на стол?

— Подождем, пусть они выйдут. Присядьте, отдохните...

Гульсара-ая бесшумно подошла к столу и, сложив ладошки на дастархане, подняла кротко-грустные глаза на Атакузы:

— На защиту Хайдарджана приехал?

— А кто сказал про защиту? Тахира?

— Хайдарджан сам приходил...

Атакузы облегченно вздохнул.

— А дядя что?

Тетушка Гульсара опустила глаза, под зеленым шелковым платьем чуть заметно приподнялась и опала ее плоская грудь.

— Что дядя?.. Вы же знаете характер своего дяди, Кузыджан!

«И когда только наступит конец этой дурацкой стариковской вражде?— помрачнел Атакузы.— Не пострадал бы Хайдарджан из-за их распри».

Да, Атакузы хорошо знает характер дяди. Там, где старик считал себя правым, никого никогда не щадил.

С той самой поры, как Хайдар стал учеником Мирабидова, домла Нормурад заметно охладил к нему, да и сам Хайдар редко теперь заглядывает в этот дом. Эта холодность — болезненное место Атакузы. А все потому, что любит он старика, несмотря на все его странности и чудачества, на всю резкость характера. Да и дядя — Атакузы это знал наверняка — тоже любит своего внучатого племянника. Любить-то он любит...

Атакузы поморщился и разом осушил остывшую пиалу чая.

— Не понимаю дядю! Неужели он из-за этого... Мирабидова подведет Хайдара?

Пиала в сухих пальцах старушки мелко задрожала.

— И я вашему дядюшке то же самое твержу. Но вы же знаете...

— Знаю!— Атакузы до боли стиснул зубы.— Вот и думаю все — как быть?

Голова в белом сиянии низко склонилась.

— Кузыджан, что я могу поделать? Устала повторять вашему дядюшке: и в радости, и в лихие дни он один у нас — Кузыджан, только он, говорю, и заботится о нас! И его хотите вы обидеть. Останемся на старости лет одни, всеми покинутые...— Плечи старушки затряслись, она тихо заплакала.

Атакузы растерялся:

— Видит аллах, я не в обиде на вас, дорогая тетушка, но что остается делать мне? Ведь говорят же: недруг, отзывчивый на доброту, лучше того, кто в тебя по дружбе плюет.

Атакузы придвинулся к Гульсаре-ая, обнял ее худые, как у мальчика, плечи. Сказать или не сказать о свадьбе?

Обычно трудные вопросы он предварительно «согласовывал» с теткой и лишь после того, как она подготавливала старика, говорил с ним. Но как заикнуться о сватовстве? Чтобы ненавистные старикам Фазилатхон и Бурибаев вдруг стали им родней! Тут не только перед дядей — и перед старушкой не посмеешь открыть рта.

— У меня нет секретов от вас, тетушка,— начал Атакузы.

— Знаю, милый.

— Вы уже слышали?

— Разве в наше время что-нибудь укроется, Кузыджан?

— И что же дядя, как он?

— А что он? Чего скрывать? Расшевелили давнее...— Взгляд старухи засветился печалью, как одинокий огонек ночью в степи.— Ах, пусть остается с нами наша боль. Не вернется же наш Джаббарджан оттого, что не состоится свадьба. Пусть идет все, как идет... Да ниспошлет аллах счастье молодым!

И такая боль, такая горечь слышались в ее словах, что Атакузы не рад был, что начал этот разговор. Удивительное дело: в то время как в каждом слове, в тихом, срывающемся голосе прорывался стон ее души, мягкий взгляд проливал на Атакузы поток любви. И только теперь, в эти минуты, почувствовал он по-настоящему, каким непомерным грузом лягут на стариков эти будущие двойные узы родства.

— Что же делать? Молодежь,— попытался было оправдаться, но слова застряли у него в горле.

И в это время в дверях показались дядя и Шукуров.

3

В руках Шукуров нес целую кипу книг. Оба — и он и домла — стали еще любезнее и предупредительнее друг с другом. Должно быть, в библиотеке постояли минуту-другую над картой, поговорили и о переброске сибирских рек,— усаживаясь за стол, старик метал теперь стрелы в тех, с позволения сказать, ученых, как он выразился, которые в угоду моде ухватились за эту проблему и, не помышляя о глубоком, всестороннем изучении, вдруг сделались ее ярыми пропагандистами. Затем вернулись к книге, за которой пошли в библиотеку, заговорили о вреде ядохимикатов в хлопководстве, о расширении площадей под садами, о том, как важно сохранить в чистоте родники и реки. Нормурад Шамурадов называл новые книги о биологической борьбе с вредителями, объяснял, убеждал — говорил громко, возбужденно. Шукуров не отрывал от него влюбленных глаз и на все согласно кивал.

«Хочет понравиться,— не без раздражения подумал Атакузы.— Оно легко здесь, за столом, разливаясь соловьем в защиту природы, слушать песни о биологических способах! А не сегодня завтра, как подопрет беда, нагрянет совка, не задумаешься — сам прикажешь: «Сыпьте, сыпьте ядохимикаты!» Прикажешь ты, а виноваты будем опять-таки мы!»

В воздухе сладко и остро запахло жареным мясом, приправленным луком, перцем и пряностями.— Гульсара-ая несла на поднятых руках целое блюдо жареной баранины. Разговор оборвался.

После угощения Шукуров стал прощаться. Домла не задерживал его. Забыв о своем почтенном возрасте и учености, пошел вместе с Атакузы проводить гостя до ворот. Всегда он так: покажется старику, что ты с ним подозрительно любезен,— тут же осадит, не пожалеет. А сам — если кто понравится — пластом готов стелиться.

Шли обратно через двор. Атакузы с тревогой думал о предстоящем разговоре.

Как только уселись за стол, дядя повел свою речь; усмехнулся краешком губ и сказал не без подковырки:

— Опять приволок целую гору винограда и овощей? Собираешься умаслить кого-нибудь?

Называется, дал передышку!

— А что делать? Не подмажешь — не поедешь!

— Это кто же так говорит?

— Дядя, дорогой!— взмолился Атакузы.— Не будем об этом! Во-первых, все из моего собственного сада. Во-вторых, будь это и колхозное добро — для нашего колхоза машина фруктов и гроша ломаного не стоит.

— Гроша не стоит, а вот попадешься однажды... Как подумаю иной раз об этом, ночами не сплю!

Раздражение Атакузы как ветром сдуло. Услышал такие слова старика, и на душе вмиг потеплело.

— Попадусь — надеюсь, поймут. Не для себя старался. Вы даже не представляете, какое громадное хозяйство на моих плечах, сколько забот!

Домла устало махнул рукой:

— Ну, делай как знаешь...

— Дядя, дорогой, не обижайтесь!— сказал Атакузы примирительно.— Сколько уже раз говорили мы с вами. Лучше ответьте — прочитали вы работу Хайдара? Он, кажется, приходил к вам?

— Да, приходил...— Нормурад Шамурадов погладил бугристую темя, глубоко вздохнул.— Знаешь что, мой дорогой, не ввязывай ты меня в это дело!

Только что слова дяди так согрели Атакузы — и вот уже минутной оттепели как не бывало. Чувство горчайшей обиды схватило за горло. Да, да, ему теперь понятно все! Из-за застарелой ненависти к этому Вахиду Мирабидову дядя готов предать — кого?— своего родного джигана... А он, Атакузы, еще жалел несчастного одинокого старика. Бедняга, мол, ни детей, ни близких не осталось — забыт, не обласкан судьбой. И вот, пожалуйста: ничего не видит, все гнет свою правду! Спасибо! Понимать такую правду Атакузы отказывается.

Не сказал, процедил сквозь зубы:

— Стало быть, отворачиваетесь от Хайдара?

Домла Шамурадов устало махнул рукой:

— Говорю же, оставь, ну оставь меня в покое...

— Вы думаете, может, что я ничего не понимаю?

— А что ты понимаешь?

Тяжело опираясь руками о стол, Атакузы поднялся и всем корпусом наклонился вперед:

— А вот что я понимаю: обиду на Ису вымещаете на Мусе! Кому ставите палки в колеса! Из-за чего! Из-за вашего старого соперничества с Вахидом Мирабидовым! Вот где зарыта собака!

— Хватит, не будем об этом,— простонал домла.— Соперничество!— повторил он и, оторвав взгляд от горящих гневом глаз племянника, обхватил голову руками.

Так всегда: лишь речь заходила о Вахиде Мирабидове, об этом развеселом, компанейском человеке с неизменно сияющей улыбкой набитого золотом рта,— перед глазами вставала все та же давняя статья в республиканской газете. Броский, набранный крупным шрифтом заголовок: «Невежество или злой умысел?»

Вот уже более тридцати лет минуло с тех пор, но стоит только намекнуть на давнее дело, и перед взором домлы Шамурадова уже пляшут огненно-черные буквы.

Возможно ли освоение Мирзачуля?— так автор ставил вопрос. И тут же отвечал категорическим: «Нет! Прожектерство! Утопия!» А начальник Управления водного хозяйства Народного комиссариата земледелия Нормурад Шамурадов, который считал освоение Голодной степи возможным, выставлялся как ученый-невежда и даже как скрытый недруг советской власти. Но самое ужасное было то, что под статьей стояла подпись главного инженера этого же управления Вахида Мирабидова.

До сих пор памятен этот день. Сложными были предвоенные годы, ох сложными. В то утро Нормурад ни о чем еще не знал. Просидев ночь над докладом народного комиссара о строительстве Большого Ферганского канала, он пришел на работу чуть позже обычного. Пришел — и сразу почувствовал: что-то не так. Коллеги, прежде любезно раскланивавшиеся, теперь шарахались в сторону, будто сам провозвестник смерти Азраил заступал им дорогу. Сотрудники управления, подчиненные Нормурада, встретили его мрачным, каменно-гробовым молчанием.

Заныло в груди от недоброго предчувствия, молча прошел он в свой кабинет. На столе, на зеленом сукне, лежала развернутая газета. Еще не садясь, охватил взглядом черный заголовок — и опустился, нет — упал в кресло.

Пробежал глазами статью, занимавшую чуть ли не полполосы, и понял: да, конечно, острее ее направлено против него, Нормурада Шамурадова. Это он в своей книге поднял разговор о засоленных землях Голодной степи, бесплодных, веками пустующих. Он утверждал, что эту проклятую родом человеческим целину можно освоить, можно превратить в поля и сады. И все это автор статьи называл невежеством, прожектерством. Кто способен выдвинуть такую идею?— спрашивал он и отвечал: только человек, далекий от экономических расчетов, полный невежда, или же... классовый враг, вознамерившийся нанести непоправимый ущерб экономике страны! Доказательства? Какие еще нужны доказательства? Мирзачуль освоить нельзя — это истина, не требующая доказательств! Во все века нога людская обходила стороной эту жуткую, безжизненную, пустынную степь — вот это и есть высшее доказательство. А тот факт, что руководитель крупного управления наркомата Нормурад Шамурадов ссылается на попытки царского правительства освоить Мирзачуль,— это лишний раз говорит о несостоятельности его предложений!

Вот в чем обвиняли Нормурада Шамурадова. И кто? Главный инженер, всегда предупредительный молодой красавец с неизменно благосклонной улыбкой.

В тот день, с того самого номера газеты, где была опубликована статья Вахида Мирабидова, жизнь Нормурада перевернулась вверх дном. Бесконечные собрания, обсуждения, статьи, отмежевание коллег. И наконец — уволен... Вначале Нормурад пытался еще защищать себя, свою книгу. Но вскоре убедился — попытки его ни к чему не приведут. Умолк.

Прошел месяц — без работы. Нормурад отправил в кишлак Гульсару с сыном. Сам задержался в городе — ждал решения партийного

бюро. Останется ли он в партии?.. Однажды вечером вдруг зазвонил телефон. Как жутко звенит телефон после месячного молчания...

Нормурад схватился за грудь от неожиданности. Книга, которую читал, упала на пол. Осторожно, будто к змее, протянул руку к трубке. Она сейчас же завибрировала высоким, взволнованным голосом:

— Кто это? Нормурад? Это я, Мухамаджан!..

Мухамаджан был давний друг Нормурада. В то время он учился в Москве, в Институте красной профессуры.

— Мухамаджан? Когда приехал?

— Сегодня, сейчас! — Мухамаджан почему-то сильно волновался, было слышно, как прерывисто дышит в трубку. — Я только что с поезда. Говорю с вокзала. Все знаю. Прочитал эту дурацкую статью! Еще в Москве! Ты вот что, не бойся! Слышишь меня? Не бойся. На твоей стороне сам Ленин...

— Знаю, — сказал Нормурад. — Правда на моей стороне.

— Да помолчи! Я тебе не вообще говорю. Точно: есть ленинский декрет о Мирзачуле...

— Какой декрет?

— Декрет об освоении Мирзачуля! Еще в восемнадцатом, в самые тяжелые годы, для этого дела намечалось выделить пятьдесят миллионов рублей. Золотом!

Нормурад задохнулся от нетерпения:

— В ленинских томах этот документ есть?

— В том-то и дело, не вошел, оказывается, в прежние издания. Обнаружили недавно. Я привез тебе один перепечатанный экземпляр! Ты слышишь? Привез перепечатанную копию!

Нормурад, не в силах сказать и слова, привалился к стене.

— Нормурад! Почему ты молчишь?

— Голова! — едва слышно проговорил Нормурад. — Держишь в руках такой документ, подпись самого Ленина! Чего же ты сидишь на вокзале! Мчись же сюда, верблюд безмозглый!

Всю ночь Нормурад читал и перечитывал эту бумагу. Еле дождался следующего дня. Помчался с документом сначала в наркомат. За полчаса до начала бюро выложил копию декрета на стол секретаря райкома. Вот эта-то птица счастья, неожиданно прилетевшая из рук Ленина, и спасла его.

Родной племянник называется! Нашел что придумать — домла соперничает с Вахидом Мирабидовым! С этим Вахидом, который сверкает золотом прямо в лицо! Домла считает ниже своего достоинства даже напомнить этому болтуну о прошлых его делах. А кто и захотел бы напомнить — все равно ничего не выйдет. Случилось невероятное — тот самый Мирабидов, что некогда так категорически припечатал свое «нет» Мирзачулю, сегодня он — доктор наук и получил эту степень, разрабатывая проблемы освоения Голодной степи!

Десятки статей написал, так же рьяно утверждая то, что прежде клеймил. Интересный случай вышел на его защите: кто-то — не Нормурад, конечно, нет, кто-то из старых ученых-иригаторов — напомнил Мирабидову о той давней его статье. Вахид Мирабидов и тут не растерялся. Закатил такую страстную саморазоблачительную речь, так

поносил себя за верхоглядство, за поспешность — не жалея сил на самого себя лил потоки грязи. Нормурада же Шамурадова, наоборот, превознес за дальновидность и прозорливость, так высоко поставил как ученого, что стало даже неловко. Домла Шамурадов давно махнул рукой на этого сладкоголового соловья.

Но упрекать его, Нормурада, этим презренным словом «соперничество»!..

Домла разжал руки, поднял голову. Атакузы не было на месте. Он снимал пиджак, висевший на ветке яблони, — видно, собрался уходить.

— Подожди! Ты же не дослушал меня...

— А чего мне слушать? — Замкнутое лицо Атакузы еще больше потемнело, угрожающе заиграли желваки. — Я знаю, что легло между вами. Он сам мне рассказал. Но обстоятельства ведь какие были...

— Обстоятельства?

— А вы будто не помните? Это же было сложное предвоенное время...

— Вот оно что! — Бугристая, обрамленная белым пушком голова Нормурада Шамурадова мгновенно сделалась пергаментно-бурой. — Это же привычка всех подонков — сваливать свои подлости на обстоятельства, на время! А что, если какой-нибудь мерзавец наврет на тебя три короба, и ты упадешь... А потом свалит все на обстоятельства!.. Как ты на такое посмотришь, хотел бы я знать, дорогой мой племянник?

— Я?

— Да, ты! Впрочем, ты, кажется, сам многие свои дела привык оправдывать обстоятельствами! Слышал я, собираешься будто бы породниться с этим... с Джамалом Бурибаевым? Тоже, наверно, обстоятельства?

Атакузы, никак не попадая в рукава пиджака, вплотную подошел к столу. В яростно горящих глазах блеснула усмешка.

— Вы бы хоть посмотрели на мою будущую невестку!

— Достаточно насмотрелся на ее мать. И, если хочешь знать, даже бабушку твоей невестки все еще помню! Младшую жену знаменитого торгаша Кудрат-ходжи.

— Ах, дядя, дядя! — вздохнул Атакузы, будто не домла был перед ним, а несмышленное дитя. Устало опустился на стул. — Вот вы — мудрый человек, вы — домла, а не хотите понять простую вещь: молодежь знать не хочет о старых передрыгах. Разве я не понимаю, как больно вам! Но что мне делать, мой сын...

— Вот именно — твой сын! — перебил старик с горечью. — Ты думаешь, мне безразлична его судьба, его работа? А ты сам хоть знаешь, что он плетет в своей диссертации под мудрым руководством своего наставника?

— Проповедует идеи насилия и убийства?

— Хватит чепуху городить! — прикрикнул домла. — Он призывает вторично использовать воды, накопленные в коллекторах после промывки засоленных земель! Использовать рассол для полива! Понимаешь ты хоть это?

— Так-так...

— Утверждает, что можно употреблять воды, засоленность которых доходит до пяти граммов на литр! Ты же сам осваиваешь новые земли в степях. Скажи-ка, что будет с такой землей через десять лет, если...

— А вы думаете, сейчас не используют такие воды?

— Да, используют! Приходится! Но утверждать такое в диссертации, оправдывать высоким авторитетом науки!.. Это же преступление! — голос домлы сорвался с грубоватого баса на неестественно тонкий фальцет. — И все это идет от него, от твоего закадычного. Ему сегодня выгодно это. Потому как много еще руководителей, живущих лишь сегодняшним днем! Таких же, как и этот, с позволения сказать, доктор наук. Сегодня он ломится в передовые, а что будет завтра — плевать. Вот зародилась идея переброски сибирских рек в наши края. И он уже бьет в барабан! Книгу успел написать. А как отразится переброска рек на климате, на всей природе края? Изучить, взвесить все «за» и «против», подумать о подготовке к этому делу наших земель — некогда. Потом будем каяться, произносить саморазоблачительные речи! А твой сын, с ним что станет?..

— Вот что, дядя, мне сейчас не до сибирских рек! — заговорил неестественно спокойно Атакузы. — Своего отношения к домле Вахиду я не изменю. Он, по крайней мере, знает цену дружбе! А вот вы, — Атакузы рывком поднялся и тут же увидел тетушку Гульсару.

Старушка стояла в дверях летней кухни, бледнее белого платка на ее голове. Она, должно быть, слышала их перепалку — ужас застыл в глазах, голова мелко тряслась.

— Если вы, — Атакузы угрожающе выпучил глаза, — вместо того чтобы помочь, будете совать палки в колеса... тогда лучше забудем, что вы мой дядя, а я ваш племянник!

Нормулад Шамурадов с силой ударил кулаком по столу:

— Кто сует палки в колеса твоему сыну, глупец?

— Я понял все, благодарю вас! — не слушая, грохотал Атакузы. — Раз дело дошло до такого... Пропaday наше родство! Не будем друг друга знать: ни в жизни, ни в смерти, ни в радости, ни в беде.

Атакузы с треском порвал подкладку, попал наконец в рукава, натянул пиджак и зашагал к воротам. У ворот его догнало отчаянное:

— Кузыджан! Родной мой, погоди!..

Атакузы не остановился, даже не обернулся, с силой пнув сапогом калитку, пулей вылетел на улицу.

Калитка, грохнув, захлопнулась, Нормурад-ата с опаской оглянулся. Гульсара-ая как села на ступеньки при последних словах племянника, так и осталась сидеть. Насурьмленные глаза смотрели жалобно, была в них тихая скорбь — как в глазах безнадежно больных людей. Она съежилась в маленький комок, возьми в пригоршню — вся уместится.

Домла Шамурадов, не выдержав, отвел глаза, медленно поднялся со стула. Остановил его дрожащий голос:

— О домладжан! Зачем вы так? Один только человек хоть справ-

лялся о нашем житье-бытье... И того оттолкнули. Остались теперь одинокие в этом проклятом доме...

Нормурад-ата стоял, воинственно набычив упрямый лоб. Он не хотел, боялся встретить тоскливо-скорбный взгляд жены.

И всегда она была такой. Добрая, отзывчивая, всей душой тянулась к его родичам, к близким. О муже своем заботилась как о ребенке, любила и почитала. Но никогда не могла понять ни труда его, ни замыслов. Семья и родные — вот что главное для нее в жизни. Но что тут скажешь? Если раньше не успел ее переделать...

— Перестань, старуха! — сказал с болью. — Не суйся, ради аллаха, туда, где ничего не смыслишь!

— Я и правда не смыслю. А вы, вы во всем смыслите, и что же вы натворили. Соблюдаете свой п р и н с и п... — старушка словно проглотила с трудом что-то горькое. — Держите этот свой п р и н с и п и потеряли всех родных...

— Да прекратишь ты или нет! Хватит! — От удара кулаком по столу чуть не подскочил самовар. Старуха уколола в самое больное место. — Я уже говорил тебе — оставь мои принципы в покое! Ты же не понимаешь, они — он и его сын — пошли не по той дороге, вот что мучит меня, не дает спать, а ты... — домла сипло задышал.

Гульсара-ая не проронила ни звука. Она комочком сжалась на ступеньках, уткнув подбородок в колени.

Нормурад Шамурадов, тяжело топя, словно желая пробить землю, пошел к дому. Поднялся на айван, открыл уже дверь, и в этот момент сзади послышался тот же раздирающий душу голос:

— Все люди поступают неправильно, только вы один правильный! Если так, кто же придет в наш смертный день, кто похоронит нас?

Старик резко обернулся:

— Не волнуйся! Помрешь ты раньше — сам позабочусь, похороню. А когда я... Если уж без этих племянничков мое тело некому будет предать земле, пусть останется непогребенным.

Домла с шумом захлопнул дверь и без сил прислонился к стене. Он уже корил себя. Как у него вырвались эти жестокие слова? Старушка и без того вечно носит при себе свою боль. А сегодня переполнилась душа, вот и выплеснула каплю. Если бы Джаббар был жив... Каждый раз, когда кто-нибудь несправедливо обходился с Гульсарой, обижал, это «если бы», он знал точно, горело в ней новой болью. Да и с ним бывает то же самое.

Нормурад прошел в библиотеку, подкрался к окну.

Гульсара-ая все еще сидела на ступеньке, белоснежный кисейный платок сбился набок, открылись редкие пепельно-седые волосы. Судорожно вздрагивали худые, острые плечи. Она плакала.

И вдруг словно холодом повеяло. А что, если он не прав? Что, если и впрямь отстал от жизни, не понимает того, что понимают они — его племянник и этот ученый ловкач? Но нет... Он тут же отбросил эту мысль. Беспринципность и нечестность всегда и во все времена были и остаются беспринципностью и нечестностью. И все же, все же... Не слишком ли долго носит он обиду?

Ничто так не облегчает душу, как окончание большой работы. Труд готов. Передан на суд знатоков. И пусть судьба его еще не определена, но — с плеч долой груз, давивший долгие годы! Именно это чувство легкости и радости владело в последние недели Хайдаром.

Месяц назад поставил он последнюю точку. Работу просмотрел научный руководитель Вахид Мирабидов, официальные и неофициальные оппоненты, потом автореферат был разослан в научно-исследовательские и проектные институты, в вузы, в министерства сельского и водного хозяйства. И вот наконец Хайдар мог вздохнуть. Только теперь и понял, как доконала его эта диссертация. Разослав автореферат, на второй же день махнул в кишлак. Впервые за много лет погулял с друзьями в горах. Вернулся освеженный, набравшись сил. Теперь осталась только защита. Но тут Хайдар был спокоен: все пройдет успешно — это он знал наверняка.

Час назад из кишлака приехал отец. Был он необычно мрачен. Едва поздоровался, тут же к телефону — звонить Вахиду Мирабидову. И пока тот не приехал — ни слова с сыном. Встревоженный Хайдар только и слышал: «Министерство строительства?», «Мелиорация?..» Положит трубку, побарабанит по ней черными пальцами и опять: «Министерство сельского хозяйства?», «Госплан?», «Трест?»

Иногда разговор прерывался ненатурально громким смехом отца: «Да будет вам! Что значит для председателя-миллионера ящик фруктов? Видит аллах — из собственного сада! Перестаньте, обижусь на всю жизнь!»

Наконец явился Мирабидов; как всегда, на круглом лице его светилась радость. Отец сразу же заперся с ним в спальне.

Хайдар взволновался не на шутку: уж не случилось ли что-нибудь непредвиденное? Но вскоре они вышли, оба довольные друг другом. Хайдара отослали в его комнату — пусть готовится к завтрашнему выступлению, а сами повели речь о весьма существенном и приятном — не о защите, а о связанной с ней художественной, как выразился отец, части. Вахид Мирабидов, то и дело хохоча, сдерживал отца: нет, стол надо накрыть поскромнее... Ах эти раисы! Сейчас не одобряются пышные торжества... Члены ученого совета хотя и не прочь, конечно, погулять на таком банкете, но не имеют права... Отец возражал:

— Это уж предоставьте мне, уважаемый домла! Как же это так — мой первенец становится кандидатом наук, и чтобы я, председатель прославленного колхоза-миллионера, не обмыл это дело как надо? Пусть члены вашего совета не ходят на банкеты других кандидатов, но уж на нашем торжестве обязательно должны быть! Не беспокойтесь: ваш директор сам приведет их всех. А вы будете тамадой!

— Bravo! Bravo! — кричал Вахид Мирабидов на весь дом. — Вот это хватка! А насчет должности тамады — ничего не поделаешь, раз уж мы послужили вашему сыну на ниве познания, придется послужить и в художественной части!

Хайдару нравились и льстивые слова Мирабидова, и чуть грубоватые шутки отца, и споры о том, в каком ресторане устраивать банкет и кого пригласить. Отложив в сторону текст своего выступления, он прислушивался к веселому разговору в соседней комнате и сам каждый раз невольно присоединялся к доносившемуся из-за двери смеху.

Хайдар любил отца, гордился им. В любых случаях отец умеет быть твердым, в работе забывает себя. Даже его ухарские замашки нравились сыну. Во всем хотелось быть похожим на отца. И конечно, он уже ясно видел и славу и власть раиса-миллионера. Ведь и впрямь не сыщешь таких дел, чтобы были не по плечу отцу!

Несколько лет назад отец сказал: «Кончишь институт, устрою в аспирантуру». И устроил. И еще сказал: «Руководителем твоим будет самый авторитетный ученый». И добился своего! Обещал достать квартиру для сына и для Тахиры в городе — слово сдержал. А теперь говорит: как женишься, эта квартира останется тебе, а Тахире, когда понадобится, достанем другую. Выполнит и это обещание! Хорошо сейчас Хайдару! Лишь одно... Одно-единственное тревожит: Латофат! Отец годом раньше предупредил: «До каких пор будешь ходить бобылем? Запомни: через месяц, как защитишь диссертацию, сыграем свадьбу!» Теперь вплетается еще и свадьба сестры. Отец задумал оба тоя устроить за один раз, вместе. Тахира, сестра Хайдара, и братец Латофат, Кадырджан, нашли общий язык. Сейчас Кадырджан работает старшим инженером в управлении у своего отца Джамала Бурibaева, в «Сельхозтехнике». Тахира — единственная дочь в семье. Отец души в ней не чает. Кадырджана почему-то недолюбливает. И если решил выдать ее за него, то делает это исключительно ради Хайдара. Хочет надежней скрепить предстоящий союз сына с Латофатом. А Латофат...

Что-то случилось с ней в последнее время. Что именно, Хайдар не знает, но чует сердце — что-то происходит!..

Хайдар резко отодвинул стопку бумаг на столе, встал и, сунув руки в карманы брюк, подошел к окну.

Небольшой тенистый двор, стесненный многоэтажными домами, был полон детьми. Две девочки раскачивались на качелях, привязанных к длинному суку огромной ярко-зеленой шелковицы. Они взлетали высоко, до балконов третьего этажа, и с визгом летели вниз, к земле. А у арыка стоял бритоголовый мальчуган лет четырнадцати и влюбленно смотрел на девочек, на их парашютом надутые платья...

Хайдара позабавили и расплывшееся в улыбке лицо мальчика, и визжащие от восторга девочки. Давнее, сладчайшее воспоминание затуманило голову.

Лет пять назад, перед сессией, в начале лета, он приехал в кишлак. Ночью долго веселился с друзьями детства в саду под старым тутовым деревом. Хорошо выпили, посудачили о кишлачных девушках, посмеялись вдосталь. Там же под деревом и заснул под утро на застланном одеялами помосте. Его разбудил треск ломающихся веток и отчаянный крик сестры:

— Ой, дададжан! Латофат!..

Хайдар как был, в трусах, вскочил на ноги и увидел: атласное платье Тахиры алым стягом полыхало где-то в поднебесье, у самой вершины старого, могучего дерева, а прямо над Хайдаром, в трех-четыре метра от земли... висела, крепко схватившись руками за ветку, девушка в ярко-цветастом шелковом платье... И первое, что бросилось в глаза и сладко обожгло, — оголенные, длинные, со ссадинами в нескольких местах, стройные ноги — белые, не тронутые солнцем на бедрах.

Это было так неожиданно и так жгуче откровенно, что Хайдар задохнулся от горячей волны, подступившей к горлу.

— Прыгай! — он протянул руки.

Девушка испуганно взглянула вниз, торопливо оторвала одну руку от ветки, потянулась к задремавшему подолу и... с тихим вскриком упала в объятия Хайдара. Каждой клеткой своей он ощутил молодое, трепещущее тело, увидел близко-близко испуганные, неправдоподобно черные зрачки ее больших глаз, чистую, нежную смуглость лица и, не помня себя, принялся целовать ее губы, царапины на шее и на плечах. Девушка, казалось, поддалась его необузданной ласке, на миг вся прильнула к нему. И тут, как нарочно, раздалось неуместное глупое «вай!» спрыгнувшей на землю Тахиры. Девушка, упершись коленками в его живот, резко рванулась, выскользнула и бросилась в гранатовые кусты за шелковицей.

Это и была Латофат. Красавица Латофат, о которой в ту ночь толковали кишлачные джигиты. Хайдар и раньше видел ее, когда приезжал на каникулы. Но никак не думал, что за год-другой она может так расцвести.

Весь день Хайдар ходил ошарашенный. Стоило на миг остаться одному и закрыть глаза, как снова всем существом ощущал ее молодое, трепетное тело, видел нежную, бархатную черноту бровей и ресниц. Томился, места себе не мог найти. Да что говорить о былых временах, даже вот сейчас, в эту минуту, только вспомнил тот поцелуй — случайный дар судьбы — и снова обожгло, места себе не находит.

Хайдар отвернулся от окна, но сестра за стол теперь он просто не мог.

Да, что-то стряслось с Латофат в последнее время. И глаза совсем стали другие, огромные глаза, что так смотрели на Хайдара в то счастливое утро. Теперь при встрече с ним становятся холодными, чужими. Скрытная стала, что-то есть у нее на уме. Что-то есть...

Из соседней комнаты донесся возбужденный голос отца:

— Все! Эта ваша защита уже сидит у меня вот где! Дай бог сыну выйти целым и невредимым из этой кутерьмы — через неделю закачу два тоя.

Хайдар улынулся. Отцовское «закачу два тоя» прогнало его тревогу. Поистине, нет таких дел, чтобы отец не уладил. Лишь бы он был жив и здоров, все остальное обойдется...

— Тахира! Покушать г а т о п, моя сладкая? — снова раздался довольный голос отца.

И опять улыбнулся Хайдар: «гатоп» — слабость отца, любит, если хорошее настроение, вставить в речь русское слово.

— Гатоп, дададжан! — голосок Тахиры звенел радостно, и Хайдар понял: на кухне, кроме Тахиры, был и Кадырджан.

— Несите сюда!

Пол сотрясся от тяжелой, твердой поступи, дверь комнаты Хайдара широко распахнулась.

На пороге стоял Атакузы: ноги расставлены, руки — в бока, новая, с необмятыми швами, черная тюбетейка победно сдвинута на лоб. На смугло-коричневом, поблескивающем, как медь, возбужденном лице разлито довольство. Он смотрел на сына, отцовская гордость так и выпирала из него. И во всем его облике — в уверенной осанке, в жилистой, сильной фигуре, в хмельных, лихорадочно блестящих глазах — неумная сила, вера в себя.

— Хватит! Кончай свои доклады-поклады! Отдохни, сил наберись перед завтрашним сражением! Правда, твой домла уверяет — диплом у тебя в кармане. Спасибо за ваши труды, домла. Вот вы действительно огулбола.— Атакузы подошел к сидящему Вахиду Мирабидову и побратски обнял его.

И «огул-бола» — настоящий мужчина — расцвел самой яркой из своих золотых улыбок. Мирабидов подмигнул Хайдару. Видно, продолжая разговор, который вели в гостиной, сказал:

— Не расстраивайтесь из-за вашего дяди. Он старый человек, и взгляды его... как бы это сказать?... несколько отстали...

— Эти взгляды у меня вот где сидят!..— Атакузы показал на затылок.

— Ладно уж, будем великодушными, дорогой! Вспомним, сколько бед перенес Нормурад Шамурадов! Простим ему заблуждения. По правде сказать, мне его жаль!

Сияние на круглом румянном лице затянула тучка печали. Домла Мирабидов чуть наклонил голову с розовыми просветами в редящих пепельно-серых волосах — предался на миг думам. Ростом он доходил всего лишь до плеч Атакузы и заметно начал полнеть, однако живота не отрастил и казался просто плотным, крепким мужчиной. Одежда молодила его: модная, хорошо сидящая голубая тенниска, тщательно отутюженные брюки с острыми, как лезвия, складками. И совсем уж по-молодецки — яркий розовый галстук на шее.

— Да, друзья, не обижайтесь на старика. Нормураду Шамурадовичу пришлось нелегко в жизни...— повторил Мирабидов.

— Это конечно... Вот только...— лицо Атакузы горько сморщилось.— Он же дядя мне, а ведет себя хуже чужого.

— Не надо, отец! — Хайдар, под стать своему руководителю, степенно склонил голову.— Не будем обижаться на старика...

Хайдар и сам мог бы помнить обиду. Неделю назад заходил к старику, а ушел от него как в воду опущенный. Но сейчас... Не хотелось вспоминать о неприятностях. Да и в самом деле, старик сейчас казался таким беспомощным и жалким. А Вахид Мирабидович — как благородно, осторожно погасил он обиду отца!

— Идет! — сказал Атакузы. — Не будем портить настроение в такой день. Тахира! Где же твой хваленый плов?

— Иду, иду, дададжан! — Тахира вошла, неся целое блюдо мелко нарезанных огурцов и помидоров. Ее гладкие, ровно подрезанные волосы мягко рассыпались по белой шее, на порозовевшем лице играли ямочки, и оно походило на круглую румяную лепешечку, только что вынутую из тандыра. Тахира была явно взволнована, возбуждена. Видно чувствуя сама, как покраснелась, не зная, куда деть сияющие счастьем глаза.

Вслед за Тахирой появился долговязый, весь красный от жары Кадырджан, он нес на вытянутых руках огромное блюдо с горой розового, дымящегося плова. Комната наполнилась острым и пряным ароматом жареного лука, перца, чеснока и мяса. В узких, по-кошачьи зеленоватых глазах Кадырджана, в резко выступающих скулах таилась торжествующая улыбка. Почувяв причину его довольства, Атакузы метнул сердитый взгляд на дочь. Но сели за стол, и тосты один за другим рассеяли понемногу тучу. Пили за завтрашнее торжество, за профессора Мирабидова, его зятя Шукурова, прекрасного человека и талантливого, как выразился Атакузы, руководителя. Подобрел, Атакузы познакомил Вахида Мирабидова с Кадырджаном и даже поднял бокал в честь предстоящей «двойной свадьбы». Тут уж и Кадырджан не остался в долгу. Забавно шевеля кончиком крючковатого носа, предложил тост за его лучшего друга Хайдара, достойного сына Атакузы-ака. Кто еще, если не Атакузы-ака, мог вывести отсталое хозяйство в миллионеры. Он, Хайдар, достойный сын и Алияхон-апа, чьей любовью и заботой выпестована эта чудесная семья.

Хайдар знал, что его будущий родич Кадырджан ловкий шайтан, но никак не предполагал за ним такого таланта. Ну и дипломат! В одном тосте сумел объять необъятное — возвеличил столько людей, упомянул при этом и своего отца Джамала Бурибаева... Отец, по его словам, будет безгранично рад породниться с такой семьей.

Вахид Мирабидов до этого не очень-то замечал Кадырджана, а тут с места привстал и, чокаясь с Атакузы, полушутя воскликнул:

— О, выходит, и с этой стороны порядок — священный союз со старым другом! Хотя и бывший, но все же замминистра!

Атакузы шлепнул по столу большой, смуглой до черноты ладонью, тоже полушутя ответил:

— Пусть этим гордится ваш бывший заместитель министра, пусть радуется, ведь становится родичем не кого-нибудь — самого Атакузы Умара-оглы!..

Тахира, засмушавшись, побежала на кухню. За ней вслед рванулся было и Кадырджан. Атакузы не выдержал — рыкнул:

— Что это вы так цепляетесь за подол, уважаемый зятек! — Медно-красное лицо его окаменело. — Простите нас, но джигит должен быть джигитом, соблюдайте достоинство. Сыграйте сначала той! Оформите все законно, тогда и увивайтесь себе вокруг жены сколько захочется! Правильно я говорю, домла?

Вахид Мирабидов попытался свернуть разговор на шутку:

— Разве вы бываете не правы, дорогой? Но молодежь...

— Я ничего не имею против молодежи, домла! Пусть влюбляются и веселятся! Но выходить за рамки приличий — это нет! Вы уж извините нас, стариков, Кадырбек. Мы не скрываем, что думаем, так-то лучше — открыто.

Кадырджан как ни в чем не бывало проглотил укор будущего тестя:

— Нет, нет, что вы, дададжан! Не из-за чего нам обижаться...

— Ладно, с этим — точка! — Атакузы еще раз поднес свой бокал к бокалу Вахида Мирабидова: — За вашу славу! — Выпил и внезапно встал: угощение закончено.

Встал и Хайдар — собрался было проводить своего руководителя. Атакузы властно остановил:

— Занимайся своим делом. Домлу отвезет Кадырбек!

Гости ушли. Атакузы стоял посреди комнаты, заложив руки за спину. Верный признак: отец чем-то недоволен.

— Этот парень... — чеканя каждое слово, начал он, — переходит всякие границы. Я говорю про будущего зятя. Не слишком ли бесстыдно милуется с твоей сестрой.

Хайдар смутился.

— А что я могу сделать? Ваша дочь...

— Моя дочь, верно, но тебе она сестра! Почему до сих пор не подкрутил им хвоста? Подумаешь, сын Бурибаева! Если бы не его сестра, без которой ты, кажется, жить не можешь, мне бы и в голову никогда не пришло, чтобы мою дочь — этому... паршивому козлу... А у тебя самого, кстати, как дела?

— Мои дела... Домла же сказал, все будет в порядке...

— Не о тех, не о тех делах речь! — нетерпеливо перебил Атакузы. — Говорю о делах на твоём... личном фронте! Что-то ты тормозишь, а?.. Будем играть свадьбу или нет?

Хайдар развел руками:

— Я даже не знаю...

— А что ты знаешь? — Атакузы представил себе утреннюю встречу: Латофат, а рядом совсем незнакомый мужчина — и крепко сжал кулаки. — Тряпка! Уж не позволил ли кому отбить ее? Что молчишь?

— Да ничего с ней не случилось.

— Не случилось? Так почему ее брат отирается здесь, а сестры не видно? У тебя же завтра защита! Где твоя невеста?.. Могла бы и прийти помочь, раз у вас заведено так!

Хайдар побледнел. Слова отца хлестнули его.

— Она тоже недавно защищала диплом. У нее своих дел по горло...

— Дел по горло? А может, что другое случилось? — Атакузы весь ошетинился, уставил свои глаза прямо в глаза сына.

Он втайне гордился им. Хайдар был очень похож на него: высокий рост, медно-смуглое продолговатое лицо, красивый, с горбинкой нос — будто копия Атакузы! Было! Был похож! А сейчас? Округлился, даже брюшко как будто начало наливаться! И лицо не нравится — хоть и чуть-чуть, но уже лоснится от жира. А главное — сын его,

Атакузы, будущий кандидат наук, не может уломать какую-то девицу! В свое время Атакузы предупреждал: ведь Латофат — точная копия матери, той молодой Фазилатхон, а народ не зря говорит: «Когда выбираешь ткань, смотри на кромку; выбирая дочь, смотри на мать». Отговаривал сына, убеждал — нет, не послушался, уперся... Ну уперся, так действуй же! А он тянет, волочит за ней впустую! Атакузы вконец обозлился:

— Ах вон что? Она тоже, значит, защищала диплом? А может, не в дипломе дело, может...

— Ладно, отец, — Хайдар пошел к двери. — Как-нибудь уладится...

— Нет! — Атакузы одним шагом заступил ему дорогу. — Меня не устраивают эти бабьи слова! Я объявил — в этом году играем двойную свадьбу! А теперь из-за твоего слюнтяйства слова не сдержу! Не будет такого! Не можешь уговорить, так я сам...

— Что?! — неожиданно громко крикнул Хайдар. Вот теперь он был похож на отца вполне и кулаки сжал с гневом, так же, как отец. — Это вам не ваши колхозные дела!

Смуглое лицо Атакузы внезапно посветлело, он довольно заулыбался, глаза тепло смотрели на сына.

— Вот это мужской разговор. Иди бери машину и — айда к ней. Но помни: отступлению не бывать! И вообще пусть завтра приходит на защиту и на банкет. Пусть помогает! Все!

2

В странном состоянии вышел от домлы Шукуров. Сначала, когда Нормурад обрушился на ученых-верхоглядов, которые вместо научного подхода к сложнейшим проблемам решают их, подчиняясь утилитарным задачам, Шукурову показалось, будто домла имеет в виду его тестя Вахида Мирабидова. Он слышал о каком-то их застарелом споре. И когда же кончится эта бессмысленная распря? Но домла говорит так горячо, с такой силой убежденности и с такой прямоотой, что Шукуров постепенно склонился на его позиции. А затем рассказ об этой злосчастной статье!.. Больше всего Шукурова поразила боль в голосе старика. Этой боли поверил он вполне.

Да и старушка долго еще не выходила из головы. Маленькая, чистенькая старушка с печальными глазами.

У Шукурова в Ташкенте были две задачи: забрать жену и детей — они уже с полмесяца гостили в доме тестя — и еще побывать в целом ряде министерств, как говорится, «выбить» из них минеральные удобрения и строительные материалы для района. Эти дела не входят в его прямые обязанности. Но что поделаешь? Очень уж много обещаний начальству надавал бывший секретарь. Не учел возможностей района. И теперь стоит Шукурову заговорить с любым из райсов, как тот, подобно голодному птенцу, широко разевает клюв — требует: «Удобрения, удобрения». А заведешь речь о благоустройстве, райсы тут же наперебой: «Лес, цемент, кирпич!»

По дороге в Ташкент Шукуров наметил первым делом зайти в «Узсельхозтехнику», направился было туда, да вспомнил, что при-

дется обращаться к Джамалу Бурибаеву, и отложил: видно, подействовал рассказ Атакузы, не хотелось сейчас встречаться с этим человеком. Он тут же и посмеялся сам над собой, но «хождение» свое начал с Госплана.

На собственном опыте Шукуров знал, как трудно вершить дела в столице. Но у него был козырь: район, куда он приехал работать, упирался в бескрайние степи, а там организовывались новые целинные совхозы. Вот он и нажимал на слово «целина». Благодаря гипнотической силе этого слова его без очереди приняли и в Госплане, и в министерствах сельского строительства и водного хозяйства. Правда, просьбы удовлетворяли не всегда, но принимали неплохо.

Шукуров вышел из Министерства сельского строительства. Стрелки часов приближались к пяти. Он только что звонил председателю «Сельхозтехники», но тот, сославшись на какое-то совещание, назначил свидание на семь. Образовалось «окно» — целых два часа. Теперь наконец можно завернуть к своим.

Еще издали Шукуров увидел двусторчатые голубые ворота гаража и застекленную веранду — балахану над ними. Подъехал ближе — у ворот стояла знакомая белая «Волга».

«И раис уже здесь!» — подумал он. В этот момент раскрылась калитка, из нее вышел, отряхивая пыль с одежды, шофер Атакузы, а за ним — сам Вахид Мирабидов.

Шофер кивнул Шукурову и тут же укатил. Тесть, рассиявшись золотом рта, раскрыл объятия:

— Сын мой Абрарджан! Наконец! С утра ждем вас — слух дошел, что приехали в наши края. Где это вы пропадаете?

Вахид Мирабидов был чем-то взволнован — больше, чем обычно, сиял, громче говорил, но в остальном подтянут, как всегда, и одет с иголочки.

Расцеловал зятя, обдав запахом коньяка.

— Махбуба! Ханум! Где вы? — крикнул в калитку. — Гость долгожданый пожаловал! Карнаи, сурнаи громче! Зурны! Пусть играют зурны!

В дверях дома показалась белоликая, вся круглая, пышная Назокат-биби. Легкая, подвижная, хоть ей уже пятьдесят, быстро засеменила к зятю, обняла за плечи.

— Разве можно так? Заставили себя ждать, милый зятек!

— А где же Махбуба? — снова крикнул Вахид Мирабидов.

Назокат-биби кокетливо приподняла тонкие ниточки бровей.

— Махбуба не выйдет. В обиде она на вашего зятя! Целую неделю ждет уже, никак не дождется...

-- Кончай критику! Не забывай — зятя почитал сам пророк!

Шукуров шел между тестем и тещей, осыпаемый их развеселой трескотней, и невольно заулыбался.

Посредине просторного двора зеркалом сверкал выложенный белым кафелем большой водоем с фонтаном. Справа над водой хауза возвышался на высоком цоколе бело-голубой аккуратный дом. Казалось, он только что отстроен, так свеж и ярк был облицовочный кирпич стен. По левую руку, опять же над хаузом, красовалась простор-

ная летняя терраса. У воды пышно цвели розы, аккуратно подрезанная виноградная лоза обвивала террасу. Все блестело чистотой, порядком, ухоженностью.

Шукуров еще у калитки заметил несколько ящиков с крупными желто-золотистыми абрикосами, виноградом и мелкими, будто подобранными один к другому — особый сорт! — огурцами.

«Успел раис!» — промелькнуло в голове, и в это мгновение он увидел Махбубу — она стояла, свежая, похорошевшая, на ступеньках бело-голубого дома.

Тоненькие, как у матери, брови чуть приподняты, большие серые глаза, подведенные нежными синими тенями, кокетливо сощурены. Казалось, Махбуба не в Ташкенте гостила, а отдыхала на курорте.

— Махбуба! Дочь моя! Встречай супруга. А вы, ханум, займитесь угощением! — И Вахид Мирабидов, словно боясь помешать свиданию влюбленных, с подчеркнутым тактом взял под руку Назокат-биби и повернул ее к летней кухне — за террасу.

Шукуров от всей этой суеты чувствовал себя неловко.

— Здравствуй, Махбуба! — подошел к жене.

Махбуба спрятала за спину белые оголенные руки с длинными ярко-красными ногтями...

— Нет, нет, не хочу здороваться с вами.

— В чем же вина вашего покорного слуги? — Шукуров шутливо склонил голову.

— Он еще спрашивает! Целая вечность прошла, а ваше сиятельство не соизволили хотя бы раз поинтересоваться, что с вашей женой!

— Я вижу, жена неплохо чувствовала себя здесь и без супруга! — Шукуров скользнул взглядом по ее новому снежно-белому платью из кримплены, по новым, тоже белым, лакированным туфлям и вдруг почувствовал: в душе шевельнулось что-то похожее на ревность. Так с ним почти всегда бывало, когда Махбуба гостила у родителей.

— И в самом деле! — засмеялась Махбуба. — У нас сегодня бал. Сейчас придут подружки. Между прочим, есть очень даже премиленькие! Хотите, познакомлю?

В ее шутке была и вера в себя, и намек: «Я вас ни к кому не ревную!» И эта ее самоуверенность неприятно задела Шукурова. Он хотел уже ответить в ее тоне: «Ну что ж, с удовольствием!» — но тут на террасе зазвонил телефон, послышался голос тестя, говорившего с кем-то, потом тесть закричал: «Сюда давайте, сюда!» — и Шукуров понял: зовут его.

Вахид Мирабидов сидел за столом. Перед ним на огромном — не обхватить рукой! — бледно-голубом обливном блюде высоко возвышалась пирамида из золотисто-желтых абрикосов, а с тарелок манили тонко нарезанные свежесрезанные ломтики помидоров и огурчики — несомненно из ящиков Атакузы.

Вахид Мирабидов пригласил зятя сесть рядом и подал пиалу чая.

— Друг мой звонил, Атакузы... Вы, я слышал, уже познакомились с ним, Аббарджан? Это хорошо! Замечательный человек. К тому же один из могущественных раисов вашего района! — Мирабидов строго

и значительно округлил глаза.— Я, помнится, говорил вам — мы с ним давние друзья! Завтра его сын защищается. Он, естественно, волнуется. Я только что от него, а он уже звонит. В ресторан приглашает, в «Гулистан». Между прочим, будут большие, деловые люди. Съездим?

«Большие люди». Слова эти напомнили Шукурову разговор, который только что состоялся в Министерстве сельского строительства. Принял его сам министр. Любезно принял, но так же любезно и отказал в помощи. По словам министра выходило — район исчерпал все выделенные фонды стройматериалов. Шукуров засомневался, попросил показать документы. И, проглядывая бумаги, несколько раз наткнулся на фамилию Атакузы. Оказалось, раис урвал львиную долю материалов, выделенных району. Помогли ему письма, подписанные секретарем обкома по сельскому хозяйству Бекмурадом Халмурадовым. «Большие люди»...

В первую же неделю, как прибыл в район, Шукуров побывал в колхозе «Ленин юлы»¹ — в колхозе Атакузы. Осмотрел новый поселок. Слава о красоте и благоустройстве этого поселка гремела по всей республике. И вот увидел собственными глазами, и то, что увидел, превзошло все его ожидания. Шукуров тогда же от души поздравил председателя-миллионера. А потом пришла жалоба на Атакузы от старого раиса: будто бы перехватил у него дефицитные мраморные плиты. Атакузы привел тогда доводы достаточно веские, но не тот ли самый новый поселок сыграл главную роль, когда он, Шукуров, распорядился «закрыть» жалобу. А пожалуй, надо было разобраться...

Шукуров помрачнел.

— Спасибо, я не смогу,— ответил тестю.— Мне еще в «Сельхозтехнику».

— Тем более надо ехать в ресторан! — рассмеялся Вахид Мирабидов.— Туда непременно придет и Джамал Бурибаев, а он один из столпов этой самой «Сельхозтехники». Вот случай познакомиться с ним — пригодится. Человек с головой. Недаром Атакузы хочет породниться с ним...

— Да, да... Атакузы-ака рассказывал о нем. Поразительная история...

— Какая же?

— Что-то там произошло во время войны между этим... Джамамом Бурибаевым и сыном домлы Шамурадова. Раис говорил как-то неопределенно.

— А-а... Вы об этом! С кем не бывает в молодости! — Вахид Мирабидов украдкой метнул взгляд в сторону летней кухни и заговорщически подмигнул зятю.— Жила там в кишлаке девушка неопишуемой будто бы красоты. Ну, сын этого самого... моего закадычного друга Нормурада Шамурадова любил ее. Да уехал на фронт. Появляется Джамал Бурибаев — молодой, горячий, собой видный. Ну и... не устояла... Вы же знаете женщин... Нагрязнул этот самый парень. Да еще со звездой на груди. Другой махнул бы рукой. Мало на свете красивых

¹ «Ленин юлы» — «Ленинский путь».

девушек? А этот, видно, был такой же гордец, что и папаша, — полез, понимаете, в драку! Даже стрелял, говорят, в Бурибаева. Не попал, к счастью!

Шукуров занялся разливанием чая — неловко было смотреть на возбужденно-раскрасневшееся лицо Вахида Мирабидова. Рассказ тестя неприятно удивил его. Даже не столько сам рассказ, сколько ужимки, тон Мирабидова и то, как маслянисто блестели его глаза. А как он отозвался о сыне Шамурадова! Шукурову вспомнилась прямая, откровенная речь домлы Нормурада и кроткие, печальные глаза его жены. Слова тестя показались мелкими, недостойными. Шукуров чуть было прямо и не выложил ему это. Но осекся. Он же гость в этом так приветливо встретившем его доме. Но почему-то даже счастливый смех жены, доносившийся до него, покорибил. Запала в душу та же грусть, что окутала дом старика Шамурадова. А здесь — здесь с избытком всего: и достатка, и веселья. Сам тесть цветет, задает всему тон. Какая разница между той, меченной бедами, семьей и этой — счастливой и беззаботной. И еще было что-то, в чем Шукуров не мог разобраться, но что говорило о скрытой несправедливости судьбы.

Вахид Мирабидов стукнул пиалой о стол, поставил ее верх дном — кончил чаепитие! — испытующе глянул на зятя.

— Вы, я слышал, были у моего друга...— при слове «друг» он широко осклабился и сделал паузу,— у Нормурада Шамурадова?

— Да, заходил вместе с Атакузы-ака.

— Ну и о чем же беседовали?

— О разном,— Шукурову не хотелось продолжать этот разговор.— В основном о проблемах экологии. Домла, оказывается, очень интересуется этими вопросами...

Вахид Мирабидов состроил кислую мину:

— Чем только этот домла не интересуется! Слышал я, даже пишет книгу о горной арче. Утверждает, будто стоит покрыть все горы Средней Азии арчей, как было в древности, и проблема воды решится сама собой! И переброской сибирских рек ни к чему заниматься. Ну разве не дилетантство!

И была в словах Мирабидова такая неожиданная неприязнь, таким железом зазвучал обычно мягкий голос, что Шукурова вдруг осенило: «Не его ли имел в виду домла, когда говорил об авторе чуть не сгубившей его статьи?»

Эта догадка была неприятна, Шукуров попытался быстрее отмахнуться от нее.

— Я видел у него карту предполагаемой трассы будущего канала...

— Ну и что?

— Работает над ней, всюду понаставил вопросы и восклицательные знаки, заметки.

— Вот-вот! — нервно рассмеялся Вахид Мирабидов.— Вопросительные знаки! Он только и знает, что ставит их везде. Как говорится, один дурак может задать столько вопросов, что и сто мудрецов не

ответят. Между прочим, прочли вы мою книгу о переброске сибирских рек в Среднюю Азию?

— А она уже вышла?

— Вышла! О ней уже говорят! — Раздражение мигом покинуло Мирабидова, и круглое, розовое лицо его засияло почти детской радостью, счастьем. — Пойдемте, пойдемте, дорогой! Сейчас я подарю вам ее с автографом!

3

Кабинет Мирабидова просторный, очень светлый, огромные окна распахнуты в тихую, малолюдную улицу. Как и кабинет домлы Нормурадова, уставлен книжными шкафами. Первое, что бросилось сейчас в глаза Шукурову, когда он вслед за тестем вошел сюда, — огромная, закрывшая полстены карта. Такая же самая, что лежит на столе у домлы Шамурадова, с теми же красными и синими четкими линиями, струящимися сверху вниз — от зеленых лесов до желтых песков, окруживших синь Аральского моря. Однако здесь не было ни вопросительных, ни восклицательных знаков, ни мелкой арабской вязи на полях. Прямо на карте висел двухструнный дутар из коричневого урюкового дерева, искусно инкрустированный слоновой костью. Шукуров знал: тесть часто берет его в руки. Виртуоз. Но как не вязалась эта затейливо украшенная игрушка с проблемной картой! Шукуров невольно улыбнулся.

Вахид Мирабидов прошел к старинному квадратному столу меж окон, заваленному ворохом папок и рукописей. Взял из высокой стопки одну не слишком толстую, но и не тонкую книгу в твердом, черном переплете. Молча, все с той же улыбкой показал ее и, не садясь, настроил надпись. Был он в этот миг внушительен, исполнен достоинства.

— Вот. Надеюсь, будет время перелистать! — и удовлетворенно опустил в глубокое вертящееся кресло. С мягкой улыбкой выжидающе посмотрел на зятя.

Книга называлась «Жажда и надежда древней земли». На первой странице крупным, небрежно-размашистым почерком тесть начертал:

«Дорогому сыну моему Абрарджану с надеждой, что и вы, и ваши дети, мои любимые внуки, увидят претворенными в жизнь идеи, заключенные в этом скромном труде».

Шукуров с детства привык смотреть на книгу как на чудо. Люди, творящие это чудо, всегда казались ему особенными, он невольно склонялся перед ними. И сейчас, держа в руке книгу, да еще с такой надписью, Шукуров почувствовал внезапную теплоту.

— Спасибо, дада! Новых творческих удач вам!

— Благодарю, сынок! — Вахид Мирабидов задорно крутанулся в кресле и спросил: — А все же что наговорил вам мой друг по поводу этой проблемы? — он показал пальцем на книгу.

Шукуров украдкой взглянул на часы — оставалось еще минут тридцать до семи — и присел на кожаный диван.

— Да ничего особенного...

— Но все же?

— Помнится, говорил, что необходимо глубоко изучить возможные последствия переброски рек. Тревожится: что станет с окружающей средой на севере, на юге...

— Общие слова! Чтобы сказать такое — не надо быть большим мудрецом. Еще?

Шукуров озадаченно потер лоб.

— Ну, словом, он считает, что спешить здесь нельзя. Что это тот случай, когда надо семь раз отмерить...

— Обычные доводы перестраховщика! — Вахид Мирабидов, как мяч, подпрыгнул, вскочил с кресла, сунул руки в карманы брюк, выставил по-петушину грудь, пробежался по кабинету. — Есть, есть еще у нас такие горе-ученые. К сожалению. Узколовые! Никакой фантазии! Ни капли смелости! Не говоря уже о масштабном государственном подходе к большим, научным проблемам. Как чеховский «человек в футляре»: как бы чего не вышло! А чего требует от нас жизнь? Дерзновенных мыслей, смелости. Даже, если хотите, риска!

Шукуров, водя глазами, следил за воинственно-петушиными пробежками тестя, с интересом слушал его страстные тирады и вдруг поймал себя на мысли: тесть начинает ему нравиться. Смутная тревога, что легла на душу, когда беседовали на терраске, улетучилась. По всему видно, подозрения были скороспелыми. Шукурову захотелось, чтобы Вахид Мирабидович еще логичнее утвердил свою мысль.

— Да, вот еще что говорил домла: до переброски сибирских рек надо обновить всю оросительную систему Средней Азии. Говорит, если привести в порядок имеющуюся сеть каналов, у нас окажутся большие резервы...

— «Большие резервы!» — передразнил Вахид Мирабидов. Пришурив загоревшиеся глаза, он накинулся на Абрара Шукуровича, будто перед ним на диване сидел не зять, а сам Нормурад Шамурадов. — А о таких подсчетах он вам не говорил? Используй хоть все родники, даже растопи ледники Тянь-Шаня — к восемьдесят пятому, максимум к девяностому году все равно исчерпаются все возможности освоения новых земель! С учетом даже всех построенных и строящихся водохранилищ и каналов мы сможем освоить еще миллион, от силы полтора миллиона гектаров. А потом? Что потом? Полный застой экономического развития! Вот что наступит потом. И это при наличии огромного запаса — многих миллионов га плодороднейших земель. А как с ростом населения? Растем ведь невиданными темпами! Тоже немаловажный фактор. Понятно вам, почему надо приступить к осуществлению этой идеи? А все мелкие споры, сомнения лучше всего немедленно, сейчас отбросить. И без того на составление реальных проектов и на строительство самого канала, даже с учетом мощи современной техники, уйдет не менее пятнадцати лет! Говорил он вам об этом или нет? — наскакивал на зятя Вахид Мирабидов.

Шукуров засмеялся:

— Мне же не по чину вести с ним такую дискуссию!

Домла замер перед зятем и тоже вдруг захохотал:

— Забылся, кричу, будто передо мной сидите не вы, Абрарджан, а сам Нормурад Шамурадов, мой старый любезный друг!.. А знаете, почему так горячусь? — Мирабидов погрузился так же внезапно, как и развеселился. — Умеет, умеет он пыль в глаза пускать. Послушать моего друга — нет ученого более честного, принципиального, чем он! И представьте себе, находится кое-кто, поддаются его краснобайству! И не только несведущие в тонкостях науки... А впрочем, мне его жаль. И знаете, хватит о нем, поставим точку. Вижу, вы поглядываете на часы. Значит, не будете в ресторане?

— Спасибо, не могу.

— Я тоже, наверно, не буду. Посижу подумаю о завтрашней защите. Хоть мне и необязательно держать большую речь, все же хочу высказаться по некоторым спорным вопросам. Да и этот мудрец, пожалуй, может выкинуть номер.

— Так я пойду... — сказал Шукуров.

— Да, да, только вот... Что-то хотел я вам сказать? — тень напряженно сжал губы. — Да, вот что, Абрарджан. Вы молоды, а стали руководителем большого района. Хочу дать вам маленький совет. Знаете, как говорится, что неведомо ангелу, ведомо старости. Учтите: такие люди, как Атакузы, вам очень пригодятся! Надеюсь, тень еще не легла между вами? И не должна лечь. — заявил тень решительно. — Вы честный, прямой человек, Абрарджан. Я это знаю и ценю. Но не спешите, когда перед вами такие люди, как Атакузы. Подумайте, прежде чем идти на обострение... Атакузы — мой друг, а вы мне сын родной! Запомните: люди, подобные Атакузы, способны на все. Человек он неплохой, замечательный организатор, при этом по-настоящему любит свое дело, но, если что ляжет ему поперек дороги, ни перед чем не остановится. Запомните это! А вы молоды, вам еще расти и расти, сын мой!

Шукуров молчал. Он уже при первой встрече понял силу Атакузы. Вся же мера его могущества почувствовал сегодня. Куда бы ни заходил — везде протянулись незримо нити его связей. Там, в области, — секретарь обкома Бекмурад Халмурадов; здесь Джамал Бурибаев, в министерствах, в институтах, в управлениях — всюду свои люди. Такой человек и впрямь, если что, ни перед чем не остановится...

В глубине души зашевелилось что-то похожее на тревогу. Шукуров резко встал. «Обострение? Наоборот, я уже прикрываю его!» — хотел отмахнуться шуткой, но, пожалуй, обидишь тестя. Ведь от души говорил старикан, добра желал.

Зять и тень вышли на веранду и невольно остановились. Во дворе, на голубой террасе, где недавно они сидели, собрались молодые женщины. Они стояли колеблющейся толпой, ритмично хлопали в ладоши, а в центре под легкие вскрики магнитофона танцевала Махбуба. Плавно неся белые округлые руки, покачивая бедрами, она легко плыла по тесному кругу. Махбуба чуть-чуть начинала полнеть, но это даже шло ей, высокий рост скрадывал намечавшуюся тяжеловатость. Вахид Мирабидов почувствовал отцовскую гордость, по-

веселел, не заметил, как сам начал пританцовывать. Но тут из боковой комнаты вышла Назокат-биби и страшно округлила глаза:

— Идите, идите к себе, спугнете девушек! — Как колобок подкатилась и лодким движением подтолкнула мужа к двери. А зятя пригласила: — Может, посидите с гостями?

— И рад бы посидеть, да дела! — Шукуров виновато улыбнулся и поспешил проститься с тестем и тещей.

Вахид Мирабидов поплелся обратно в кабинет, нехотя опустился в свое любимое вертящееся кресло. Он был доволен собой: удачно поговорил с зятем. Видать, произвел на него впечатление. Доволен был и дочерью, и ее гостями на голубой терраске. О, были бы сейчас там, на терраске, его сверстники и их жены, взял бы Вахид в руки дутар, ударил бы по струнам, распотешил бы компанию! О работе не хотелось думать. Да и к чему? Все и без того будет как надо. В голову пришла шальная мысль: как-то там их величество Нормурад Шамурадов, пожалуй завтра на защиту? Не собираются ли чего отколоть по старой привычке, покрасоваться своей знаменитой принципиальностью? «А, пусть приходит! — усмехнулся Мирабидов. — Пусть выступает против. Очень будет хорошо. Пусть вывернется наизнанку перед своими родичами!» Вахид Мирабидов почувствовал, что к сражению он готов.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Латофат в общежитии не было. В вестибюле сидела толстая, краснощекая вахтерша и тянула из пиалы чай, посасывая леденец. Хайдар обратился к ней и тотчас же пожалел.

— Спрашиваете про девушку из восьмидесят шестой? Какая из них? А, красавица недотрога, все парни за которой бегают! Отправилась с этим, как его... с преподавателем. Может, знаете, такой хиленький, черномазый.

Хайдар бросился на улицу, вахтерша успела ввернуть вдогонку:

— Просто удивляюсь! При таком джигите-беркуте мотаться с этим занкой!..

Солнце уже село. И хотя еще было светло, площадь вокруг огромного цветника с потрескивающим фонтаном посредине и утонувшие в листе улицы, днем многолюдные, почти опустели. Лишь на чугунных крашеных скамейках под сенью деревьев сидели парочки, слышался тихий говор, негромкий смех...

Хайдар зашагал к цветнику рядом с общежитием. Плотно сжал губы. Нет, он, конечно, не ревнует Латофат. Да и не такая она. Легкомыслие и ветреность ей вовсе не свойственны. Могла бы даже быть чуточку шаловливее, веселее.

В компаниях Хайдар не раз встречал девушек, которые приехали в город из далеких кишлаков. К ним очень подходило выражение: вырвались. Действительно, вырвавшись из-под строгой опеки роди-

телей, они очертя голову бросились в вихрь городской жизни. Как необузданный поток — прорвал плотину и летит себе, не разбирая пути. Однажды Хайдара не на шутку увлек один такой поток. Подумывал даже порвать с Латофат — устал от ее странностей. Но узел оказался слишком тугим. Скрутила их вместе непонятная сила — не разорвать.

Отец вот посчитал его размазней. Находит, что Хайдар робок с прекрасным полом. Какое там «робок»? Раньше скольким кружил, бывало, голову. А вот встретился с Латофат, и что-то приключилось с ним. Прямо болезнь какая-то.

Этот хилый занка, о котором говорила вахтерша, — ну что может в нем найти Латофат? Конечно, кандидат наук, но ведь мужчине за тридцать. Занимается на биофаке какими-то насекомыми, паутинными клещами. Мечтатель-дервиш! И надо же, вскружил голову ей высокими речами, теперь она жить не может без его букашек-мукашек — уму непостижимо!

Хайдар понимал: эти букашки — предмет их науки, и уж наверно там могут быть интересные находки. Но этот кандидат вон куда загнул — сумел придать их работе некий романтический ореол. Труд их будто бы имеет всемирное значение! Вот какой подход! И ведь не сбить спесь с этого дервиша. Заикнуться даже нельзя, не то что открыть ей всю беспочвенность его хвастовства. Латофат терпеть не может шуток на его счет. Забудешься, ляпнешь — побледнеет, замолчит, и не вытнешь из нее больше ни слова.

В молодежном кафе за общежитием вздыхал и постанывал джаз. Хайдар прислушался. Модная в последнее время песня «Ялия-яли»... Она напоминала недавний неприятный случай. Произошло все в этом же кафе, в день защиты диплома Латофат.

Собрались не только подружки и друзья-однокурсники Латофат. Пришли и ее брат Кадырджан, и Хайдар, и Тахира. И — что было для Латофат неожиданностью — пришел ее отец Джамал Бурибаев. Латофат ведь так и не помирилась с отцом, вела себя с ним отчужденно.

После защиты направились «обмывать» в это самое кафе, откуда сейчас доносится мерное постукивание джаза.

Когда компания шумно подошла к кафе, оттуда выпорхнула... нынешняя супруга Джамала Бурибаева: в руках цветы, на лице улыбка. Но, видно, не легко этой сравнительно молодой, холеной женщине давалась улыбка. Лицо ее как бы застыло, а букет, предназначенный падчерице, слегка дрожал в руке. С заледеневшей улыбкой женщина приблизилась к Латофат и нерешительно подставила губы для поцелуя. Только что смеявшаяся Латофат побледнела. Протянутые маечхой цветы взяла, но подставленных губ не поцеловала, прошла мимо нее в кафе. Маечеха так и осталась стоять в неловкой позе, с протянутыми для поцелуя губами. Опомившись, жалобно заморгала, подняла глаза на мужа. Джамал Бурибаев сделал вид, будто ничего не случилось, взял жену под руку, повел к столикам. Но торжество уже дало трещину. Даже залихватский танец, предпринятый Тахирой и Кадырджаном, чтобы сгладить «инцидент», не смог развеять

холод. Мачеха выждала для приличия немного времени и вскоре поднялась — ушла, прихватив с собой и мужа. Друзья и преподаватели тоже почувствовали неловкость, начали прощаться. Лишь главнокомандующий всеми мошками и букашками Сакиджан Абидов ничего не замечал. Пил себе, ел, наслаждался. И, удивительное дело, захмелев, перестал заикаться! То и дело вскакивал, чтобы провозгласить тост в честь Латофат. Пел ей гимны: какая она умница! Не увлекается парнями, у которых снаружи все блестит, а внутри пустота, вакуум. Разрушила общепринятое представление о красивых девушках: о ней ведь никак не скажешь — «птичка» или «мотылек». В общем, да здравствует жрица науки Латофат! Хайдар терпел-терпел, а под конец не выдержал, вскочил с места, попросил преподавателя Абидова «выйти на минуточку». Эта выходка, собственно, и положила начало размолвке с Латофат. Впрочем, размолвка началась раньше, в тот день он только подлил масла в давно тлевший очажок. Но что это там?

...У общежития остановилось такси. Из него показалась сначала толстая папка, а затем, несуразно извиваясь, вылез Сакиджан Абидов. И вслед за ним — Латофат!

Латофат и Абидов не заметили Хайдара. Сидел он недалеко — на лавке у цветника напротив общежития. Они продолжали какой-то разговор, увлекшись, будто во всем мире не существовало никого, кроме них. Впрочем, говорил один Сакиджан Абидов — горячо объяснял что-то, помогал себе свободной рукой и заикался, давясь словами. Латофат, слегка наклонив голову, мягко улыбаясь, внимала. Наконец она чему-то рассмеялась и протянула Абидову руку. Абидов, должно быть, испугался, что сейчас девушка уйдет, ухватился за ее локоть, забормотал:

— П-п-послушайте, Латофатхон! П-п-прошу вас...

Хайдару даже почудилось, будто этот рехнувшийся дервиш собрался обнять ее. «Латофат!» — крикнул и тут же выругал себя за малодушие.

Оба разом обернулись. Сакиджан Абидов нервно передернул костлявыми плечами, Латофат свела брови.

— А-а... это вы? — сказал Абидов. — Здравствуйте.

Латофат стояла с прижатым к губам букетом душистого базилика, чертила носком туфли по земле. Ее хмурый вид не предвещал ничего доброго. Видно, решила, что Хайдар выслеживает ее.

— Простите, домла, — сказал Хайдар. — У меня к Латофат дело. Абидов взглянул на девушку и криво усмехнулся:

— Что ж, до свидания...

Латофат едва заметно кивнула в ответ и молча направилась к скамейке, с которой только что встал Хайдар. Он невольно залюбовался ею.

Короткое яркое платье с крупными темно-синими и красными цветами при каждом шаге высоко открывало стройные ноги. А эти тупоносые туфли на высоких каблуках — в них ее маленькие ступни казались еще меньше. Была она среднего роста и довольно хрупкого сложения, но в этот вечер словно бы выросла. Может быть, за счет

каблуков и высоко взбитой прически, в которую уложила свои мягкие каштановые волосы. А может быть, гнев, уязвленная гордость так выпрямили ее.

Они сели на скамейку, и, словно это было сигналом, над ними вспыхнули белые полоски ламп дневного света — все вокруг окунулось в мягкое лунное марево.

Латофат плотно сомкнула длинные загорелые ноги, букетом базилика прикрыла колени. Соединенные у переносицы бархатно-черные брови и особенно прямой аккуратный нос придавали ее чуть продолговатому лицу с матовой, смугло-пшеничного оттенка кожей горделивое и даже надменное выражение.

— Я слушаю,— сказала Латофат.

Хайдар еле удержал рвавшийся наружу крик: «Где ты пропадала с этим...»

Сказал совсем другое:

— Ты же знаешь, завтра у меня защита. Придешь?

Латофат поднесла к лицу букет базилика.

— А мой приход обязателен?

И сам вопрос, и тон показались обидными. Хайдар опять с трудом справился с собой.

— Что с тобой? Может, изменились твои намерения?

— Я не понимаю, о чем вы?

— Что тут непонятного? Я говорю о наших с тобой намерениях, о нашей жизни. Серьезны наши отношения или нет, в конце концов? Если серьезны, неужели трудно тебе прийти на мою защиту? Ведь я... как бы там ни было, столько лет готовился к ней! Сколько сил положено! Я ведь тоже человек! — воскликнул Хайдар и снова мысленно выругал себя: «Не хватало только слезами выпрашивать у нее любовь!»

Латофат, не поднимая головы, еле слышно проронила:

— Простите...

Ее дрожащий, виноватый голос растрогал Хайдара, горечь с души мгновенно сняло.

— Почему ты стала такой, Латиф? — он взял руку девушки в свои, приблизил лицо. Совсем близко, у самых своих глаз, как в то давнее летнее утро под тутовым деревом, увидел бархатистую черноту ее бровей и густых, пушистых ресниц, чистую смуглость ее лица, шеи, плеч и вдруг почувствовал: знакомая, не раз испытанная нежность, смешанная с глухой ревностью, поднимается в нем.— Ну, скажи, в самом деле, что произошло? Откуда взялся этот... Этот вот жалкий дервиш?

Латофат высвободила свои пальцы из рук Хайдара.

— Я еще раз прошу вас: не говорите так об этом человеке,— сказала это с тихой угрозой.

— Почему же не говорить? Что ты в нем нашла? Кроме кандидатской степени?!

— Он не бахвалится своим кандидатским званием. А человек, если хотите знать, золотой. Вы бы только знали, какой это человек!

— Знаю, морочит тебе голову высокими словами, а ты...

— Не надо, хватит!

В глазах Латофат блеснули слезы, она закусила губу.

«Не надо, хватит!» Хайдара покоробил этот, как ему показалось, крик. Мол, что тут говорить — все равно ничего не поймет! Борясь со вспыхнувшим гневом, глухо произнес:

— Да говори же ты, не скрытничай!

— О чем говорить?

— Обо всем, что скрываешь...

— Скрываю! — Латофат проглотила слезы. — Только что вы сказали «я тоже человек». С обидой сказали. А не думаете вы, что то же самое могу сказать и я? Хоть раз заговорили вы со мной о моих планах, моих делах? В вас я вижу одно лишь презрение к тому, чем я занимаюсь!

— Да какое там презрение, просто...

— Я же вижу, вижу! А недостойный скандал в кафе? И вообще зачем вы пригласили отца, да еще с мачехой? Ведь вы собрались устраивать празднество сами, а оказалось, всем командовали отец с мачехой!..

— Латиф! — Хайдар облегченно засмеялся, взял в руки, стал перебирать пальцы девушки с нежно-красными — от хны — ногтями¹. Я рад был бы взять на себя не один, а сто таких банкетов! Но Джамал Бурибаевич не разрешил. Ведь он, что бы там ни было, отец тебе. Откуда я мог знать...

— Вот о том я и говорю! Сколько лет мы вместе. Вы постоянно заявляете о ваших будто бы серьезных намерениях и не знаете, чем я живу. Этот человек, называющийся моим отцом... Вы даже не поинтересовались, как жили мы с матерью, сколько боли причинил он нам. Сколько обид!.. Уверены, что я ваша, и ладно! Знаете, что не посмею разорвать круг, очерченный вами... Ведь вам с вашим всемогущим отцом все под силу...

И зачем сказала Латофат такие слова?! Ведь сердце Хайдара начало уже таять. А теперь?.. Хайдар вскочил:

— Оставь в покое моего отца! Мой отец еще никому не делал зла! И потом, что ты этим хочешь сказать? Я заставляю тебя против твоей воли идти за меня?.. Да если у тебя другие планы, пожалуйста...

— Я не сказала, что у меня другие планы...

— Пожалуйста, можешь...

— Хорошо! — прервала Латофат, глаза ее неожиданно заблестели. — Завтра я приду на вашу защиту! Все?

— Благодарю! Как знаешь: хочешь — приходи, хочешь — нет! — Хайдар круто повернулся и зашагал прочь от скамейки.

2

Латофат прошла мимо вахтерши, которая что-то со сладкой улыбкой сказала ей. Что-то ядовитое. Тихо вошла в свою комнату. Здесь было пусто, одиноко. Все разъехались на каникулы.

Не зажигая света, подошла к окну. Дома университетского обще-

¹ Отваром из цветов хны красят ногти в нежно-красный цвет.

жития стояли на окраине города. Небо здесь было ясным, как в степи. Крупные звезды блестели так ярко, словно кто-то протер, начистил до блеска каждую. Весь студенческий городок вокруг в сиянии белых неоновых свеч, и цветник под окном в серебристых брызгах фонтана, и машины, бесшумно скользящие вдали, и длинные лучи от их фар — все в этот покойный сиреневый вечер представлялось необычным, таинственным. Издалека, видно из кафе за общежитием, долетала бездумная, легкая музыка. Весь мир, казалось, подхватили волны радости и счастья. Только она, Латофат, не рада ничему. Недаром парни-однокурсники назвали ее за вечную грусть «зимним солнцем». Неужели и впрямь «зимнее солнце»? Светит, но не греет...

Ну и пусть себе так думают. Откуда им знать о ее радостях и печалях? Ведь даже человек, который собирается соединить с нею свою судьбу, не знает, а может, и не хочет знать о ее жизни.

«Он же твой отец, как бы там ни было!» Отец! У Латофат при одной мысли о нем холодеет сердце и в ушах долгий-долгий, похожий на похоронную песню, плач матери.

В детстве Латофат боялась этого человека пуще Азраила — провозвестника смерти. Пугала даже его одежда — всегда черная: черное кожаное пальто, черная кожаная фуражка, длинные голенища — тоже черные. Каждый раз, как только, переночевав в их доме, он уезжал, мать не помня себя бросалась на пол и рыдала. А потом, чуть повзрослев, какой только грязи не слышалась Латофат от своей матери и об этом человеке. Было время, собиралась даже бежать из кишлака!

А случилось это, когда была она то ли в восьмом, то ли в девятом классе. В ту пору Латофат не просто читала — «проглядывала» книги о подвигах чистой, самоотверженной любви. О том, как во имя этого чувства молодые люди шли на виселицу, бесстрашно отправлялись в ссылку или, подобно Кумуш-биби¹, героически спасали нареченного. И вот в такое-то время однажды услышала особенно оскорбительные пересуды о матери. Вернулась домой сама не своя. Было стыдно за мать. Да и как не стыдиться? Джаббар Нормурадов, джигит, которому не было равных, мужественный, благородный, Герой Советского Союза, полюбил Фазилят, а она предала его. И как — поддалась лести и обману этого страшилища в черной коже! И такой благородный джигит, красавец и герой, из-за этого подлого человека, из-за измены матери погиб на фронте! А осталась бы ее мать верна своему возлюбленному, как знать, может, Джаббар и не погиб бы. И тогда отцом Латофат был бы не этот мелкий, нехороший человек, а благородный батыр Джаббар Нормурадов!

Позднее, став биологом, Латофат не раз в душе смеялась над наивностью своих детских грез. Но в тот день ей было горько от всего, а от этой мысли особенно. Как побитая прибежала домой, бросилась на сури — деревянный помост, стоявший во дворе. Долго билась и рыдала она, думалось, не перенести ей горя. Мать работала в то время в правлении. Возвратилась поздно. И как, бедняжка, испугалась, увидев дочь в слезах.

¹ К у м у ш - б и б и — героиня первого узбекского романа.

— Что с тобой, что случилось? — подседа к дочери.

Латофат, вздрогнув, будто коснулась ящерицы или скорпиона, отодвинулась в сторону.

— Почему вы так поступили? Почему?! — захлебывалась слезами.

Вопрос Латофат был неожиданным, но Фазилат тут же поняла все. Поблднев, с трудом шевеля губами, спросила:

— Ты о чем это, доченька?

Латофат привстала на месте.

— Сами знаете о чем, а еще спрашиваете! — отрезала с той жестокостью, на которую способна лишь юность. — Сейчас, конечно, свалите вину на... Джамала Бурибаева! Лучше молчите, все равно не поверю! Если бы вы сдержали слово, если б до конца сохранили верность, то... джигит Джаббар Нормурадов не погиб бы на фронте!

— Дочь моя! — взмолилась Фазилат. — Доченька!

Она протянула перед собой руки, как бы защищаясь от ударов камчи. Широко раскрытые глаза молили: пожалей! Но откуда было ожидать пощады, милосердия? Латофат горела негодованием.

— Замолчите, все неправда! — бросила неумолимо, спрыгнула с сури и кинулась в дом. — Я презираю, презираю вас обоих! — крикнула с крыльца.

Двор молчал. И вдруг послышался тихий, будто звук флейты, жалобный плач. Мать горько плакала, приговаривала что-то сквозь всхлипы. В другое время Латофат не выдержала бы, обвинив, как в детстве, руками шею матери, вместе с нею выплакала бы их общую горе. Но в ту минуту даже этот плач, эта мольба, способная расплавить камень, не тронула Латофат. Она словно оледенела от страшной людской молвы.

Брата Кадырджана не было дома, он уже учился в городе. Ничто, кроме плача матери, не нарушало тишины утонувшего в густых сумерках большого двора.

Потом мать притихла. Послышались быстрые шаги. Со скрипом открылась дверца хлева. Латофат бросилась к окну. Мать вышла из хлева, что-то держала в руках. «Веревка...» — догадалась Латофат. Мать выбежала на улицу.

В ужасе, босоногая, полураздетая, как была, с открытой головой, Латофат выскочила из дома.

Тогда еще не было нового поселка. Сбоку от их двора шла узкая, пыльная улица. Она тянулась вдоль русла реки, бесшумно летевшей к мельнице. Латофат не приметила, в какую сторону побежала мать. Не думая, кинулась вслед за тяжелыми речными струями. Сердце не обмануло. Разбив в кровь ноги, Латофат добежала до мельничного колеса и там увидела мать. Фазилат привязала большой камень к веревке, петлюю накинутой на шею. Истощенным, пронзительным криком перекрывая однообразный мельничный шум, с разбега бросилась наземь, обняла ноги матери:

— Простите, мама! Простите!

Мать и дочь до полуночи просидели в обнимку около запруды и все

говорили, говорили под равномерное хлюпанье воды, бегущей по мельничному желобу. В ту ночь мать открыла ей все. Оказалось, этот высокий, белолицый, холодный красавец, ее отец, достигший теперь больших чинов, ради своих нечистых минутных желаний пошел на обман, на преступление. Здесь, на берегу черного омута, поняла Латофат, что так точит ее исстрадавшуюся мать, какие муки терпит она, в чем себя винит. И поняла, почему ее мать, женщина, которой не было тогда и сорока, так рано поседела. А Хайдар говорит: «Как-никак, а он все-таки твой отец». Придет время, Латофат, может, и расскажет обо всем Хайдару, но не теперь, потом. Пока что и самой страшно подумать. Одно лишь знает она твердо: мать не виновата. Что бы там ни сочиняли про нее, она не была виновата. Латофат известно теперь все, и потому не хочет она знаться с отцом, даже имени его не хотела бы слышать. Она и с братом Кадырджаном долго не разговаривала. Брат сразу же, как приехал в Ташкент, поспешил отыскать отца и так успел сблизиться с ним — водой не разольешь. Откуда только взялись у Джамала Бурибаева отцовские чувства? Что-то не было у него интереса к детям, пока бегали маленькими. А теперь, как увидел взрослого сына, вдруг стал проявлять заботу. Помог Кадырджану поступить в институт, поддерживал все годы учебы, а только лишь сын окончил институт, сразу устроил работать в Ташкенте под своим крылом. Неожиданная близость Кадырджана с отцом и с мачехой добавила матери немало тайных мук. Латофат видела это.

Не раз Джамал Бурибаев пытался приголубить и Латофат, стал было присылать на каждый праздник дорогие подарки — то через Кадырджана, то через кого-нибудь из знакомых. Предлагал и деньги. Настойчиво зазывал к себе в дом. Латофат все отвергала. Даже в годы ученья не брала от него ни денег, ни подарков. А ведь так хотелось хорошо одеваться.

И в дом к нему пришла лишь однажды, да и то поневоле: сказали, будто отец сильно болен, зовет ее.

Джамал Бурибаев жил на окраине города. Занимал красивый двухэтажный коттедж из красного кирпича, построенный после ташкентского землетрясения. Открыла дверь мачеха, молодая, надменная. Цветастый шелковый халат до пят, на ногах золоченые кавуши — шлепанцы. Эта ухоженная, уверенная в себе женщина встретила Латофат сдержанно, молча провела к отцу.

В просторной комнате с окнами, выходящими на речку, чего только не было: и бухарские ковры, и старинного узора напольные керамические вазы. На книжных, блестящих лаком полках — уродцы-идолы, вывезенные из-за моря, разные диковинки. Они стояли так плотно, что книг почти и не видно было. Низкие кресла в современном стиле, а рядом потемневшее от времени резное бюро со множеством выдвижных ящичков и полочек... Джамал Бурибаев лежал на диване, обложенный большими пуховыми подушками в пестрых ситцевых наволочках — тоже дань моде. Трудно было понять, обрадовался он приходу дочери или остался равнодушным. Странная вещь поразила Латофат тогда в поведении отца. Стоило

мачехе выйти из комнаты, он тут же менялся — виновато улыбался, начинал расспрашивать о житье-бытье и все повторял: «Доченька, дочка моя». Угощал чаем, фруктами. Но вот появлялась жена — улыбка вмиг исчезала и на лице застывало холодно-непроницаемое выражение.

Латофат пробыла у них недолго. Кое-как выпила пиалу чая и простилась с отцом. Так, в этот визит, открылось ей еще одно в Джамале Бурибаеве — то, о чем она давно уже слышала. Его, Джамала Бурибаева, крепко держит в руках жена — ведь поднялся на высокие посты он только ее стараниями, благодаря ее могущественным родственникам!

Больше нога Латофат не переступала порог этого дома. Сколько раз упрашивали и брат и отец — не пошла. Брат хочет ходить — пусть ходит. У него есть свой расчет. Но Хайдар... Как понять Хайдара? Что ему Джамал Бурибаев? А туда же: «Твой отец!» Ведь он-то не нуждается ни в чьем покровительстве. Под крылышком у своего отца. Никого за человека не считает, даже ее. А собирается соединить с нею судьбу! Как он отзывается о людях, хотя бы о том же преподавателе Абидове? Вечно кривится, стоит лишь заговорить о нем. Не словами, так видом дает понять: «У тебя есть такой джигит, а интересешься какой-то букашкой!» Между тем у Хайдара нет никаких оснований ревновать ее. Абидов для нее только ученый и еще — настоящий человек.

Он пришел на кафедру прошлой зимой, сразу как окончил аспирантуру Московского университета. Занимается биологическими методами защиты растений. Уж как смеялись на факультете, когда он впервые заявился, особенно девушки. В самом деле, точно из старого фильма — чудаковатый, нескладный Паганель! Равнодушный к своей внешности, вечно ходил обросший, в поношенном пиджаке, который к тому же висел на нем мешком. А уж туфли его — знаменитые на весь биофак туфли! Даже в летние ясные дни были они облеплены грязью. Ко всему прочему еще и заикался, долго хватал воздух, прежде чем что-то сказать. Но бывали минуты, когда сядет он на своего любимого конька — глаза неожиданно вспыхнут, и тогда красноречивее Абидова нет оратора. Если уж посчитать этого домлу влюбленным, то был он очень старомодным рыцарем, верным одной лишь любви — к перепончатокрылым семействам Chalcidoidea рода Trichogramma, то есть к тем самым мошкам и букашкам, о которых с такой иронией отзывался Хайдар! Когда Абидов говорил о предмете своей страсти, он становился настоящим поэтом, пламенным оратором, самим Цицероном. Правда, девушки посмеивались и над его гимнами во славу трихограммы. Нашлись на факультете и художники — изображали Сакиджана в обнимку с его букашками. А вот Латофат понимала, какую пользу может принести работа над этими мошками. Она выросла в кишлаке и хорошо знала, что такое ядохимикаты. Не раз своими глазами видела погибших птиц, мертвую рыбу, всплывшую в реке, когда летом, в дни нашествия вредителей, над хлопковыми полями летал самолет и на посевы опускалось ядовитое облако. Да не только птицы и рыбы — страдали и люди.

Вот почему рассказы Сакиджана Абидова о божьей коровке и мушке трихограмме звучали для нее подлинными дастанами. А сам Абидов, этот «юридичивый», по мнению Хайдара, худосочный домла в стоптанных, заляпанных грязью туфлях, ей и впрямь казался человеком необычным, благородным и даже поэтом! Впрочем, в последнее время в Сакиджане Абидове что-то струнулось. Начал вдруг следить за собой — догнал в этом известных щеголей факультета. И опять над ним потешались, теперь над его слишком зауженными брюками и узорчатыми рубашками. А происшедшую перемену связывали с именем Латофат!

В прошлом году она проходила преддипломную практику под Наманганом. Руководил студентами Сакиджан Абидов. Стояла теплая весна. Клеверные ковры успели уже застелить землю. На эти клеверные поля в окрестностях Намангана они ездили охотиться за бабочками, божьими коровками и светлячками. С сачком в одной руке, с корбой в другой гонялись за насекомыми, переходили с одного поля на другое. Так, без передышки, обегали, «обкосили» сачками все бескрайние зеленые равнины. Хоть Латофат и выросла в кишлаке, но лишь в ту весну, бродя по росистым полям Намангана, словно впервые увидела всю красоту знакомой с детства природы. Насладилась запахом клевера — нежным, еле уловимым, с горьковатым привкусом степных трав. Не верила глазам — так ярка была изумрудная зелень люцерны. Там же, в Намангане, она стала свидетельницей споров Абидова с агрономами, которые собирались опрыскивать клевер каким-то ядом. Потом всю зиму вместе работали в лаборатории, бились над тем, чтобы размножить нужных им насекомых. Особенности хлопоты доставляли личинки мушки трихограммы. Трихограмма — гроза совки, злейшего врага хлопчатника. Летом этого года они собираются провести опыты с этими мушками в каком-нибудь крупном хлопководческом хозяйстве. Может, даже в колхозе будущего свекра, если, конечно, он не воспоритится. А вообще Абидов советует ей остаться при университете, поступить в аспирантуру. Только вот Хайдар... Ни о чем и слышать не хочет — только о свадьбе. Ее будущий свекор, оказывается, решил за нее: после свадьбы она поживет в кишлаке. Как-то Хайдар полушутя-полусерьезно спросил ее:

— Отец предлагает тебе после университета должность директора школы. Как ты к этому отнесешься?

Слова о директорском кресле Латофат приняла как шутку. Шуткой и ответила:

— Что же, не стану отказываться, но с одним условием: если в руководимой мною школе вы согласитесь быть учителем!

— А найдется место для кандидата наук в вашей школе?

— Выходит, вам, товарищ кандидат наук, место в городе, а мы, простые смертные, должны прозябать в кишлаке?

Хайдар обнял ее за плечи, рассмеялся:

— Годик-другой, не больше, милая! Родителей тоже можно понять. Хочется, чтобы невестка пожила немного рядом, показала себя, так сказать, примерной хозяйкой!

Нет, Латофат не боится кишлака, она родилась и выросла там.

и родителей его готова понять. Только вот жаль начатых с Абидовым работ, да, признаться, и разговоры об аспирантуре ей не безразличны.

Латофат вздрогнула: кто-то постучал в дверь.

— М-можно? — Сакиджан Абидов стоял на пороге и виновато теребил отрастающую щетину усов.— А к-к вам, ок-казывается, ст-трожайший запрет! Г-грозят п-позвать милицию, если задержусь. Так что п-прошу на минутку в-выйти. П-подожду вас на улице.

Абидов ждал ее на той самой скамейке у фонтана, где недавно она сидела с Хайдаром. Увидев девушку, вышедшую из подъезда, он вскочил, зачем-то подал руку, хоть сегодня виделись уже. И сразу спросил:

— Ну и как? П-поговорили?

— Поговорили. Остается все по-прежнему. Будет свадьба. Вот и все.

— По-поздравляю!— с деланной веселостью воскликнул Абидов.— Т-той на весь мир! Песня яр-яр! Бой барабанов! С-счастливые влюбленные за шелковым занавесом! И п-прощай наука, прощай университет! А тут не успела повернуться, как новый той — родился первенец! Н-ну и в итоге счастливейшая мать-героиня в окружении г-галдящих отпрысков! П-поздравляю!— Абидов сделал такой стремительный вираж вокруг фонтана, будто вместо ног у него выросли колеса. Скрестив руки на груди, остановился перед девушкой.— П-поражаюсь! Да появятся ли у нас, наконец, истинные таланты, люди, готовые принести блага жизни в жертву великим целям? Только вас я считал способной студенткой среди всех этих бездарностей. А вы?..— Абидов разгорячился и совсем перестал заикаться.— А вы — нет чтобы думать о науке — все та же мечта о свадьбе, о детишках! Речь идет о большом, благородном деле, о долге! Неужели так и не поняли этого? Ведь от вашей работы зависит будущее узбекского хлопкороба, великого труженика! Може, сомневаетесь в успехе наших начинаний?

— Дело не в сомнении.

— Сейчас мои слова могут показаться только мечтой. Но пусть даже это пока несбыточная мечта — все же мечта благородная и заслуживает того, чтобы посвятить ей жизнь! Неужели вы, с вашим умом и сердцем, не в состоянии понять таких вещей? Были бы просто красивой куклой, стал бы я уговаривать вас?

Латофат еще ниже склонила голову:

— Я-то понимаю, домладжан, а вот вы...

— Так в чем же дело, черт побери?! Держит страх, что этот ваш... сынок раиса, если свадьба задержится на год, женится на другой?..

— Не надо,— еле слышно проговорила Латофат.— Бесплезно...

— Ну в таком случае, раз бесполезно... мы выходим из игры!

Абидов стремительно крутанулся и помчался прочь, споткнулся обо что-то и скрылся в темноте.

Латофат, жвав виски ладонями, еще долго сидела в обезлюдевшем скверике.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Приглашение на защиту диссертации для Атакузы не новость. Но сегодня защищается его собственный сын, — наверно, потому и взволнован так знаменитый раис. Да к тому же еще вчерашняя нелепая стычка с дядей тоже не дает покоя.

Атакузы приехал на машине вместе с дочерью и будущей невесткой. Девушки заглянули по пути на базар, купили целую охапку цветов. Вид у них был очень эффектный — обе в одинаковых алых атласных платьях, в черных лакированных туфлях, у обеих в руках букеты. Когда Атакузы в сопровождении двух юных красавиц подходил к зданию института, все обернулись в их сторону, а молодые люди, курившие у входа, посторонились, уступая дорогу.

Зал, где должна была проходить защита, оказался внушительным, просторным, светлым, да еще и с глубоким куполом, который удваивал его объем. Хайдар стоял на сцене. С помощью Кадырджана он развешивал какие-то диаграммы и чертежи со столбцами громоздких цифр и формул, о которые сам черт мог сломать зубы! Кадырджан, увидев родичей, помахал рукой. Хайдар лишь кивнул, — видимо, ему было сейчас не до приветствий.

В огромном зале, окнами выходящем во двор института, было еще малоллюдно. Атакузы сел поближе к широким окнам. Потрогал откидную доску-пюпитр. С потеплевшей душой, с гордым сознанием предстоящего события смотрел на входивших людей. Все это были ученые — о том говорили их лысины, очки на бледных, нервных лицах, небрежная, даже неряшливая одежда... С тем же горделивым чувством он незаметно оглядел дочь и будущую невестку.

Тахира так и сияла, кругленькое белое миловидное лицо порозовело, радость переполняла ее. Она то и дело поправляла едва достигающие до плеч черные как смоль волосы, вертела головой — оглядывала зал, будто пришла не в научное учреждение, где должна решаться судьба брата, а в театр на премьеру. Латофат была полной ее противоположностью. Сидела, сложив на коленях смуглые руки с покрашенными хной тонкими пальчиками, задумчиво уставясь большими грустными глазами в сад. Ох уж этот ее печально-задумчивый вид! Казалось, пришла сюда не затем, чтобы разделить радость близкого человека, а лишь по принуждению!

«Что это она? — Атакузы с трудом подавил шевельнувшуюся в груди неприязнь. — О чем печалится? Не принесла бы несчастья в мой дом эта ее красота...»

Мысли Атакузы перебила Тахира:

— Дададжан! Джамал-ака идет.

Джамал Бурибаев шел в окружении нескольких таких же солидных представительных мужчин.

Атакузы не успел подняться — Джамал Бурибаев прибавил шаг и был уже рядом.

— Эге, сам раис-ака пожаловали! Превосходно!

Бурибаев все еще был привлекателен, как и тридцать лет назад. Если, конечно, отбросить заметную уже седину и некоторую полноту стана. Он наклонился к Латофат:

— Как поживаешь, дочь моя?

Латофат внезапно побледнела и так же внезапно залилась краской.

А перед Бурибаевым уже расшаркивался долговязый человек в огромных очках.

— Прошу вас пройти вперед, товарищ Бурибаев, прошу. О, и вы здесь, раис-ака!.. Прошу и вас, пожалуйста, вперед...

Это приглашение было, конечно, лестно. Однако Атакузы не последовал за Джамалом Бурибаевым. И, как оказалось, к лучшему. По рядам, как ветер, прошел легкий шумок, и в зал торжественно вступили члены ученого совета во главе с директором института Артемом Прохоровичем Поликарповым. Но прежде чем подняться на сцену, директор задержался возле Атакузы.

Раис хорошо знал Поликарпова с самого детства. Он был сыном Прохора, чудаковатого старика, который служил егерем в лесничестве, по соседству с кишлаком Атакузы. Бывало, вместе играли в костяшки. Так что и Артем Поликарпов, который вот уже несколько лет руководит институтом, конечно, помнил Атакузы. Но дело было не в этом. Он, директор, в эту минуту в зале, переполненном учеными, так выделил Атакузы, оказал ему высокую честь! Вот что главное! И члены ученого совета, увидев такое уважительное отношение директора к Атакузы, не остались безразличными. Их строгие лица милостиво заулыбались, кто-то даже пошутил: «Эге, сам раис-ака прибыл, значит, угощение будет отменным!» И Вахид Мирабидов, помолодевший, улыбаясь круглым, сияющим как полная луна лицом, подмигнул: «Все идет преотлично, можешь не волноваться!»

Защита началась. Очкарь, который предупредительно изгибался перед Бурибаевым, оказался ученым секретарем. скрипучим голосом он стал докладывать, кому и куда был разослан автореферат, от кого и от каких организаций получены отклики и письменные заключения. Говорил долго и монотонно, наконец закруглил всю эту мякину, и Поликарпов дал слово Хайдару. Атакузы облегченно вздохнул, а вместе с ним и весь зал.

Хайдар, несмотря на жару, весь в черном, с длинной указкой в руках, легким, уверенным шагом поднялся на трибуну, будто шел не защищать свою научную работу, а читать лекцию собравшейся аудитории. Но тут произошла заминка. Только было он хотел начать, как Поликарпов, приподнявшись с места и глядя в конец зала, позвал:

— Нормурад Шамурадович!

Все в зале, в том числе и Атакузы, как по команде обернулись. В задних рядах заскрипели стулья, и оттуда послышался чуть хрипловатый знакомый голос:

— Благодарю. Продолжайте, продолжайте...

— Нет-нет! Пройдите, пожалуйста, сюда,— настойчиво приглашал директор института.— Прошу вас, Нормурад Шамурадович!

Домла Шамурадов в светлой сорочке, осыпанной крапинками, и в старомодных широченных брюках, чуть сутулясь и слегка покаш-

ливая от смущения, прошел в президиум. Большая, лобастая голова его с белым, легким пухом у висков лоснилась от пота, темные щеки втянулись, резко выступили крупные скулы, глаза глубоко запали, как у человека, не спавшего много дней.

«Что случилось со стариком?»— с тревогой подумал Атакузы. Он и минувшей ночью беспокоился о дяде, не мог заснуть. Конечно, домла обидел его, но, что ни говори, родной ведь. Однако эту тревогу тут же вытеснила другая, более острая. Только что душа так убаготворилась вниманием Поликарпова, а тут опять где-то внутри заскребло неясное, щемящее беспокойство.

Наконец Хайдар заговорил. Атакузы показалось, что держится сын уже не так уверенно, движения стали резче и голос неровен.

Домла Шамурадов сидел рядом с Поликарповым, положив на стол, накрытый зеленым сукном, большие черные руки, и устало глядел в зал из-под нависших век. Весь он будто поник, даже нелепый громадный нос, обычно гордо торчавший на широком лице, как бы отяжелел, опустился.

Вдруг старик наклонился, широко раскрыл спрятанные под веками глаза, точно увидел что-то ужасное. Сердце Атакузы опустилось — он понял, кого увидел дядя.

На один миг, на долю секунды впился старый домла колючим взглядом в Джамала Бурибаева и, будто лишившись сил, откинулся на спинку стула, закрыл глаза.

«О аллах! Одного лишь взгляда хватило — и дядя лишился сил. Что же станет с ним, когда накрепко свяжут нас с Бурибаевым родственные узы?»— подумал Атакузы и тоже закрыл глаза.

В зале зашумели, захлопали откидные доски, несколько человек поднялись. Только тут Атакузы сообразил, что Хайдар закончил свое слово. Было непонятно. Он ожидал — защита будет внушительнее, солиднее. Работа его сына должна была взбудоражить всех этих важных ученых.

Поликарпов привстал, обратился к залу — нет ли вопросов к диссертанту? Недолгое перешептывание в первых рядах, и три члена ученого совета — один за другим — задали несколько вопросов.

Каждый раз, когда в тишине звучал очередной непонятный вопрос, Атакузы чувствовал на своих коленях теплую, вздрагивающую ладонь дочери. Тахира, будто ожидая удара, прижималась к отцу. Страх дочери передался Атакузы, он тоже весь напрягался, и даже Латофат, такая, казалось, безразличная, всем корпусом подавалась вперед, крепко сжимая руками поручни кресла.

Атакузы был теперь доволен сыном. На вопросы Хайдар отвечал свободно. Он, как видно, преодолел уже начальную робость, голос звучал уверенно. А как держался! Атакузы узнавал в сыне свои черты: твердость и даже властность.

Да, отец Атакузы, погибший на фронте, тоже мог бы гордиться своим сыном. Он, Атакузы, не только сам выбилась в люди, но и детей сделал людьми! Вот Хайдар, плоть от плоти, кровь от крови, защищает научную работу в этом ученом зале, среди прославленных людей, мудрецов! То поднимаясь на трибуну, то скользя указкой по столбцам

цифр, легко объясняет сложнейшие формулы. «Молодец, сынок! Ты оправдал мой хлеб и соль!»

Атакузы украдкой смахнул навернувшуюся слезу, улыбнулся, посетовал про себя: «Как жаль, что нет Али!...»

Вопросов больше не было. Хайдар белоснежным платком смахнул с лица крупные капли пота, скромно спустился вниз, устроился в ряду, где сидели Джамал Бурибаев и Кадырджан.

«Молодец, сынок! Утер нос дорогому дяде».

Теперь председательствующий представил слово научному руководителю диссертанта Вахиду Мирабидову.

Атакузы хоть и дружил с этим развеселым человеком, однако серьезным ученым его не считал. Сказывалось, видно, влияние милейшего дяди. Да и сам Вахид Мирабидов способствовал тому. О научных проблемах говорил мало, все больше шутки, анекдоты. В застольях играл на дутаре, читал газелы. Бывало, что и в пляс пустится... домла!

Мирабидов легко, уверенно прошел на кафедру и попросил у почтенной аудитории извинения: он намерен говорить не столько о диссертации, научная ценность которой и так бесспорна, а хочет воспользоваться столь представительным ученым форумом, чтобы поделиться некоторыми своими мыслями относительно перспектив водного баланса республики. Прежде чем перейти к сути вопроса, Мирабидов разрешил себе сделать захватывающий экскурс в далекое прошлое, к тем драматическим, как выразился он, событиям истории, которые до сих пор живут в памяти народа...

Он говорил о мертвых городах, о песчаной пустыне, поглотившей некогда цветущие оазисы, оживленные долины, о целых государствах, исчезнувших с лица земли. Зал слушал затаив дыхание. Докладчик не жалел красок — изобразил, что ждет в не таком уж далеком будущем их благословенный край. Безводье! Пески! Пустыня! И, наконец, раскрыл проблему переброски сибирских рек во всей ее сложности и масштабности. Лишь разъяснив всю глубину задачи, показав, как катастрофически убывают запасы воды, приступил к оценке работы молодого ученого. Оказалось, труд диссертанта — серьезный вклад в названное выше дело. После такой страстной речи работа Хайдара засверкала, будто драгоценность, с которой смахнули пыль.

Профессор кончил. Весь красный, разгоряченный, промокая большим клетчатом платком пот с лица, шеи, головы, не спеша сошел с трибуны. Он устал, но собою был доволен. Как только сел, несколько человек — Атакузы это заметил издали — незаметно пожали ему руку.

Сегодня Атакузы впервые убедился, что этот человек большой ученый, к тому же еще и прекрасный оратор.

Зал оживленно гудел. Один лишь дядя сохранял свою угрюмую позу, сидел согнувшись, вперив взгляд глубоко ввалившихся глаз неведомо куда. Нельзя было понять, понравилось ему выступление старого соперника или нет. Казалось, он даже не видел людей, сидевших в зале, так был озабочен своими, известными одному ему мыслями.

После Вахида Мирабидова выступили официальные оппоненты. Оба поддержали научную работу Хайдара, о нем самом отозвались с похвалой: вдумчивый, многообещающий молодой ученый, прекрасный

товарищ и тому подобное. Правда, был момент — Тахира снова прижалась к отцу. Это когда выступал второй оппонент. Невзрачного вида, болезненно бледный, высоким, детским голосом сначала похвалил, а потом чувствительно покритиковал, особенно то место диссертации, где говорилось о вторичном использовании сточных вод. Но наконец и эти тягостные минуты остались позади.

Кончили оппоненты, и тут поднялось несколько рук. Атакузы был теперь спокоен. Его жизненный опыт говорил: руки желающих критиковать не поднимаются так быстро, они тянутся нерешительно, робко, после заметных глазу колебаний!

Так и вышло. Говорили и о Хайдаре, и о Вахиде Мирабидове, проявившем отеческую заботу о молодом ученом, только хорошее.

Прошло уже около двух часов. В зале стало жарко, люди все чаще поглядывали на часы. Уже третий оратор кончил петь хвалы диссертанту и его руководителю. Поликарпов предложил: «Кто желает еще выступить?» Отовсюду послышались возгласы: «Достаточно! Прекратить прения!»

Именно в эту самую минуту, когда, казалось, все до конца было высказано, дядя, погруженный в свои думы, неожиданно встрепенулся и, будто вспомнив о чем-то неотложном, поднял свою нелепую черную ручищу.

По залу пронесся неодобрительный гул. Был бы новый оратор иным человеком, председатель, скорей всего, согласился бы с мнением зала. Но, видно, из уважения к старому домле Поликарпов пропустил ропот аудитории мимо ушей.

— Вы хотите выступить, Нормурад Шамурадович? Пожалуйста, подойдите на кафедру.

— Нет, нет, лучше здесь. Я только хотел... хотел спросить... — Нормурад Шамурадов суетливо встал со стула. Он, похоже, раскисался, что попросил слова. Заговорил нерешительно: — Мой вопрос не к диссертанту, а к его руководителю, к уважаемому профессору Вахиду Мирабидову...

Старик перебирал в руках какие-то бумаги и старался не смотреть в зал, точно боялся встретиться глазами с Атакузы.

— Я хочу сказать, работа диссертанта неплохая... Он молод, его надо, разумеется, поддержать. Но у меня вопрос к почтенному коллеге...

— Пожалуйста, пожалуйста, — подбодрил Поликарпов.

— Один из основных выводов научной работы — это возможность повторного использования сточных вод для полива при концентрации солей в них до пяти граммов. Так я понял?

— Именно! Да, да!

— А каким будет воздействие этой воды на почву при такой высокой концентрации солей?

Мирабидов соорудил насмешливую гримасу, громко спросил:

— А вообще-то вы читали диссертацию?

— Читал ли я? — глядя в сторону, с улыбкой переспросил домла. — Я не ослышался?

Тут его повеселевший взгляд встретился со взглядом Атакузы.

Раис вздрогнул, торопливо отвел глаза в сторону. В этот миг услышал сзади чей-то ехидно-радостный смешок: «Ну, поехали, сейчас начнется представление!»

— Ведь выводы молодого ученого не из воздуха взяты, они основаны на балансовых расчетах. Взгляните — таблицы висят перед вами на доске!

— Да, да, висят, висят... — кивая, подтвердил старик. — Но дело в том, говорю... диссертант еще молод, жизненного опыта у него нет, а вы... вы же ученый, доктор наук...

— Иными словами, вы сомневаетесь в этих расчетах, не верите, что молодым ученым проведены достаточные исследования? — Вахид Мирабидов угрожающе повысил голос. И странное дело, угроза подействовала совсем не так, как ожидал Атакузы.

Старик вдруг распрямил костлявую спину, резко повернул к Мирабидову большую лысую голову, мрачно сдвинул брови.

— Дело не в моих сомнениях. В этих расчетах, в этих диаграммах учтено все, кроме одного...

— А именно?

— А именно вот что: мы привыкли смотреть на почву как на неживое тело, индифферентное к любому насилию. А между тем почва — живой организм. Как мы с вами, дорогой доктор, и так же, как в нашем теле, в почве идут сложнейшие физико-химические и биологические процессы. Вы это и сами знаете... И насилие с нашей стороны в любой форме, в том числе и увеличение дозы минеральных солей...

— Да о каком насилии идет речь! — крикнул Вахид Мирабидов. Он побагровел, вскочил с места. — Я утверждаю со всею ответственностью! Я утверждаю! Все расчеты основаны на трехлетних опытах, которые были проведены в лучших хозяйствах республики. А что касается состояния микроорганизмов при повышенной концентрации минеральных солей — эта сторона тоже исследована всеми доступными нам методами...

— Доступными методами? Я вижу...

— Я тоже вижу! Вижу, вы стараетесь ревизовать методы инженерного расчета! — повысил голос Вахид Мирабидов. — А ведь вам, как ученому, известно, что ту идеальную картину биологических процессов, которую вы хотите получить здесь на доске, не даст сегодня и кибернетическая машина...

— Но разве вам не известно, что есть новейшие методы исследования — методы, основанные на теории физико-химической гидродинамики?..

— Я утверждаю, что метод инженерного расчета, примененный молодым ученым...

— Я говорю не о молодом ученом! Речь о вас идет, почтенный. Это вы учите его скользить по верхам. Большие проблемы, требующие всестороннего изучения, вы подчиняете утилитарным задачам дня! Это не его — ваш метод! — отрезал домла. — Я прочитал вашу книгу о проблемах переброски сибирских рек...

— Мою книгу прошу не трогать! — взвизгнул Вахид Мирабидов. Он снова как ужаленный вскочил с места. — Ваше всестороннее изуче-

ние не что иное, как перестраховка! А что станет хотя бы с Аралом, пока подобные вам мужи будут заниматься «всесторонним изучением»? Вы можете это сказать?

— Вот именно! — пророкотал домла Шамурадов. — Нет сомнения, огромные массы сточных вод ежегодно накапливаются во всех коллекторах и дренажных сетях Средней Азии. Так почему бы не направить их в Аральское море? Оно, глядишь, и продержится еще лет двадцать. Решение просится в руки! А за это время можно создать и научно обоснованные, оптимальные варианты переброски сибирских рек... Вот за что бороться следует — за целенаправленный слив засоленных вод в Аральское море...

Дребезжание колокольчика Артема Прохоровича остановило могучий рокот старика.

— Простите, Нормурад Шамурадович, но мы, думается, немножко отвлеклись.

— Да, да, отвлеклись, отвлеклись. Прошу прощения... — Старик вдруг мелко затряс головой и, стусевавшись, сел на место.

Поликарпов повернулся к Вахиду Мирабидову:

— Вы что-то хотите сказать? Только если по существу...

— Постараюсь, — Вахид Мирабидов, сердито чеканя шаг, поднялся на трибуну. Он готов к ответному удару — было написано на его лице.

Шум и смятение в зале постепенно улеглись, снова воцарилась чуткая, настороженная тишина. Атакузы ощутил на своем колене горячую, трепетную руку дочери, осторожно погладил ее. Он не смотрел ни на дядю, ни на поднятую с вызовом багровую голову Вахида Мирабидова. Неотрывно глядел на сына, страдал за него. Как он сник, присмирел! И в голове Атакузы вихрилась, металась одна-единственная мысль: «О дорогой дядя! Спасибо вам, удружили! Тысячу раз спасибо!»

— Уважаемые члены ученого совета... — Вахид Мирабидов отпил глоток воды и скорбно посмотрел в зал. — Наши споры с уважаемым Нормурадом Шамурадовичем, как вам известно, не новы. Это очень давние, принципиальные споры. Допускаю, я в своих работах не всегда, может быть, прав. Безгрешен лишь аллах — так говорили в старину. Но одного не могу понять. Как это можно: ради того только, чтобы досадить своему, скажем так, давнему оппоненту, безжалостно зачеркнуть многолетние поиски талантливого — я произношу это слово со всей ответственностью, — безусловно талантливого молодого ученого?..

При словах «безжалостно зачеркнуть» дядя резко и воинственно вскинул голову. Атакузы теперь с горечью наблюдал за ним, но тихий всхлип дочери отвлек его внимание. Тахира глотала слезы, кусала губы — старалась подавить рыдание. И Латофат низко склонила голову, ее тонкие пальчики нервно рвали алые лепестки огромного цветка. Атакузы потянулся было обнять дочь, успокоить, и вдруг сзади снова хлестнул все тот же смешок:

— Пошла проповедь о человеколюбии, хе-хе!..

Атакузы, словно от неожиданного укола, резко повернулся к насмешнику.

-- Зарубите себе на носу, дорогой! Человек должен быть прежде всего человеком, а потом уже ученым. Вы поняли меня? — Атакузы

встал, стукнул откидной доской и сразу понял: не надо бы так — все головы повернулись к нему. Но теперь уже поздно, не исправишь. Провожаемый десятками взглядов, твердо стуча подковками сапог, Атакузы пошел к выходу.

2

Нет, никаких вопросов домла Шамурадов задавать не собирался. Он и на защиту не думал идти. Но, во-первых, привязалась Гульсарая, молила со слезами: пойди да пойди! А во-вторых, и правда нехорошо получалось — у внучатого племянника, у родного джиена, такое событие, а дядя дома сидит.

Нормурад-ата всю ночь мучился, обдумывал решение, поворачивал его и так и этак и под конец все же решил на защиту сходить. Выступить, конечно, не собирался. При тайном голосовании хотел поддержать Хайдара. С таким решением и вышел из дому.

И что его дернуло поднять руку? Как сорвался злополучный вопрос? Все это золоторотый! Его речи, звонкие, как пение соловья, пустые, как арбы без груза. Слушал их, слушал, душа и не выдержала. К тому же и вывод из диссертации! Хайдар поторопился, не проверил как надо поставленные опыты. Молод, конечно! Ну, а этот соловей, научный руководитель, он-то о чем думал?

А каков демагог! Как повернул! Выходит, он, Нормурад Шамурадов, против переброски сибирских рек в Среднюю Азию! Да ведь домла никогда не подвергал сомнению эту идею. Он предостерегает лишь от спешки, очень опасной в этом деле!

Слава аллаху! Теперь Вахид Мирабидов и подобные ему не отваживаются в открытую лепить ярлык. К счастью, прошло то время. Правда, против Мирабидова никто не выступил, но результаты голосования все же кое-что показали. Люди поддержали Нормурада-ата. Более четверти состава ученого совета проголосовали против диссертации! Именно это обстоятельство больше всего и потрясло Нормурада Шамурадова! Когда домла, после долгих колебаний, задал свой вопрос, у него и в мыслях не было нанести удар Хайдарджану! Хотел только чуть спустить на землю пустобреха Мирабидова. Думалось: и молодому ученому полезно будет послушать — может, поймет, к чему приводят поспешные выводы...

Ах, не надо было начинать: разгорячился — и понесло. Как всегда, сорвался. Старый дурак!

— Ата, мы приехали к конечной остановке!

Домла Шамурадов, очнувшись, растерянно заморгал. «Икарус» стоял на незнакомом месте. В окно видны были зеленые, розовые, оранжевые балконы многоэтажных домов, и новый поток людей уже хлынул в пустой автобус.

Домла недоуменно посмотрел на кондукторшу:

— Где мы находимся, дочка?

— Это конечная остановка, ата. Вам где выходить?

— В рабочем поселке...

— Так вы проехали лишних четыре остановки!.. Не волнуйтесь, сейчас поедет обратно...

Домла сел на свое место, закрыл глаза и тут же забыл и про изнуряющую летнюю жару, и куда он едет — все выскочило из головы. Опять подхватили его те же горькие мысли.

Нехорошо получилось! Ох нехорошо! Понял это, как только объявили результаты голосования.

Хайдара окружила толпа друзей. Конечно, и Вахид Мирабидов, и Джамал Бурибаев были тут же. Начали поздравлять. Сестра Тахира и еще одна девушка, красивая, — должно быть, дочь Бурибаева, о которой говорил Атакузы, — преподнесли цветы. Кто-то крикнул: «Да подними ты голову! Для ВАКа даже лучше, когда защита проходит не на сто процентов, значит, не оставила людей равнодушными!» Домла Шамурадов, оставленный всеми, растерянный, вышел из зала последним. Атакузы усаживал людей в машины, видно, увозил на банкет. И тут увидел дядю. Решительно двинулся навстречу, стук его подкованных сапог больно отдавался в ушах домлы.

— Спасибо вам, дядя, — сказал, подергивая кончиками коротких треугольных усов. — Вы сделали все, что могли. Такое не забудется во веки веков! Благодарим вас, дядя... — говорил он чужим голосом, и какая же горькая обида звенела в его словах!

У домлы совсем душа упала... Да, нехорошо получилось. Нехорошо. Хотя, если подумать, он не сказал ничего такого, что шло бы вразрез с его совестью. И все же... Вышло так, будто он, родной дядя Атакузы, подставил ногу его сыну. Должно быть, все так и подумали. Его не пригласили на банкет — бог с ним, с этим банкетом! Но вот что: никто даже не попрощался с ним, только та красивая девушка с большими печальными глазами жалостливо, будто сочувствуя, посмотрела на него. Последними садились в машину Атакузы с Джамалом Бурибаевым. Бурибаев кивнул в сторону одиноко стоящего домлы, что-то сказал. Атакузы лишь брезгливо шевельнул усами, и Бурибаев в ответ нехорошо, криво усмехнулся.

Да как ты смеешь!.. Домла вспомнил эту кривую ухмылку, и Бурибаев — цветущий, дородный, словно откормленный гусь, — снова возник перед глазами. Тут же закололо в сердце. Старик сразу узнал эту вечную непроходящую боль. Вместе с болью, как всегда, пришло тоже вечное, незатухающее: «Если бы Джаббар был жив!»

Да, кто знает, был бы Джаббар жив, может, и не случилось бы все эти неприятности. Был бы он жив... Он мог, должен был остаться в живых. Ведь Джаббар одним из первых узбеков получил Звезду Героя, приехал в отпуск! Встречать Джаббара на вокзал пришли, помнится, не только простые люди, прибыло самое высокое начальство. Выстроились в линейку девушки-студентки с букетами цветов, пионеры...

Как он был красив — Джаббар! С новыми погонами офицера на плечах, с Золотой Звездой Героя на груди, густые волосы растрепались на ветру. А улыбка его! Смущенная улыбка на смуглом, обветренном дочерна лице. Вышел из вагона — и на перроне вдруг грянул оркестр, крики «ура!» сотрясали небо.

Сколько было людей! Нормураду и Гульсаре лишь через полчаса удалось обнять его.

Столица гордилась своим сыном-героем, не хотела его отпустить,

требовала новых торжеств. Но Джаббар отложил до времени все встречи. На следующий же день помчался в кишлак на свидание с любимой. С Фазилатхон. А через два дня в Ташкент пришла страшная весть. Нормурад ушам не верил: будто Джаббар стрелял в человека по фамилии Бурибаев. Этот человек, как выяснилось потом, силой, обманом овладел девушкой Джаббара. Хорошо еще, пуля не попала — Бурибаев успел выпрыгнуть в окно. А Джаббар? О, Джаббар... Он больше не приехал в Ташкент. Прямо из кишлака отправился на фронт. Отец с матерью не успели даже вдоволь наглядеться на сына.

Джаббар, чистый юноша, не вкусив радостей жизни, пал вскоре смертью храбрых на поле брани. А этот Бурибаев прошел потом, говорят, всю войну и вот возвратился целым и невредимым, с полной грудью орденов и медалей.

Нет, Нормурад никому не желает зла. Кто знает, может, этот тип устыдился, может, потому и подался на фронт. А там, может, и правда показал себя с достойной стороны. Чего только не бывает! И все же... Ходил слух, будто какая-то бумага пришла в прокуратуру, и Бурибаеву посоветовали скорее бежать в военкомат... А потом? Ирония судьбы! Иначе не скажешь. Три года назад домла снова столкнулся с этим человеком. Бурибаев уже сидел в кресле замминистра водного хозяйства. Нормурад Шамурадов чуть лоб не расшиб, пробиваясь сквозь стену бюрократизма Бурибаева. Чуть было не пришлось уйти из института. Да, к счастью, вскоре за какие-то грехи Бурибаева понизили в должности, перевели на другую работу...

— Что же вы, отец? Рабочий городок!..

— Спасибо, доченька, я сейчас, сейчас...

Ворота были приоткрыты. На улице, у края арыка, на самодельной скамеечке сидела Гульсара-ая, рыхлила землю под базиликом. Нет, только казалось, что рыхлила. Топорик-теша¹ повис в ее руке, старушка глубоко ушла в свои думы.

Услышав шаги, подняла маленькое сморщенное лицо. Домла не узнал лица жены — горькая тоска были в нем и беззвучный упрек. Сердце его сжалось от дурного предчувствия.

— Что с тобой, Гульсара?— нагнулся к жене.

— Со мной?.. Приходит Атакузы... заехал за портфелем,— сказала она, и вдруг из глаз часто закапали слезы.— Вы, значит, все же сделали по-своему...

— Как это так я сделал?— домла выпрямился. Нежность и боль, вдруг нахлынувшие на него, заступил гнев.

— Еще спрашиваете как... Что вы наделали!— Гульсара терла глаза платком.— С единственным племянником разлучили...

— Хватит! Кто хочет судиться, в родичи не годится! Слышала такое? Твой дженен не желает видеть, где правда, где лесть. Не нужен мне такой дженен!

— Хорошо, поступайте как знаете! Я только хотела...

— Хватит, говорю тебе!— Нормурад Шамурадов поднял вверх

¹ Теша — инструмент в виде топорика, которым колют дрова, рыхлят землю.

огромный, как булава, темный кулак. — Оставишь ты меня в покое или нет? И без твоих упреков тошно, поняла — тош-но! — крикнул он и неожиданно замер на месте с поднятым над головой могучим кулаком.

Старушка выпустила из рук тещу, попыталась что-то сказать, но лишь беззвучно облизнула губы и тихо соскользнула с низенького стульчика на кусты базилика...

Домла застыл на месте, как большой, грубо обкатанный камень. Потом, леденея всем телом, опустился на корточки перед женой.

Гульсара-ая!.. Единственный его свет. Путеводный ночной огонек затерявшегося в степи домика — так всегда казалось Нормураду, когда в тяжелую минуту взглянет, бывало, на ее лицо. А теперь?.. С тихой печалью, без укора смотрела на него его Гульсара. «Что будет с вами?» — читал он в ее взгляде.

— Гульсара! — молил старик. — Что с тобой? Что ты делаешь? Подожди! Что с тобой, душа моя?..

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

В первые дни своего председательства Атакузы выработал для себя правило: если дело не ладится, не мучь себя понапрасну, а брось все, махни в степь или в горы — к чабанам, отведешь душу, а там, глядишь, и дело пойдет на лад.

И на этот раз последовал своему правилу. Возвратившись из города с тяжелой душой, не стал задерживаться в кишлаке. Забежал в правление, узнал у секретаря парткома Халидахон, что все спокойно, и махнул в степь. С собой прихватил главного механика колхоза Наимджана.

Вот уже два года, как Атакузы одной ногой в кишлаке, другой — в степи.

В позапрошлом году, узнав, что строительство канала в степи подходит к концу, взял на себя нелегкое обязательство: освоить несколько тысяч гектаров целинных земель. Тогда же заложил на новом месте и фундамент первых домов.

За его инициативу с радостью ухватились и в районе, и в области. Да что там говорить, на самом высшем уровне было принято специальное постановление, по которому строительство городка в степи, проведение арыков и дорог отдали в руки министерств и их отделов на местах. Закладка первого кирпича под первый дом будущего городка в степи превратилась в праздник, сюда слетелись журналисты, представители радио и телевидения.

Осенью того же года колхоз посадил на нескольких сотнях гектаров молодые деревца шелковицы, чинары и тала — для защиты от лихих степных бурь. В прошлом году получили уже неплохой урожай кукурузы. Такое начало окрылило Атакузы. Нынешней весной он отправил в степь три бригады, они засеяли хлопчатником более семисот гекта-

ров. И сейчас там — на хлопковых полях и в садах — их тоже успели заложить — работает не меньше двухсот человек. Живут в землянках. Хлопок растет неплохо, хотя в первое время Атакузы боялся за него — семена с большим трудом пробивают землю. В общем, дело двинулось. Особенно радуют саженцы — вымахали в рост человека. А вот строительство ползет черепашным шагом. Вначале строительные организации взялись за дело горячо. А как поутих шум в газетах и журналах, заметно охладели. Пришлось Атакузы устроить в степи свой «штаб». В нем день и ночь дежурит кто-нибудь из членов парткома. Да, кстати сказать, и сам он большую часть времени проводит в штабе. Только так и удается хоть чего-то добиться от строителей. Всеми правдами и неправдами, ругаясь и ссорясь, толкает, не дает работе застыть. Пропустишь день — обязательно что-то случится, какой-нибудь прорыв — и дело встанет.

На этот раз Атакузы не показывался целых четыре дня. И очень беспокоился — как-то там в степи?

Машина вырвалась из зелени сплошных садов, взлетела на последний холм — он отделял этот зеленый оазис от степи. И вот уже всё — и помолодевшие после ночного дождя сады, и большой, весь белый, новый поселок, и омытые росой изумрудные хлопковые поля — все осталось позади. Впереди только степь, от подножия этого холма и далеко за горизонт — бескрайняя песчаная, с редкими кустиками травы степь.

После густых темно-зеленых садов, веселых клеверных полей и ярко-зеленых полос хлопчатника эта вылезшая из-за холма унылая полупустыня-полустепь отпугивает человека. Пепельно-серые барханы делают ее похожей на омертвевшее море.

Солнце уже склонилось к далекому горизонту и било в глаза. Приставив козырьком ладонь, Атакузы осматривался вокруг. Порой ему казалось, будто волны песчаных барханов тронулись с места, зашевелились, надвигаются с обеих сторон, грозят поглотить черную ленту асфальта. Голая, слившаяся с далеким маревом, унылая степь! Как похожа она на поверхность Луны со снимков из космоса. И в этой пустыне именно он, Атакузы, а не кто-нибудь другой собирается создать жизнь. Поля раскинутся до самого горизонта, зацветут сады, зашумят рощи, вырастет новый современный городок. Все это его гордость, и он таит ее в душе. Правда, теперь, когда пришла вода, здесь и без него создаются поселки, но это совхозы, строит их государство. Атакузы же добивается всего сам, по своей собственной инициативе.

Вон, впереди, там, где горизонт сливается с небом, завиднелись постройки, красные пятнышки домов из кирпича. Это первые здания будущего городка! Пепельно-серые барханы здесь нехотя отступают с обеих сторон дороги. Вместо них, будто солдаты в строю, стоят саженцы — тальник, тополь, чинара. А за строем саженцев ярко зеленеют поля хлопчатника. Вон и тракторы ползут по грядкам, в руках девушек и парней поблескивают на вечернем солнце кетмени.

Атакузы велел Наимджану — он сидел за рулем — остановить машину. Вылез, вдохнул степного воздуха, огляделся вокруг, залюбовался хлопчатником и — верное ведь средство! — почувствовал: на

душе посветлело. Хлопчатник посеяли заново всего лишь месяц назад — первые посевы погибли, побилло градом. И вот уже успел подрасти на полвершка, зашумел листвой. А полезащитные полосы! Как вытянулись деревца! Правильно, что в позапрошлом году никого не послушался, сделал все по своему разумению. Когда осенью закладывали эти полосы, нашлись умники — советовали ему сделать расстояние между ними не меньше пятисот метров. Однако Атакузы, зная дикий нрав песчаных барханов, сократил расстояние вдвое. И хорошо сделал — весной, в буран, молодые саженцы встали плотной ратью, сберегли хлопчатник. Без этих зеленых стен здесь вообще ничего бы не выросло.

В приподнятом настроении Атакузы поехал дальше. Теперь он надеялся, что и у строителей хоть немного продвинулось дело вперед, ведь перед отъездом в Ташкент он успел крупно поговорить с их начальством. Но картина открылась иная: каменщики лежали в тени, прохлаждались, задрав ноги вверх, — ни одного кирпичика с кирпичного завода не поступило; бульдозеры стояли без дела — вышли из строя, не было запчастей; из пяти самосвалов, подвозивших гравий к строителям дороги, работали только три.

Атакузы вскипел. Попробуй не вскипи! Хлопкоробы трудятся и в жару и в холод, себя не жалеют. А строители? Разве не их забота создавать хлопкоробам нормальные условия жизни? Есть на них управа или они и аллаха не убоятся?

Первой мыслью Атакузы было сесть в машину и махнуть в район к Шукурову. Пусть помогает, если, конечно, в силах. А нет, так пусть хоть поймет, каково ему работать!

С Шукуровым Атакузы не встречался с тех пор, как расстались они в доме домлы. Вахид Мирабидов, захмелев на банкете, что-то пел про свою дочь и ее мужа, то хвалил зятя, то сетовал на него, а потом попросил Атакузы захватить Махбубу с детьми, отвезти в районный центр.

Махбуба сразу понравилась ему. Она и внешне, и веселым нравом была точной копией своего отца. Озорная улыбка ни на минуту не угасала в обведенных синевой светлых глазах, играла ямочками на розовых, как спелые яблоки, щеках. От Ташкента до самого района она беспрестанно говорила, шутила, сама хохотала, заставляла хохотать и Атакузы, и шофера, и детей. Когда подъехали к дому, пригласила Атакузы, но Шукуров отсутствовал, и Атакузы не стал заходить. Прощаясь, Махбубахон сказала:

— Прошу в гости вместе с супругой! Вы, оказывается, большие друзья с отцом. Давайте и мы с вами познакомимся ближе.

Ну что же, Атакузы, пожалуй, воспользуется приглашением. Он и сам хотел подружиться с первым секретарем домами еще с тех пор, как тот принял его сторону в истории с мраморными плитами. Пусть и Алия познакомится с Махбубой...

Атакузы зашел в штаб, протянул уже руку к телефону, чтобы позвонить жене, как вдруг с пугающим свистом налетел ветер. Захлопали двери, окна. Легкий финский домик мелко задрожал, качнулся. Тут же в штаб ворвался Наимджан, крикнул с порога:

— Буран, раис-ака! Черный буран!

Атакузы выскочил из домика. Полукруг заходящего солнца, только что ярко алевший на горизонте, закрыло красновато-черным маревом. Оно росло на глазах, захватывало весь горизонт, грозно двигалось на них. Огромные барханы, неподвижно вздымавшиеся вокруг, вдруг заколыхались как живые, задымились. И, двигаясь, будто из утроб своих выбрасывали горячий сыпучий песок.

— Кто еще в штабе? Где бригадир? Беги в степь! Ни одна душа не должна остаться в песках! Всех в землянки! Всех!

Люди и без приказа бросились в укрытия, многие бежали к штабу.

Еще мгновение — и черный смерч, закрыв небо, тяжелой лавиной обрушился на штаб. Зыбкий деревянный домик заскрипел. Полетели сорванные задвижки, осколки разбитых стекол посыпались на пол. Свет погас. Наступила крошечная тьма.

Строители притащили доски и фанеру, наскоро загородили оконные проемы, для плотности завесили одеялами, кто-то зажег керосиновую лампу-молнию.

Атакузы сел на свое председательское место у телефона. Теперь не было нужды куда-то бежать, что-то налаживать: буран набирал силу, бесновался, превратив пустыню в кипящий котел с песком. И штаб, казалось, носился и нырял в этом котле как щепка.

Прошел час. Наконец появились бригадир-усач Али-Майлов и Наимджан. Сбросив с лиц платки, выплюнули песок и доложили: в степи ни одной живой души, все укрылись в землянках.

Хоть это успокоило Атакузы. Но тут же нахлынули нерадостные думы. Не в первый раз налетает эта беда. Месяц назад, в конце апреля, такой же свирепый буран засыпал песком весь хлопчатник, выращенный с великим трудом. Размыл арыки, занес коллекторы. Атакузы снял тогда людей со всех остальных работ, бросил исправлять разрушенное. Не смыкая глаз, три дня и три ночи работали люди: засеяли заново поля, очистили от песка арыки и каналы, и Атакузы все трое суток был вместе со всеми. А что будет на этот раз? Пожалуй, еще хуже. Хорошо, если из семисот гектаров хлопчатника останется хоть десятая часть. А дальше? Если и дальше пойдет так, не окажется ли все начатое пустой затеей? Не поторопился ли Атакузы, предприняв такое трудное дело? Может, надо было сперва вырастить, укрепить лесные полосы и только потом сеять хлопчатник? Но кто тогда поддержал бы его инициативу, дал технику, средства? И вообще вряд ли кто дал бы зеленую улицу его замыслам...

Буран продолжал бесноваться, ревел, сотрясая маленький деревянный домик. Атакузы поставил локти на стол, крепко сжал пальцами виски. Да, весь его труд, начатый с позапрошлого года, похоже, оказался напрасным. Налетела дикая стихия — и все уничтожено, исковеркано! Но только ли стихия? А каковы эти министерства, что не выполняют заданий правительства? А строительные организации? Ведь обязаны были к этой весне закончить по крайней мере двадцать домов. А не сдан ни один!

Вот сейчас здесь, в штабе, лежат вповалку, где пришлось, молодые парни, девушки — дремлют, привалившись друг к другу. Больше года

проработали они в этой черной пустыне. Были бы готовы обещанные дома, разве валялись бы они здесь? А водопровод? Уже давно пора проложить его из канала. А дороги асфальтовые? Закрытые коллекторы? Не сдано пока и метра закрытых канав. Открытые дренажи ничего не дают: сегодня их очистишь, завтра засыплет песком. Напрасный труд!

Только что Атакузы собирался к Шукурову. Но что это даст? Районному руководству строители не подчиняются. Уж если ехать, то прямо в обком, к самому секретарю.

«Однако кто же принудил тебя к этой работе? Кто заставил тебя поднимать целину среди этих сыпучих песков?»

И так достиг многого. Начал руководителем небольшого колхоза, потом постепенно, один за другим присоединил несколько соседних. И пожалуйста — вот он уже во главе гигантского хозяйства. Одни только хлопковые поля — больше трех тысяч гектаров! А какой поселок построил! Не уступит иному городу — прославил имя Атакузы на всю страну. Чего еще не хватает?.. Разве только одного — Золотой Звезды.

Есть у Атакузы в обкоме давний друг — секретарь по сельскому хозяйству Бекмурад Халмурадов. Еще в позапрошлом году по секрету говорил: будет у раиса «Ленин юлы» на груди Золотая Звездочка. Но что-то застопорилось, до сих пор тянут. Так неужели без этой целины не получил бы в конце концов Героя? А ведь если покопаться в душе, Атакузы потому и кинулся на свой целинный подвиг, чтобы показать им там, в верхах, на что он способен. Да за одно ли это дело взялся? Близ кишлака у них есть урочище Минг булак. Минг булак — значит тысяча родников. Там и правда их больше тысячи. Место обильно водой, травами. Подходящее место. Атакузы задумал развернуть здесь большое строительство. Правда, мешают густые тугаи, горная арча. Но заложил уже фундамент гигантского животноводческого комплекса — тоже ведь целый мир забот и хлопот! И здесь никто не принуждал, сам придумал себе все эти заботы, хлопоты. Не может без того, чтобы не кипело вокруг. Ну и, если быть совсем уже честным перед самим собой, Золотая Звездочка тоже манит. Предпринял, так сказать, генеральный штурм верхов. А если рассудить — зачем ему на пороге пятидесятилетия новая слава, новый почет? Живи да поживай в своем уютном доме, прохлаждайся в тенистом саду! Покой и достигнутая уже слава — что может быть лучше.

...На плечо Атакузы легла чья-то рука. Он очнулся. Над ним склонился Наимджан. Оказывается, раис задремал, уронив голову на ладони.

— Буран прошел, раис-ака! Пойдемте, светает!

Тусклая лампа еле освещала комнату, люди все еще лежали на полу, прижавшись друг к другу. Храп и тяжелый человеческий дух стояли в штабе.

Атакузы, растирая затекшие ноги, поднялся с места.

Буран и в самом деле утих, на небе высыпали крупные белые звезды. И покойно так стало в степи, звезды мерцали так ясно — трудно было и представить себе, что полчаса назад здесь буйствовал

буран. Но громоздившиеся за ступеньками штаба песчаные гряды, каждая с юрту, сразу же напомнили о пронесшемся смерче.

Было еще темно. Но Венера уже ярко сияла на горизонте — близился рассвет. Откуда-то издали доносились пение петухов и лай собак.

Что за расчудесный человек этот Наимджан! Долговязый, неуклюжий с виду, молчалник, а в работу всю душу вкладывает. Оказывається, успел уже собрать механизаторов. Вон стоят у песчаных бугров, будто у могильных холмов, о чем-то тихо переговариваются.

Атакузы поежился от холода. Наимджан набросил ему на плечи свою телогрейку, зажег карманный фонарик.

— С чего начнем, раис-ака? Ребята собрались идти на поле, хотят посмотреть, что там делается.

— Да разве увидим в темноте?

— Уже рассветает, фонари возьмем.

Подошли молодые джигиты, дружно поддержали Наимджана:

— Все равно не заснем, раис-ака... Посмотреть бы, осталось хоть что от посевов?

Теплая волна благодарности согрела Атакузы, он спустился со ступенек.

— Правильно, все равно не заснем. Пошли, джигиты!

Обходя песчаные холмы, наметенные на дорогах, перебираясь через полусасыпанные арыки, добрались до хлопковых полей.

Все как и думал Атакузы: поля лежали под слоем песка, дренажные канавы и арыки во многих местах сровнялись с землей. Даже саженцы, так недавно радовавшие нежной зеленью, оказались под песком.

Восток постепенно белел. Пока говорили, совсем рассвело. Тут и открылась во всей своей молчаливой мощи ночная работа бурана: вместо радующего глаз порядка, устроенного человеком, — желто-серое море, застывшее в самый грозный момент бури. Хлопковых грядок нет — исчезли, засыпаны песком. От семисот гектаров поля остались невредимыми едва ли двести, а может, и того меньше! Если б не молодые деревца — они все же как могли заслонили поля, — и того не осталось бы!

Хлопкоробы молча смотрели на Атакузы. Он чувствовал — ждут от него слова, движения, команды. А он не в силах оторвать глаз от скрытых под песком грядок.

«Как же быть? Неужели все сначала?.. И будет ли толк, если начать заново?»

— Что будем делать, раис-ака? — спросил Наимджан, потирая старую тюбетейкой бритую голову. — Может, съезжу в кишлак?

Атакузы с удивлением глянул на своего главного механика — тот стоял перед ним, не зная, куда деть свои длинные руки-жерди. Глаза на его грубом обветренном лице светились детской искренностью.

— А что в кишлаке?

— Так надо же привезти людей! Как пересевать будем?

Атакузы, увязая по колено в песке, выбрался на дорогу.

— Пошли!

Атакузы шел к штабу, а вокруг — удивительное дело! — бульдо-

зеры и скреперы уже приступили к работе, отгребали с асфальта песчаные наносы. И рабочие трудились так деловито, будто исполняли привычные повседневные обязанности.

В штабе Атакузы тяжело опустился на стул, окинул взглядом пришедших с ним людей. И опять поразился: с головы до пят осыпаны песчаной пылью, глаза ввалились от бессонницы, а ничего — посмеиваются, подтрунивают друг над другом, шутят.

Атакузы подождал, пока уляжется веселье. Насупил брови, сказал:

— Нынче у нас двадцать первое мая. Хочу спросить, вы же все из здешних дехкан, как считаете, можно еще пересевать хлопок?

Короткое молчание. Послышались голоса:

— Можно!.. Бывало, и позже пересевали!

Не такие, правда, уверенные голоса, как хотелось бы Атакузы.

— Хорошо! Тогда сделаем так: я — в район за семенами, а ты, Наимджан, — в кишлак. Передашь парторгу Халиде: пусть каждая бригада выделит по десять человек и по трактору, и чтобы сразу, немедленно сюда! Али-Муйлов! Ты останься здесь, будешь до приезда Наимджана руководить. Очистите арыки и дренажные канавы, подготовите поля для посева. Задача ясна? Ну, раз ясна, разговор окончен! Приступайте к делу!

2

Сев закончился на третий день вечером, уже в сумерках. Атакузы не спал две ночи подряд. Он устало шагал в штаб — к телефону, надо было доложить в район. Шел, высвечивая путь карманным фонариком. Недалеко от штаба повстречал старика сторожа, — оказывается, тот спешил ему навстречу.

— Вас к телефону зовут, сынок. Похоже, келин¹ звонила...

Дрогнуло сердце: не стряслось ли чего?

Не успел поднять трубку, сразу же услышал тревожный голос жены:

— Алло! Кто это? Алло!..

— Я! — ответил Атакузы. — Что-нибудь случилось?

— Атакузы-ака! — Алия всхлипнула. — Тетушка Гульсара... бедная старушка.

— Да говори же! Что ты тянешь?

— Умерла она...

Атакузы обеими руками вцепился в трубку.

— Когда? Кто передал?..

— Тахира сейчас звонила. Умерла сегодня утром. Бедный старик... дядя, один там, потерял голову...

Слова жены камнем упали на сердце. В памяти мгновенно, с поразительной ясностью ожила Гульсара-ая — такая, какой видел ее в последний раз. В тот несчастный день Атакузы и не думал заходить в дом дяди. Пришлось все же забежать на миг за портфелем — забыл у них, закурился с этой защитой. Заехал, рассчитав наверняка, что

¹ К е л и н — так называют жену уважаемого человека.

старик еще не успел вернуться. Атакузы увидел Гульсару-ая на улице; старушка задумчиво сидела у арыка. Как же она засуетилась, поднялась навстречу Атакузы. Вся лучась добротой, спросила:

— Ну как там? Благополучно ли прошло у Хайдарджана?

— Дайте мне мой портфель!— вместо ответа рубанул Атакузы.

Гульсара-ая испуганно посмотрела на него и заторопилась к дому. Спотыкалась, бедная, на ровной земле. Вынесла портфель и, видно не справившись с собой, снова спросила:

— Сказал бы, милый, что там?..

— Что было там, у дорогого дяди узнайте! Кстати, передайте ему, ноги моей больше в этом доме не будет! — Атакузы круто повернулся и пошел к выходу.

— Кузыджан! — услышал он позади полный мольбы и страдания голос.— Кузыджан!

Но не остановился, ушел, громко хлопнув калиткой.

А вдруг упала тогда, в тот миг? Что, если убила ее именно его грубость? Нет, нет, не может быть...

— Слушай, Алия!— Атакузы сжал темный кулак.— Сейчас же позвони в партком, Халиде. Скажи — пусть попросит в автобазе «Латвию». И еще три или даже четыре легковых машины пусть подготовит! Ты тоже займись, приготовь что нужно. Старушка... Она завещала мне...— Атакузы на миг замолчал.— Завещала, когда умрет, похоронить ее в кишлаке. Я привезу ее сюда. И траур будет здесь! У нас! Поняла?

Из степи до кишлака двадцать километров, оттуда до Ташкента — двести пятьдесят. Время перевалило уже за девять. Если выехать не мешкая — часам к двум ночи будут в Ташкенте. Передохнут и — обратно. Пожалуй, так можно поспеть до солнца — как раз к бомдоду¹. Все будет по обычаю, как она просила, и похороны начнут в урочный предутренний час молитвы.

Халида молодая, но старательная: к приезду Атакузы успела повернуть все. Машины стояли, выстроившись в ряд. Отдав последние распоряжения Алии, у которой глаза распухли от слез, Атакузы немедленно тронулся в путь.

Он сидел на заднем сиденье «Волги», откинувшись на спинку, закрыв глаза. Тело ныло от усталости, но сон покинул его.

Вот уже больше часа, как Атакузы услышал тяжелую весть, а из памяти ни на миг не уходит Гульсара-ая, ее светящееся добротой кругленькое личико, приветливые глаза, обеденные сурьмой. Как она сидела у арыка, как испуганно посмотрела... Сердце его так и леденеет от мысли: не тогда ли, не от его ли окрика!.. Упала, а потом уже в больнице... Нет, нет! Ведь в последнее время совсем сдала... Одиночество, горькие думы о сыне доконали ее. А он, Атакузы, всю желчь свою обрушил на голову этой бедняжки. Ах, нехорошо, нехорошо... Впрочем, и дядя тоже постарался. Правдолюб! Да пусть он хоть тысячу раз прав, Хайдар ведь не чужой ему. Не зря говорится: если хочешь в друж-

¹ Бомдод — моление до восхода, к которому приурочивают похороны.

бе жить с родным человеком, называй его батыром. Родичи должны поддерживать друг друга. И все же... да пропади она пропадом, эта диссертация! Не перевернется же Земля от того, что Хайдар не станет кандидатом! Это же самое Атакузы говорил в тот день и сыну, и зятю — будущему зятю! Так и заявил: чем быть на побегушках у очкарей-профессоров да всю жизнь корпеть над бумагой, ехали бы лучше в степь! Стяните потуже пояса, засучите рукава — и по-молодецки на бой с пустыней. Наставлял их он уже после банкета, когда остыл от речей и вина. А на самом торжестве, пропустив рюмку-другую, наворочал такого, что тяжело и вспомнить! Развязно предложил тост за здоровье ученых мужей. И понес, и пошел плести: за тех, что избегают говорить правду открыто, зато потом, при тайном голосовании, дают человеку подножку. И как еще земля держит таких, у которых в душе — одно, а на языке — другое? — удивлялся он громогласно. Молодежь — друзья и товарищи Хайдара и Кадырджана восторженно слушали, рты до ушей! Поддакивали одобрительно. Но гости посOLIDнее, потемнев, стали подниматься, покинули зал...

Да, в тот день он не смог обуздать свою гордость. Хотел даже пойти к дяде, «крупно поговорить» с ним. Хорошо еще, Тахира остановила, тем только и убедили, что, мол, обидит он не столько дядю, сколько тетушку Гульсару! Во хмелю, во гневе набил бы он там кувшинов...

Атакузы почувствовал, что задыхается, расстегнул ворот, выставил голову из окна под ветер.

Машины цепочкой светлых точек мчались по равнине, погруженной в тихий, спокойный мрак. Высокое бархатно-черное небо было полно звезд: хоть бери пригоршнями и заново по небу рассыпай... Ясная, тихая ночь! А Гульсара!.. Бедная!.. Ушла из брэнного мира, так и не узнав счастья!..

Атакузы снова откинулся на спинку сиденья. Вспомнились вдруг студенческие годы. Уже после войны. Дядя жил тогда в центре Ташкента, на улице Карла Маркса. В годы войны, когда в Ташкент начали прибывать эвакуированные, он передал свой просторный дом горсовету, оставив себе небольшую комнатенку. В этой сумрачной, полной книг сырой боковушке отыскалось место и для Атакузы: вечерами он ставил за огромной голландкой раскладушку, а утром выносил в маленький сарайчик во двор.

Домла ложился рано и рано вставал. Гульсара-ая давно приспособилась к образу жизни мужа. Но с приездом Атакузы изменила свой распорядок, подстраивалась уже под племянника. Все ждала, когда Атакузы возвратится из института, дремала у печки, собравшись в комочек. А чуть услышит шаги — сразу, бывало, вскочит. Встречала, грела ему ужин. Пока он ел, сидела, подпирая подбородок, не отрывала от Атакузы добрых усталых глаз. И так целых пять лет!..

Любила Гульсара-ая Атакузы еще и за то, что он знал тайны Джаббара — бегал в детстве почтальоном у Джаббара и Фазилатхон.

С каким вниманием слушала рассказы об их любви. Атакузы, конечно, обходил злополучную историю, связанную с Бурибаевым. Рассказывал, как Джаббар приезжал в кишлак, чтобы встретиться

с Фазилатхон, про письма его к ней, про ответы девушки. Особенно занимали Гульсару-ая подробности: где, когда и как встречались. Она, казалось, так и впитывала его слова, боялась упустить мельчайшую подробность. А потом смахнет слезу, просветлеет лицом и мягко укоряет:

— А в прошлый раз ты об этом не говорил. Вот, значит, как оно было...

Да, в те годы Атакузы не раз давал себе клятву до конца своей жизни служить старикам, во веки веков не забывать их доброту. Где она, эта клятва? Сделал ли он им хоть что-нибудь хорошее на старости лет? Утешил ли, поддержал, согрел ли их одиночество? Обзавелся семьей, детьми и забыл о своей клятве. Увяз в мелочных заботах, в делах. Дела! Они, наверно, кончатся лишь со смертью!

Трогаясь в путь, Атакузы собирался прямо, никуда не сворачивая, ехать к дяде. Теперь, под тяжестью горьких дум, в нем росла неуверенность. Как же это все-таки произошло с Гульсарой? Атакузы ведь ничего толком не знает. Как поведет себя дядя, когда племянник подкатит с вереницей машин? По прямоте своей вполне может обрезать: «Сделал свое черное дело, а теперь появился со слезами? Живую не ценил, так нечего тебе делать и на похоронах!»

От старика можно ожидать и такого!

Дом, где жил Хайдар, стоял неподалеку от шоссе. Атакузы велел шоферу остановиться. Подождали, пока подойдут остальные машины, и затем все подъехали к дому Хайдара.

Уже давно перевалило за полночь, в окнах Хайдара не было света. Может, он у дяди?

Дверь открыл Кадырджан. Должно быть, хорошо «поддал», глаза распухли, волосы растрепаны. Увидел Атакузы и весь съезжился. Атакузы отстранил Кадырджана, стремительно прошел в комнату. Так и знал — на столе пустые бутылки, остатки закуски, огрызки яблок. Дверь из спальни приоткрылась, показалась голова Хайдара.

— Тахира где?— спросил Атакузы, темнея.

— Она... у дяди.

— Ты узнал, как это случилось?

— А как еще могло случиться? Старик сам виноват. В тот день, как пришел, поссорились они, раскричался. И бедная Гульсара-ая... Сердце ведь у нее большое... Два дня еще пролежала в больнице, да толку что. Так в себя и не пришла.

Атакузы невольно почувствовал облегчение. Укорил сына:

— Родная бабушка умерла, а ты здесь дрыхнешь?

Хайдар опустил глаза.

— После того, что произошло, я не хочу...

— Что-что? Что ты там бормочешь?

— Могу и громко сказать. После того, что устроил ваш дядя на моей защите...

— Мерзавец!— Атакузы подскочил к сыну, с размаху плеснул ладонью по лицу.— Такое горе навалилось на твоего родича, а ты со своей несчастной защитой! Катись она ко всем чертям! А ну,

собирайся! И ты!— Атакузы с ненавистью взглянул на Кадырджана.— Есть в вас хоть капля совести?.. Сейчас же спускайтесь вниз!

...Дядя, как и думал Атакузы, сидел перед воротами сгорбленный, перетянутый траурным пояском. Рядом стояли и сидели еще несколько человек, должно быть соседи.

Поворачивая в эту улочку, Атакузы распорядился замедлить ход машин. Медленно, освещенный тусклым уличным фонарем, приближался согнутый, поникший старик. Атакузы смотрел на него и вспоминал похороны своей матери. Давно это было. Дядя, оповещенный телеграммой, приехал в кишлак в тот момент, когда выносили из дома гроб. И домла, большой, грузный, одетый по-городскому, в шляпе и макинтоше, вдруг громко, во весь голос запричитал: «Сестра моя, родная! Единокровная, ненаглядная моя сестра! Зачем ты безвременно покинула нас?» Те, кто нес гроб, невольно приостановились. И так необычен был этот горящий большеголовый человек, что все — и стар и млад — вместе с ним громко зарыдали.

Атакузы вспомнил ту горестную картину и, выпрыгнув из медленно движущейся машины, сам громко запричитал:

— Тетушка моя, вы согрели, приветили меня, сироту! Тетушка моя, вы мне родную мать заменили! Ах, тетушка, тетушка моя, сгорели вы от тоски-печали по единственному сыну! Зачем оставили нас, покинули навек сиротами?

Домла шевельнулся.

— Где ты? Где ты, племянник мой? Вот и разлучились с незабвенной Гульсарой...

И зарыдал, как малое дитя, уткнулся в грудь Атакузы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Наступал сороковой день со дня кончины старой Гульсары, последний день траура.

Стояла тихая лунная ночь. Громадное кладбище, окруженное белыми от лунного света, высохшими карагачами, тутовником и чинарами, глядело пугающе мрачно.

Здесь все казалось мертвым. Большие деревья и даже молодые побеги, пробившиеся из старых корней, были совсем сухими — ни зеленой веточки, ни листочка. Холмики, хранившие мертвых, покрывала желтая, сухая трава. Только верблюжья колючка росла привольно, ей не нужна людская забота, не страшны ни засуха, ни жара. Люди, казалось, забыли про это кладбище. Может быть, темп работы Атакузы захватил их, не оставил времени позаботиться о мертвых? Домла Нормурад грустно оглядывал унылые заброшенные могилы. Хоть бы зелено было вокруг, хоть бы одно дерево живое, а на холмиках плиты — дань и память усопшим. Но он же философ — что такое эти плиты и зелень перед беспощадностью смерти? И скромные плиты, и все великие гробницы — что такое они перед бесконечностью?

Ученый человек, много повидавший на своем веку, Нормурад не боялся смерти. Естественный, закономерный итог жизни. И все же... Смерть Гульсары, он чувствует это, жестоко согнула его!

В стороне чуть слышно кашлянул Атакузы:

— Получается нехорошо...

— Что тут нехорошего...

— Как-никак траур не закончился. Люди все еще приходят. А вы и вчера пропадали здесь, и сегодня опять.

— Вот что, дорогой, оставьте меня в покое!

— Ну что ж, поступайте как знаете,— покорно согласился Атакузы, но резкость дяди, видимо, задела его.

Дверца машины, как выстрел, хлопнула на все кладбище. Резко и враждебно зашумел мотор в мертвой тишине, ослепительно яркий луч фар саблей рассек темноту, высветил на миг одинокую, чуть согнутую, но все еще крепкую фигуру старика, и машина, как бы спеша нырнуть в свой собственный убегающий свет, исчезла во мраке.

Домла понял, что напрасно обидел племянника, на миг понурился и тут же забыл обо всем.

2

Он медленно двинулся вниз по знакомой тропинке, заросшей янтаком и верблюжьей колючкой. Плотная, чуткая тишина окружала его. Лишь сверчки стрекотали да вниз, в кишлаке, квакали лягушки. А сам кишлак, утонувший в лунном сиянии, казался огромным темным лесом.

Домла медленно спускался. Но что это? Его лица коснулся нежный, едва уловимый ветерок, тихо зашелестели листья. Он поднял голову: перед ним была могила местного «святого» — Куйгана-ата. Удивительно, все кругом иссохло, обуглилось, а здесь два огромных тутовых дерева стояли полные свежести, зеленели, шумели листвою. А ведь прожили долгу жизнь, раза в три, наверное, дольше домлы.

В пору детства Нормурада сюда, на могилу «святого», привозили для исцеления больных, потерявших разум. К этим двум шелковицам их приковывали цепями. Дикие вопли несчастных по ночам до дрожи пугали детей и женщин...

Домла зашагал быстрее — уйти от жуткого места. В самом шелесте листьев теперь слышались ему стоны безумцев. Прошел немного, еще одно далекое воспоминание всплыло в памяти...

Шел девятьсот шестнадцатый год — год змеи. Весной не выпало ни капли дождя, и осенью ничто не уродилось. Надвигались голодные дни. Скот началдохнуть. К этому времени умер отец Нормурада. Мелкий торговец, он вмиг разорился, как только началась война с немцами. После смерти отца Нормураду лишь одно и оставалось — идти в мардикеры — ополчение, объявленное белым царем, Николаем Вторым.

Перед смертью отец выполнил свой святой долг — женил сына на Гульсаре. И вот Нормурад, не слушая рыданий молодой жены, лишь вчера перешагнувшей порог его дома, не внимая слезам матери, ступил на этот единственный возможный для него путь...

Стояла поздняя осень. Здесь, на кладбище, вечером, перед заходом солнца, собрались сто джигитов. Это были новобранцы-мардикеры, пришли сюда за день до отправления в армию, чтобы прослушать напутственную молитву — ак-фатиху. Таков обычай.

Веселые кишлаки — из тех, кто вместо своих сыновей нанял в мардикеры сыновей бедняков, — устроили у кладбища угощение: зарезали для такой цели барана, а в жертву, как полагалось при ак-фатихе, забили еще и вола.

Отслужили намаз, джигитам подали на блюдах шавлю — рисовую кашу. Ишан прочитал из Корана напутственную ак-фатиху, и все тронулись с места. В этот-то момент один из парней, Ураз-Хураз, и крикнул: «Э, народ!» Бойкий был парень Уразкул, прозвище «Хураз», что значило «петух», получил за петушиный задор, ухарство.

— Судя по слухам, — начал он, когда все остановились, — отцы кишлака прочат нам в юзбаши Кудратходжу, сына Вахидходжи. А что нам Кудратходжа? Только тем и знаменит, что из богатого рода! Послушайте моего совета, джигиты, давайте выберем в юзбаши нашего друга Нормурада. Подходящий будет сотник. И из семьи хорошей, и в медресе учился, видел город, разбирается, где черное, где белое! Что бы вы сказали на это, мумины?

Мумины — истинно верующие молодые парни — ответили в один голос:

— Правильно!

— Знаем Нормурада!

— Честный он джигит!

Известно, последнюю просьбу приговоренного к смерти принято уважать. Джигиты шли на фронт, и предложение Уразкула, поддержанное почти всеми мардикерами, начальство не отклонило. Так Нормурад стал сотником — юзбаши кишлачных джигитов. Прибыли в Россию, сошли в городе Пензе, и здесь на плечи молодого юзбаши навесили погоны — утвердили в звании сотника!

Домла вышел за ограду кладбища, откуда начиналась дорога на кишлак. Она круто спускалась вниз. Идти стало легче. Вот впереди в лунном свете забелели первые дома, глиняные дувалы, огораживающие дворы, зашелестели сады, повеяло свежим ветерком. Картины далекого прошлого одна яснее другой вставали перед ним. Он шел как во сне — ярком, тревожащем душу.

Ночь. Большая комната совсем пуста. Все вещи, посуда — все продано, нет, не продано, выменано на фунт-другой ячменной или кукурузной муки. Старая бархатная занавеска — чимилдик — отгораживает угол новобрачных. Там в отсвете тусклой масляной лампы видна Гульсара. Она уронила голову на руки, беззвучно плачет, плечи ее дрожат. Гульсара небольшого роста, хрупкая и очень еще юная. Нормураду кажется — плачет маленькая девочка, всхлипывает от горькой обиды. Он нежно обнимает жену, гладит мягкие шелковистые волосы, от них пахнет базиликом. Ее волосы всегда так пахли... Нормурад что-то шепчет ей на ухо. Гульсара уткнула лицо, мокрое от слез, в его грудь и зарыдала еще сильнее...

От полутемного угла большой комнаты, от переполненных слеза-

ми глаз Гульсары мысли домлы перескакивают совсем в другое место, в другое время...

Здание вокзала, напоминающее старую русскую церковь. Огромная площадь перед ним и вся степь за нею до самого горизонта полны народом, кричащих верблюдов, ревущих ослов, кокандских арб на огромных колесах, ржущих коней. Всюду говор и плач. Женщины с завешенными черными лицами причитают, словно над покойником. Один из провожающих высоким голосом, как муэдзин, читает молитву, призывая аллаха не оставить милостью их детей... Резкий, долгий свист паровоза! Ударяет колокол под куполом вокзала. Рыжебородые казаки-усачи, играя плетками, теснят джигитов к вагонам. Отчаянный, немислимый вопль оглашает степь, вздымается к небесам.

Огненная арба, так называли в кишлаках паровоз, издав последний пронзительный свисток, тяжело пыхнула паром, загромычала — все чаще, чаще, и вот бесконечная цепь красных вагонов потянулась за паровозом. И вся огромная толпа двинулась вслед. Кто на коне, кто на осле, на верблюде, на волах и пешком, вопя и причитая, побежали, поскакали за вагонами, словно в силах были остановить эту огненную арбу.

Очень скоро отстали пешие, ушел поезд и от тех, кто погонял ослов и волов. Лишь несколько конных да старик киргиз на одnogорбом верблюде долго еще скакали вслед, и долго еще видны были их фигуры, нелепо размахивавшие руками, пока совсем не исчезли из виду.

Да, было дело. Мало кто остался в живых из тех джигитов, с кем отправился он в мардикеры. Большая часть их давно ушла из этого мира, да будет их сон спокойным. Оставшихся в живых можно пересчитать по пальцам. Жив еще Уразкул, тот самый Ураз-Хураз, что предложил его в сотники. И между прочим, в живых ходит и сын Вахидходжи — Кудратходжа. С этим человеком в начале коллективизации жизнь свела его снова. Нормурад послан был в кишлак на борьбу с кулаками, и именно ему пришлось раскулачивать Кудратходжу! Своими руками вытаскивал из его лавок кованные сундуки, набитые товаром. Высланный тогда же, в тридцатые годы, Кудратходжа пропал без вести, исчез, как в воду канул. Но в середине пятидесятых вдруг объявился — цел и невредим, воротился из далеких краев. С тех пор живет в кишлаке, дурманит голову водкой да анашой. Как придет Нормурад в кишлак, от анашиста прохода нет: увидит, поймает за рукав и начинает о «высоких материях...». Жив еще и Прохор Поликарпов. Служил тогда толмачом среди мардикеров. Сейчас работает в горах, в лесничестве.

Прохор ждет не дожидается встречи с Нормурадом. Уж как рад бывает, когда Нормурад, не часто правда, навещается к нему в горы.

Нормурад приостановился, показалось, гудит мотор... И тут же понял: шумит вода на кишлачной мельнице.

Значит, он уже спустился в лошину. Ранней весной река бурлит, прыгает, точно вздыбленный конь, а теперь русло пересохло, превратилось в зеленый, с высокой травой луг. Хорошее пастбище. Вот и сейчас в темноте слышно — поскакивают стреноженные кони, тяже-

ло вздыхают залегшие в траве коровы. А с той стороны лощины ветер доносит мельничный шум.

Знакомый с детства шум воды, стекающей по желобу, тихо хлюпают лопасти мельничного колеса! И вот уже ход мыслей повернулся.

Здесь, у этого колеса, теперь уже никому не нужного, трудился отец Гульсары. А чуть выше, в начале плотины, стояла их, Шамурадалавочника, мельница. В кишлаке эти места так и прозвали: куш тегирмон — две мельницы...

Зимой семьи жили в узких, сырых домах за старой крепостной стеной. Теперь ее уже нет. Атакузы все перестроил. Тесно и уныло жилось в тех домах. Зато весной, в половодье, когда на деревьях лопались почки, народ выезжал в сады, разбитые вдоль лощины. Они и сейчас бушуют по склонам. Что это был за праздник для детворы! Нежная, чистая, словно вымытая, трава покрывала берега речки, голова кружилась от весенних запахов: мята, клевер, клейкие желто-зеленые листочки, по-весеннему красная кора на стволах тала — все слало свой особый аромат. Нормурад, кажется ему, никогда уже потом не дышал такой полной грудью. Пора детства!..

А сколько было анстов в те далекие времена! На верхушках каждого тополя, каждой чинары и даже на куполах мечетей — огромные гнезда. Все небо над кишлаком — высокое, весеннее небо — словно в белых облаках, — это в вышине плыли на широко расправленных крыльях белоснежные прекрасные птицы.

Память подбрасывает и иную, тоже давнюю картину. Нормурад после трех лет учебы в Ташкенте вынужден был вернуться в кишлак. Разоренный отец умирающий лежал в постели. Мельницу купил Вахидходжа. Он пригнал людей спиливать тополя у плотины. Невдомек было богатею, что через каких-нибудь десять — двенадцать лет сын разоренного Шамурада конфискует и мельницы, и лавки его собственного сына Кудратходжи!

...Солнце высоко стояло над мельницей, небо было безоблачно. Нормурад так отчетливо видит все, будто случилось это вчера. Люди с арканами, с топорами подошли к тополям. Аисты словно поняли, почуяли беду. С тревожным «гач-гач!» взлетели с гнезд. Обеспокоенные их криками, поднялись и аисты из соседних садов, с куполов мечетей, а за ними и с кладбищенских вязов. Все небо заполнилось облачно-белыми птицами. Их крики, казалось, должны разбудить весь мир. И в этот миг от нижней мельницы донесся отчаянный вопль:

— Нормурад-ака! Велите им, чтобы не рубили! Велите!..

Кричала Гульсара! Она прижалась к стене мельницы и плакала — высоко, пронзительно, жалобно. Но белый тополь, подпиленный людьми Вахидходжи, уже клонился набок, уже подминал огромным стволом соседние тополя, ломал как бы падающими с небес могучими ветвями шелковицы и карагачи. Рухнул старый тополь, и содрогнулась земля! Гнездо аиста, пока падало дерево, отделилось от его вершины и на миг повисло в воздухе, потом медленно перевернулось, полетели вниз сухие хворостины, перья, высохшая шкура змеи — к ногам онемевшей Гульсары...

Еще он помнит...

Хватит! Зачем бредишь душу воспоминаниями, Нормурад? Подумал бы хоть теперь, старый воробей, как протянуть в покое остаток жизни. Переехал наконец в родной кишлак — об этом же мечтал последние годы. Хотел создать здесь библиотеку, просвещать молодежь, вот и займись этим.

Не так представлял домла свое возвращение в кишлак раньше. Рядом с ним должна была жить Гульсара. Он видел себя в очках, в свободном, просторном халате — беседует с ребятами, которые пришли за книгами, а старушка хлопочет, готовит чай. Как она хотела жить с ним в кишлаке, на покое, в тишине, вдали от тревог, чтобы можно было наконец с утра до ночи заботиться о нем.

Что же делать? Не сегодня, так завтра и ты покинешь этот мир. Но до того дня, до того последнего дня, когда закроются глаза, надо жить! И надо доводить до конца начатое дело. Кончай, старик Нормурад, брось терзать себя. Терпи, старик, терпи!..

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Люди с поминок уже разошлись. В большом доме Атакузы светилось лишь одно окно. Зато новый дом в глубине двора, построенный для Хайдара, весь был пронизан яркими огнями. Из открытых окон неслась музыка, слышались взрывы звонкого девичьего смеха.

«Ах, молодежь, молодежь!— вздохнул Атакузы.— Приспичило! Не могут подождать день-другой!»

Осторожно, стараясь не шуметь, поднялся на айван большого дома. Отсюда, с открытой веранды, хорошо видна была гостиная. У самого окна, чуть наклонив голову, прикусив нижнюю губу, Алия гладит рубашку. Знакомая с молодости привычка. Всегда так склоняет голову и прикусывает губу, когда сосредоточится на каком-нибудь деле. Теплая волна поднялась в душе. Алия переступила уже порог сорокалетия, родила ему троих сыновей и дочь — а все еще по-девичьи тонка. И лицо молодое, лишь на щеках у тонкого прямого носа и на лбу обозначились первые морщинки да что-то в глазах стала заметна усталость.

Атакузы бесшумно открыл дверь.

Алия взглянула на мужа:

— А где же дядюшка?

— На кладбище. Видно, хочет испросить прощения у тетушки за грехи молодости...— Атакузы улыбнулся, но его остановило серьезное лицо жены. Подошел, обнял нежные узкие плечи.— Спасибо тебе, мать!

— За что это?— Алия широко раскрыла глаза, продолжая гладить.

— А как же... Нелегко было тебе. Вот уже полтора месяца что ни день — всё люди.

— Ладно уж,— Алия сильно провела утюгом по белью.— Кто же

еще, кроме нас, поможет бедному дяде? Был бы жив их сын... Ночью как подумала, так и не смогла уснуть...

— Ну, мы сделали все, больше даже, чем родной сын!— Атакузы наморщил лоб.— Весь народ видел. Не было человека, кто не сказал бы мне спасибо. Да оставь ты свой уют. Давай поговорим!— Атакузы присел на диван, сунул под бок подушку. В запавших от бессонницы глазах блеснула озорная улыбка, и лицо, чуть скуластое, загорелое дочерна, подобрело, смягчилось.— Ну, как там двигаются дела, ханум? О свадьбе говорю. Что думают молодые?

— Молодые...— Округлое, белое лицо Али зарумянилось.— Зятек наш будущий торчит тут с утра до ночи. Интересная пошла молодежь! Не стыдятся ни тещи, ни тестя.

— А дочь где?

— Веселится вместе с ними!

Густые брови Атакузы на миг сошлись на переносице и тут же разгладились.

— Ладно! Их время сейчас! Пусть делают как знают! Ну а что твоя будущая невестка, тоже здесь? Нет? Отчего так? Или эти чересчур современны, а она, вроде тебя, отсталая?— Атакузы встал, выпрямил спину, поправил ремень на плоском животе.— Хорошо! Поговорю с ними сам. Но и ты скажи своей сватье... Фазилатхон. Если дочь будет хорохориться, то и для сына ее не будет моей дочери!

— Бедняжка, разве она сама может решать...

Вчера утром возле правления Атакузы неожиданно встретил Латофат. Она не такая шеголиха, как Тахира, но надо отдать должное — хороша. И опять напомнила она ему Фазилат в пору ее цветения. Та же яркая, бросающаяся красота. И, как всегда при встрече с Латофат, тревожно заныло сердце. А тут еще узнал, что будущая невестка ненаглядная надумала дальше учиться и сюда приехала не одна, а с научным руководителем из Ташкента, с тем самым — с жердью. Собирается ставить здесь какие-то опыты! Ставь, ставь... Если что, то и братцу твоему не видать Тахиры.

— Бедняжка... Тоже мне!— Атакузы нехорошо усмехнулся.— Я говорю серьезно. Пусть только отколет какое-нибудь коленце.— Атакузы решительно вышел из комнаты.

Полумесяц, только что сиявший в небе, спрятался в гуще деревьев, небо было полно белых крупных звезд, одна ярче другой. Атакузы прошел мимо густых гранатовых кустов в глубь сада. Там, в глинобитном дувале, темнела калитка в соседний двор с четырехкомнатным домом. Здесь поместил Атакузы своего дядю. А раньше здесь жил главный механик колхоза Наимджан со своей семьей. Атакузы переселил его в один из новых домов на окраине кишлака. Наимджан, парень простой, добродушный, как будто ничего не имел против, только жена у него горластая, уперлась, как коза: никуда отсюда не перееду. Потом вроде бы примирилась, но, когда переезжала, навешала, что называется, на раиса всех собак. Уж такой шум подняла! Было чему порадоваться недругам Атакузы. Есть такие — денег не пожалеют, только подай скандал. Скверно, что и Атакузы не удержался. Пригрозил: мол, если захочет, не только из дома — из кишлака выселит. А еще хуже —

не владеет он собой в гневе — перевел мужа ее на работу в степь. Правда, для этого предлог нашелся — укрепить надо хлопководческую бригаду. Но ведь и Наимджан тоже не дурак, понял, конечно, что к чему.

И кто же мог знать, что дело дойдет до такого скандала? Запросто устроил бы дядю в другом месте. В другом? А кто бы там присматривал за ним? Кто ухаживал бы на старости лет?

Только что отремонтированный дом еще не совсем просох, в нос ударило острым запахом свежей краски. Атакузы нащупал в темноте выключатель, зажег свет. Направо из коридора шла дверь в небольшую комнату — спальню. Налево — в гостиную. Здесь сейчас горой лежали книги.

Атакузы опустился на корточки, не без волнения потрогал аккуратно перевязанные белыми тесемками пачки книг. Он любил книги, особенно по истории государств. Ведь в свое время окончил исторический факультет, мог бы историком стать. Да вот завяз... Алия тоже знала цену книгам. Но собранные им и его женой книги — капля по сравнению с тем, что у старика. И десятой части не составляют от его библиотеки.

Да, если вдуматься, большой человек дядя! Целый кладезь знаний. И при всем при том есть в нем много такого, что Атакузы не может понять.

Домла пусть не каждый год, но, во всяком случае, через год-два обязательно навещал кишлак. И всякий раз его приезд становился для Атакузы испытанием. Казалось, не было такого дела, куда бы дядюшка не сунул нос!

Ведь это он, Атакузы, все оттягивал переезд стариков в кишлак — все колебался, хорошо знал характер дяди. А теперь, после смерти жены, пришлось перевезти, не оставишь же одного. Атакузы — единственная его опора. Покойная мать при жизни не раз говорила: «Он один только и остался из наших родных, твой дядя. И судьба обидела его. Ты уж сделай все, согрей его старость, сынок!»

Однако что это? Кажется, кто-то зовет?

— Отец! К телефону! Из обкома...

«Шагай, Атакузы, дела ждут!» — скомандовал себе.

2

Алия встретила его на айване.

— Халмурадов... — сообщила шепотом.

«Должно быть, получил уже мое письмо».

Неделю назад Атакузы послал на имя Бекмурада Халмурадовича жалобу — доняли-таки его стробительные организации. В прошлом году Халмурадов собственной рукой заложил угловой кирпич под фундамент первого дома будущего городка в степи. Должен бы помочь...

Атакузы, стараясь не показать волнения, сказал:

— Видит бог, не хотел я тревожить вас, Бекмурад Халмурадович. Но ведь вы стояли у истоков дела, своей рукой заложили первый

кирпич. И вот теперь... Все застопорилось, ни шагу вперед, только назад, назад...

— Ладно, ладно,— перебил Халмурадов.— Через пару дней соберем у вас в степи руководителей строительных организаций, проведем летучку,— пожалуйста, выкладывай все, что на душе.

— Спасибо, тысячу раз вам спасибо!

Атакузы собрался уже попрощаться, но услышал легкое покашливание секретаря обкома.

— Есть еще один разговор. Вы слышите меня, Атакузы-ака?

— Слышу, слышу...

— Дело в том... Возможно, на днях к вам заглянет комиссия.

Сердце Атакузы екнуло. Еле перевел дух.

— По какому вопросу?

— Не телефонный разговор. Потом. Но...— в трубке опять покашливание. Видно, Халмурадов что-то тянул, недосказывал.

Атакузы лихорадочно, мучительно перебирал: кто мог наклеузничать? Может, снова всплыли мраморные плиты? Или... Недавно был с Шукуровым разговор насчет стройматериалов... Может, он и наговорил чего...

— Нет-нет,— перебил его Халмурадов. Оказывается, Атакузы высказал свою мысль вслух.— Шукуров, по-моему, уважает вас,— продолжал секретарь.— Словом, не слишком беспокойтесь. Комиссии могло и не быть. Жалоба попала в руки первого. Да, может, еще никто и не придет. Не расстраивайтесь. Вы слышите меня, Атакузы-ака?

— Бекмурад Халмурадович! Товарищ секретарь обкома!— Атакузы обожгла обида.— Освободите меня от этой работы!

— Вот тебе на!..

— Я серьезно говорю. Видит аллах, все эти комиссии...

— Хватит! Не нойте!— В трубке резко щелкнуло; должно быть, секретарь обкома ударил рукою по столу.— Чтобы больше я не слышал такого! Вы не ребенок! Даже если комиссия — это еще не значит, что мы вам не верим! Сам разговор мой с вами доказывает обратное. Понятно? Так что работайте и не сбавляйте темпов. Всего хороше...

Частые гудки в трубке прервали последнее слово. Атакузы не успел даже сказать «до свидания».

Секретарь не сообщил ему ничего нового, не впервые Атакузы слышал такое. И все же до самого рассвета не сомкнул он глаз. В ушах звенело часто и тонко: пи-пи-пи!

Вот уже более двадцати лет Атакузы председатель. За эти годы он забыл, что такое покой. А уж настроил, наворочал сколько! Один поселок чего стоит — белый, благоустроенный, красивый современный городок. А было: грязный, запущенный кишлак Йиглаган-ата. Узкие кривые улочки, на площадях горы золы и мусора — все это вместе с развалинами крепостных стен, с руинами древнего кургана — всю эту рухлядь Атакузы снес с лица земли. Новые, светлые дома стоят теперь на прямых широких улицах. Густые тенистые аллеи и даже парки к услугам жителей нового кишлака. Зловонные хаузы засыпаны землей, вместо них вырыты и обсажены деревьями новые хаузы — чистые, прозрачные пруды. Атакузы не устает расширять

колхоз. В позапрошлом году взял обязательство освоить три тысячи гектаров земель в степи, по соседству — там, куда пришла вода. Там тоже будет новый городок, сады и парки. И за все, за все старания что он получает? Одна жалоба за другой, кляуза за кляузой! В первое время Атакузы плевал на жалобы, на комиссии — их тут достаточно побывало, проверяли. Но, видно, возраст берет свое. Обидно, все ведь силы и здоровье отдал колхозу, ноет душа от людской неблагодарности, не из камня же он. Тоже ведь человек!.. Да и громадное дело, которое сейчас затеял, многого требует. Приходится иной раз и обойти инструкции. Ничего не поделаешь. Если крепко держаться за букву закона, останешься с пустыми руками! Например, обязан он дать по плану пятнадцать тысяч тонн хлопка. Страшно даже подумать — из легчайшего пуха, по граммам собирать эти тысячи, и не килограммов, не центнеров — пятнадцать тысяч тонн! Чтобы добыть их, нужна тысяча тонн удобрений! А отпускают не больше пятисот. Вот и доставай как знаешь, хоть из-под земли. А не достанешь — уплывут твои пятнадцать тысяч тонн, и стой тогда осенью по стойке «смирно» на бюро райкома, а то и самого обкома!

Все это он недавно выложил Шукурову.

А было так. Весть, что его приглашает Шукуров, нашла Атакузы в степи. Время приближалось к вечеру, и Атакузы совсем некстати было ехать в район. По дороге у шалаша первой бригады наткнулся на Наимджана. Он, как перевели его в степь, замкнулся, ходит понурый, мрачный. А на этот раз — что такое? — улыбается во весь рот. Наимджан взвешивал в руках две большие, каждая с чайник, желто-зеленые дыни-скороспелки — хандаляшки по-местному.

Атакузы загорелся, выскочил из машины:

— Поспели?

— Еще как! Мед! Попробуете? — Наимджан выхватил из ножен, висевших на пояске, небольшой кривой нож, ловким, быстрым взмахом провел по дыне. Ломтики таяли во рту, а уж пахли — сладость!

И тут вдруг осенило Атакузы:

— Найдется с десяток?

— Десять — нет, штук пять сыщем.

— Давай сюда! — весело потребовал Атакузы.

С этими дынями-скороспелками он и прикатил к дому Шукурова. Уж как удивилась Махбуба этим нежно-золотистым хандаляшкам, сколько было радости! А две ее дочки просто визжали от восторга, так и накинулись, схватили по дыньке. В это время подъехал и сам Шукуров:

— Что тут происходит?

— Это? — сказал Атакузы и подмигнул Махбубе. — Это взятка, Абрар Шукурович. Узнал, что опять по жалобе вызываете, ну и решил подсластить ваши уста...

Шукуров взял золотистую хандаляшку, повертел в руке, засмеялся:

— Хороша взятка!

Атакузы хотел было продолжить шутку, но вовремя сдержался:

— Первый плод нашего труда в степи!

— Но-о? Это здорово! — Шукуров сгреб своих визжавших дочек

в охапку, понес во двор.— А вы угадали насчет жалобы,— улыбнулся через плечо.

— Не иначе, опять настрочил старый хрыч Аксакал — белобородый?

— Нет, на этот раз строчили не белобородые, а чернобородые хрычи!— снова засмеялся Шукуров.

Так удачно началась беседа. Потом за столом выпили по рюмке вина, и Шукуров объяснил: есть, мол, разговоры, будто Атакузы норовит отхватить жирный кусок за счет соседей. Вот тут Атакузы и выложил все свои обиды.

Шукуров ни разу не прервал его, выслушал до конца. Но все-таки, хоть и мягко, пожурил:

— Я понимаю, не для себя стараетесь. Но вы же не один в районе.

Выходит дело, и этот не понял. А теперь комиссия. Нет, видимо, как ни старайся, все равно не оценят! Хоть все здоровье положи, жизнь отдай ради нужного дела — никто даже спасибо не скажет. Так к чему стараться, зачем ему это?

Атакузы ворочался, гнал думы, но сон не шел. В конце концов поднялся, вызвал машину.

3

Шофер у Атакузы лихой. Недаром прозвали Учар. Летун, одним словом. По взгляду умеет угадывать волю раиса. Он уже ждал у ворот. Атакузы коротко процедил:

— В степь! — И вдруг передумал: — Погоди, прокатай сначала по кишлаку.

— По какому кишлаку?

— По нашему! Начинай с правления, потом — по всем улицам!

Учар вскинул брови: «Интересно получается». Нажал на газ.

Восток только начал светлеть, и даже рано пробуждающийся кишлак все еще спал.

Посередине большой площади перед правлением, сплошь покрытой ярким, никогда не вянущим газоном, взмывал в небоobelisk в честь погибших в войну джигитов кишлака. Атакузы залюбовался убегающей ввысь мраморной стелой. Темно-зеленый мрамор, тот самый, что удалось вырвать из рук белобородого!

По одну сторону двухэтажного здания правления сплошная стена витрин — универмаг, по другую — колонны комбината бытового обслуживания, напротив красовался тяжелый, отделанный тем же зеленым мрамором портал Дворца культуры. А чуть поодаль влево, в глубине фруктового сада, белели два новых двухэтажных дома. Они смотрели друг на друга, разделенные двумя детскими площадками. Один дом — для детсада, другой — для яслей. Дальше шел котлован будущего огромного хауза, на дне громоздилась гора железных труб.

Оба дома Атакузы начал строить еще осенью — в ответ на постановление ЦК о дошкольных учреждениях. Халмурадов тогда одобрил его начинание, похвалил: «Правильно, поставил дело на широкую ногу.

Будешь у нас примером для всех. Проведем совещание. Напишем в газетах!»

А главное — появилась возможность пробить никак не пробиваемое — провести в кишлак природный газ: для яслей! Сколько нервов, хитрости, лести, бесконечных поездок стоили те вон трубы, что лежат в котловане хауза, припрятанные от недобрых глаз. Поймут ли люди его старания? Скажет ли кто спасибо? А может, так: его делами его же самого и начнут бить?

Сделав круг по площади, машина свернула мимо Дворца культуры направо. «Волга» стремительно неслась по прямой как стрела улице. По обе стороны мелькали — один под стать другому — стройные, будто свечи, тополя. Убегали назад одноэтажные дома — чистенькие, словно только что побеленные.

Объехав несколько улиц, «Волга» вылетела на плоско срезанную вершину высокого холма. Здесь была еще одна площадка. Еще просторнее первой.

— Стой! — Атакузы рывком открыл дверь, выпрыгнул из машины.

В двухстах шагах от места, где он стоял, сверкало стеклом и алюминием трехэтажное здание школы. Правее школы — пологий спуск к огромной чаше стадиона, слева рядами сбегали вниз деревца — фруктовый сад, заложенный самими школьниками.

С каждой минутой все отчетливее выступал просыпающийся под холмом кишлак. Солнце уже освещало улицы, дома, укрытые деревьями, лощину за садом и большое кладбище вдали за лощиной... Справа от кладбища, за холмами, как будто рядом, сверкали белозной снежные вершины, а у подножия горной гряды что-то клубилось, голубело в утреннем тумане — арчовые леса урочища Минг булак.

Там, на холмистых склонах урочища, гордость Атакузы — гигантское строительство животноводческого комплекса.

Он оглядывал с высоты свое хозяйство, любовался делом своих рук. Всмотривался жадно, будто в последний раз видел и эти сады, и поля, и утонувший в зелени кишлак. Будто прощался...

Глаза раиса загорелись, он посмотрел на шофера:

— Учарбай, помнишь, что было здесь лет пятнадцать назад?

— Как ни помнить! Одни развалины только и были.

— Спасибо тебе, сынок! Ну, поехали!

Учар искоса взглянул на председателя:

— Чем-то расстроены, раис-ака? Что-нибудь случилось?

— Нет, ничего особенного! — успокоил Атакузы, но простые слова Учара еще крепче растравили раны.

Кляузники... Бог с ними! На то они и кляузники. А вот в обкоме! По должности своей ведь обязаны быть справедливыми. Так разберитесь, поставьте ябедников на место! Нет же, шлют комиссию за комиссией, позорят имя его! Спасибо! Он выходит из игры! Сделал все, что мог. Народ не забудет его заслуг. Имя Атакузы навсегда вписано в историю кишлака, в каждую песчинку, кирпич, в каждый листик любого здесь дерева.

Машина вынырнула из зеленого массива сплошных хлопковых по-

лей, птицой взлетела на холм — последний холм, отделяющий кишлак от безжизненной степи.

Вот она, эта тревожащая душу Атакузы бескрайняя пустыня. Вот оно — серое мертвое море песка. И сердце — что сделаешь с ним? — опять забилося. Он вдруг словно увидел: там, в пустыне, вместо серых, мертвых барханов зеленели сады, молодо шумели на ветру.

«Да, все будет так! — Атакузы упрямо выставил вперед лоб, совсем как его дядя-домла. — Сначала закончу, что задумал. А уж потом, пожалуйста, заступай любой, кого пожелаете назначить! Вот так!»

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

Скрипнула дверь. Фазилат подняла голову.

— Не спите, мама?

— Сынок, я сейчас... — Нашарив в темноте шлепанцы, зажгла свет.

У порога, широко улыбаясь, стоял Кадырджан.

— Найдется что поесть?

— Плов остался. Подогреть?

— Давайте, давайте. Со мной Хайдарджан...

— Как это?... Как можно — до свадьбы?..

— Свадьба не за горами! Ждали конца траура, сами знаете, старушка нас задержала. Так что отец, — произнеся это слово, Кадырджан ухмыльнулся, — намечает той к концу месяца. Вы говорили с Латофат? — Под скулами заиграли желваки, серо-зеленые глаза холодно и жестко блеснули.

«Вылитый Джамал!» — подумала Фазилат.

— Говорила...

— Ну что она?

— Не знаю, ничего прямо не говорит...

— Не понимаю, что с ней стряслось? Может, снюхаться с кем успела?

Фазилат испуганно покосилась на дверь внутренней комнаты.

— Откуда ты взял?

— Откуда взял? Зачем она привезла сюда этого... заику?

— Он же ее учитель. Они думают...

— Вот, вот — думают! — передразнил Кадырджан, тряхнув длинными космами. — Поддерживайте ее. Где ей взять пример скромности... — не договорив, Кадырджан пошел к выходу, но у дверей остановился. — Как только Хайдар уйдет, я сам поговорю с ней!

Фазилат опустила веки, не смогла вынести холода серо-зеленых глаз сына. Попросила:

— Дождемся утра, сынок.

— Нет. Ни минуты больше не хочу ждать!

Фазилат вышла под звездное небо, направляясь в кухню, почув-

ствовала — в черной тени под виноградным пологом сидел Хайдар. Прикрыла лицо платком. В кухне действовала быстро — подогрела на газовой плите плов, оставшийся с вечера, поджарила яичницу, все передала сыну и пошла к себе.

Вот и сын, которого она вскормила, вырастила, заговорил о ее прошлом, корит мать.

А насчет дочки — Фазилат и без Кадырджана трясется со страха, глядя на ее странное поведение. Да и как не трястись, ведь все это на глазах у Атакузы!

Фазилат и боялась Атакузы, и любила его. Ведь письма Джаббара носил ей Атакузы. Босоногий, с нечесаной головой, с лукаво-озорными глазами. Потом началась война. Джаббар ушел на фронт. От тех счастливых лет осталась лишь связка писем, написанных его рукой.

Был ненастный зимний вечер, была последняя встреча с Джаббаром. Похоронка оказалась ложью. «Погибший смертью храбрых» неожиданно постучал в дверь. Фазилат чуть не упала на пороге, и лучше бы ей было упасть, умереть! Но умер Джаббар. Пал смертью храбрых. А вот Джамал Бурибаев вернулся цел и невредим. К тому времени у нее родился первенец — живой такой, смысленый мальчик... Что было делать? Она сама испытала, что значит безотцовщина, и не хотела такой же нелегкой судьбы сыну. Да и не только в нем было дело, сама Фазилат стала уже не та, не прежняя, надломилось в ней что-то. Так и сошлась она с Бурибаевым. А судьба первенца оказалась печальной. Семь лет ему исполнилось, такой озорной, такой сорванец был, в первый класс пошел... И попал под машину.

Потом родились еще дети.

И вот сын, ею вскормленный родной сын, попрекает мать прошлым. По слухам судит. Сплетни злых на язык людей принимает за правду. А может, и отец что наговорил. Ловок выходить сухим из воды, не намочит даже подола рубашки. Понадобится — очернит любого. Обманом ведь взял и Фазилат. Подлым обманом, да еще и силой. А как стала Фазилат ему поперек пути — отбросил и ушел к другой. Эта уже третья по счету будет. Говорят, из семьи с большими связями, вот и ушел к ней. Пусть! Фазилат, по правде сказать, даже обрадовалась, не стала и алименты требовать — не знать бы, забыть его совсем. Одна, без помощи, выкормила, вывела в люди детей. А теперь снова замаячила его черная тень!..

В глубине души Фазилат хранила надежду — когда-нибудь выпадет такой случай, откроет она сердце сыну, все расскажет ему. Была ведь уже минута отчаяния — выплакала свое горе дочери. Но ведь то дочь, дочь всегда ближе к матери. А как заговоришь с сыном, со взрослым мужчиной? Все откладывала, душу переворачивало от одной мысли о прошлом. А теперь бьется — поздно, поверит ли? Сколько воды утекло, даже подлость с годами стирается и блекнет, люди склонны все забывать. Ведь вот и Атакузы, он-то уж знает, как было дело. И не только простил Бурибаева, норовит породниться с ним...

В год, когда Атакузы стал рансом, Фазилат работала в колхозе счетоводом. Атакузы в первую же неделю перевел ее из конторы, послал в овощную бригаду табельщицей. То ли припомнил старое, а может,

остерегался недобрых толков — Фазилат в то время была молода и все еще хороша собой. Но так или иначе — с глаз долой! Фазилат слова не сказала, больше пятнадцати лет проработала в той бригаде. Два года назад раис неожиданно вызвал ее в правление. Это было как раз, когда сын его влюбился в Латофат. Поговорил, пошутил, вспомнил про то, про се — и вдруг назначил заведующей клубом!

В прошлом году Кадырджан «нашел общий язык» с дочкой Атакузы Тахирой. Тогда раис поручил Фазилат еще и библиотеку, прибавил зарплату, и довольно заметно.

Месяца два назад Атакузы снова вызвал ее к себе. Опять начал с шуток, назвал «кудагай» — сватьей, а потом, посмеиваясь в усы, взял быка за рога:

— Ну так как же, кудагай! Играем свадьбу?

— Как хотите...

— Будь по-моему, так сегодня бы! — Атакузы упер руки в бока, по-ястребиному сверкнул взглядом. — Вот и Тахира закончила ученье, ожидаем на днях. Ну, а как наша ненаглядная невестка? Получила диплом? Когда приедет?..

Фазилат робко отвела глаза. Неделю назад пришло письмо от дочери. Ни слова о свадьбе, пишет, что преподаватели советуют ей идти в аспирантуру.

— Ну? — не отставал Атакузы.

— Не знаю, когда приедет. Хочет дальше учиться.

— Ах вот оно как! — Атакузы молча прошелся по кабинету, покашлял. — Вот что скажу, кудагай, — заговорил глухо и веско. — Вы знаете, сын мой Хайдар на днях защитил диссертацию. Станет кандидатом наук. И все-таки я хочу перетянуть его сюда. В степи начинаем большие дела. Да и в самом кишлаке, слышали, наверно, за рошей Минг булак возводим большой животноводческий комплекс. Так что и у нас есть где развернуться. Все это я собираюсь сказать и Хайдару, и Кадырджану! Пусть поработают год-два на этих стройках! А там глядишь — один уже директор комбината, другой — главный инженер! — Атакузы оскалил белые, крепкие зубы и тут же убрал улыбку. — Не в высоких должностях, конечно, дело. Хочу, чтобы поварились в большом котле! Так вот, напишите дочери: учеба не убежит. Пусть приезжает, поработает у нас год-другой. Через год, даю слово, моя невестка, ваша дочь, станет директором школы.

Фазилат робко подняла глаза. Нет, Атакузы не смеялся. Он стоял у окна — руки скрещены на груди. Он не шутит, давно уже взвесил каждое сказанное сейчас слово — это ясно отпечатано на его жестком, темно-смуглом лице.

— Что же я могу сказать...

— Зачем говорить? Напишите ей, и все! Да что с вами? Нелюдямая какая-то сегодня, хмурая! Улыбнитесь же, кудагай моя! Вот так! — Атакузы приветливо попрощался с Фазилат, в дверях задержал: — Да, забыл... Придется пригласить на той и этого... как его... Бурибаева.

Фазилат сжалась, будто охватило ее сквозняком.

— Я не знаю... Так ли уж это надо?

— Есть, есть такая необходимость. И большая.

— Да и дочь моя, Латофат, сторонится отца...

— Надо ей объяснить.— Атакузы заговорил чуть мягче: — Сказать по правде, и мне не очень по душе этот человек. Но жизнь сложнее, чем мы с вами думаем, кудалай.

В тот же день Фазилат написала дочери. И вот Латофат уже здесь. Но не одна — приехала с преподавателем из их института и с двумя подругами. Будут ставить какие-то опыты. Изменилась, совсем не прежняя Латофат. Все больше молчит, видно, не хочет раскрыть матери своего сердца. И Фазилат тоже не начинает разговора, боится — а вдруг с нею что стряслось? А как посмотрит на ее нынешнее положение Атакузы? Стоит лишь подумать об этом — Фазилат так и холодеет вся.

Кто-то стукнул калиткой. Наверно, Хайдар. Потом послышались четкие шаги. Дверь распахнулась, в комнату вошел Кадырджан.

2

— Подняли Латофат?

— Сынок...— взмолилась мать.

— Разбудите! Я же сказал, сам с ней поговорю.

Отец! Вылитый Джамал Бурибаев!

Заныло сердце у Фазилат, встала с места, и в этот момент дверь распахнулась. Латофат вышла сама — в длинном цветастом халате, ноги сунула в легкие тапочки, высокая прическа, похожая на гнездо, распустилась, и волосы, мягкие, волнистые, упали на грудь.

Быстрым движением руки отбросила легкую прядь со лба, недоуменно глянула на мать, на брата:

— Не спите? Что случилось?

Кадырджан сложил руки на груди — совсем как его будущий тесть.

— У нас — ничего, а вот тебя хотим спросить. Садись.

Латофат послушно присела подле матери.

— Что с тобой происходит? Что это за штучки?

— Какие штучки? — Латофат широко открытыми глазами посмотрела на мать.

— Брось прикидываться овечкой! Зачем приволокла с собой этого юродивого дервиша?

— Не смейте так говорить! — вспыхнула Латофат.— Он приехал сюда работать. Ставить опыты! Если вашему другу это не нравится, что ж, мы можем выбрать другой колхоз!

— Нет уж! Если так вам приспичило — работайте здесь, хоть на виду у нас будете!

— Это слова вашего друга? "

— Да, так говорил Хайдар — твой жених! Он хочет знать — будет свадьба или нет?

Латофат отвела взгляд от холодновато-зеленых глаз Кадырджана. Куталась в халат, рука ее дрожала.

Накануне, чуть свет, она получила записку от Тахиры. Подруга просила ее прийти немедленно, сейчас же, к арыку под старым тутовым

деревом. «По очень важному делу», — писала она. Латофат давно здесь не была. Увидела старую, знакомую шелковицу, даже ветку узнала, с которой пять лет назад сорвалась, собирая ягоды, и в груди что-то всколыхнулось, потеплело. На миг показалось — не тогда, давно, а сейчас, сию минуту, все случилось, вот-вот с сури под деревом вскоит Хайдар, и она, босая, легкая, кинется бежать по росистому клеверу, унося на шею, на лице ожоги от его горячих поцелуев...

Подруга ждала у арыка. Что же это с веселой, беспечной Тахирой? Сидит вся сникшая, перекинув через плечо мохнатое полотенце. Притянула Латофат к себе, усадила рядом, горько зарыдала. Сквозь слезы, всхлипывая, призналась: беременна, ох, если дойдет до отца, плохо ей будет. Просила, умоляла Латофат не тянуть, не откладывать свадьбу.

Очень некстати для Латофат было это признание. Можно сказать, вся ее жизнь поставлена в зависимость от опрометчивого поступка подруги. Но Тахира так горько, так искренне плакала. Жалко стало. Вот и в день защиты Хайдара Латофат так же размякла. Увидела, как он вдруг растерялся, сник, и что-то дрогнуло в душе. Потянулась к нему. Несколько дней были вместе, пыталась поддержать... И Тахиру, конечно, успокоила, что все будет хорошо. А на душе было совсем, совсем не хорошо...

Обратно Латофат пошла вдоль арыка, боялась: не нарваться бы ненароком на будущего свекра. И, выходя из сада, лицом к лицу столкнулась с Хайдаром.

Он, видно, шел с веселого сборища — опух, оброс щетиной. Заметно пошатывался. Латофат попыталась ускользнуть в сторону, но Хайдар решительно загородил дорогу, зло прищурил красные, отекавшие глаза:

— Настояля-таки на своем, привезла этого... дервиша!

Латофат невольно отступила назад.

— Вы же сами согласились...

— Согласился — это верно. Лучше уж здесь, на глазах, если без него не можешь. Пойдут теперь разговоры в кишлаке...

— И вы так боитесь сплетен?

— Не боюсь. Но не хочу, не желаю! — крикнул Хайдар. — Не хочу, чтобы ты расхаживала здесь с ним! Не хочу, чтобы люди видели вас вместе! Поняла ты меня?

— Нет, не поняла! И никогда не пойму! — Латофат перепрыгнула через арык и побежала по саду...

Нерадостные воспоминания. Кадырджан будто читал ее мысли — шевелил кулаками в карманах брюк.

— Молчишь? Не понимаю тебя! Сама ведь льнула к нему! Что же теперь отворачиваешься? Джигит как джигит! Кандидат наук! Умница! Чего тебе еще надо?..

Латофат молчала. Сидела, закрыв руками лицо.

— И обговорено уже все. И мать, и отец наш...

— «Отец!» Как можете вы называть этого человека отцом! После всего... после того, что сделал он с вашей матерью!

— Не к чему ворошить прошлое. Известно, прошлому прощение.

— А я не прошу! Я никогда не забуду слез матери!

Кадырджан неуверенно пробормотал:

— Что ж... в жизни всякое случается.

— Всякое? — Латофат вытянулась в струну. — Не сваливайте на жизнь, он, этот человек, нужен вам, нужен!

— Хватит! — Кадырджан так и вытаращился. — Уж очень умничать стала! На словах гладко получается, а жизнь — другое дело. О матери печешься, а что с ней будет, если откажешься от Хайдара! Об этом ты подумала? Тебе известно, кто такой Атакузы-ака? Представляешь себе хоть, с кем имеешь дело?

— Да, он всемогущ и способен на все! И ваш друг Хайдар тоже в отца пошел. Уверен, что может силой сломить меня.

— И сломит! Так что лучше одумайся. Или всех нас хочешь под удар?.. Если наплевать на меня, подумай хоть о матери!

— Не вмешивай меня, оставь! — Фазилат ударила кулачками, запричитала: — Уж лучше бы мне умереть! Чтобы из-за меня стала несчастной доченька моя!..

— Кончайте, мама! — от крика Кадырджана задрожала посуда в нишах стены. — Это же той, не похороны. Все — одни глупости Латофат! Где она еще найдет такого парня, как Хайдар!..

— Ладно! — Латофат с неожиданной решимостью поднялась. — Можете передать своему приятелю — я согласна. Только пусть он знает: иду за него... не по любви, просто боюсь его всемогущего отца. Вот так! Если твоему кандидату наук не претит такая свадьба — пускай будет! — Латофат хлопнула дверью.

Кадырджан исподлобья досадливо покосился на дрожащие плечи матери.

— Значит, разговор окончен, начинайте приготовления. Да бросьте вы ваши слезы. Норовите превратить свадьбу в траур. — Он подошел к выключателю, погасил свет. — Ложитесь спать.

— Сынок!..

Кадырджан не услышал, был уже за дверью. А может, не хотел слушать ее...

«Латофат, доченька! Единственная надежда, радость, ниспосланная небом! Неужели и ты, как мать, свяжешь судьбу свою с нелюбимым и тоже станешь несчастной?» — Фазилат бессильно упала на постель, уткнулась лицом в подушку.

Ей казалось — она виновата перед дочерью. Вдруг вспомнилась поговорка: «Выбираешь ткань — гляди на кромку, выбираешь дочь — гляди на мать». Ох, недобрые люди выдумали эти слова — будто нарочно для Фазилат.

Разве не видела она, как Латофат страдает из-за нее? Сплетни, кривотолки сделали дочь нелюдимою. Когда приезжала на летние каникулы, не ходила, как ее подруги, по кишлаку, не красовалась нарядами, не гуляла на свадьбах, избегала девичьих вечеринок. Все больше сидела дома. До поздней ночи, бывало, не отрывает глаз от книги и все думает, думает о чем-то. Грустные у нее были думы...

«Ладно!.. Я согласна! Но пусть он знает: иду за него не по любви...» Нет, это она сказала сгоряча. Сердце матери чует. Латофат

не такая, чтоб уступить чьей бы то ни было силе. Это она, Фазилат, в конце концов не выдержала, покорилась Бурибаеву. Кто знает, может, это от матери перешло, от Айнисы? Правда, Фазилат совсем не помнит мать. Всего-то ей было три года, когда мать выкрал богатый торговец Кудратходжа. Не помнит и отца — бедный, безропотный человек, повесился с горя. А Фазилат потом взял к себе амаки — дядя по отцу. Но она много раз слышала, что мать ее не только не противилась Кудратходже, а будто бы стала даже любящей женой. Нет, Латофат не будет... Не покорится. Чтобы дочь Фазилат тоже стала несчастной... Подумать страшно. К кому бы пойти поговорить, посоветоваться? К Атакузы?.. Одна мысль об этом приводит в трепет! А что, если к домле Шамурадову? Он же не знает всего... Рассказать, как было, — про то, давнее, и потом... Ему бы рассказать — лучше всего. Только он — отец Джаббара...

И опять поднялось все, что пряталось в тайниках души...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

Домла проснулся. Комната еще тонула в темноте. Лоскут неба в открытом окне пестрел яркими, крупными звездами. Далеко, должно быть за ложиной, утробно ревели ослы. Петухи протяжно кричали, состязаясь друг с другом.

Накинув на плечи поношенную, но удобно просторную пижамную куртку, старик включил свет. И в комнате, и на старом массивном письменном столе все было так, как оставил ночью после работы: стопка листов, исписанных арабской вязью.

В последнее время домла работал над двумя рукописями — над монографией о горной арче и над книгой об обновлении всей оросительной системы республики Средней Азии. Директор института Артем Поликарпов просил его сосредоточиться пока на оросительной системе. Очень способный мелиоратор этот Артем Прохорович, сын старого друга домлы. Приехал в кишлак на траур по Гульсаре-ая. Надо же, при жизни ее только беды сыпались на голову мужа, а теперь, после смерти ее, пришла вдруг хорошая весть. Оказывается, докладная записка домлы в правительство «О комплексном решении проблемы переброски сибирских рек и обновлении оросительных систем республик Средней Азии» заинтересовала министерство. Вот почему Артем Поликарпов и попросил ускорить работу именно над этим. Через несколько дней прислал лаборантку из отдела водного баланса с материалами, которые запросил домла.

Нурмурад Шамурадович вспомнил разговор с Поликарповым и усмехнулся. Всегда было так: пока не нажмут сверху или не заставит сама жизнь, не очень-то прислушиваются к разумным советам. А уж как давно твердит он — и в выступлениях, и в статьях с подробными расчетами — все об одном и том же: об огромной экономии воды,

которую дадут обновление и техническое переоснащение устаревших оросительных систем. А какие резервы имеются в действующей системе гидротехнических сооружений! Хотя бы Чардарьинское водохранилище. Сливные отверстия в его плотине пропускают до тысячи восьмисот кубометров воды в секунду. А куда идет эта вода? Почему бы не использовать ее разумно? То же и с Сырдарьей. Паводок здесь в иной год дает до шести тысяч кубометров в секунду. Опять вопрос — куда девается эта вода? Попусту сбрасывается в Арнасайскую впадину, и там уже образовалось огромное соленое озеро! Почти то же самое произошло и в Туркмении. Грунтовые воды двух областей — Хорезмской и Ташаузской — создали Сарыкамышское озеро. И тоже соленое. А ведь стоило провести отводной канал в одном случае, а в другом — сбросить дренажные воды в Амударью ниже по течению, стало бы легче тому же Аралу!..

Домла поднялся. Заныла спина, и голова стала не та, гудит. Шаркая тряпичными шлепанцами, вышел из дома.

Громадный, заросший деревьями двор все еще тонул в полутьме, но кишлак уже просыпался: в соседнем саду слышался плач ребенка, с разных сторон доносилось мычание коров, бляение овец и ягнят.

Домла открыл калитку, выглянул на улицу. Там было безлюдно, тихо. Но что это? Кто там пристроился на супе — глиняной лавке — у ворот? Спит себе, укрывшись стеганым чапаном, а под голову сунул новую вельветовую шляпу.

Пожав плечами, домла осторожно тронул спящего:

— Кто это по ночам сторожит мой дом?

Человек будто только и ждал его прикосновения, вскочил тут же — маленький, тошенький. Стоял, ощерив беззубый рот, прищурил красные глаза.

— Это ты, Кудратходжа?!

— Хвала твоей памяти — узнал! — Кудратходжа насадил на голову свою вельветовую шляпу, довольно осклабился. — Вечером пришел, хотел прочитать молитву по твоей старушке, да вижу — на воротах замок с лошадиную голову...

Домла не знал, как и быть. Пригласить Кудратходжу в дом — начнет морочить голову, «философствовать». Не пригласить нельзя — нарушишь обычай, нехорошо.

— Ну, раз пришел на фатиху, заходи...

— А не рассердишься, если прочту Коран? Ты, помню, не верил в аллаха.

Домла угрюмо взглянул на плюгавенького человека — тот явно паясничал и все еще щерил беззубый рот.

— Послушай, Кудратходжа! У меня нет ни времени, ни охоты болтать с тобой. Хочешь — заходи, не хочешь — иди на все четыре стороны.

— А ты хоть и профисор теперь, но, как я вижу, все тот же грубиян. Что ж, зайду ради памяти покойной Гульсары-биби. Добрая была женщина, не то что ты! О, голова трещит! Найди хоть каплю вина, профисор! Да вон у тебя же есть...

На полу террасы стояла недопитая бутылка водки, забыли рабочие,

которые ремонтировали дом для Нормурада. Рядом на подносе — зачерствелая лепешка, сухой сыр, расклеванная птицами кисть винограда.

Кудратходжа дрожащими руками вцепился в бутылку, запрокинул голову и начал пить прямо из горлышка.

Брезгливо наблюдал Нормурад-ата за судорожными, жадными глотками ходжи. Неожиданно всплыла в памяти совсем иная, далекая картина. И с чего это вдруг неприятно засосало под сердцем?..

Стоял холодный осенний день. Кажется, девятьсот двадцать восьмого года. На базарной площади у знаменитой куполовидной мечети собрался весь кишлак — смотрели, как будут отправлять на выселение баев и кулаков.

Среди тех, кто стоял, погрузив пожитки — мешки и хурджуны — на арбы, и ожидал команды, был и Кудратходжа. Сухощавый, статный, в тяжелой шубе из лисьих шкур. На голове дорогой бобровый тельпек — ушанка, на ногах — новые хромовые сапоги. Кудратходжа стоял чуть в стороне. Не горевал, не плакал, подобно другим, не показывал слабости перед родственниками — они притащились на площадь, еле поборов страх. Стоял — грудь колесом, черные усы вызывающе закручены, казалось, собрался не в изгнание, а в долгожданное путешествие. Гневно шурясь, играя желваками, оглядывал стоящую перед ним толпу, кольцо конных милиционеров вокруг площади, активистов кишлака. Среди них был и Нормурад. В гордом, злом взгляде Кудратходжи читалось: «Погодите, еще посмотрим! До конца еще далеко...»

Внезапно базарную площадь рассек горький пронзительный вопль. Толпа качнулась, в образовавшийся проход кинулась молодая женщина. В каком она была виде! Иссиня-черные волосы распустились и упали до самых шиколоток, паранджа сползла набок, чачвана — покрывала — и вовсе не было на голове. Омытое слезами открытое лицо было прекрасно. Она птицей подлетела к Кудратходже, повисла на его шее.

Эта молодая женщина с ясным, как солнце, ликом, чуть ли не до пят обвитая бархатно-черными волосами, была Айниса!

За год до тех событий Кудратходжа отнял ее вместе с трехлетней дочкой у одного бедняка. Когда торговца раскулачивали, ему припомнили и это злое дело. И вот ведь как нехорошо получилось. Та самая Айниса, которая, по мнению людей, страдала и мучилась в когтях насильника, эта самая Айниса висела теперь на шее Кудратходжи, рыдала и билась в страшном горе.

Народ на площади сначала растерянно приумолк, а потом загудел, заволновался от никогда не виданной срамоты. Тогда Нормурад Шамурадов, чтобы прекратить этот позор, крикнул милиционерам: «Гоните этих гадов!» Кудратходжа, с почернелым чугунным лицом, резко, одним движением оторвал от шеи руки жены, отшвырнул ее от себя и первым встал в колонну. Айниса как свалилась от руки мужа на землю, так и осталась лежать, словно подбитая птица.

Помнится, весь кишлак тогда отвернулся от Айнисы. Но Нормурад не побоялся, протянул руку молодой женщине. Как-никак это была

дочь бедняка, обманутая Кудратходжой, враждебным элементом. Прошло немного времени, и стала она активисткой. Нормурад помог ей и на учебу поехать, в Ташкент. Кончив рабфак, Айниса так и не вернулась в кишлак. А дочку, ту самую Фазилат, в которую потом влюбился, на свое несчастье, Джаббар, оставила родне своего первого мужа. Говорят, в третий раз вышла замуж, уехала куда-то в Хорезм...

А раскулаченный, высланный в дальние дали торговец вынырнул цел-целехонек из-под каменных жерновов и продолжает ползать по земле!

Кудратходжа ожил, словно не водки глотнул, а осушил пиалу «оби-замзам» — живой воды. К впалым щекам прилила кровь, красными стеклышками заблестели глазки. Вытирая реденькие усики, заговорил:

— Зачем стоишь как вбитый кол? Садись! Или, думаешь, ты главная опора этого мира: тронешься — и все рухнет без тебя? А, профисор?

Домла невольно усмехнулся и сел в плетеное кресло на террасе. Хмельная болтовня Кудратходжи начала его забавлять.

— Я хоть и не мудр, как ты, Кудратходжа, все же понимаю: мир ни без меня, ни без тебя не рухнет!

— Э, тавба, как хорошо сказал! — Кудратходжа уселся во второе кресло. — Похоже, не я один поумнел, ты тоже.

Домла чувствовал, куда клонит ходжа, и все же не удержался от улыбки:

— Лучше поздно, чем никогда, Кудратходжа!

— Да, да, таков этот мир... — глубокомысленно вздохнул ходжа. Беззубыми деснами оторвал кусок лепешки, принялся мять во рту. — Неразумным рождается дитя человека и долго ходит слепым. А когда открываются глаза и начинает он различать, где белое, где черное, — оказывается, одна нога уже в могиле!

Не раз слушал Нормурад подобных доморощенных философов. Единственный козырь их в борьбе с «гордецами» и «неверующими» — смерть, недолговечность человеческой жизни. Обычно домла не ввязывался в такие ни к чему не приводящие споры. Отчего же сейчас этот вздох старого пьяницы задел его, тронул какую-то струну в душе?

— Послушай, Кудратходжа! Что ты хочешь сказать этими давно избитыми словами? Что я ничего не добился, хоть и боролся за новую власть? Старался с корнями вырвать баев и кулаков вроде тебя, а теперь все равно стою на краю могилы? Это ты хочешь сказать?

Кудратходжа ослабил, громко чавкая, приподнял новую мягкую шляпу, насадил на остренькое колено.

— Не-ет! Судя по этим словам, ты не умрешь! Будешь жить во веки веков!

— Почему же? Умру, и, может, еще раньше тебя...

— Ужели и большевик смиряется перед смертью?..

— Не совсем так. Жизнь и смерть — законы природы. И если ты пришел пугать меня смертью и надеешься, что я раскаюсь в своих

делах, то ты горько ошибаешься, ходжа! — Домла приподнялся в волнении и снова сел. Пожал плечами: «Чего это ради я так распинаюсь перед ним?»

— Ах да, я и забыл! — Кудратходжа хлопнул себя по лбу. — Ведь настоящий большевик должен быть непреклонным!

— Верно! — Нормурад-ата рассмеялся. — Вот ведь какой грамотный стал. Но смотрю на тебя и одного понять не могу...

— Чего, дорогой профисор?

— Как такого ехидного, злого на язык человека могла полюбить Айниса?

В глазах-стеклышках вспыхнул и погас недобрый огонек.

— У меня шайтан есть! — хихикнул он. — Знаешь, между ног.

И тут домла почувствовал — непрощеная жалость вдруг сразу растаяла.

— Ты и есть шайтан! — процедил сквозь зубы. — Вижу тебя насквозь! — Он поднялся, отодвинул кресло.

— Стой! — Кудратходжа, придерживая на коленях поднос с едой, вытянул тонкую, пупырчатую, как у старой курицы, шею, с угрозой заговорил: — Не пугай меня такими словами. Ты и подобные тебе сослали меня, а советская власть освободила.

— Верно! Советская власть дала тебе свободу, а ты...

— У меня нет обиды на советскую власть! Но вот такие... — он смерил ненавидящим взглядом домлу. — Помнишь, когда меня выселяли из кишлака, в тот день на базарной площади, у мечети. Когда прибежала Айниса... — Замигав красными глазами, уронив поднос, Кудратходжа приподнялся с кресла, растер непослушной, дрожащей рукой слезы на маленьком, с ладонь, лице. — Ты спросил: почему Айниса полюбила меня? А ты припомни, ведь в одном кишлаке росли. Помнишь, когда она, рыдая, как дитя, бросилась ко мне на шею... Ты, Нормурад, не дрогнул. А ведь она не притворялась. Не сжалился ты, заорал: «Гоните этих гадов!» Ты не забыл этого, Нормурад?

Домла не верил своим глазам. На миг показалось, что перед ним не жалкий пьяница, тот, что сегодня лежал, как нищий, у ворот, свернувшись в клубок. Перед ним возник другой Кудратходжа, как две капли воды похожий на того, что сорок лет назад стоял на базарной площади, гордо выпятив грудь. Это он не дрогнул ни единым мускулом лица, когда прибежала и бросилась ему на шею молодая красавица жена.

С трудом поборов в себе непрощеное видение, домла сказал:

— А чего бы ты хотел? Чтобы мы жалели подобных тебе баев и кулаков? Как бы ты сам поступил, если бы мы пощадили вас?

— Расстрелял бы! — выпалил Кудратходжа, и глаза его засверкали ненавистью и восторгом одновременно. — Я бы поставил тебя к стенке у той мечети, прижал бы ствол пятизарядки к твоей груди и спустил бы курок, не раздумывая!

Домла невольно похолодел — так страшно сверкнула ненависть в глазах ходжи. Заставил себя улыбнуться.

— Благодарю за откровенность. Но в твоих словах нет логики,

ходжа. Ты меня расстрелял бы, прижав к стене мечети, так почему же я должен был жалеть и гладить тебя по головке?

— Погоди! Не пугай мою мысль! — Кудратходжа поднес было ко рту бутылку и тут же со злостью швырнул ее в сад. Пустая бутылка прохлестнула сквозь ветки яблони, разбилась вдребезги о стенку кухни. — Что я хотел тебе сказать? Да! Вижу, ты еще не задумывался о своем конце. Но запомни, профисор: он, конец, у нас с тобой один! Как говорится: ал касосил миналхак — ничто не останется без возмездия! Мы еще встретимся в день Страшного суда! Тебе тоже придется, как и мне, пройти через Сират-куприк¹. Посмотрим, Нормурад-ишан, кто из нас удержится на том мосту, а кто сверзится в ад. Да!

Опять все та же баня и тот же таз! Чего только он ввязался в спор с этим пьянчужкой! — досадовал про себя домла, и все же слова о мосте Сират задели его.

— Э, ходжа! Ты же знаешь, я не верю в твои сказки. Ты, видно, хочешь сказать, что я, мол, совершил несправедливость? Так заруби себе на носу — совесть моя чиста. И если осталась у тебя хоть крупинка чести, выйди на улицу, оглянись вокруг — посмотри на новый кишлак, на жизнь людей в нем! Ради этой-то жизни, ради этих людей мы и поступали, как ты считаешь, жестоко. Я не раскаиваюсь ни в чем. Я готов вместе с тобой ступить на любой мост, где испытывается справедливость, в том числе и на мост Сират, если он существует. И мы еще посмотрим, кто достигнет берега, а кто свалится! — домла выговорил все на одном дыхании.

Разгорячившись, собрался уже крикнуть: «Хватит, катись отсюда!» — и в это время увидел молодую женщину. Она вошла во двор, ведя за руку пяти-шестилетнего мальчика. Домла невольно осекся.

Женщина остановилась у ворот, поставила на землю плетеную корзину, опустила голову в поклоне.

— У меня тут на летней кухне осталась кое-какая мелочь, можно я заберу, отец?

«Хозяйка этого дома», — молнией блеснуло в голове домлы.

— Пожалуйста, доченька, пожалуйста, — засуетился он.

Молодая женщина прошла с сынишкой в глубину двора — мимо приветливо улыбающегося ей головастого старика и второго — этот сидел нахохлившись, но, увидев ее, словно проснулся.

Проводив женщину глазами, Кудратходжа многозначительно покачал головой:

— Надира, невестка Уразкула.

— Какого Уразкула?

— Да того самого, который в памятный нам обоим год мардикерства отнял чин сотника у твоего покорного слуги и передал его тебе, почтенный профисор! Неужели забыл? Эта женщина — его невестка. Муж у нее механизатор. В их доме ты и живешь. Одним-единим приказом всемогущий Атакузы вытурил их. Для тебя старал-

¹ Сират-куприк — мост, по которому будто бы в судный день безгрешные люди проходят в рай. Грешники падают с моста в ад.

ся, почтенный активист. Потому как ведь у нас равенство и справедливость...

Домла почувствовал во всем теле неожиданную слабость, прислонился к стене. Разве просил он Атакузы, чтобы дали ему этот, такой большой, дом! Да и зачем он старику, у которого одна нога на земле, а другая — в могиле?

В дверях летней кухни показалась женщина, она тащила за собой сынишку. Мальчик упирался, хныкал:

— Не хочу уходить, не пойду... Наш сад! Хочу здесь...

— Замолчи, кому говорю! Сейчас придет раис! Услышит — прибьет!

Кудратходжа снова хихикнул. До чего же у него противный, дребезжащий смешок!

— «Придет раис»! Бывало, детей пугали шакалом, а теперь хватает имени твоего племянника, почтенный профисор.

Домла весь дрожал, но не говорил ни слова.

Женщина грустно оглядывала большой чистый двор, утопающий в зелени, заново побеленные стены, застекленную веранду — айван, залюбовалась свежей, нежно-голубой краской ажурных переплетов.

— Хороший вы сделали ремонт. Мы тоже собирались в этом году перестроить кухню. Мечтали...

Кудратходжа мотнул головой на тонкой шее:

— Не печалься, дочь моя! В этом ли доме жить, в другом ли — все равно нам уготован один дом — кладбище. Все туда придем...

Надира не ответила ему.

— До свидания, домла. Я просто так... Прожили здесь десять лет, привыкли. Каждое дерево, каждый цветок в этом дворе сажала своей рукой. Потому и болит душа.

Домла засмушался, закашлял:

— Я понимаю, доченька, я все понимаю.

— Что ж делать, пусть вам живется здесь долго! — Надира потянула за руку продолжавшего хныкать мальчонку и вышла со двора.

Кудратходжа громко цокнул языком:

— Вот она, твоя справедливость! Тут она вся! Не было ее раньше, не будет и теперь!..

Домла резко обернулся. Злобный смех Кудратходжи унес все его сомнения.

— Нет! — крикнул он, выпрямившись во весь рост. — Была, всегда была справедливость! И ты ее, между прочим, отведаль сполна. Она была и тогда, когда ты понаоткрывал лавки в годы нэпа, сдирал шкуру с бедняков! Она была, эта справедливость, и когда ты выкрал красавицу Айнису у бедняка дехканина! Только ты не следовал ей. А помнишь ты, ходжа, что случилось с несчастным мужем Айнисы, когда со своими подкупленными головорезами ты увез ее? Бедный парень повесился на кладбищенской чинаре. Ты помнишь это, ходжа?..

— Помню, профисор, как не помнить. Но только...

— Вон с глаз моих! — зарокотал Нормурад.— Вон, пока не встретимся на том свете на твоём мосту Сират!

Нормурад-ата был страшен. Большой, весь взъерошенный, с поднятым над головой кулаком. Кудратходжа, ощерясь, попятился от айвана к воротам. Нормурад Шамурадов, не опуская кулака, шагнул за ним и вдруг бессильно опустился на ступеньку, в сердце резко и больно кольнуло. Старик долго сидел, уронив голову. Внутренний голос терзая, терзал душу. Он, Нормурад Шамурадов, конечно, прав, тысячу раз прав! Обидно, что не смог сейчас положить на лопатки ходжу. А причиной тому Атакузы — этот дом, этот сад! Ходжа, шелудивый пес, подхватил оброненную кость и твякает теперь на весь свет.

Он приподнялся, чтобы встать, и в этот момент открылась садовая калитка — пришла Алия. Она сразу поняла, что дяде плохо, быстро подбежала к нему:

— С сердцем нехорошо? Сейчас принесу лекарство...

— Не надо, пройдет. Уже лучше... Атакузы дома?

— Уехал в степь, еще затемно,— Алия, склонив голову к плечу, с нежностью глядела на старика. Домле всегда нравилась эта ее особенность — склонять голову.— Не беспокойтесь, все будет хорошо, Атакузы-ака уже велел привести в порядок ваши книги.

— Я не о книгах. Этот дом он взял с согласия хозяев?

Голова Алии опустилась ниже.

— Не знаю. Они получили квартиру на краю кишлака. Только там еще нет водопровода и газ не провели.

— Так зачем было их сгонять с насиженного места?

— Он думал о вас...— На лице Алии выступил румянец.— Вам же нужен уход...

Слова ее и то, как она произнесла их — робко и нежно,— снова тронули старика.

— Спасибо вам, доченька,— сказал он мягко.— Вы не думайте, я ценю вашу доброту. Очень ценю ее. И все-таки не надо было из-за меня обижать людей. О! — застонал Нормурад-ака.

Лицо Алии вспыхнуло.

— Пойдемте чай пить, дядя... К нам приехал Уразкул-ака, ждет вас.

«Наверно, по этому же делу пришел. Дожил я, дожил!..»

2

Каждый раз, заходя в дом Атакузы, домла чувствовал себя неловко. Из-за Хайдара. Он сейчас в отпуске и задержался в доме отца. Хотелось побеседовать с джиеном, поехать вместе в степь — посмотрели бы оросительные работы и там, на месте, заново обсудили его диссертацию. Но Хайдар будто не замечал домлу, не здоровался. Вот и сейчас — чуть ли не нос к носу столкнулись у колодца. И Хайдар круто свернул в сторону.

Домла остановился в нерешительности, думал пойти обратно, но Уразкул, сидевший на айване, уже заметил его, встал с места.

В озорных, как прежде, глазах, на свежих, будто румяное яблоко, щеках, в уголках губ под редкими усамн запрыгала лукавая улыбка:

— Зачем согнулнсь так, мулла Нормурад! Кто же за унылого старика замуж пойдет?

— Что-что? — не понял домла.

— Еще притворяется! А ушам нравится, как сливочное масло желудку. Да распрями, говорю, распрями плечи! Сейчас и старухи стали разборчивыми, не за богатство идут, выбирают с фигурой!

— У меня одна надежда — скорее бы соединиться с моей старушкой.

— Нужен Гульсаре-биби такой мямля! Думаю, ей тоже понравится старик пободрее! — рассмеялся Уразкул. Но тут же посерьезнел: — Собирайся в путь. Вижу, ты совсем извелся. В горы поедем, проветришься хоть немного... Правду сказать, прихворнул там наш Прохор. Поедем, навестим больного, заодно и проветримся.— Улыбка в уголках губ Уразкула медленно угасла.— Немного нас осталось. Раз-два — и обчелся. Надо держаться друг друга, дорогой Нормурад!

Насчет дома Уразкул не проронил ни звука. .

Между друзьями должно быть все открыто, недомолвки портят дружбу. Домла собрался уже завести прямой разговор, да подумал: «Поговорим по дороге, там будет свободнее».

Он переоделся, вышел на улицу. Уразкул ждал у ворот, держа под уздцы двух серых ослов.

— «Волги» поданы! — объявил, посмеиваясь.

Нормурад на миг заколебался. «Пророк на осле! Пожалуй, попадешь ходже на зубок». И сразу одернул себя: какое это имеет значение? Взял в руки плетку.

— Когда же это мы доберемся до гор на твоих «Волгах»?

— Садись, садись, всего-то каких-нибудь девять верст, доплетемся!

Солнце уже успело подняться выше тополей, асфальтированная дорога, политая водой, блестела, точно покрытая лаком. Улицы оставались в тени. Кроны чинар и белых тополей слились так, что и солнечному лучу не пробиться.

Уступая дорогу грозно ревушим самосвалам и легким, бесшумно скользящим «Москвичам», старики неторопливо ехали у самой обочины. Не так то уж и давно, кажется, люди глазели, разинув рты, на автомобили, а теперь те же люди, так же разинув рты, смотрят на двух старцев, восседающих на ишаках, и подмигивают друг другу.

Асфальтированная дорога оборвалась перед лощиной. Друзья поехали вдоль русла, свернули к горам.

Домла надеялся, хоть после кишлака убавится движение машин. Но нет, грузенные гравием самосвалы, тяжелые «МАЗы» со строительными материалами непрерывным потоком шли в сторону Минг булака, дико ревели, отравляя свежий утренний воздух черным выхлопным дымом.

Домла нервно потряс головой:

— Что тут происходит, Уразкул? Разве в горах открыли какие-нибудь залежи?

Уразкул ехал чуть впереди, медленно покачиваясь в такт шагам осла. Не оборачиваясь, ответил:

— А ты до сих пор не знаешь? В Минг булаке будет животноводческая ферма.

Домла слышал: где-то между кишлаком и горами задумали строить гигантский животноводческий комплекс, хотел даже поехать туда посмотреть, но так и не собрался, отвлекли другие заботы. А сейчас услышал, и кольнуло под ложечкой, заныло.

Два места в кишлаке особенно дороги были ему. Одно — русло лощины, вдоль которой ехали сейчас, где когда-то на берегу речки стояли две мельницы-соседки. Другое — урочище Минг булак, с его джидовыми и арчовыми рощами.

Рожденное самой природой, нетронутое, полудикое урочище одним краем своим уходило в степь, другим упиралось в горы. Внизу — громада вечнозеленой рощи, а по склонам пояс из горькой арчи, карагача. Тополи, тутовник, джида спускались к прозрачным, как стекло, бесчисленным родникам. Родники — тысяча родников! — били из-под земли и сливались друг с другом в небольшие озерца-хаузы, в целые цепочки хаузов. Вода в них была особенная — ледяная, чистая, зеркальная. Человек, окунувшись в такое озерцо в самом жарком месяце — саратане, молодец на десять лет. Трава на полянах среди родников — густая, пахучая, сочная, не увядала, не желтела даже в пору саратана. Колхоз все лето косил и не мог скосить здешние луга...

У богачей в кишлаке, вроде Вахидходжи — отца Кудратходжи, было заведено летом выезжать на Минг булак. Ставили у родников громадные белые юрты — изделия соседей-киргизов, в душистых, сочных лугах привязывали белых кобылиц и посиживали, потягивали кумыс. Вечерами, особенно ближе к осени, устраивали в степях за Минг булаком улау — козлодранье. Земля, бывало, тряслась от конского топота, степь оглашало гиканье наездников, ржание могучих аргамаров...

А сколько там было птиц! На белых тополях селились аисты, вили свои огромные, похожие на чалмы гнезда; бесчисленные перепелки сновали в траве... В каждом кусте шелкал соловей, а среди зарослей камыша водились дикie утки, гуси. Из степи слетались к воде чернобрюхие рябчики, фазаны... А как передать запах джиды в Минг булаке! Серебристо-нежная джида расцветала поздно, накануне лета, и в те дни не только Минг булак — всю округу, весь мир заполнял тончайший, ни с чем не сравнимый аромат.

Едет-покачивается на осле домла и вспоминает былое. В конце двадцатых годов в кишлаке был организован «Союз бедняков». Председателем его стал Нормурад. Однажды летом выехал с семьей сюда, в урочище. Поставил юрту. Впоследствии пришлось ему немало выслушать упреков за эту самую юрту в Минг булаке — баям подражает. Но то лето с его рассветными часами, когда водил под

уздцы кобылицу по росистому пахучему лугу, на всю жизнь осталось в памяти. Как радовался, прыгал шестилетний Джаббар, когда шли ставить силки на перепелок.

Не только Нормурад, во всей округе не было человека, который не зачерпнул бы тибетейкой, не отведал воды из родника. Кто не спал бы хоть раз сладчайшим сном в летний зной в прохладных его зарослях под сенью арчи или джиды, под щебет и трели его птиц!

Что же это за люди! Здесь, именно здесь собрались строить свой животноводческий комплекс! Неужели не нашлось иного места, кроме этого чуда, созданного самой природой?

Дорога обогнула Минг булак и зазмеилась, поднимаясь в горы. Когда одолели первый виток подъема, Уразкул остановил ослика:

— Гляди!

Отсюда, сверху, было хорошо видно почти все урочище. Домла натянул поводья. Он посмотрел назад, куда указывал Уразкул. Широкий, покрытый гравием тракт, саблей прорезав зеленые луга Минг булака, поднимался на холм. Там сновали, как муравьи, люди, двигались десятки машин.

Домла беспокойно заерзал, будто в седло попала колючка. Этот тракт, по которому с надсадным ревом двигались груженные самосвалы, эти деревья, поваленные на землю, напоминали Нормураду о некоем пожелтевшем бумажном листе. Его передал домле в позапрошлом году Прохор, выудивший откуда-то редкий документ.

Это была телеграмма, заверенная туркестанским генерал-губернатором и адресованная белому царю. Подписали ее знаменитый андижанский богач Миркамилбай и заводчик-миллионер Морозов. Учитывая тот факт, сообщалось в телеграмме, что из-за бесконечных забастовок в шахтах империя страдает от нехватки угля, верно-подданные его величества Миркамилбай и Морозов заготовили миллион кубических саженой угля из арчовых деревьев. Этот уголь по калорийности не уступает каменным углям и может обеспечить топливом паровозы на несколько лет вперед.

Прохор надеялся, что домла выступит со статьей, которая была бы вдвойне полезна. Еще раз открыла бы лицо купцов-хищников, безжалостно губивших природу, но главное — привлекла бы симпатии читателей и начальства к любимице Прохора — горной арче. «Надо смотреть в будущее, — говорил он, — очень боюсь нынешней техники!»

Нормурада телеграмма взволновала не меньше Прохора. Он обещал написать статью. Но вышло иначе. Роясь в архивах, он натолкнулся на новые материалы, на голову бедной арчи выпадали еще большие беды, и притом с незапамятных времен. Начало их уходило в глубь веков, когда полчища Чингисхана нагрянули в цветущие оазисы Средней Азии. Уже тогда немало горных хребтов было оголено. Зимние холода и голод не щадили пришельцев, а они не щадили лесов.

Всю жизнь бился домла над проблемой растущего дефицита воды. Дотошно изучив исторические документы, он лишний раз убедился — эта проблема в значительной степени связана с оголе-

нием горных массивов. Теперь уже пришлось писать не статью, а целую книгу. Он и начал эту книгу, но работа затянулась. Прохор конечно же спросит о статье.

— И надо же! — воскликнул Уразкул, словно отвечая мыслям домлы. — Нашли место, где строить фермы!

«Вредительство! Вражеская рука!» — подумал домла, загораясь гневом. И одернул себя: эти обвинения когда-то пришлось выслушать и ему. Какие там враги! Просто безмозглые недотепы, равнодушные к родной земле.

— А ну-ка, друг, подстегни своего аргмака, — сказал Уразкул. — Подъезжаем к Прохору.

Лесничество от Минг булака отделял всего лишь один холм. За холмом начинался небольшой сай — лощина, она переходила в миндалевую рощу, — там и располагалась «резиденция» Прохора.

Старики одолели лощину, где россыпью белели юрты, паслись стреноженные кони, и теперь подъезжали к миндалевой роще. Чуть в стороне на берегу речушки стояли два газика. У машин беседовали несколько человек — городские, со шляпами в руках. Говорили громко. Вдруг их голоса покрыл визгливо-дребезжащий крик, он доносился из рощи:

— Нет! Спасибо! И на похороны мои можешь не приезжать!

— Прохор! — Уразкул удивленно покачал головой. — Что-то он разбушевался!

В группе, стоявшей у машин, был и директор института Поликарпов, сын Прохора. Он первый заметил известного профессора, восседавшего на ишаке, и на миг растерялся. Но только на миг — заулыбался приветливо, поспешил навстречу:

— Нормурад Шамурадович! Как здоровье?

— Спасибо, сынок... Что тут у вас происходит?

— Да ничего особенного, — смутился Поликарпов. — Вы же знаете своего старого друга. Попросил меня кое о чем, я сказал: ничем не могу помочь, вот ваш друг и раскричался.

— О чем речь?

— Очень кстати мы встретились, — сказал Поликарпов, будто не расслышав вопроса. — Докладная ваша пошла из министерства еще выше.

— Так-так... — заволновался домла.

— Сейчас знакомятся на самом верху. — Поликарпов блеснул глазами. — Как только будут новости, мы сразу пришлем кого-нибудь. Словом, кончайте скорее монографию.

— Я хотел бы поговорить...

— Я тоже. Но... Извините, домла, там ждет министр. — Поликарпов повернулся к машине. — Мы в степь. Я еще приеду. Обязательно.

Пришлось домле проглотить обиду. Собрался было поговорить о работе, но куда уж тут — министр!..

За миндалевой рощей, на склоне горы, там, где росли, борясь за каждый клочок каменистой почвы, горная арча, лещина, боярышник и дикие яблони, белели три домика лесного хозяйства. У ближнего под громадным вязом стоял сухопарый старик среднего роста и угрюмо

смотрел на гостей. Рыжеватые волосы его были взлохмачены, совсем как у современного модника.

— Вот это да! — рассмеялся Уразкул. — Мы спешим, мы торопимся к больному, а больной ржет и роет копытом землю!

Прохор ударил по воздуху рукой, пошел навстречу гостям.

— Ты что это так раскипятился? — спросил домла.

Прохор снова резко, наотмашь рубанул воздух.

— Видели Минг булак?

— Ну?

— Если видели, должны понять. О том и разговор. Я сказал сыну — вред ведь какой! Объяснил — плохое дело здесь затевают. Ты, говорю, тоже не пешка, директор института как-никак. Замолви слово где надо!

— И что же он? Говорит, теперь уже бесполезно?

Прохор с удивлением посмотрел на Уразкула:

— Ты-то откуда знаешь?

— А я все знаю, брат!

— Нет, не все! — В голубых глазах Прохора зажглись искры, рыжеватые усы встопорчились. — Бесполезно или нет, но я это дело так не оставлю. Писать буду! До самой Москвы дойду! Да, кстати... — Прохор вдруг уставился на домлу. — Кстати, как там со статьей?

— Статья... Статья пишется.

— Два года пишется! Признался бы: не пишется она у тебя, племянничка любимого бережешь.

— Слушай, Прохор!..

— Слушай, достаточно слушал! Нету прежнего Нормурада, умер. Наш Нормурад не сидел бы сложа руки. Что там племянника — сына не пощадил бы. А племянник твой хорош! Умный ведь, кажется, человек...

— Это ты про Атакузы? — спросил Уразкул. Он стреножил ослов и подошел к вязу. — Был, как говорится, умным, а стал умником!..

Домла вспомнил только что увиденный кишлак: прямые как стрелы улицы, празднично белые дома. Сказал горько:

— Нет у людей совести, вот что, Уразкул. Племянник мой покоя не знает — какой кишлак построил...

— Построил-благоустроил... Ну и что? Теперь можно и людей топтать?

Домла опустил голову. Все ясно. Под большой чашей скрыта маленькая. Дом!..

— Я понимаю твою обиду, Уразкул...

— Брось, не за дом я обижен, — Уразкул, тряся реденькой бородачкой-клином, наскочил на домлу как петух: — Если хочешь знать, я и невестку отругал, чтоб не устраивала скандалов из-за какого-то дома. Живи себе в нем на здоровье. Речь не о том, про Атакузы говорю. Человека он ни во что ставит. Покажется ему, что кто-то поперек дороги стоит, — вздохнуть не даст. За что, скажи, сына сослал в степь? Да не тараша, не тараша ты на меня глаза, Нормурад. Пусть Атакузы тебе хоть сто раз племянник, плевал я! — Гневно взметнув полами чапана, Уразкул зашагал к поляне, где паслись стреноженные ослы.

Прохор остолбенел — очень уж неожиданно грянул скандал. Во-

дил глазами — на растерянного Нормурада, на Уразкула, а тот уже седлал своего осла.

— Эй, Уразкул, ты что, взбесился на старости лет? — очнулся Прохор.

— Хватит с меня! Покорно благодарю!..

— Только и недоставало, чтобы еще мы перессорились.— Домла мешком упал на пень, посмотрел с мольбой на Прохора: — Задержи этого упряйца, Прохор! Прошу тебя!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

Уже у калитки Шукурова остановил голос жены:

— Товарищ Шукуров!

Махбуба так называет мужа, когда она в шутовском расположении духа. Это повелось еще с первых дней брака.

Шукуров обернулся. Махбуба только что поднялась с постели — яркий шелковый халат, ноги в легких босоножках. Поправляя на ходу белыми оголенными руками рассыпавшиеся волосы, она спешила к мужу.

— То все ночами ждала, не могла дожждаться вашего величества, а теперь по утрам приходится караулить, уходите ни свет ни заря.

От нее веяло теплом постели и еле уловимым цветочным ароматом. Большие серые глаза озорно блестели. Шукуров невольно поддался шутовскому настроению жены, подхватил:

— Ваш покорный слуга хранил сон своей ханум. Потерпите немного, пройдут эти суматошные дни, начнем отчитываться перед вами за каждую минуту, вам еще надоест, ханум.

— Премного благодарны! — Махбуба, продолжая улыбаться, низко поклонилась.— Что ж поделать? Приходится нести бремя супруги первого секретаря. Все понимаем.

— Люблю сознательных женщин!

— А как гость из обкома? Приедет?

— Должен приехать. Только мы с ним махнем прямо в степь.

— Не заимуете же в степи? — Махбуба звонко залилась, довольная своей острогой.— И Джамал-ака вроде бы приехал. Хоть и бывший, а как-никак заместитель министра...

Шукуров успел уже наслышаться о Бурибаеве, и сейчас мгновенно всплыли в памяти эти разговоры. Если правда хоть десятая доля того, что слышал, выходит, Атакузы, рассказывая о нем в Ташкенте, умолчал о главном, скрыл самое страшное — преступление, на которое пошел Бурибаев, чтобы заполучить приглянувшуюся девушку. Видно, Атакузы наступил себе на язык, вспомнив о предстоящем родстве.

Прощаясь с тестем в его ташкентском доме, Шукуров и не предполагал, что в тот же день встретится с Джамалом Бурибаевым. Однако председатель «Узсельхозтехники», который принял Шукурова, пере-

слал его просьбу Бурибаеву. И вот встретились. Из-за стола к Шукурову шагнул солидный, привлекательный с виду человек. Несмотря на заметную полноту, Бурибаев казался статным, молодежавым. Лишь серозеленые глаза навывкате оставляли ощущение некоторого холодка, настораживала излишняя ухоженность гладкого белого лица.

Просьбу Шукурова выслушал внимательно. Правда, ничего конкретного не обещал, отделался общими словами, вроде «учтем», «постараемся помочь». Провожая к двери, держался с тактом, показал даже уважение к посетителю. Однако вот уже два месяца прошло, а ничего так и не сделал. Мгновенно вспомнив все это, Шукуров спросил жену не без раздражения:

— А зачем приглашать его в гости? Может, чем-то обязаны ему?

— Ничем не обязаны. Просто случай такой, приехали уважаемые люди из столицы, из области. Как же не пригласить? Сколько времени, как мы тут, а все затворниками живем. Кое-кто из руководящих уже намекал: пора бы встретиться и на нейтральной почве...

— С каких это пор руководящие работники стали обращаться к вам с такими намеками?

Перегнула! Махбуба мгновенно уловила это. Перевела поскорее разговор на шутку:

— Не волнуйтесь, не сами руководящие намекают. У них жены есть.

— Так пусть они и приглашают, раз им...

— Им неудобно.

— Это почему же?

— Потому что...— Махбуба улыбнулась: какой наивный, простых вещей не понимает! — Потому что... ну, вы первый человек в районе. Они стесняются...

— Очень хорошо, пусть стесняются! Это тоже не вредно.— Шукуров резко повернулся, открыл калитку.

Верхушки пирамидальных тополей, обступивших улицы, уже купались в лучах солнца, но низкорослые шелковицы, обрубленные весной, а теперь вновь зазеленевшие, оставались еще в тени. Прохожих было мало, встретился лишь сторож у магазина да около райкома дворник поливал из шланга цветник.

Райком располагался недалеко от дома, Шукуров ходил на работу пешком. Шел обычно не торопясь, здоровался с людьми, приходилось перекинуться и словами. На этот раз шагал, ничего не замечая. Из головы не выходил разговор с женой, мешал сосредоточиться на делах.

Получилось не очень хорошо. Молодая ведь женщина, естественно, ей хочется пригласить гостей, расширить круг знакомых. Пускай увидят, какая щедрая хозяйка. Что тут плохого? Ведь делит же без ропота нелегкую жизнь кочевника-мужа. Сейчас-то она попала в хороший, благоустроенный район. А приходилось и потуже, когда он работал на целинных землях Каршинской и Сурхандарьинской областей. Махбуба и там делила с ним все тяготы. А главное, было же время, он готов был отдать жизнь ради одной ее улыбки. Да, да, отдать жизнь! Это чистая правда. Тогда он, рабочий парень, круглый сирота, трепетал перед отцом Махбубы, боялся, что солидный ученый, известный человек не

отдаст за него любимую дочь! Было такое, было... И все же, все же... И Махбуба теперь не та, не прежняя Махбуба. Что-то переменялось в ней. Откуда это новое, непонятное ему желание «быть первой»?

Она врач-гинеколог. Везде, где бы они ни жили, работала по своей специальности. И здесь тоже. Работала спокойно, хорошо. И вдруг с месяц назад заявила в райком.

Нарядилась будто в театр: руки — в кольцах, уши — в серьгах. Была она чем-то взволнована, в глазах необычный блеск. День выпал приемный. Народу полно. Пришлось попросить извинения у посетитель, увести жену в соседний кабинет.

— Что случилось?

— Ничего... — Махбуба засмеялась, сияющими глазами повела вокруг. — Просто захотелось поглядеть на ваш кабинет! В общем, товарищ Шукуров, есть одна просьба к вам. Только... — Махбуба зарделась. — Только не рассердитесь?

— Ну!

— Нет, нет, товарищ Шукуров! Обещайте, что...

— Ну, хоп, обещаю!..

— Спасибо. Так вот... Наш главный врач уходит на пенсию, вы знаете?

— Ну и что? Хотите кого-то предложить?

— Да...

— Вот как! Этот вопрос решает не райком, а облздрав. Неужели те, кто послал вас сюда, не знают? Ну, предположим, не знают. Кого же они хотят предложить?

— Меня.

— Что-о? — Шукуров готов был расхохотаться. Но, взглянув на жену, осекся — она побледнела; прищурив глаза, серьезно, ожидающе смотрела на мужа. — Вот что, ханум, бросьте эти шутки...

— Почему же шутки? — В глазах Махбубы неожиданно блеснули слезы. — Вы думаете, я не смогу справиться с этой должностью? Считаете, я глупее других?

Шукуров все еще не мог отделаться от шутливого настроения. Жена пришла к нему в райком просить высокий пост! Да разве это можно было принять всерьез?

— Нет, ханум, вы конечно в тысячу раз умнее, красивее других...

— Ничего смеяться!

— Зачем же вы сами смешите?..

— Разве то, что я сказала, так смешно?

— Если не смешно, то из рук вон плохо! — неожиданно для себя отчеканил Шукуров. — Приходите ко мне, к своему мужу. И зачем? Я должен вам устроить место главного врача! Надо же додуматься!

У Махбубы обиженно задрожала нижняя губа. Попыталась было что-то сказать, но не смогла, выскочила из кабинета.

Вечером того же дня Абрам Шукурович долго беседовал с женой. Махбуба вроде бы поняла, что перегнула палку, и даже сама посмеялась над нелепой своей просьбой.

Но все-таки удивительно — раньше за ней не наблюдалось такого. Во всяком случае, он не замечал, чтобы она так жадно желала быть

первой, чтобы стремилась к роскоши, блеску. Может, сработали дремавшие в ней родительские гены? Шукуров вспомнил: ведь не раз уже он подмечал в доме тестя некоторую чрезмерность во всем: и в обстановке, и в самом поведении доктора наук Мирабидова...

Шукуров шел, углубленный в свои думы.

— Абрарджан! — прервал его мысли чей-то голос. У небольшого фонтана на площади перед новым двухэтажным зданием райкома стоял тот самый старый председатель колхоза, Аксакал, который вскоре по приезде Шукурова приходил к нему с жалобой на Атакузы по поводу мрамора.

Аксакалом, то есть белобородым, его прозвали не только из-за почтенного возраста, но и за длинную, заботливо соблюдаемую серебристую бороду. Раис сегодня оделся что-то очень торжественно — новый просторный китель весь увешан орденами и медалями, над ними поблескивает маленькая Звезда Героя, хромовые сапоги отполированы, на бритой голове новая тюбетейка, а уж как сегодня промыл и расчесал пышную белую бороду — каждая волосинка блестит.

«Ага, прискакал уже!» — подумал Шукуров, вспоминая не совсем приятный разговор, который на днях вышел у него с первым секретарем обкома.

— Я слышал, вы там обижаете нашего почтенного Аксакала, — прямо в упор начал секретарь.

Шукуров не сразу и сообразил, о ком идет речь. Поняв, начал было объяснять суть дела. Но секретарь не стал слушать.

— Я, конечно, понимаю. Атакузы Умаров толковый хозяин, и мы всячески поддерживаем его. И заслуги...

— Дело не в заслугах, — не выдержал Шукуров. — Беда в том, что я сам очутился в положении Атакузы Умарова.

— Не понял вас.

— Плохо со снабжением, из рук вон плохо! Это и толкает людей на разное... ну, что ли, предпринимательство.

— Надеюсь, вы лично еще не преуспели в таких делах?

— К сожалению, начисто лишен предпринимательского таланта, — засмеялся Шукуров. — Зато и положение в районе — катастрофическое. Особенно с удобрениями.

— Ну, насчет катастрофы вы, конечно, преувеличиваете. Я прочел вашу записку. Рассмотрим ее на бюро. А пока прошу подумать вот над чем. Не слишком ли много валим мы на эти самые неурядицы? Некоторые из раисов в вашем районе разрешают себе куда больше дозволенного, не стесняются и закон нарушать. Есть один нехороший сигнал, касается Атакузы Умарова. К вам на днях придет Бекмурад Халмуратович. Разберитесь! А Аксакала не обижайте!..

И вот уже Аксакал здесь. Шукуров пропустил раиса в дверь своего кабинета на втором этаже.

«Даст он себя в обиду! Дождитесь! Тот же Атакузы — одно тесто, разве что разной выпечки. Любопытно: скажет, что был у первого, или промолчит?»

Промолчал. Маленькие глазки хитро сияли из-под густых нависших бровей. Пришел он просто проведать уважаемого нового секретаря.

Может, у дорогого Абрарджана есть какие-нибудь замечания по его работе? Ведь не зря говорится: ум не от возраста зависит, а от головы. Он считает — очень правильные эти слова. Вот и сам он, несмотря на почтенный возраст, впадает иной раз в ошибки, глупостей делает немало.

Тонкий ход! Спешит опередить возможный упрек. Абрар Шукурович улыбнулся. Пословица пословицей, но вот он, секретарь, действительно нередко ошибается, ему бы очень кстати были советы таких умудренных опытом руководителей, как Аксакал. Дипломатический ход, видимо, удался, и раис приступил к делу. Оказывается, опять пришел с жалобой. И опять на Атакузы, хоть и преклоняется перед его умом, хозяйственной хваткой и дерзостью. Выяснилось — Атакузы снова перехватил то, что предназначалось колхозу Аксакала. На этот раз — дефицитные трубы для газификации кишлака.

Шукуров дал слово — разберется. Записал при Аксакале в блокнот. Под конец не удержался и от шутки:

— Как же это вы так, бывалый раис, уважаемый всеми аксакал — и дали обойти себя Атакузы?

Сказал — и сразу пожалел. В маленьких глазках-стеклышках, прикрытых седыми бровями, мгновенно заиграли ехидные огоньки. Улыбаясь в пышные усы, Аксакал ответил:

— У него ведь хандаляшки! Много хандаляшек!

Вот оно как! Шукуров поспешил закруглить разговор. Проводив раиса, он долго ходил по кабинету.

Аксакал в своей жалобе на Атакузы, конечно, прав. Прав и первый — не годится вершить незаконные дела, прикрываясь хозяйственными неурядицами. Но ведь и сами неурядицы существуют — это тоже правда, от которой не уйти. Именно они и толкают на разные хитрые ходы. Значит, в первую очередь надо бороться с причиной, которая привела к нежелательному следствию. Об этих неурядицах Шукуров писал и в обком, и в Госплан, а результат, как говорится, равен нулю!..

В дверь тихо постучала секретарша:

— Тут пришли двое. Говорят, из Ташкента.

— Из Ташкента? («Не тесть ли?» — подумал Шукуров.) Пусть заходят.

В кабинет вошел длинный, тощий мужчина лет тридцати, с загорелым дочерна лицом. За ним — девушка с высокой прической из мягких каштановых волос.

— Доцент Абидов,— представился темнолицый посетитель.

Девушка подняла большие печальные глаза на Шукурова и тут же низко опустила голову.

— Пожалуйста, присаживайтесь...

— Спасибо,— девушка села на стул, одернула подол короткого ситцевого платья без рукавов.

— В-вот что... Мы к вам с просьбой! — Доцент, волнуясь, пригладил свою взлохмаченную густую шевелюру.

Шукуров не сразу разобрал, в чем его просьба. Наконец понял следующее: он, доцент университета Сакиджан Абидов, уже много лет работает над биологическим методом борьбы с вредителями хлопка и

теперь приехал к знаменитому миллионеру-председателю (при слове «миллионер» доцент саркастически усмехнулся), хочет в колхозе, где широко поставлено хлопководство, испытать результаты своей работы. Есть и еще одна причина, почему выбрал именно этот колхоз. Вот эта девушка, Латофат. Здесь ее родной кишлак, здесь она родилась и выросла. В этом году окончила университет...

Латофат... Он уже слышал это имя. И не так давно. Ах да, это же дочь Бурибаева и той красавицы, из-за которой погиб сын домлы Шамурадова. Будущая невестка Атакузы!..

Шукуров, не поворачивая головы, искоса взглянул на Латофат. Удивительные глаза — огромные, грустные. Ну, если мать ее в молодости была такой же, можно представить себе боль и горечь джигита. Джаббар — так, кажется, звали его...

— Простите, товарищ Шукуров, я вижу, вам не интересна наша идея... — доцент Абидов дернулся к двери.

— Нет, нет, очень интересна. Так что вы собираетесь здесь делать?

— Я уже сказал — испытывать биологический метод борьбы с вредителями, в частности с совкой. Кому-кому, а вам должно быть известно, какое это зло для хлопчатника. Надеюсь, вы представляете себе, что ядохимикаты — палка о двух концах. Бьют не одну только совку. А мы привезли вот что, — он вынул из кармана стеклянную банку с какой-то зеленовато-желтой пылью, потряс ею перед Шукуровым. — Здесь мушки-трихограммы. Мы развели в нашей институтской лаборатории. Злейший враг совки. Трихограмма обыкновенная, яйцеед. Вы, может быть, замечали — на нижней части стебля иной раз приклеена цепочка блестящих желтых яичек, вроде пшена? — Доцент увлекся и теперь совсем не заикался. — Это яички совки. Вот мы придем с этой банкой на поле и выпустим своих мушек. Ветер быстро их разнесет... А через неделю приходите, увидите: желтые яички совки станут черными. И из них теперь не совки вылетят, а такие же трихограммы. Вот и все! Трихограмма может уничтожить до девяноста процентов яиц вредителя. А то и до ста. Представляете? — Абидов торжественно замолчал, наблюдая, какое действие его слова произвели на хозяина кабинета.

Шукуров с неожиданно вспыхнувшим интересом следил за странноватым доцентом.

— Очень интересно, — повторил он. — А с председателем вы уже говорили?

— Да, все в порядке. У нас договор. Колхоз отвел нам небольшой участок...

— Так в чем нужна моя помощь? Может, свести вас с руководителями районного отдела защиты растений?

— Благодарю вас, спасибо! — тонкие губы Абидова насмешливо искривились. — Нам известны эти паникеры!

— Паникеры? — не понял Шукуров.

— А как же иначе? Появится в поле один-единственный клеш или бабочка — и уже поднимают шум на весь мир: спасите, горим! Известна причина этого шума!

— И в чем она?

— Да в том... выполнять нужно план! План по протраве! Ядами травить поле надо. А чтобы разрешили сыпать ядохимикаты, шумят, пугают: погибаем, весь мир заполонили совки!

Узкое, обтянутое темной кожей лицо Абидова пылало румянцем, глаза светились. «Дервиш! Дервиш, беседующий с нечистой силой!» — мелькнуло в голове Шукурова. Но этот «дервиш» заинтересовал его. Говорил о вещах, которые и самого Шукурова тревожили. Он невзначай взглянул на Латофат. Что с нею случилось? Чистое, нежное, цвета пшеничного зерна лицо порозовело. Печальные глаза странно блестящие, в них был восторг. Этот тощий, темнолицый заика, похоже, задел что-то в ее душе!..

— Ладно! — Абидов махнул длинной рукой. — Сейчас я к вам по другому вопросу. Латофатхон окончила недавно университет. Специалист она способный, вполне могла бы стать хорошим ученым, если бы захотела...

— А разве она не хочет? — Шукуров улыбнулся Латофат.

— Не хочет! Собирается замуж за сына того самого...

— Домладжан! — девушка умоляюще сложила руки.

— За сына самого передового, самого сознательного, самого лучшего председателя-миллионера. Ну, не будем об этом! — Абидов странно дернул шеей. Шукурова поразила боль в его голосе. — Хочет замуж — пусть выходит. Это личное дело. Но чтоб она не затерялась в апартаментах своей свекрови-миллионерши, прошу вас помочь в одном деле.

— А именно?

— А именно открыть здесь лабораторию, где можно было бы исследовать биологические процессы, происходящие на ваших полях, и размножить личинки той же мушки-трихограммы. Я понимаю, задача эта не входит в компетенцию района. Такими делами занимается Министерство сельского хозяйства. Но в ваших возможностях подсказать им, подать, так сказать, идею. Вы же знаете, сейчас во всем мире, и в нашей стране в том числе, серьезно занялись вопросами биологического метода борьбы с вредителями сельского хозяйства...

Глаза девушки снова засияли. Шукурову очень захотелось помочь ей.

— Дело перспективное. Но пока...

— Раз перспективное, зачем же тянуть, надо сейчас уже закладывать фундамент! — подхватил Абидов. — Вы не думайте, для этой лаборатории не потребуется много средств. Достаточно трех-четырёх работников. Латофатхон, к примеру, будет заведовать. Потребуется еще лаборантка-методист и агроном, энтомолог... Годовая зарплата на всю лабораторию, включая сторожа и уборщицу, не составит и десяти тысяч рублей.

— А оборудование?

— Да что там оборудование! Один холодильник, два термостата, колбы-молбы, шкафы-мафы — вот и все оборудование!

Шукурова все больше удивлял этот доцент. Он, как видно, знал дело досконально. Сам Шукуров масштабы расходов на лабораторию представлял себе совсем иными.

— А вы не пробовали говорить об этом в министерстве?

— Сколько колхозов в районе? — доцент, казалось, не услышал вопроса.

— Девять колхозов и шесть совхозов...

— Столько хозяйств! Неужели они не смогут выделить двадцать тысяч рублей ради такого нужного и благородного дела?

— Атакузы-ака... — начала было девушка и покраснела, — может помочь.

— Ну что ж, это все хорошо. Но так или иначе вопрос надо ставить перед министерством...

— Вот вы и поставьте! Самый передовой секретарь самого передового района, кому же еще, как не вам...

— Откуда взяли, что я передовой секретарь?

Абидов снова скривил тонкие губы:

— Первый раз встречаю человека, которому не нравится слово «передовой»!

Шукуров не успел ответить — зазвонил телефон. Секретарь обкома Халмурадов, оказывается, приехал уже в колхоз Аксакала и ждет его. Шукуров начал собирать бумаги.

— Вот что, домла Абидов. Если вас не затруднит, зайдите еще раз. Поговорим обстоятельно.

Посетители ушли. Шукуров достал из сейфа папку с копией своей записки в обком, стоя перелистал ее. Нашел страницу, где говорилось о неурядицах в снабжении, об опасном разрыве между планом и реальностью в работе хозяйственных и строительных организаций. В одном месте упоминалось и имя Халмурадова. «Секретарь обкома по сельскому хозяйству Халмурадов и подведомственный ему отдел не всегда четко и оперативно решают наболевшие вопросы...»

Предстоял нелегкий разговор.

2

Атакузы был доволен вдвойне. Созванная обкомом летучка прошла в его штабе — это первое, а второе — перед летучкой секретарь обкома в сопровождении съехавшегося из обкома и райкома начальства обошел его хлопковые поля, участки, засеянные клевером и бахчевыми.

Молодые деревья, освобожденные от песка, подросли; хлопчатник, оберегаемый ими от горячих степных ветров, зеленел во всей красе. Поля Атакузы очень выигрывали по сравнению с чахлыми посевами вновь созданных совхозов. Известно, рядом с некрасивой девушкой всего лишь миловидная и та покажется красавицей. Вот так и у Атакузы — по сравнению с посевами новых совхозов его поля казались райскими садами. А то, что совхозы начали работу недавно, можно сказать, весной этого года, — кому до этого дело? Раз начальству нужны примеры — такие мелочи обычно в счет не берут, Атакузы знал это.

Особый восторг вызвали хандаляшки. Атакузы подвел гостей к дынному полю и предложил каждому выбрать хандаляшки и попробовать. Что тут началось! Взрослые, солидные люди побежали, как дети, к грядкам, хватали круглые, золотистые дыньки, радостно крича, пере-

брасывали друг другу. Халмурадов, выбрав хандаляшку, там же, на поле, разбил ее о камень — вспомнил детство — и съел всю, причмокивая, качая головой. Словом, пока все шло как нельзя лучше.

На летучку кроме руководителей строительных организаций были приглашены председатели колхозов и директора совхозов района. Неширокая тень штабного домика не могла вместить всех собравшихся.

Секретарь обкома Халмурадов, проходя к столу президиума, взял под руку Атакузы. На глазах всего народа прошел с ним к столу. А ведь пригласили в президиум лишь секретаря райкома Шукурова да начальника управления «Сельхозтехники» из Ташкента Джамала Бурибаева. Так что многие руководители областного масштаба проводили глазами счастливец райса. Аксакал, давний соперник Атакузы и неизменный член всех президиумов, так и остался сидеть «внизу».

Бекмурад Халмурадов вот уже несколько лет работает секретарем обкома по сельскому хозяйству, и Атакузы дружит с ним. Как и Шукуров, Халмурадов из молодых руководителей, но с Шукуровым его не сравнишь: куда представительнее. И речь, и манера держаться, и походка — все как положено. Ко всему еще и прекрасный оратор. Что сегодня Халмурадов подержит его, Атакузы не сомневался. Но испытанный друг превзошел все ожидания.

Начал речь с целинников. Говорил о людях, о славных хлопкоробах колхоза «Ленин юлы». «Творят чудеса в суровой пустыне!» — так и сказал. Все трудности нарисовал, показал самоотверженность здешних людей и только тогда перешел к критике руководителей строительных организаций. Пропесочил их как надо. Нет чтобы проявить заботу о героях — он не боится этого слова, да, да, о героях, — нет чтобы создать им сносные условия труда и быта! Так что они делают? Волокиту тянут, забюрократились! Постепенно так разгорячился, так разделал их — не знали, куда и глаза прятать, готовы были, казалось, нырнуть хоть в нору суслика.

Сколько раз Атакузы бился с начальником Ирсовхозстроя. Этот самодовольный истукан одно только и делал — наполнял карман пустыми обещаниями. А сейчас обмяк, осунулся — вся спесь слетела. Самодовольный бюрократ теперь, приложив руку к груди, на все вопросы секретаря обкома лепетал одно и то же:

— Выполним, товарищ секретарь! Будет сделано, товарищ Халмурадов!

Рта хоть бы не открывал! Халмурадов даже умолк, посмотрел на него удивленно:

— Будет сделано? Так почему же не сделали до сих пор?

А тот снова выпалил:

— Будет сделано, товарищ секретарь!

Тут уж никто не удержался, на всю степь захохотали, даже президиум не удержался.

Как следует досталось и управляющей облбытом — гладкой, кокетливой женщине. Ей под сорок, но сохранилась хорошо, красоту блюдет, времени не жалеет. Она вначале не растерялась, отвечала бойко, речисто. Но как взял ее Халмурадов в оборот, подняла к небу

обведенные синей краской глаза и стала жаловаться на свое министерство.

Эта модница, берегущая каждую свою ресницу, прошлой весной, когда закладывали фундамент быткомбината, говорила совсем другое. Ее прямо-таки зажигательная речь вызвала гром аплодисментов. А потом уехала и забыла. Ни разу не побывала на подшефном строительстве. И вот, не краснея, перекаладывает всю вину на других.

Атакузы так разволновался — сам не заметил, как вскочил с места.

— У меня вопрос по ходу выступления, можно?

— Пожалуйста, пожалуйста...

— Я хотел бы узнать... как идут дела со строительством бытовых предприятий в городах, и в частности в областном центре?

Управляющая облбытом, видно, не уловила подвоха в словах раиса, замигав черными, в комочках туши, ресницами, сказала:

— В центре? Дела идут неплохо. План выполняем.

— Вот как? Там, значит, дела движутся хорошо, а здесь плететесь черепашьим шагом? В чем причина такого разрыва, товарищ Шакирова?

— Причина? — Шакирова поправила локон, упавший на лицо, в волнении нечаянно растерла на щеке густые румяна.

По лицам собравшихся пробежала улыбка.

— Я назову вам причину! — перебил Атакузы. Шумно вздохнув, посмотрел на секретаря обкома.

— Пожалуйста, говорите, — Бекмурад Халмурадович исподтишка бросил взгляд на Шакирову.

— Причина проста — в городе работать легче! В тени да в прохладе и план выполнить нетрудно. Но если вы... если у вас есть совесть... — Атакузы долгим, суровым взглядом обвел руководителей строительных организаций, и они под его взглядом вдруг засуетились, зашевелились, казалось, не знали, куда деться от гневных глаз раиса. — Если у вас есть хоть капля совести, то выполняйте свои планы в первую очередь здесь — в этом пекле! Вон, посмотрите туда! — Атакузы резким взмахом руки указал на мрачные, черно-пепельные барханы. — Пятьдесят моих девушек, нисколько не хуже вас, товарищ Шакирова, днем и ночью трудятся здесь. Они вырачивают хлопок! Вы простите меня, товарищ Шакирова, там в тени да прохладе, выполнив свой планчик, живете в свое удовольствие, а здесь люди, не разгибая спины, изнывают в жаре! Так что же, у них нет права на хорошую жизнь?

— Я, кажется, не сказала, что у них нет прав...

— Еще бы вам сказать! Но вы, именно вы лишаете их этого права! Я ли не обивал ваш порог, я ли не сидел часами в вашей приемной, не кланялся вам в ножки! А вы...

На ресницах Шакировой повисли слезы. Атакузы дернул кадыком, будто заставил себя проглотить слова, готовые сорваться с языка, и повторил:

— Нужно иметь совесть. Совесть!

Слезы спасли Шакирову. Бекмурад Халмурадович ободряюще кивнул ей:

— Не расстраивайтесь. Наш уважаемый раис был несколько резок,

но и вы должны понять его. Ведь он прав — молодежь работает в поте лица здесь, в пустыне, она хочет и должна жить хорошо.

Кончили с Шакировой, и град критики посыпался на голову управляющего дорожным строительством, за ним попало связи, после связистов принялись за коммунальное начальство. И все они, такие спесивые, как гуси, важные — не подступись, стояли по стойке «смирно» и, словно попугаи, заученно повторяли:

— Выполним! Будет сделано! Выполним!

Атакузы по опыту знал: от их «выполним» толку бывает мало. Но, во-первых, хоть и мало, да что-нибудь все же перепадет, а во-вторых, эти хитрые лисы-хозяйственники стояли в струнку не где-нибудь, а у порога его штаба, здесь, на его территории, повторяли как попугаи «будет сделано». Атакузы, когда придет время, отлично использует это, напомнит любому из этих непревзойденных мастеров волокиты, если опять будут тянуть: «А как стояли навтыжку перед моим штабом в степи, забыли? Смотрите, как бы вам не постоять так же на бюро обкома!» — вот каким оружием запасся он!

Потом выступил Шукуров. Он не так красноречив, как Халмурадов. Говорил с расстановкой, потирал порой лоб, подыскивал слова, но и его выступление оказалось неплохим. Одобрительно отозвался о начинаниях Атакузы. Призвал использовать его опыт по созданию лесозащитных полос: «Лесозащитные полосы товарища Умарова уже на деле показали себя. И это бесценный урок для всех целинных совхозов». Но по-настоящему мужское слово сказал Джамал Бурибаев.

Выступал он последним. Без всяких оговорок, прямо заявил: то, что творит Атакузы здесь, в пустыне, должно стать примером и для района, и для области. И даже для республики в целом. И он от имени «Узсельхозтехники» обещает оказать ему серьезную помощь.

Атакузы сидел за столом президиума рядом с Бекмурадом Халмурадовичем. Ему пришлось скромно опустить голову, боялся, как бы не выдать свое торжество. А хотелось поднять голову высоко, поглядеть на хозяйственников, на тех, кто чинит преграду его великим планам, на Аксакала-доносчика, который сидит хоть и в первом ряду, а все же «внизу». Ишь ты, спрятал свои хитрые бусинки, обмахивается платком — жарко ему, видишь, стало. Не от похвалы ли в адрес Атакузы?

Выходит, все же не зря боролся, побеждал безводье, степной, все кругом испепеляющий ветер-суховей. Страдания и победы Атакузы, его саженьцы, хлопковые плантации, городок, первые дома которого поднялись над барханами, — словом, его труд и пот не пропали впустую. Человеческое дитя нуждается в ласке. Одно лишь доброе слово — и Атакузы готов забыть все пережитые муки, все трудности. Лечит душу доброе слово. Но где-то в уголке точит беспокойство. Только бы не поверили клевете и наветам всяких ябедников и бездельников, не помешали бы Атакузы возродить эту проклятую богом и людьми землю. А то шлют и шлют комиссию за комиссией!

И не зря, оказалось, шевелилась в его душе тревога.

После легучки Атакузы пригласил гостей в кишлак «на пиалу чая». Халмурадов с неожиданной сухостью сказал: «Подождите, раис». Взял под руку Шукурова и ушел с ним за штаб. Целый час Атакузы смирен-

но вышагивал у штаба. Наконец подошел инструктор райкома, пригласил его к секретарям.

Шукуров и Халмурадов сидели в тени недавно законченного двухэтажного здания за штабом. Оба сумрачные, насупленные, Халмурадов почему-то отвел взгляд от спрашивающих глаз Атакузы, кивнул на штабелек кирпичей — «присаживайтесь».

— Так, раис... Мы ценим вашу работу, ваш организаторский талант. И в кишлаке, и здесь, в степи. Именно поэтому...— Халмурадов на секунду запнулся, сдвинул брови.— Поэтому мы и должны беречь вас от ошибок.

— От каких? — нетерпеливо перебил Атакузы.

— Что за скандал произошел у вас с домом?

— С каким домом?

— Известно стало, что вы самовольно выселили механизатора из его дома и вселили туда своего дядю.

«А-а... Надирахон настрочила-таки жалобу. Всего-навсего!» — Атакузы вздохнул: гора с плеч!

— Прежде всего, я не выселил этого механизатора, а только переселил. Переселил по его же согласию!

— Однако жена подала жалобу. Она к тому же многодетная мать. И вообще — если понадобилось вам жилье, неужели нельзя было найти другой дом?

Темное лицо Атакузы сделалось чугуново-черным, сухие, смуглые пальцы, нервно поглаживавшие колено, сжались в кулак.

— Другой дом мне не подходил. Удивляюсь, товарищ Халмурадов,— в голосе Атакузы слышалась глубокая обида.— Вы спросите: какого человека я вселил в этот дом? Он делал революцию в нашем кишлаке. Он создавал здесь колхоз. Единственный сын его — Герой Советского Союза — погиб на фронте! Неужели это преступление?..

— Никто не называет ваш поступок преступлением,— заговорил Шакуров.— Но можно было дать жилье и в другом месте...

— Другое место не годится!

— Почему же?

— Почему? — Атакузы не сдержал раздражения.— Вы же знаете, у старика никого нет. Кто еще, кроме моей семьи, будет присматривать за ним? Не понимаю вас, Абрар Шукурович. Домла Нормурад большой ученый, подарил колхозу огромную библиотеку. А мы?.. Боимся создать ему маломальские условия для работы, прислушиваемся к мелким разговорчикам. Вы бы побеседовали с ним, Бекмурад Халмурадович, посмотрели бы его библиотеку.

— Вот оно как,— сказал Халмурадов с явным облегчением.— Я, например, не знал этой стороны дела. Ну хорошо, а почему сняли с работы механизатора?

Атакузы шумно вздохнул:

— Тоже к вам с жалобой?

— Да, жена его...

— Не знаю, что наговорила вам жена, но я его с работы не снимал. Перевел сюда, в степь.

— Почему? Насколько нам известно, он числился хорошим специалистом, был у вас даже за главного механика...

Атакузы краем губ усмехнулся, но тут же мгновенно погасил усмешку.

— Да потому и перевел, что он хороший механизатор. Не бездельников же ставить сюда. Сделал бригадиром...

— А можно его позвать? — спросил Шукуров.

— Нет! Уехал в область за запчастями. Не думал, что будет такой разговор, послал бы другого. Впрочем, он может письменно подтвердить все, собственноручно напишет...

— Ясно, — Халмурадов повеселел. — А вас, Абрар Шукурович, прошу поговорить с этой женщиной лично. Объясните ей все. И вообще нужно ее успокоить, уговорить, дорогой раис...

Атакузы чуть не выпалил: «Да пропади она пропадом!» С трудом выдал из себя:

— Ладно, товарищ Халмурадов. Успокоить ее, конечно, успокоим, но...

— Что «но»?

— Неужели это справедливо? Мы трудимся, не знаем покоя, не ведаем отдыха. А стоит какому-нибудь бездельнику настроичить кляузу, и все забыто, весь наш труд обращается в прах!

— Полноте, раис, не прикидывайтесь обиженным ребенком. Вы не из тех, кто даст себя в обиду. Знаем! — рассмеялся Халмурадов и встал. — Так как же, чай ваш готов? Ну, поехали! Кстати и с вашим дядей познакомимся. Да, где же Джамал Бурибаевич? Пригласили его? Вот и отлично. Пусть он тоже познакомится с вашим дядей...

Шукуров быстро взглянул на Атакузы. Тот пошевелил было губами, но ничего не сказал.

Халмурадов и Джамал Бурибаев сели в «Волгу» Атакузы. Пригласил раис и Шукурова, но тот не захотел стеснять гостей, поехал на райкомовской машине.

Пепельно-серые барханы остались позади. Машины птицами летели по асфальту. По правую сторону дороги над горизонтом круто поднимались в дрожащем мареве величественные горы, чуть ближе, за заставшими гребнями, смутно вырисовывались первые высокие холмы...

Абрар Шукурович откинулся на спинку сиденья, прикрыл глаза. Он был недоволен и собой, и Халмурадовым. Два вопроса обсуждались с ним наедине и перед летучкой, и потом, когда сидели за штабом. Первый — о записке Шукурова в обком. Халмурадов вел себя странно, что-то крутил, будто бы соглашался: в планировании и снабжении действительно много путаницы и неразберихи, не отрицал, что это мешает нормальной работе и открывает дорогу нечестным на руку хозяйственникам. А зашла речь о конкретном — решительно отказался помочь, мягко отклонил все, о чем просил Шукуров. Притом и виду не подал, что задет критикой его, был подчеркнуто вежлив, тактичен. Отказывал в помощи — улыбаясь. Ссылался на повсеместные задержки в снабжении. Единственно, что обещал, — поддержать идею строительства второй очереди кирпичного завода в районе. Но кирпичный за-

вод был уже «на мази» и без него. По «вопросу» Атакузы он вел себя так же странно. Ушел от обсуждения промахов раиса.

Шукуров слышал, что они давние и закадычные друзья. Но так хвалить, так превозносить перед собранием!.. Правда, потом, когда говорили с Атакузы о жалобе многодетной матери, секретарь обкома вроде бы переменялся: повысил голос, помрачнел (видно, первый наказал, чтоб был построже), но с какой готовностью принял доводы раиса, как обрадовался! Был строг по принуждению — это ясно. Впрочем, доводы оказались достаточно вескими. И надо признаться, сам Шукуров тоже симпатизировал Атакузы. Даже в обкоме пытался оправдать его неумный «аппетит» и то, что раис нередко утоляет его за счет других. Что делать, если хозяйственные и планирующие органы нерадивы? Ведь и он сам, Шукуров, страдает из-за неурядиц в снабжении. Какого труда стоит хоть чего-то добиться для района! И все-таки он чувствовал: Атакузы переходит границы. Взять хотя бы только что состоявшийся разговор. Как держал себя, каким тоном говорил!.. Шукуров не раз встречал раисов, которые на первых порах работали с размахом, поднимали отсталое хозяйство. А потом — похвалы, поощрения, «пример для других», и потерял человек голову, занесся. Все они начинали задавать пиры по нужным и ненужным поводам, устраивали большие и пышные свадьбы. Шукуров видел их роскошные дома. Чуть кто заикался против — всеми путями стремились убрать такого прочь с дороги. Конец зазнавшихся раисов бывал обычно печальным. Их непоколебимая вера в силу власти и денег терпела крах. Не всякого можно подкупить, и далеко не всегда можно даже с помощью денег обойти закон. Но, к сожалению, уроки жизни большей частью проходят даром.

Атакузы... Шукуров еще до конца не разобрался в нем. Очень уж он разный. Иногда даже кажется наивным. Голову с ним можно сломать. То — эгоист, способный убрать с дороги любого, то, посмотришь, — одинокий путник, уставший от тягот нелегкой дороги.

Вот и в истории с домом. Будто бы не так уж он и виноват. Ведь Шукуров хорошо знает положение домлы Шамурадова. Действительно, старик будет полезен кишлаку. И все-таки есть что-то безнравственное в том, как Атакузы выкрутился из неловкого положения — прикрылся стариком. Потом его слова: «Покою не знаем, отдыха не ведаем». А вы, мол, прислушиваетесь к жалобам всяких кляузников. Есть, разумеется, доля истины и в этом, можно понять — задергали человека. Но Атакузы как бы ставит условие: «Хотите — принимайте меня со всеми моими причудами, какой я есть, не хотите — как хотите!» Надо поговорить с ним посерьезнее, одернуть. Но как это сделаешь? Секретарь обкома сам готов его выгородить, рад, когда Атакузы подкинет хоть малейшее оправдание своим поступкам... Нет, зачем валить на Халмурадова? В нем самом, в Шукурове, сидит давно известная так называемая интеллигентская мягкость!..

...Степь кончилась, пепельно-серые песчаные барханы оборвались крутым склоном бурого холма. За ним сразу открылся оазис. От подножия холма начинались яркие, нежно-зеленые клеверные поля и уходящие вдаль кукурузные плантации — в них мог бы заблудиться человек... В ноздри ударил чуть горьковатый, душистый запах клеверного

сена, горчака, диких степных трав. Машины пронесли мимо стогов пахучего сена, промчались среди хлопковых полей и вот уже нырнули в прохладу фруктовых садов.

Белая «Волга», ехавшая впереди, свернула влево — не к правлению, а к стеле обелиска.

Гости выходили из машины, когда Шукуров достиг их. Отсюда, с холма, очень выгодно открывался поселок — весь белый, нарядный, новый кишлак утопал в густых, как лес, садах.

Халмурадов, пригладив черные вьющиеся волосы, сияющими глазами оглядывал все вокруг.

— Да это город! Настоящий город! Вы просто молодчина, раис! — Он взял под руку Атакузы, подвел его к выходящим из машин Бурибаеву и Шукурову. — Каково, друзья мои, а? Надо было пригласить всех председателей! У меня возникла одна мысль, Абрар Шукурович. Хорошо бы созвать здесь совещание по вопросам строительства в масштабе района, как вы на это смотрите?

Шукуров все еще был в плену мучительных раздумий, сам не заметил, как вырвалось:

— Может, в масштабе всей области?

Халмурадов уловил иронию — насупился. Секундную размолвку сгладил Джамал Бурибаев:

— А что, этот кишлак стоит того, не только области, хватай выше — в масштабе всей республики!

Все рассмеялись, а Халмурадов подхватил:

— Можно бы, конечно, провести здесь совещание даже в масштабе всей страны, но боюсь, у раиса головокружение пойдет от успехов! Шутки шутками, — прервал он смех, — а в районном масштабе это надо осуществить, Абрар Шукурович.

— У меня одно слово, товарищ Халмурадов, — вмешался Атакузы. Он вдруг подтянулся, посерьезнел. — Спасибо за доброту. Я не против того, чтобы у нас провели совещание, но есть к вам одна просьба.

— Слушаю вас.

— Пока, до совещания, помогите, пожалуйста, насчет газификации кишлака. Я уже вам говорил, газ до сих пор возим в баллонах. Магистрального все еще нет. В районе он есть, подвести сюда не трудно. Но почему-то управление коммунального хозяйства тянет...

— И правильно делает, что тянет! Дай вам волю, вы и газ перехватите у соседа, как перехватили строительные материалы! Правильно я говорю, Абрар Шукурович? — подмигнул ему Халмурадов. — И вообще согласуйте это с товарищем Шукуровым.

«Ну и хитрец! Помнит предупреждение первого, знает, кому сбыть хлопотное дело», — подумал Абрар Шукурович.

Атакузы широко развел руками:

— А что нам остается делать, товарищ секретарь обкома? Судите сами, — он указал рукой в сторону правления. Там, недалеко от площади с монументом, белели два новых двухэтажных здания. — Помните, я вам говорил, строим новые помещения для детсада и яслей? Уже готовы.

— Да, да, конечно, помню, это хорошее дело. Выполняйте постановление ЦК! Надо показать всем районам.

— Да, но что значит детсад и детясли без магистрального газа?

«Вот бестия! Умеет вставить к месту слово!» — пронеслось в голове Шукурова.

Халмурадов засмеялся:

— Я думал, вы нас в гости пригласили, а оказывается, рассчитываете хоть что-нибудь выколотить... Ладно. Подумаем!

Атакузы шлепнул себя по лбу:

— Ну и хозяин! Затеял о делах чуть ли не за дастарханом. Поехали, друзья!..

Во дворе райса, около колодца, разговаривали две женщины. Одна, небольшого роста, худенькая, склонив голову к плечу, слушала, что говорила ей пожилая. Гости шумной ватагой вошли во двор. Пожилая взглянула и вдруг попятилась в дом, будто увидела страшилище. А худенькая, хозяйка, мягко улыбаясь, направилась к гостям. Шукуров проводил глазами ту, что скрылась в доме. Приятной округлостью лица и особенно большими черными и очень грустными глазами она напомнила ему девушку, что приходила сегодня с тем странным доцентом в райком.

«А-а... Фазилатхон! — Он уже видел ее однажды — заведующую клубом, но почти не запомнил. Это было в самом начале его здешней работы, сразу после приезда. — Кажется, это она!» Шукуров невзначай взглянул на Джамала Бурибаева. Тот со странной, размытой улыбкой на губах, важно неся голову, — откормленный гусак! — шел навстречу миловидной, нежного облика женщине.

— А вы все цветете, Алияхон! Как роза!

Атакузы раскатило, на весь двор захохотал:

— Настоящий мужчина не даст состариться ни коню своему, ни жене! Ха-ха-ха!..

Халмурадов задержал руку Алияхон в своей:

— Отчего же ваша подруга, так испугалась нас, Алияхон-апа?

— Ха-ха-ха! Она испугалась Джамала Бурибаева!

— Почему?

— Да так уж! Грехи молодости... Хе-хе-хе, Джамал Бурибаевич, так ведь?.. Прошу вас, товарищ секретарь, сюда...

Из сада, смежного со двором, тянуло сизым дымком. В глубине, под старой раскидистой шелковицей, трое парней с засученными рукавами колдовали над шашлыком. Чуть поодаль, на лужке у шумного арыка, стоял длинный стол, и там на дастархане были собраны, играли живыми красками плоды земли: горы розовых, готовых пролить сок персиков, янтарно просвечивающие гроздья винограда, пирамиды свежего салата, помидоры, мелкие, похожие на пальчики, огурцы и еще что-то яркое, сочное...

Атакузы пригласил гостей к столу. Но Халмурадов выразил желание осмотреть сначала библиотеку Нормурада Шамурадова, хотя ему и сказали, что домла куда-то уехал.

Соседний двор значительно уступал размерами двору райса. В боль-

шой гостиной громоздились неразобренные картонные коробки с книгами — те самые, что видел Шукуров в Ташкенте.

Халмурадов присел на карточки, развязал тесемку на одной из коробок, вытащил несколько книг.

— Мда... Такие книги сейчас и за золото не сыщешь!

Лицо Атакузы расцвело, глаза засветились.

— Не сегодня завтра установим полки, и старик начнет... — Атакузы не успел договорить: в кабинет вбежала молодая смуглолицая женщина:

— Можно?

— А, вот и Халидахон! — радостно встретил ее Атакузы. — Познакомьтесь, товарищ Халмурадов, это наш парторг. Можно сказать, наш комиссар.

Черноглазая Халидахон, с приятными ямочками на смуглых щеках, блеснула белизной зубов. Поздоровалась сначала с секретарем обкома, а затем с Шукуровым, — все это с легкой вольностью, так обычно здороваются молодая женщина, уверенная в том, что недурна собой.

— Добро пожаловать в наш колхоз!

Атакузы сдвинул тубетейку, посадил ее еще задорнее, взглянул на секретаря обкома:

— Она у нас — я говорю про Халидахон — молодой способный агроном с высшим образованием. Коммунистка. Молодая, да удалая! Все наши политические и культурные дела забрала в свои руки!

Халидахон почти в точности повторила слова председателя, сказанные пять минут назад, — будто заранее отрепетировали.

— Наверно, Атакузы-ака уже говорил вам: этот дом мы собираемся превратить в библиотеку. Не сегодня завтра приведем в порядок, установим полки... По инициативе Атакузы-ака...

— А разве нельзя объединить дар домлы с колхозной библиотекой? — перебил Халмурадов.

— Нет! — твердо сказал Атакузы. — Старик мечтает сам, своей рукой выдавать книги, объяснять молодежи...

— Ну что ж, это, пожалуй, хорошо, — немного подумав, согласился Халмурадов. — Очень досадно, что мы не смогли побеседовать с домлой.

— Так я пошлю человека...

— Спасибо, нет времени. Вы, пожалуйста, не забудьте того, что мы решили. Женщина многодетная, ее можно понять. Объясните ей... Вы, должно быть, в курсе? — секретарь обратился к Халидахон. — Хозяйка этого дома подала жалобу в обком...

Шукуров с интересом взглянул на Халидахон.

— Да, да, как же. Это склочная женщина, очень нехорошая, товарищ Халмурадов! — Резкость тона Халидахон совсем не вязалась с недавней ее улыбкой. — Хороший человек так бы не поступил. Не уважила Атакузы-ака, так хоть бы пожалела старика, большого ученого, профессора. Ведь этот человек революцию делал в нашем кишлаке!

Шукурову стало как-то неловко, и он торопливо отвел взгляд от ясных, прозрачных глаз Халидахон.

— И все же,— с нажимом сказал Халмурадов,— независимо от ее человеческих качеств, прошу поговорить с ней, успокоить...

Халидахон хотела еще что-то сказать, но Атакузы перебил:

— Будет сделано, товарищ секретарь. Прошу к столу, чай остывает.

«Опять выкрутился. Понял, что тут можно поскользнуться. Ловок, надо отдать должное. И где только отыскал эту красивую куклу? Молодой агроном с высшим образованием! Молодая, да удалая, «наш комиссар»!.. Но ведь у этого «молодого комиссара» ни по одному вопросу нет собственного мнения. Разумеется, раису такой попугай вполне подходит. Но как райком мог рекомендовать ее на ответственную должность? Неужели там не заметили меда, который так и каплет с ее уст, лишь произнесет имя Атакузы?»

Шукуров почувствовал: тугой узел, который возникал перед ним всякий раз, когда он пытался разобраться в личности Атакузы,— этот узел затянулся еще туже.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1

Хайдар проводил высокого гостя — будущего тестя — до райцентра. Бурибаев с сыном поехали дальше, а Хайдар на своем «Москвиче» повернул обратно. Поставил машину в гараж у входа во двор и, слегка пошатаваясь — угощение было на славу! — направился в конец сада прямо к арыку. Солнце уже поднялось и как бы лежало на верхушках тополей блюдом, полным расплавленного добела металла. Оно уже успело раскалить землю, босиком не ступишь — обожжет. Арык был полон чистой родниковой воды — из Минг булака, она быстро катилась, ударяя струями о камни, отливая то голубишной неба, то зеленью подводных трав. Вода манила прохладой и свежестью. Хайдар на ходу скинул одежду, босой, в цветных плавках, подбежал к арыку, подпрыгнул и, зажурившись, бултыхнулся в ледяную родниковую воду. Отчаянно забарахтался. захрыкал, как норовистый конь, но уже через минуту успокоился — ухватился за ветку тала, лег на спину, закрыл глаза. Теперь казалось — не вода, а чья-то нежная рука гладила истомленное жарой тело, и каждый нерв успокаивался, каждая клетка... Он вышел из арыка, прилег на полянке под старым тутовым деревом. Ни во дворе, ни в саду не было ни души. Голова тонула в высоком, по колено, густом клевере, у самых ушей в мохнатых фиолетовых цветах лениво жужжали пчелы. Над Хайдаром носились белые, бледно-голубые бабочки, а наверху, в ветвях шелковицы, тысячеголоса чирикали воробы, вели разговор горлинки...

Всем существом отдался Хайдар густой, обволакивающей душу тишине. Вдыхая тонкий, тепловатый аромат клевера, устало прикрыл глаза. О, эти деньки, когда гостил у них Джамал Бурибаев! Пролетели как во сне, застолье здесь, в саду, тянулось с вечера до рассвета. Уши гостей улаждали музыка и пение. Играли и пели не какие-нибудь киш-

лачные умельцы — отец пригласил известных певцов и музыкантов. Потом поездка в горы — в колхозный санаторий, расположенный в арчовых рощах за лесничеством. Там — купанье, рыбная ловля в горных речках и снова дастархан. Целые туши баранов, запеченные на пахучих ветках арчи в земляных печках — тандырах. Шурпа — наваристая, особая, горьковатая, приправленная целительными травами тех мест, свежий кумыс, чуть-чуть — для аппетита и настроения — разбавленный чистым спиртом... И настроение, надо сказать, было преотличным — все мелкие неурядицы, все неприятности, томившие Хайдара в последние месяцы, улетучились, вылетели из памяти, и душа расправилась, свободная от тисков, от раздумий. Иногда, правда, по утрам, перед новым застольем, возвращались нерадостные думы. Это все из-за будущего тестя. Стоило увидеть, как тот в дорогом халате важно и задумчиво расхаживает по аллеям санатория или неторопливо спускается к речке с махровым полотенцем на плече, — тут же вспоминается Латофат, то, что говорила она о Бурибаеве. Муторно, нехорошо становится на душе. Но эту встречу устроил ведь не он, а отец Хайдара, ата знает, что делает. Да и сам Джамал Бурибаев совсем даже не плохой человек. Был с ним мягче, добрее даже, чем с Кадырджаном. Поигрывая выпуклыми зеленоватыми глазами, называл «зятяк». А то и «дорогой мой зятяк!» Кадырджан не сводил с отца восторженно-влюбленных глаз. Вышел однажды у них с Хайдаром откровенный разговор. Хайдар передал ему слова Латофат насчет их отца. Кадырджан только рукой махнул:

— Да что она понимает в жизни! Ты же сам видишь, отец — добрый, душевный человек. Ну, были, были грехи. У кого не бывает в молодости! — он рассмеялся. — Зато теперь — какой человек! А сколько сделал для меня! И для тебя постарается.

— Не в том загвоздка. Она...

— Да чего ты все: она да она! Известно, витает в небесах! Думает, в жизни как в книжках. Я говорю тебе, ты с ней не очень-то... На твоём месте я бы давно ее... — Кадырджан не договорил. Больше слов сказала скуластое загорелое лицо. Длинный нос-серп опустился к верхней губе, кошачьи зеленоватые глаза сузились.

Как вспомнил Хайдар эту звероватую улыбку — сразу стало не по себе.

Где-то неподалеку дружно засмеялись девушки. Хайдар поднял голову. Смех повторился. Во дворе домлы? Странно. Что за девушки собрались у старика?

Хайдар торопливо натянул брюки, перешел через мостик. Укрываясь за деревьями, приблизился к высокому глинобитному дувалу, заглянул через него, сквозь вишневые ветки.

Посреди двора, под ветвистой молодой яблоней, на высоком сури, застеленном шелковыми стегаными одеялами, восседали старик и доцент Абидов. А в настезь раскрытых окон дома мелькали девичьи лица. Там были и Латофат с Тахирой. По-видимому, разбирали и приводили в порядок книги. Но вот чудеса! Из дома вышли мать и... Фазилат-апа. Старик, похоже, не удивился этому — как ни в чем не бывало беседовал с Абидовым. Женщины, о чем-то толкуя, прошли к воротам.

Хайдар встряхнул мокрыми волосами, одернул рубашку — сейчас он нагрянет туда неожиданно. Хорошо бы сказать при этом что-нибудь интересное, остроумное. И тут до его слуха долетел тонкий, нервный тенорок Сакиджана Абидова:

— Д-да, к-конечно, чудо природы, домла! Н-настоящее чудо! Вот и я говорю, надо быть... ну, полным г-головотяпом. Подумать только — с-строить там животноводческий комплекс!

Старик сидел понурый, низко опустил голову и молчал. Доцент же вдруг вскочил. Размахивая длинными руками, прошелся вокруг сури.

— В-вот вы говорили о горной арче. Сказали, что пишете к-книгу. Очень п-правильно! Я тоже пишу. Замечательное, уникальное дерево! Нельзя дать исчезнуть ему. Уничтожили варвары, полчища Чингисхана, а теперь замахнулись свои, так называемые передовые люди. Это строительство в Минг булаке! Н-нельзя допустить, нельзя!

Домла еле слышно сказал:

— Вы правы... Я поговорю с Атакузы, обязательно поговорю.

«Поговорю!» Хайдар резко повернулся, зашагал обратно. Сел в тени у арыка, задумался.

Только вчера отец показывал гостям место на склоне Минг булака, где должен быть построен животноводческий комплекс. Уже начали рыть котлован под будущее громадное, с километр в длину, здание. С каким вдохновением рассказывал отец о стройке. Приводил на память цифры. Оказывается, именно здесь, в Минг булаке, такое строительство даст беспримерную экономическую выгоду. И вода, и корм, и пастбища — все рядом, все под рукой. А этот Абидов полнейший профан в хозяйственных делах, а туда же — разводит демагогию. И любимый отцов дядя — нет чтобы одернуть, по всему видно — вторит этому одержимому... Мало ему, что внуку ногу подставил, теперь на племянника замахивается, поддакивает сплетням. Спелись, что называется. Чокнутый доцент, юридивый, он уже и так в печенках сидит у Хайдара. Таскается хвостом за Латофат. Вот и сюда заявился. Кишлячные джигиты, друзья детства, уже спрашивали о Сакиджане Абидове — что за тип, почему Хайдар позволяет Латофат ходить с посторонним мужчиной?.. Конечно, они просто кишлячные ребята, у них старые мерки. Хайдар мог бы и не обращать внимания на их намеки. А все же...

Кто-то пробежал по мостику — тук-тук-тук...

— Тахира!

Тахира спешила по тропинке домой. Остановилась, посмотрела на брата и медленно, будто опасаясь чего-то, пошла к нему. Глаза, в кругах усталой синевы, смотрели жалостливо, испуганно.

— Что с вами, братец?

— А что? — Хайдар, не понимая, провел рукою по груди, по брюкам.

— Да лицо будто опухло, глаза какие-то красные...

— А! — рассмеялся Хайдар. — Сама же знаешь — высокого гостя провожали, нелегкое дело! А вы тут что делаете? На хашар собрались, помогать?

— Да вроде этого. Приводим в порядок книги.

— Гм... Интересно. А Фазилят-апа как же?

— Да так... — улыбнулась Тахира. — Всех нас привела Халидахон-апа. Тетушка Фазилат не хотела идти, боялась. Но она заведующая библиотекой. Халидахон-апа так и представила ее. Дедушка сначала насутился, ушел в себя. А потом ничего, обошлось вроде.

— Интересно! — Хайдар сурово сдвинул брови, помрачнел. — А этот тип... доцентик, что он тут делает?

Тахира пожала плечами:

— Не знаю. Он же биолог.

— Ну и что?

— Латофат говорит, он хотел поговорить с дядей насчет Минг булака. Беспокоится, что там...

— Ладно! — перебил Хайдар. — Иди. Вызови сюда Латофат!

Тахира боязливо взглянула на Хайдара:

— Братец! Ну зачем вы так?..

— Как? — не понял Хайдар.

— Будьте с ней поласковее. Она же хорошая, добрая...

Хайдар с удивлением смотрел на сестру. Веселая, ветренная Тахира сегодня казалась странно робкой, как-то сникла. Круглое лицо, обычно розовое, цветущее, с ямочками на щеках, побледнело, выступили мелкие веснушки. И одета по-кишлячному — в широком длинном платье из дешевого атласа, на ногах матерчатые шлепанцы. Ох, нехорошо! Вспомнил слова Кадырджана: «Да ты с ней посмелее...» Странная догадка ударила в голову... Закусил губу, словно от боли. «Да, мне, конечно, не хватает многого — мягкости, доброты... А вот тебе, сестрица моя, — гордости!»

— Ну, иди!..

Он, как и отец, не слишком-то любил Кадырджана. И если терпел и даже по видимости дружил с ним, то все только ради Латофат. И к Тахире не дал бы подойти, если бы не Латофат. Но каков Кадырджан! Как ведет себя в последнее время! Ох, поломал, видать, девчонку, смял ее. Без совести человек. И на службе обнаглел, пользуется тем, что отец его там командует. Открыто метит на чужое место — начальника отдела. Да и насчет отца своего циничен, дал ведь понять — нужен ему для карьеры, и только! Нехорошо получается. Любит сестра младшего Бурибаева или нет, теперь ничего не поделаешь — вынуждена торопиться со свадьбой. Но Латофат... Никак не может Хайдар поладить с ней...

Тахира пробежала обратно, на ходу крикнула: «Сказала!» Сердце у Хайдара забилось, как при первом свидании. «Да еще и опух... На кого же я сейчас похож!» Поскорей стянул с себя безрукавку, содрал брюки и бросился в арык... А ведь неспроста сестра так уставилась на него, действительно вид не тот: появился животик, да и весь оброс жирком. А тот юродивый доцентик худ, строен и в последнее время следит за собой. Шеголем гуляет по кишлаку. Нет, так нельзя. Э, Хайдар!.. Пьешь много, обрюзг, опустился, брат...

Застучали зубы — доняла родниковая вода. Хайдар выскочил на берег, пробежал босиком по теплomu, нагретому солнцем клеверу к старому деревянному сури под шелковицей. Взял за концы полотенце, растер тело до красноты. Оделся. Теперь — причесаться. Поднял мок-

рую голову — и опять эта знакомая, сладкая боль! Увидел обломанную ветку, а чуть пониже ту, другую, за которую тогда, пять лет назад, ранним утром ухватилась Латофат... Захотелось сейчас же, сию минуту увидеть ее, заглянуть в большие ясные глаза. Такая хрупкая, нежная и загадочная в своей странной печали. Нет, не должен он с ней быть грубым...

Хайдар подошел к дувалу, замирая раздвинул ветку вишни.

Долма все еще сидел на своем месте, перелистывая какую-то книгу. Чуть дальше, под другой яблоней, стояли Сакиджан Абидов и Латофат. Они о чем-то разговаривали. Абидов горячо доказывал что-то, размахивая руками. Латофат слушала, чуть склонив голову набок, опустив глаза к земле. Поговорив с минуту, доцент взял ее под руку и повел по аллее дальше, под урючину в конце двора. Нагнувшись к ней, зашептал на ухо...

«Ах вот как? Ясно... Зачем ей торопиться ко мне!..»

Толи кровь ударила в голову, то ли хмель не выветрился — потемнело в глазах у Хайдара. Сам не заметил — одним прыжком перемахнул дувал.

— Эй, Абидов!

Один вид Хайдара мог напугать — ворот безрукавки распахнут, волосы растрепаны, в них застряли вишневые листочки. Да еще свалился откуда-то с дувала, резко, хрипло окликнул.

— Слушай, доцент! Она что, законная жена тебе? Как смеешь брать ее за руку? Куда тащишь?

Долма как сидел с раскрытой книгой, так и замер. Латофат пыталась что-то сказать, но губы не слушались. Закрыла лицо ладонями, отвернулась. Сакиджан Абидов, больше, чем всегда, заикаясь, попробовал урезонить Хайдара:

— П-послушай м-меня, д-дорогой!

— Уже наслушался! С меня хватит! — Хайдар вобрал голову в плечи, пошел на доцента. — Это тебе не Ташкент, там твори что захочется. А здесь веди себя прилично, а то придется привести тебя в порядок...

— П-приводить в п-порядок — это вы можете. Это я з-знаю...

— Еще смеешься, ничтожество? — Хайдар рванул с себя безрукавку, швырнул прочь.

Тахира вбежала во двор, бросилась к нему:

— Братик мой, родной!

— Отойди, Тахира! Надоел мне этот ухажер!..

— Хватит! — ударил книгой о помост домла. — Что ты там мелешь, глупец?

— А-а, вы?.. Нечего вмешиваться в мои дела, дорогой дедушка! Один раз подставили мне подножку, и хватит...

— Братик! Любимый! — Тахира пыталась ладонью закрыть ему рот.

Хайдар отмахнулся и снова пошел на Сакиджана:

— Немедленно... Сегодня же катись отсюда!

— П-послушайте меня, молодой человек! Если вы даже купили этот кишлак...

— Купил я или нет, разговор один — здесь, в этом кишлаке, или ты будешь, или я!

Алия — будто из-под земли возникла — насадкой подлетела к сыну, повисла на шее:

— Сыночек мой! Что с тобой?

— Подождите, мать не мешайте! Ничего вы не знаете! Этот заика...

— Перестаньте! — Этот стон Латофат заставил замолчать Хайдара. Дрожа, пылая глазами, девушка рванулась к нему. — Перестаньте сейчас же! Прекратите эту недостойную возню, или я на всю жизнь... не взгляну на вас!

— Латиф! — Хайдар вдруг обмяк. — Латиф...

— Мне больше нечего сказать вам! — Латофат снова закрыла лицо руками и побежала к воротам.

Как раз в это время с улицы входила Фазилат с большим блюдом в руках, завернутым в дастархан. Латофат с ходу наскочила на мать и, не останавливаясь, выбежала на улицу.

Во дворе все молчали. Слышалось только тяжелое дыхание Хайдара да всхлипы Тахиры.

Алия провела рукой по мокрому от слез щекам. Посмотрела на Абидова — он так и стоял с опущенной головой под яблоней, потом на Нормурада-ата, все так же сидевшего на сури, и остановила взгляд на замершей у ворот Фазилатхон.

— Фазилатхон, милая! Никто не слышал этого разговора! Никто! Хайдарджан ничего не говорил, и вы ничего не слышали. Дядюшка, вы поняли меня? Дядюшка!..

Домла не двинулся. Молчал.

2

Фазилат не находила себе места: вот уже несколько часов, как Латофат заперлась в своей комнате. Так было и в ту ночь — после разговора с Кадырджаном. Ни слова не вымолвила, не всплакнула. Уж лучше бы плакала, выговорила свою боль, освободила душу от всей этой копоти!

Странный парень Хайдар. Взрослый, без пяти минут ученый, а ведет себя как юнец. Будто уличный хулиган, скандал учинил, обозвал приезжего всякими словами. И это перед самой свадьбой! К кому ревнует невесту? Разве это соперник — ни виду, ни положения, да и за тридцать уже перевалило.

А все Атакузы. Ведь он за людей не считает ни Фазилат, ни ее сына, ни даже Латофат. А Кадырджан все это видит, вот и распоясался. У Атакузы только на языке — кудагай, на самом же деле Фазилат для него — пустое место. Аллах знает, может, еще и стыдно ему, что роднится с ней. Дает понять всем: истинный сват его — Бурибаев! Вон куда гнет.

Потому и устроил царский прием Бурибаеву, в горы возил, барана зарезали в его честь. А вчера, как вернулся с гор, еще барана зарезали. Музыканты, которыми тешил гостей, уехали в город, так он школьных учителей заставил, есть там такие — хорошо умеют играть и петь. До самого утра пировали в саду. Фазилат уснуть не могла, ее дом через

улицу — все слышно. Под их музыку вспоминала прошлое. Проплакала всю ночь. Кадырджан — дай бог, чтобы жизнь его была долгой! — не отходил от отца, вместе с ним веселился, а утром уехал провожать. А Латофат, как и мать, не сомкнула глаз. До самого рассвета слышны были шаги в ее комнате, и свет то зажигался, то гас. Через улицу из сада Атакузы неслись пьяные крики: «Молодцом, Джамал Бурибаевич! Пусть живет Джамал-ака сто лет!»

Как ведь обидно... В детстве Атакузы был такой добрый, отзывчивый. А теперь что с ним стало! Ну хорошо, допустим, не считается с нами, с женщинами, не берет во внимание ни Фазилат, ни дочь ее, уверен ведь — никуда им не деться. Но бедный старик, его родной дядя! О нем хоть бы подумал.

Фазилат не видела домлу Нормурада с самой войны. А месяц назад посмотрела на него в день траура и несколько дней не могла прийти в себя. Ничего не осталось от прежнего Нормурада. Тогда, до войны, он казался большим, крепкий такой был, коренастый. Красивый был мужчина. А лицо какое! Робела смотреть на него — такая была в лице его мудрость.

Сегодня Фазилат еще раз увидела домлу, теперь уже вблизи, и опять зануло сердце. Посреди комнаты с книгами стоял маленький, сгорбленный старик с усталыми, глубоко запавшими глазами, и лишь большая лобастая голова напоминала прежнего Нормурада Шамуродовича.

И не такой уж он суровый, как представляла себе раньше. Будь она на его месте, не пустила бы ее, Фазилат, и на порог. Ведь откуда было ему знать правду — что случилось с ней. А если и слышал что, так это еще хуже, чего только люди не наговорят...

* * *

Странно, каждый раз, когда Фазилат думает о Джаббаре, в памяти всплывают не счастливые дни первых свиданий, не тайные поцелуи в кишлачных садах, нет, вспоминалась другая — тревожная встреча на Комсомольском озере в Ташкенте.

Прошла неделя после начала войны. В тот день по радио выступил Сталин. С неожиданной откровенностью прозвучали его слова, и люди все поняли и содрогнулись...

Знаменитый сейчас парк у Комсомольского озера в то время только-только открылся. Каждый вечер устраивались в нем народные гулянья, гремели литавры, пели карнаи и сурнаи, канатоходцы показывали свое искусство — по тросу, протянутому над озером, переходили с берега на берег.

Фазилат пришла в парк задолго до условленного времени. Здесь будто ничто не изменилось: было многолюдно, гремели литавры, трубно зывали к гуляющим карнаи и сурнаи, а под канатами в нетерпении гомонила детвора. Но для Фазилат все стало иным: и литавры словно присмирели, и карнаи не пели, а стонали, плакали, словно провожали на войну.

На аллее показался Джаббар. Она сжалась — он тоже был не тот.

В зеленой гимнастерке, перехваченной ремнем, в тяжелых кирзовых сапогах — не узнать. Снял пилотку — пугающе суровой показалась новая короткая стрижка.

В груди заныло...

— Вы тоже... на фронт?

— Нет, пока что на строительство. Но скоро должны отозвать.— Джаббар испытующе взглядывался в глаза Фазилат. Потом взял ее руку.— А что ты собираешься делать?

— Я... Закончатся экзамены — поеду в кишлак.

— Правильно! — Джаббар обрадовался.— Очень будет хорошо, если ты до моего возвращения поживешь в кишлаке.

Глаза Фазилат наполнились слезами.

— Зачем так говорите? Будто сегодня уже едете на фронт...

— Фронта не миновать. Ты же умная девушка, должна понять.

— Значит... мы больше не увидимся? — у Фазилат задрожали губы.

— Ничего не могу сказать тебе сейчас, Фазил. Когда призовут, постараюсь повидать тебя. Хоть на час — обязательно приеду.— Джаббар взял в ладони ее мокрое, заплаканное лицо.— Запомни одно, Фазилат: где бы я ни был, в какие бы переплеты ни попал, ты всегда будешь со мной. Я буду драться с врагом, потому что ты меня ждешь. И постараюсь вернуться с фронта живым, потому что ты меня ждешь. Запомни это, Фазил!

Джаббар стал целовать ее глаза, брови, губы. Как он ее целовал! Весь горел, будто от предчувствия разлуки и беды.

На следующий день Джаббар уехал на строительство, куда — не сказал, наверно по специальности. В тот год он закончил второй курс института железнодорожного транспорта.

Фазилат, сдав последний экзамен, отправилась в кишлак. Дыхание войны чувствовалось и там.

Не каждый день, но в неделю раз кишлак провожал своих джигитов на фронт. Призывники собирались на базарной площади перед куполовидной мечетью, и стены древней крепости сотрясались от плача матерей, невест и старух. Шумела, путалась в ногах детвора. «Илохи омин! — Да благословит вас аллах!» — напутствовали джигитов старики.

Всю неделю перед прощальным днем в кишлаке играли свадьбы. Уходящие на фронт торопились соединиться со своими подругами. Плакали карнаи, сурнаи, женщины тянули печальные свадебные «яр-яр» — это как обычно. А потом джигиты поднимались на стены древней крепости, и до самого рассвета кишлак слушал их песни. Эти песни! Чуть хмельные голоса, печаль и удаль в них — как все это разрывало сердца девушек, особенно тех, кого война уже разлучила с милыми...

Фазилат не гуляла на свадьбах. По вечерам, сидя дома у амаки — дяди по отцу, невольно прислушивалась к печальным свадебным «яр-яр». И потом, ночью, грустно-удалые песни джигитов не давали ей спать. Все думала о Джаббаре, и ей казалось — он уже давно на фронте.

Джаббар продолжал работать в степи, там проводили железную

дорогу. Почти каждый день приходили от него письма. Их приносил ей Атакузы, приносил тайком, потому что амаки строго следил за нею. Какне это были письма! Горячие, как его поцелуи, грустные, как увядшие стебли степной травы, вложенные в них.

Кажется, шли последние дни октября. Однажды вечером Фазилат сидела за книгой под тусклым светом семилинейной лампы — не могла уснуть. Неожиданно постучали в окно. К стеклу прильнуло лицо Атакузы.

— Джаббар-ака приехал!

Фазилат, ничего не видя перед собой, кинулась к вешалке, где висел ее платок, потом к сундуку — за камзолом. Секунды не прошло, выбежала в тенистый сад.

Джаббар ждал ее в дальнем углу за арыком. Они кинулись навстречу друг другу, обнялись и замерли, зэстыли.

Ломоть холодного полумесяца то смотрел сквозь редкие темные облака, то прятался в них. С гор дул, повистывая, холодный ветер, и большой оголенный сад глухо шумел. Наконец Фазилат оторвала голову от груди Джаббара, жадно всматривалась в обросшее щетиной, незнакомое, испуганное лицо. Робко спросила:

— Вы уже на фронт? Как же так?

— На фронт, — сказал Джаббар и еще крепче обнял ее. — Остаться не могу, даже если будут оставлять. Ты же умница...

— Когда?.. Когда уезжаете?

— Завтра. Но отсюда я должен уехать сейчас. Надо успеть на двенадцатичасовой поезд.

Фазилат испугалась — вот она, настоящая разлука, сейчас, сию минуту он уйдет от нее. Обхватила его плечи, забилась, зарыдала.

— Фазил! Фазил! Не мучь меня! — Джаббар сам еле сдерживал слезы. — Я должен уйти сейчас, немедленно. Приехал на секунду, посмотреть на тебя. И благодарю судьбу, увиделись. — Он сжал ее лицо ладонями, как в прошлый раз, на озере, и стал целовать в губы, в глаза. — Ты помнишь, что я сказал тебе тогда на озере? Ради тебя я постараюсь выжить! И до тех пор, пока что-нибудь не случится...

— Джаббар-ака! — взмолилась Фазилат. — Не надо, Джаббар-ака.

— До свиданья, Фазил! Милая, единственная моя, будь терпелива. Я вернусь. Я обязательно вернусь!.. Атакузы! Где ты? Отведи ее домой! — Джаббар с силой оторвал от себя Фазилат, одним махом перепрыгнул арык и побежал к поджидавшим его в темноте всадникам.

Некоторое время Джаббар учился на курсах танкистов, где-то на севере Казахстана. И вскоре, в феврале сорок второго, отправился на фронт... Пять месяцев шли от него письма. Треугольники, исписанные химическим карандашом... Бывало, получит такой треугольник Фазилат и оживает, как земля в засуху под летним дождем. И плакала, и улыбалась, читая. А потом целый месяц не было писем. И Атакузы куда-то пропал, исчез. Ровно через месяц он шальным ветром ворвался в класс — Фазилат учила детей в школе. Босой, без шапки, подняв треугольное письмо выше головы, крикнул с порога:

— Жив Джаббар-ака! Он ранен. В госпитале сейчас!

Фазилат не смогла сдержаться. Притянула бритую голову Атакузы к себе и на глазах у класса расплакалась.

Джаббар писал, что ранен в ногу, что «если будет суждено, скоро увидимся».

В этой надежде прошло еще два месяца, настало лето. Почти все мужское население кишлака ушло на фронт. Ушел и председатель колхоза. На его место райсом поставили амаки Фазилат, ее дядю. Слабый он был человек, нерешительный.

Однажды амаки вызвал Фазилат в правление:

— Ты уж оставь на время школу. Боюсь, и счетовода заберут на фронт. Поработай с ним. Подучись у него немного.

Так Фазилат оказалась в конторе колхоза. Вот тогда-то и появился в кишлаке Джамал Бурибаев.

Как-то Фазилат сидела одна в конторе, считала. На улице зацокали о каменистый грунт копыта. Фазилат подошла к окну. У дверей конторы остановилась пара сытых вороных, запряженных в старинный фэтон. Из фэтона вышел рослый, статный мужчина — новая военная гимнастерка, военная фуражка. Чекая шаг, поскрипывая хромовыми сапогами, он шел прямо к ней. Первой мыслью было — «Джаббар!», но тут же поняла — ошиблась.

Незнакомец остановился у открытого окна, стал в упор разглядывать Фазилат.

— Где райс?

— В степи. На жатве, — с трудом шевельнула губами.

— А вы кто такая?

— Я... помощник счетовода...

Снял с головы фуражку, пригладил черные волосы — они так блестяли, словно приезжий только что вынырнул из воды. Усмехнулся:

— Молодцом райс! Знает, кого взять в счетоводы.

Фазилат покраснела:

— Он мой амаки.

— Ах вот оно как... Зачем же ваш амаки прячет от нас такую племянницу? Как тебя зовут, красавица?

— Фазилат.

— Фазилатхон, значит. И имя красное. Ну, складывай быстрей свои бумаги и садись в фэтон!

— Я? Зачем?

— Хочу прокатить тебя! — рассмеялся военный, но сразу же нахмурил брови. — Я — Бурибаев! Может, слышала?

— Ой, председатель райисполкома?..

Бурибаев довольно улыбнулся:

— Вот видишь, мы, выходит, знакомы. Значит, покажешь нам дорогу в степь. Поторопись, пожалуйста!

В широком фэтоне с огромным откидным зонтом они сидели вдвоем. Старик кучер торчал на облучке. Фазилат стало не по себе, забралась в самый угол. Бурибаев придвинулся, пошутил:

— Хотя слово «бури» и означает «волк», у меня только фамилия Бурибаев. Если сама не захочешь, я тебя не съем!

Всю дорогу Бурибаев рассказывал разные истории, старался разве-

селить Фазилат. То смеялся, а то вдруг делал вид, что грустит: тяжело вздыхал, хмурил брови. Фазилат почти не слушала его шуток, ни разу не улыбнулась. Она сидела, пугливо прижавшись в угол, ей было не по себе, казалось, в чем-то поступила нехорошо. Скоро убедилась, что и другие думают так. Фазтон проехал мимо поля. Там жали ячмень женщины. Они зашушукались, поглядывая на нее. И совсем уже вышло нехорошо, когда на хирмане — гуме встретились с Атакузы.

Мальчишка прутиком погонял волов, тянувших волокушу. Старая рубашка намочла от пота, штаны засучил до колен, закрылся от солнца войлочным киргизским колпаком допотопных времен. Увидел Фазилат, как она выходит с Бурибаевым из фазтона, и сначала застыл, открыв рот, а потом в сердцах стегнул волокушу и резко отвернулся.

И тогда Фазилат, встретив презрительный взгляд Атакузы, дала себе зарок — никогда больше Бурибаева не подпускать. Но чем больше она его избегала, тем упорнее он искал встреч. Зачастил в кишлак и каждый раз непременно заглядывал в контору. А потом и еще придумал: стал вызывать Фазилат в район, в канцелярию исполкома — помощь, мол, там нужна.

И странное дело: каждый раз, как звонили от Бурибаева, в конторе поднималась суматоха. Бегали, искали Фазилат, если ее не было на месте. Амаки собственноручно снаряжал арбу. Сам отправлял ее в район. Несчастный дрожал при одном имени Бурибаева. И конечно, когда она приезжала, Бурибаев находил предлог, покидал свой кабинет и подолгу сживал в канцелярии. Пытался пригласить ее на вечеринку, в парк. Туманно намекал: им надо «быть вместе». От вечеринок, от прогулок Фазилат решительно отказывалась. Она если не каждый день, то раз в неделю получала письма от Джаббара и с нетерпением ждала — скоро приедет. Но Джаббар не приехал. Три месяца лечился в госпитале, а потом пришло письмо — отправили на фронт. И еще одно письмо было. Писал: «Не сегодня завтра вступим в бой». Его последнее письмо! Спустя два месяца — был конец октября — амаки робко заговорил с ней о Бурибаеве. Уверял, что плохого тот ей ничего не сделает. Помыслы у него самые чистые, готов даже разойтись с женой.

Фазилат бросилась в слезы, заявила прямо — не желает и слушать про Бурибаева, будет ждать только Джаббара, всю жизнь ждать. А, не дай аллах, не вернется, все равно за Бурибаева не пойдет. Амаки расстроился, хлопнул дверью.

И еще месяц минул. Шел конец ноября. Какой страшный был день! Пришла утром на работу и увидела на столе конверт. Нет, то был не долгожданный, свернутый руками Джаббара треугольник, а настоящий почтовый конверт с большой печатью.

Фазилат посмотрела и взмокла от холодного пота. Дрожа раскрыла конверт. Почитать не смогла — в глазах потемнело, пошатнулась. Схватила за стул, а потом опомнилась уже на полу. Это было «черное письмо» — похоронка.

Неделю, а может, и больше ходила не помня себя. Когда немного опомнилась, подумала вдруг — а почему это «черное письмо» пришло не к родителям Джаббара в Ташкент, а сюда, к ней, на ее имя? Побежа-

ла на почту. Там объяснили: «Должно быть, в кармане Джаббара нашли твой адрес и твою фотографию, поэтому и похоронку адресовали тебе. Война!»

Прошел месяц, странный месяц. Фазилат будто не жила. Двигалась, работала, говорила с людьми, но все это делала не она — ее руки, ее ноги исполняли привычное дело, она же сама была далеко... Плохо помнит Фазилат то время. И в эти дни амаки не отставал от нее. Упрашивал, уговаривал, кричал, топал ногами, грозил, бросался перед ней на колени. Наконец в ход были пущены слезы. Он умолял Фазилат согласиться, говорил: если она откажет Бурибаеву, тот снимет его с работы, пошлет или на фронт, или в рабочий батальон.

Тут она будто очнулась. Амаки, пожилой мужчина, плакал перед ней, просил. О чем? Не все ли ей равно? Для нее все погибло. Несчастный амаки, чем она могла помочь ему? Что ответила ему, Фазилат не помнит. Помнит только, что амаки усаживал ее в арбу, совал бумаги, бормотал — вызывают в район с отчетом. Она поехала. Там все и случилось. Кто-то встретил ее в пути, о чем-то говорил, повернул арбу совсем на другую дорогу. Она не успела даже испугаться... Ей было все безразлично...

Бурибаев не забрал Фазилат в город. Устроил в домике с двумя комнатами рядом с правлением. Там и маленький той справил, пригласил только счетовода и амаки. Все тихо, тайно.

Вначале приезжал каждый день, большей частью за полночь. Входил, скрипя сапогами, охлопывал камчой полушубок, стряхивая снег, нетерпеливо дергал задвижку.

Была в нем жестокая черта: он совершенно не терпел слез. Его раздражал печальный вид Фазилат. Громко, по-хозяйски стуча сапогами, играя плетью, заходил в дом, и не дай бог — она не встретит его с улыбкой, а еще хуже — обронит слезу. Мгновенно выходил из себя, бледнел, командовал:

--- Кончай траур, ханум! Сейчас, может быть, в эту самую минуту, тысячи джигитов гибнут на войне. Тысячи молодых женщин остаются вдовами. А мы с тобой целы и невредимы, живем в тепле и уюте. Надо благодарить судьбу, ханум. Каждый день — на вес золота! Дорожить этим золотом надо. А ну, подавай на стол. Своею нежной ручкой налей-ка вина в пиалу. Улыбнись! Вот так, ханум.

Фазилат все больше молчала, подчинялась без ропота. Она боялась Бурибаева. Он был для нее действительно бури — волк. Не только что ронять при нем слезы — обиду высказать не смела, когда по неделям не приходил. Даже странно — чувствовала себя вдвойне оскорбленной, после всего взял и бросил. Порой ей представлялось — все это мрачный, нескончаемый сон, блуждает она во мгле и не может найти просвета...

Наступил январь сорок третьего. Кишлак утонул в глубоком снегу, дома стали как бы ниже, улицы уже. На весь колхоз лишь в одном месте — в правлении — было радио, да и там громкоговоритель оживал раз в сутки, и то на час. Газеты приходили раз в неделю. Но стоило хоть двоим встретиться, разговор сразу заходил о фронте. У всех на устах было одно слово: Сталинград!..

Фазилат сидела в холодной конторе, стучала озябшими пальцами на счетах. За окном промелькнула стайка мальчишек. Дверь шумно хлопнула, и ребята ватагой ввалились в комнату. Впереди — Атакузы. В руках — газета «Кзыл Узбекистан», в глазах — восторг. Но когда Фазилат встретилась с ним взглядом, она увидела в глазах его отчаянный мальчишеский гнев.

— Вот! — Атакузы покрутил газетой над головой. — Джаббар-ака жив! Джаббар-ака — Герой Советского Союза! Посмотрите сюда — весь Ташкент встречал его! Девушки красивее, чем вы, в сто раз и лучше в сто раз встретили его с цветами!

Атакузы бросил газету на стол перед Фазилат и, боднув головой стоявших в дверях друзей, выскочил на улицу. Фазилат не могла двинуться. Она не отрывала глаз от газеты.

Атакузы говорил правду. В газете она увидела снимок: толпа девушек с цветами встречала выходящего из вагона Джаббара, а над снимком — крупные буквы: «Узбекский народ приветствует своего сына-героя!...»

Вечером в сумерках явился Бурибаев — слегка во хмелю. Походка нетвердая, беспокойные глаза так и бегали.

Фазилат проплакала весь день и теперь лежала на кровати без сил, неподвижно уставившись в потолок. Джамал Бурибаев ворвался с вихрем холода, спросил, еще не сняв полушубка:

— Выходит, уже слышала, ханум?

Вместо ответа она прижала платок к глазам. Наполнив комнату снежной пылью, Бурибаев скинул с себя полушубок, швырнул на него бровровую ушанку, изо всей силы топнул:

— Хватит реветь! Не затевай траура, пока я жив! Плачь после моей смерти. А теперь поговорим о похоронке...

— Похоронка? Вы же сами забрали ее у меня...

— А ты слушай! — Бурибаев заложил руки за спину, прошелся по комнате. — Таких случаев, когда приходит похоронка, а потом человек оказывается в живых, сколько угодно. Ничего не поделаешь — война! Этот герой, говорят, приехал в отпуск. Если зайвится сюда, zapomни: ты не знаешь меня, а я тебя! Только до его отъезда, а потом будет порядок. Если же что узнал и пристанет с расспросами, отвечай: вышла за меня по любви! Полюбила, ясно? А насчет похоронки — не помнишь, куда сунула. Может, даже сожгла. Ты поняла меня?

Фазилат с горя онемела. Прижавшись к стене в углу постели, она смотрела на него расширенными, огромными глазами. При его последних словах не выдержала — зарыдала.

Бурибаев молча стоял над ней. Сквозь слезы Фазилат видела плотно сжатые кулаки и странно прыгающую ногу в блестящем сапоге. Трус! В эту минуту она не боялась Бурибаева. Хотела, ждала — пусть бы повалил ее, начал бить. Пусть душит, растопчет вот этими начищенными хромовыми сапогами. Но Бурибаев вдруг разжал кулаки, прогнал гнев с лица. Он не кричал, не командовал, как обычно. Нагнувшись, поправил ее рассыпавшиеся волосы, осторожно погладил их. Фазилат вздрогнула и невольно, будто ее коснулась змея, отодвинулась в сторону. Он и тут не вышел из себя. Тихо сказал:

— Не бойся, дорогая! Все это ненадолго. Приходится поступать так, пока этот человек не уедет обратно. А потом... потом все встанет на свое место. Я официально оформлю наш брак. Заберу тебя в город. Ты же знаешь, я не могу без тебя. Одна только просьба: не забудь того, что я сказал,— ты ко мне пришла по любви. И все. Иначе нам будет плохо. Особенно тебе. Я-то мужчина, как-нибудь выкручусь, но ты — о себе подумай. Нам надо действовать с умом.— Бурибаев робко, нерешительно погладил плечи Фазилат, надел полушубок и вышел.

Прошел час, не больше. В дверь снова постучали. Особым чутьем, присущим лишь женщине, Фазилат, еще не тронувшись с места, поняла — Джаббар! И не обманулась. На пороге, чуть не доставая фуражкой до притолоки, в шинели с золотыми погонами стоял Джаббар! А за ним — верный Атакузы.

Смуглое лицо, ввалившиеся щеки и странно спокойные, прищуренные глаза — Джаббар не гневался, не укорял. Он испытующе и, как ей показалось, брезгливо смотрел на нее. Она пошатнулась, а может, и упала — не помнит. Потом оказалось, сидит на кровати, а Джаббар все так же беспощадно смотрит на нее.

— Я все знаю,— Джаббар отвернулся к оледенелому окну.— Вы, значит, три месяца не получали моих писем?

«Четыре! Не три, четыре месяца не получала!»

Фазилат не помнит, то ли выкрикнула эти слова, то ли они лишь в мыслях пронеслись. Скорее всего, молчала. Почему же иначе Джаббар так и не оторвал взгляда от затянутого ледяным узором окна? Глухо сдерживая себя, сказал:

— Я выясню причину. Завтра же выясню. Знаете, не было дня, когда бы я не писал вам!

— А я? А мои письма?

— Нет, не получал. И это тоже узнаю. Но не в письмах дело. Говорят, вы получили извещение о моей смерти? Где оно?

Вместо ответа Фазилат бессильно упала на колени, простонала:

— Похоронка!.. Он только что говорил про нее.

— Кто «он»? Бурибаев?

— Да...

— Вы ему отдали похоронку?

— Он сам взял. Давно. Может, порвал, сжег. Да вы же... Вы же ничего не знаете...— Фазилат упала ничком, прижалась лицом к ковру, хотела заглушить плач.

Джаббар молчал. Потом она услышала одно лишь слово:

— Ладно...

Раздались чугунно-тяжелые шаги, и кончилось, все кончилось...

Целую ночь и весь следующий день Фазилат пролежала дома, уставившись в потолок. Вечером не зажигала лампу. В поздний час амаки постучал в дверь:

— Фазилат, где ты, детка моя? Почему не зажигаешь свет? — Ощупью пробравшись в комнату, амаки засветил лампу.— Что с тобой, детка? Вставай, оденься. Пойдем к нам. Тетушка твоя приготовила ужин, ждет тебя.

Фазилат молча поднялась, молча надела свое, еще со студенческих лет, пальто и послушно пошла за амаки.

О амаки, этот амаки!..

На улице ее ждали двуконные сани Джамала Бурибаева.

Фазилат двигалась как заведенная. Амаки сел впереди, она сзади и тут вдруг увидела за углом в темноте двух всадников.

— Товарищ Бурибаев! На минутку! — раздалось оттуда, из мрака.

Джаббар! Это был Джаббар. Амаки узнал его — взмахнул плеткой, изо всей силы стегнул коней. Оставляя за собой снежный вихрь, сани помчались вперед.

Когда Фазилат вошла в дом амаки, Джамал Бурибаев был уже там. Большую гостиную освещала тридцатилинейная лампа-молния. Но углы тонули в темноте. Посреди комнаты на маленьком столике — хантахте — стояла початая бутылка водки, рядом — две кукурузные лепешки, на тарелке яблоки и гранаты.

Из неосвещенного угла гостиной навстречу Фазилат нетерпеливо выступил Бурибаев. Подоспевший амаки жестом отозвал его в сторону. С минуту они пошептались во мраке коридора. Бурибаев вернулся в гостиную, торопливо накинул на себя сброшенный на кровать полушубок и, застегивая ремень, сказал:

— Вот что, ханум! Этот самый Джаббар, оказывается, побывал сегодня в районе. Проверял насчет почты. Возможно, завтра тебя вызовут туда. Прошу — отвечай, как условились, ты...

Он замолчал на пороге. С грохотом распахнулась дверь, и на пороге вырос Джаббар.

Амаки ринулся было из дому. Джаббар движением пальца остановил его, всем телом загородил дверь. А сам не сводил глаз, глядел в темный угол, куда затравленным зверем отступил Бурибаев.

— А, товарищ начальник! Мы вас ищем целый день, а вы, оказывается, здесь пропадаете...

Из темного угла — глухой голос Бурибаева:

— Если у вас дело ко мне, пожалуйста, в исполком...

— Мы и здесь можем потолковать. Где мои письма, которые я посылал с фронта?

— Странный вы человек! Откуда мне знать про ваши письма!

— Вот как? Значит, не знаете? Наверное, скажете, и к извещению о смерти моей не причастны? Кто сочинил похоронку?

Бурибаев пытался что-то сказать.

— Стой! Не перебивай меня, прохвост! Я... мы сражаемся на фронте, кровь свою проливаем за Родину, за народ, а ты!.. Такие сволочи, как ты, здесь, в тылу, творят пакостные дела! — Джаббар нагнул голову, молодым бычком пошел на Бурибаева.

Бурибаев, перебирая руками по стене, стал медленно отходить вбок. Вдруг схватил со стола бутылку и со всего размаха бросил ее под потолок — в лампу, кинулся к окну, ногой вышиб раму и под градом посыпавшегося стекла прыгнул в проем. Джаббар, опрокинувший в темноте столик-хантахту, успел, должно быть, ухватить беглеца за полу полушубка. С шумом и треском Бурибаев рухнул в темень сада.

— Стой, подлец!

Яркие звезды в черноте окна на миг заслонила широкая фигура Джаббара, и он исчез во тьме.

— Стой, стрелять буду!

Тяжелый топот бегущих людей, два резких пистолетных выстрела...

Слезливый стон амаки — последнее, что услышала Фазилат. Она, будучи раненная теми выстрелами, упала на ковер.

Сколько прошло времени, не знает. В желтом свете керосиновой лампы увидела упавшего на колени амаки, он дрожал как в ознобе. Против него над опрокинутым столиком стоял Джаббар. Услышала, как ей показалось, издавала тяжелые, как удары молота, слова Джаббара:

— Увернулся, гадина, от пули. Удрал! По всему видно, законченный гад. Ну, а вы... как же вы-то, раис! Как могли?

— О сынок! Вы не знаете!..

— Знаю! Трясетесь за свою голову! Да цена-то велика. Подумайте, как взглянете в глаза людям после войны.

Может быть, он услышал тихий стон Фазилат. На нее не посмотрел, только сказал:

— Ладно, будьте здоровы! Будьте здоровы, Фазилатхон!

Его последние слова. На следующий день Фазилат узнала, что он уехал на фронт и к родителям в Ташкент не заглянул...

Всю неделю Фазилат не выходила из дома амаки. На седьмой день в сумерки явился Бурибаев. Вместо полушубка на нем была шинель, вместо бобровой шапки — фуражка. Он заметно сдал, осунулся.

Долго не рассиживался, наспех выпил пиалу чая и заспешил.

— Я отправляюсь на фронт,— подошел к Фазилат (с того памятного дня она не вставала с постели).— Не знаю... если в чем виноват, то только в том, что полюбил тебя. Искуплю вину своей кровью. Так я им сказал — в райкоме обсуждали наше с тобой дело. Видишь, еду на фронт. Будем живы, может, еще и увидимся...

Да, так уж несовершенен, оказывается, этот мир. Немного времени прошло, услышала она — погиб Джаббар. Похоронка пришла на этот раз в Ташкент, к его родителям. Погиб смертью храбрых в ожесточенных боях на подступах к Харькову. Так, говорили, было написано. На этот раз «черное письмо» оказалось правдой. А Джамал Бурибаев?... Он вернулся летом сорок пятого. На плечах — погоны старшего лейтенанта, на груди ордена и медали, планка-нашивка — два раза был ранен. Пришел, по-геройски выставив грудь...

А у нее был первенец. Родились один за другим еще двое детей. Первенький-то погиб, бедняжка, попал под машину. Ради детей терпела унижения, обиды. А потом столько лет несла нелегкую долю брошенной женщины. Жена не жена, вдова не вдова. А он, тот, кто принес ей столько горя и унижения, он всегда на коне. Вот и сейчас — главный гость Атакузы, главный сват, ему — все почести. И сын Кадырджан, дай бог, чтобы голова его была крепка, как камень,— заодно с отцом, нет в нем ни гордости, ни сострадания к матери. Зато дочь!.. Дай бог ей долгой жизни, выросла честной, отзывчивой. Чуткая душа! И девушка гордая. Неужели у дочки жизнь будет такой же горькой, как и у матери... Как отвести беду? К кому пойти?

Сон не придет — поняла Фазилат и поднялась с постели. Ей было душно. Прошла по двору, но и двор показался тесным. Набросив на голову платок, вышла на улицу...

Перевалило за полночь. Чуткая к ночным звукам тишина повисла над безлюдной улицей, легкий шелест листвы тополей да тихий говор воды, бегущей по арыку, не мешали ночному покою. Лишь изредка нарушал его лай собак. Погас свет в домах. Но одно окно светило. По ту сторону улицы, немного левее двора Фазилат, в одном из окон горел свет. Это домла не спит. Беседует с доцентом? А может, как и она, сидит один, растревоженный стычкой в саду?

Фазилат будто кто-то за руку повел. Перешла улицу и в густой тени деревьев медленно приблизилась к освещенному окну.

Оно было раскрыто. Прямо перед ним, за широким письменным столом, сидел домла. Положил локти на цветную карту, расстеленную вместо скатерти. Что-то писал, обложенный большими папками и стопками бумаг. Нет, он только держал ручку, уставился в темноту — весь во власти своих, видно, невеселых дум.

Настольная лампа высветила глубокие борозды на просторном выпуклом лбу, резкие складки у большого, мясистого носа, сетку мелких морщин в углах задумчиво-усталых глаз. Громадная лобастая голова домлы всегда приводила Фазилат в трепет, но сейчас он казался ей таким одиноким и грустным, что не сдержала жалости, сама не заметила, как тихо всхлинула.

Домла встрепенулся, будто вспугнутая большая птица, широко раскрыв глубоко запавшие глаза:

— Кто это там?

— Я, отец, Фазилат...

— Фазилат? — переспросил старик, отодвигая в сторону настольную лампу. — Какая Фазилат?

— Та самая... — Фазилат хотела сказать: «Та самая, несчастная Фазилат», но, не удержав себя, громко зарыдала...

— А, Фазилат... — Он замигал ничего не выдающими в темноте глазами, привстал с места. — Что случилось? Опять этот глупец? Скандалист?

Фазилат не ответила. Она боролась с собой, пыталась удержать всхлипы, душившие ее. Опершись руками о стол, Нормурад-ата всем телом подался вперед. Он только теперь увидел за окном женщину, она припала к стволу тополя, обняв его.

— Что случилось? Говорите же в конце концов!

Фазилат вытерла концом платка слезы.

— Простите, простите, ради аллаха... — и снова не сдержалась, заплакала.

Домла молча глядел в темноту. В лице его все больше проступала нерешительность, а потом и сострадание.

— А ну, найдите-ка сюда. Пожалуйста...

Фазилат не знала, куда скрыться от стыда и раскаяния. Уже хотела

бежать, но тут открылась дверь, смутно замаячила в чуть освещенном проеме фигура старика.

— Где вы? Фазилатхон! Ну-ка, идите сюда, идите...

Прикрывая концом платка губы, пошла за домлой. Старик, наткнувшись на груды книг, провел ее в свой кабинет:

— Сюда, сюда... Пожалуйста...

Фазилат осторожно присела на край стула у самых дверей.

Беспорядок в доме, сиротливо-жалкий вид самого домлы снова сжал ей горло.

— Так что же? Опять приходил Хайдар?

Фазилат молчала.

Лохматые седые брови старика сошлись на переносице, лицо сделалось сурово-холодным.

— Стоите ночью у меня под окнами, плачете... Говорите, чтобы простил. Если собрались вспоминать прошлое — не надо.

— Да, да, не надо! — горячо подтвердила Фазилат. — Я вас понимаю. Вы не думайте, я не затем пришла, не оправдываться... Сама не знаю, случайно. Захотелось немного пройтись. Вижу — горит свет в окне. Подошла, увидела вас и...

— И не надо... — шепнул домла. Опять неуверенность на миг отняла у него силу.

— Я понимаю, что не надо. И все же... все же я виновата перед вами, перед вашим сыном, навсегда виновата...

Тяжелая черная рука Нурмурада Шамурадова сжалась в кулак, он хотел крикнуть: «Хватит, ни к чему все это!» И тут вдруг вспомнились строки из письма старушки: «Сыночек, родненький, не сердись ты на отца. Вернешься живым и здоровым — соединишься с возлюбленной. Лишь бы голова твоя была как камень крепкой». Пальцы домлы сами собой распрямились.

— Ладно, доченька, не надо трогать старую рану, не мучь ни себя, ни меня...

— Я же не хотела трогать... — осторожно стала оправдываться Фазилат. — Видит бог, не хотела. Только вот... Если б вы знали, как все было! Если б знали!

— А я знаю, доченька...

— Нет, не знаете вы, отец! Не знаете! — И такая боль, такая тоска послышались в отчаянном крике женщины, что старик замолчал.

Долго в эту ночь не ложился домла — все слушал путаную, горячую исповедь Фазилат. Вот уж никогда не думал, что придется снова услышать ту горькую и нечистую историю, да еще из уст самой Фазилатхон. Он всегда закрывал уши, не желая знать подробностей. Боялся, что, узнав, еще больше возненавидит виновницу их беды. А вот слушает. Ни разу не перебил, не переспросил ни разу. Сердце ныло, иногда только стискивал зубы, чувствовал, что задыхается от гнева. Но не на эту рано поседевшую женщину с горестным лицом был направлен его гнев. «Будущий сват» — вот кто заставил его мелко дрожать, сжимать кулаки. Откормленный гусак! Она же... Домле захотелось обласкать, погладить поседевшие волосы. Успокоить хотя бы добрым словом...

Но опять вспомнил Бурибаева, его козлиный голос. Оцепенев, застыл, уставился куда-то вдаль, сквозь стену. Только губами шевелил.

— Попался бы ты мне под руку... В двадцатом... А ты-то что молчала? Учительница! Простила ему? Почему не поехала сразу в райком?..

— Так он же...

— «Он же»!.. В обком почему не кинулась? В Ташкент! К ногтю, к ногтю их надо, таких!.. — это в нем уже ревел красный конник двадцатых годов.

— Отец... Как кинешься? Кто он и кто я...

Она смотрела на него удивленными, покорными глазами. Такими знакомыми грустными глазами, напоминающими одинокий огонек в ночной степи.

И перед домлой вновь почему-то возникла Гульсара. Отчетливо увидел — сидит на берегу арыка. А он, гневный, переполненный своей великой правдой, грозно сжимает кулаки. Гульсара испуганно и покорно смотрит на него, кротко, без слов валится на кустики базилика...

Домла обхватил голову руками и вдруг тихо затрясся всем телом...

Много слез видела Фазилат. Плакали, бывало, и мужчины в годы войны. Но профессор Нормурад Шамурадов, такой суровый, один вид его приводил в трепет... Плач домлы пугал и хватал за душу. Фазилат вскочила с места, заметалась, хотела подать воды, но домла вдруг очнулся, торопливо провел платком по глазам, сердито кашлянув, хрипло и как-то неуверенно, непонятно заговорил:

— Сколько лет прожили с ней... Сам тоже хорош... Лучше всех... Нет, не мне трогать людские раны...

— Я совсем не хотела трогать. Просто то, что делает ваш племянник, переполнило сердце...

— А что он делает?.. О чем вы говорите?

— Я маленький человек. Хоть и завклубом. Но вот он, Атакузы-ака, зачем призвал сюда этого человека? Величает сватом, превозносит до небес. А нас с дочкой и за людей не считает. Неужели он забыл, как все было?

Домла поглаживал мягкий седой пух на висках и молчал. «О доченька, доченька! Разве только с вами? Со мной, со своим дядей, перестал он считаться... Что делать, доченька, что делать?»

Сегодня утром домла выехал из лесничества с твердым намерением поговорить с Атакузы — спокойно, по душам, как отец с сыном. Теперь для такого разговора появилась дополнительная причина. Они — домла, Прохор и Уразкул — написали письмо в защиту Минг булака. Это произошло, когда удалось успокоить разбушевавшегося Уразкула.

Сначала старики долго спорили: куда адресовать письмо? Прохор предлагал не размениваться на мелочи, направить прямо в Москву. Уразкул спустился чуть пониже, предложил подать жалобу в Ташкент. Домла же объяснил, что начинать полагается с низшей инстанции, уговорил их сначала обратиться в райком. И письмо сочинил так, чтобы не очень больно задело Атакузы.

В сущности, письмо было не очень уж плохим для Атакузы. Они

ратовали лишь за то, чтобы сохранить это чудо природы, Минг булак, и с этой целью рекомендовали перенести строительство животноводческого комплекса чуть подальше. Даже указали подходящее место. И все-таки домла чувствовал себя так, будто занес над головой близкого человека камчу. А все потому, что знал: вряд ли Атакузы правильно поймет его поступок. Оттого и хотел поговорить поскорее с племянником. Отослали письмо, и домла помрачнел, места себе не находил. Все три дня, что жил у Прохора, промучился, а сегодня утром попросил отвезти его в кишлак. Прощание с Уразкулом вышло натянутым, и домла твердо решил вернуть его сыну дом. Ехали на мотоцикле Прохора. По дороге попросил вернуть в степь. Если решил поговорить, думал домла, то надо говорить, имея полное представление обо всех делах Атакузы. И правильно поступил. Стало ясно, Атакузы замыслил в степи грандиозное дело. И городок строился продуманно — удобный будет для жизни и красивый. И поля толково распланировал, обсадил деревьями против степных ветров. Хлопок уже начинал цвести... И перед Прохором не стыдно. Как бы ни ошибался племянник, а если глаза есть, смотри: работать этот раис умеет, мыслит широко! Одно все же огорчило домлу: дренажи строили не закрытые, уже проверенные жизнью, а прокладывали по старинке открытые канавы. Видно, экономил средства. И вот уже они во многих местах засыпаны песком, засолились. Правда, на полях у Атакузы белесые пятна выступили не везде. Зато в соседних совхозах земля местами совсем белая, будто припорошена легким снегом. Было очевидно, воды недостает, и берут для полива сильно засоленные воды из коллекторов. Надо бы приехать сюда вместе с Хайдаром, подумал домла, посмотрели бы вместе на эти поля, поговорили бы. Может, и отойдет у парня душа. В конце концов, не враги же они.

И так захотелось домле поскорее, не откладывая, поговорить с Атакузы, развеять все недоразумения, что еще по дороге решил: «Поеду прямо к нему домой». Но у двора племянника стояли машины, — видно, принимал гостей. Пришлось отложить разговор. Прохор подвез домлу к его дому, тут же простился и укатил, тарахтя прогоревшим глушителем мотоцикла. Потирая затекшие ноги, домла двинулся к калитке. Рядом, во дворе племянника, дружно, раскатисто захохотали. Ворота распахнулись, и оттуда вывалилась во главе с хозяином оживленная толпа гостей. Люди солидные, представительные, гладкие, лоснящиеся лица выражали довольство, губы блестели от плова. Атакузы вел под руку Джамала Бурибаева.

Нормурад-ата заторопился открыть калитку и никак не мог попасть ключом в замок. Ушей достиг дребезжащий, будто визг немазанных колес, смех Бурибаева:

— Такой грех не возьму на душу! Кхе-хе-хе! Буду, конечно, буду на свадьбе, раис!

-- Вместе с супругой, Джамал Бурибаевич, обязательно! — гремел Атакузы. — А всякие суды-пересуды побоку, дорогой сват. Жизнь ведь! А в жизни чего только не бывает. Я дам телеграмму домле Мирабидову. Приезжайте вместе.

--- Благодарю, Атакузы-ака, благодарю. Ну, будьте здоровы!

— Нет, нет, я провожу вас до города. Вовсе не потому, что вы начальник управления. Свата поеду провожать. Ха-ха-ха!..

Домла вдруг ощутил — как он устал! Еле доплелся до своей комнаты, бросился на диван...

Так было днем. А теперь вот — ночная гостья. Племянник и впрямь крутится вокруг этого Бурибаева, а тут еще Хайдар скандал устроил. Несчастливая женщина!.. Домла грустно склонил голову, сказал:

— Да, да, я понимаю вас, доченька!

— Сват не считается с нами, и сын берет пример с отца. Вы сами видели, как будущий мой зять ведет себя, как унижает мою дочь, — жаловалась Фазилат.

Старик молчал. Пришло на память все, что слышал в последнее время про Атакузы. Сам того не замечая, грустно качал головой: жалоба этой женщины и разговоры о ловкости и тяжелом характере раиса — одного корня ростки...

«Что же происходит с Атакузы, в самом деле? Когда, где растерял он простые человеческие чувства? Когда успел стать таким черствым, бессердечным?»

Фазилат, видно, по-своему поняла молчание домлы, заговорила с неожиданной твердостью, гордо:

— Не подумайте чего плохого про мою дочь! Она не против свадьбы. Просто... больно ей, больно...

«Напугал племянник беднягу. Сильно напугал! Зачем, с какой целью этот глупец старается нагнать страх на всех?»

Поглаживая пушистые завитки над ухом, Нормурад-ата встал.

— Что я могу обещать вам, доченька... Единственное, что в моих силах, — сказать про все Атакузы. И я скажу. Не бойтесь, от себя, своими словами скажу.

Фазилат тоже поднялась. Набрасывая на плечи кисейный платок, склонила голову:

— Спасибо вам за доброе слово. Хоть на душе полегчало...

Домла проводил нежданную гостью до ворот. Рассвет был близок. В кустах, в травах, в щелях стен — повсюду, как в степи, стрекотали сверчки. В арыках квакали лягушки, издали доносился мирный шум воды, стекающей по мельничному желобу. Все вокруг погрузилось в грустную, трепетно-чуткую тишину. Человека еще не было слышно, и казалось, вся природа, от листьев деревьев и до густо рассыпанных по небу ярких белых звезд, бережно хранит эту светлую тишь... Лечит душу такая тишина, грустное мерцание звезд, запах цветов, прелых яблок, базилика и даже рев ослов не мешает, не тревожит покой. И сердце Нормурада-ата забилось ровнее. Природа будто бережной рукой осторожно огладила его, усмирила...

Домла медленно вернулся во двор, хотел было прилечь на сури под яблоней, и вдруг мир нарушился. За дувалом раздались быстрые беспорядочные шаги, с хрустом сломалась ветка и мелко застучали падающие на землю яблоки. Сквозь этот стук домла услышал женский голос:

— О аллах, сынок мой ненаглядный, что с тобой?

Домла застыл — узнал голос Али.

— Что же это с тобой случилось? Откройся родной матери!
Ответил пьяный, надрывный вопль Хайдара:
— Не мучьте меня, мам! Ничего вы не знаете! Не знаете, и все!
— Да знаю я, знаю! Оставь ты лучше эту девушку! Бог с ней, с ее красотой! Другую найдешь! Смотри же, совсем измотался, жеребеночек мой!
— Нет, мама! Лучше мне умереть, не могу так жить! К черту все!..
— Что ты говоришь, сыночек, родной мой! Встань скорей, встань! Пойдем! Сердце кровью обливается. Пойдем, поспи, поспи, мой жеребеночек...

Хайдар грубо выругался, застонал. Алия умолкла, упрашивала его, шептала о чем-то... Наконец сын сдался — шаги затихли.

Домла долго стоял, держась за ручку двери. Покоя на душе опять не было, снова все перемешалось, перепуталось.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1

Алия с трудом успокоила Хайдара, уговорила — заснул наконец. Теперь лежала с открытыми глазами, сон не шел к ней. Когда последний раз плакал ее сын? Грудным младенцем? Плакал и позднее, мальчиком. Не часто, но бывало такое, расплчется от обиды, от мальчишечьего горя. И вот мужчиной стал — и снова плачет. Сын, который давно уже отмахивается даже от поцелуя матери. А как тяжело матери смотреть на муки взрослого дитяти, особенно если не знает, отчего они. Конечно, пришел он сегодня навеселе. Толком ничего не рассказывает. Но чувствует сердце: нависла над головой сына беда. Да и не только сына — над всей семьей маячит недоброе. Ссора на защите, неожиданная смерть бедной старушки, нелады между Хайдаром и будущей невесткой, мелочные, но пугающие душу пересуды о муже. Одно к одному...

Раньше в их семье все было проще. Начнет что беспокоить, Алия тут же поделится с мужем, и муж со вниманием прислушивался к ее словам. Сразу после института она пошла учительницей в школу. Директором там был Атакузы. Самый молодой в районе и самый деловитый директор — такая о нем шла слава. И как легко всем работалось с ним! Что бы он ни делал: вел ли в классе урок, хлопотал ли вокруг новых школьных построек, расширял ли школьный сад, — за все принимался весело, работал от всей души. Сам таскал кирпич, месил глину, рыл землю, и, конечно, никто не мог уже стоять в стороне — сообщался за дело. Любили и уважали директора за открытый нрав. И потом, когда избрали председателем, остался таким же. За дело взялся горячо, по неделям, а то и месяцам не показывался дома — пропадавал в горах, на пастбищах, ночевал где придется. Домой приезжал обросший, кожа да кости, лицо черное, как чугун. Зато какой ласковый, озорной, веселый; не было человека счастливее, чем он. Играл, дурачился с детьми, сам, как ребенок, смеялся и проказничал. А ночью прос-

нется, бывало, разбудит Алию и до рассвета все рассказывает, рассказывает о своих делах. И никаких тайн, никаких секретов от нее.

А то и так случалось: заявится среди ночи и с порога:

— Поднимайся, Алия! Надо съездить тут к одним.

— В такой поздний час? Кто же это нас ждет не дожидается?

— Понимаешь, какое дело... Есть один парень, поливальщиком работает. Обидел я его! Поедем, извинения попросим...

— Вы, значит, обижаете, а извиняться — я?..

— Не ты, я сам повинюсь перед ним. Просто парень недавно женился, посидим вместе семьями, поговорим, смотришь — и отойдет у него от сердца. Что у тебя там есть? Винцо найдется? Ну и прекрасно. Захватывай все, и поехали!

В дом обиженного Алия входила первой. Заговаривала с хозяйкой. Но и Атакузы не стоял за углом, не боялся, что унизит себя извинением. А потом такой затевался искренний да задушевный разговор! Известно ведь — повинную голову меч не сечет. И расставались закадычными друзьями...

Бывало, идут Алия и Атакузы по кишлаку, а старики глаза утирают, говорят им вслед: «Пусть будут здоровы на наше счастье!»

Радость ли, беда у кого в кишлаке, Атакузы всегда там, первый. Не только веселье — умел разделить и горе. Случись где траур — Атакузы опоясывался по-старинному зеленым расшитым кушаком — белбагом, стоял у ворот покойного вместе с близкими и конечно же помогал всем, чем можно. Сколько раз Алия слышала, как говорили односельчане: «Дай бог, чтобы остался таким, не сглазили бы!» Алия на такие слова улыбалась, а глаза влажнели. Ночами, просыпаясь, целовала усталое, черное лицо мужа. Все-таки что-то тайлось в нем незнакомое. Гладила жесткие, рано начавшие седесть волосы, задумывалась, просила у неба: «Пусть сбудутся слова людей, лишь бы не сглазили его!» Да вот не сберегла, сглазили.

Кажется, перемена началась, когда стал райсом укрупненного хозяйства. Первый колхоз поднял и поставил, и к нему тут же присоединили второй — маломощный. Как вспоминает теперь Алия, именно тогда выступили в муже новые черты, которых она не знала раньше. Взгляд сделался орлино-суровым, и походка изменилась: начал ставить ноги твердо, упруго. Года два спустя прибавили еще и третий колхоз. В руках Атакузы оказалось огромное хозяйство. Пять с лишним тысяч человек жило теперь в кишлаке. Помнится, в том же году, осенью было дело, Атакузы пригнал машины с кирпичом и цементом, созвал людей крушить старую крепость. И начал возводить новый кишлак. Не кишлак — город! В газетах замелькали портреты райса, гуртом нагрязнули журналисты, телевизионщики... Да, да, началось, кажется, с этого... Правда, продолжал бывать на свадьбах и поминках. Стоял у ворот покойника, перепоясавшись белбагом. Но теперь не на все приглашения отвечал, ходил только к самым влиятельным в кишлаке людям — к «нужным».

Он по-прежнему не знал, что такое отдых, не давая покоя ни себе, ни Алие. Но не тянулся излить, как бывало, жене свою душу, не спешил поделиться сомнениями. Впрочем, это не пугало Алию. Ведь райс уже

возмужал, стал одним из самых опытных, знающих руководителей, его уважали, с ним считались. И только когда однажды он поступил вразрез с указаниями районного руководства и молва о том дошла до ушей Алии, она тихонько намекнула мужу: не надо бы... Атакузы решительно отмахнулся: «Если нужно мое место, пусть забирают! Я и сам не знаю, как отвязаться от этой проклятой работы».

А уж как рос авторитет Атакузы в последние годы, особенно после того, как в позапрошлом году, в пустыне Сарсан-кум начал осваивать целинные земли! Член обкома, депутат облсовета! Прошлой осенью пошли слухи, что метят его в Герои. Но что-то там, в верхах, не заладилось, слухи не оправдались, и Атакузы долго ходил в сильной обиде, одно время даже запер.

Ладно, не стал Героем, и не надо. Была бы голова тверда как камень, а тибетейка найдется. Другое пугает Алию. Атакузы для кишлака выкладывает себя всего, покоя не знает ни летом, ни зимою, ни днем, ни ночью. Так почему все реже и реже слышит она те добрые слова, которыми награждали, бывало, мужа: «Дай бог ему здоровья на наше счастье!» Что случилось, кого винить? Винават ли муж, или это просто извечная, людская неблагодарность? Двадцать лет жизни, нет, больше двадцати сгорели ради колхоза, ради кишлака, ради людей. Ну, есть у Атакузы, бывают, конечно, капризы, и упрям иной раз, все верно. Но ради его больших дел, ради преданности колхозу ужели нельзя простить такую малость?

А тут еще Хайдарджан мучает. И дочка Тахира, такая беда, сошлась с этим... с сыном Фазилат, забеременела до свадьбы. Атакузы пока не знает. Что-то будет, что? Алиа скрывает, мучается...

Да, темные призраки — призраки беды — маячат вокруг ее семьи. А муж и усом не ведет, живет себе, как раньше.

Успела Алиа сомкнуть веки или нет, не знает. Услышала зычный голос мужа, поднялась.

Уже наступило утро. Атакузы разговаривал у колодца с Тахирой, наспуленный, мрачнее тучи. Увидел Алию, отстранил дочь, поднялся на айван.

— Что тут у вас происходит? Не успел гостя проводить — и уже новости.

— Дочь, наверно, уже сказала, что тут произошло?

— Сказала, имел удовольствие слышать. А сын что? Не сына, а размазню, тряпку родила мне! Поди позови его сюда!

Алиа вспомнила ночные думы, тихо вздохнула:

— Что с вами сделалось?

— Со мной ничего, с вами вот...

— С порога нож обнажаете, а говорите — ничего! Ничего бы и не было, кабы не полезли в кумовья к вашему бывшему замминистра...

— При чем тут замминистра?

— А при том... Из-за него вся затея. Вам, видать, и невдомек, что Фазилатхон с дочерью проплакали до рассвета, пока вы пировали с ним в саду.

— «Проплакали до рассвета!» — передразнил Атакузы. — О женщины! Когда только научитесь смотреть дальше своего носа?

— Вы вог далеко видите, а считаться с людьми не хотите, не думаете об их чувствах...

— О чьих же это чувствах ты говоришь? Не о Фазилатхон ли речь? — Атакузы криво усмехнулся. — Иди лучше позови сына!

Атакузы сел на диван, привалился к подушке, закрыл глаза. Почувствовал себя вдруг очень усталым, одиноким. Алия никогда так не разговаривала с ним. Что с ней случилось? Что делается в этом доме? Неужели он и правда очерствел, не чувствует боли близких? Что ж, пожалуй, надо поласковее поговорить с сыном.

Так решил Атакузы, но вышло иначе. Хайдар вошел, волоча ноги, взлохмаченный, лицо опухло. Отец снова вскипел:

— Что у тебя за вид? Посмотри хогь на себя в зеркало, кандидат наук!

— Кандидат наук? Смеетесь!

Атакузы топнул ногой изо всей силы.

— Если не стал, так станешь! Нужно будет, сам поеду в этот, как там называется... в твой ВАК. Поеду, сделаю тебе диплом! Ходишь в таком виде, мокрая курица!.. Да ты недостойн этого диплома!

Хайдар сник еще больше.

— Что с тобой делается? — уже мягче заговорил отец. — Почему молчишь? Может, этот заика?.. Почему устроил скандал? Не понимаешь, что позоришь невесту?

— Я понимаю... Но этот юридический ее с пути сбивает. Еще в Ташкенте прожужжал все уши: талант! Должна остаться в аспирантуре! И тут подбивает: поезжай в район. Лабораторию, видите ли, для нее должны открыть.

На губах Атакузы заиграла улыбка.

— Слыхал, секретарь райкома говорил мне об этой самой лаборатории. Аллах знает, выйдет ли еще что. Но, предположим, она станет работать в той лаборатории, так что? Может, собираешься после свадьбы в клетку запереть?

Хайдар весь вспотел.

— Какая там клетка? Я не хочу, поймите, не хочу, чтобы он вмещивался в мои личные леда!

— Твои личные дела — в твоих руках! Нет девушки без капризов. А как войдет за брачный занавес — конец. Тут уже все будет зависеть от тебя. Ходишь мокрой курицей. Подними, подними голову! Держись джигитом со своей невестой. Скажи ей: две недели даю — и свадьба! И чтобы никаких разговоров!..

2

Алия хлопотала на айване у газовой плиты. Муж прогромыхал мимо.

— Не успели приехать, а уже опять собираетесь из дома?

— Да, думаю к младшей жене заглянуть.

Знакомая шутка. Обычно Алия отвечала тоже шуткой: «Передайте привет моей сопернице!» А сегодня смогрит на мужа чуть прищуренными глазами и не улыбка в них — укор.

— О вас справлялся дядя, несколько раз заходил.

И улыбка на губах Атакузы погасла, густые, обожженные солнцем брови сошлись на переносице. Этот дядя! Вчера утром Шукуров показал письмо, что-то вроде жалобы — печалится о судьбе Минг булака. Не там, оказывается, начато строительство. Погибнет «чудо природы» — вечные их доводы. Шукуров тактично прикрыл рукой подписи. Да глаз Атакузы острый, с первого взгляда узнал почерк дяди. Знакомые изящно-чеканные буквы. Увидел — и будто огнем ожгло все внутри.

Атакузы не спасовал. Доказал реальными цифрами, насколько выгодно строительство животноводческого комплекса именно в Минг булаке. Так убежденно говорил, с такой железной логикой доказывал, что Шукуров заколебался. Но не в Шукурове дело. Дядя — вот орешек! Подумать только, мало на Атакузы жалоб, так теперь еще и родной дядя взялся строчить письма...

— Ну, а чего он хочет, мой любезный дядя? — кольнул взглядом жену.

— Не знаю... кажется, насчет дома что-то...

— Да будь проклят этот дом! Сидит уже у меня в печенках! Передай ему: не желает тут жить — пусть освободит! И все!

Атакузы резко повернулся, зашагал к воротам. Через минуту на улице свирепо взвыла машина. Не стал даже вызывать шофера. Выехал на большак и нажал педаль газа. Не замечал дороги, не видел ничего. Горькие мысли закружили голову, в груди стало горячо от обиды.

Да кто бы мог выдержать? Другой на его месте, пожалуй, завыл бы в голос. Мало крикливой жены этого размазни Наимджана. Так теперь свой прицепился, дважды родной, трижды любимый тагаджан — дядюшка! Всем Атакузы не угодил! И эта видавшая виды кудагай тоже в обиде. Видите ли, не по душе ей, что подружился с Джамалом Бурибаевым!.. Хотя вовек бы не знать ему этого Бурибаева. Но что поделаешь, жизнь есть жизнь. Дела и будущее детей — вот что заботит Атакузы. Плохой ли Бурибаев, хороший ли, но в его руках большое и очень важное в нынешней жизни учреждение. Снабженец — одно слово. Можно ли пройти мимо такого человека? А что касается прошлого — воевал он на фронте? Воевал. Оправдал себя? Оправдал. Иначе не поднялся бы до высоких постов. А потом, разве он теперь тот, прежний Бурибаев? Жизнь и его, видать, поломала, давно уже раскаялся. Третьего дня, слегка захмелев, отозвал в сторону Атакузы и как горько сетовал на свою жизнь, жаловался на молодую жену, на детей от нее. Со слезами на глазах говорил. Признался, тянет его к первым детям, к тем, что от Фазилат.

— Сын меня радует, раис, — говорил Бурибаев, то и дело вздыхая. — Мой Кадырджан все понимает. И я ничего не пожалею для него. Сделаю все, что от меня зависит. Знайте, раис, ваша дочь будет моей дочерью, и ваш сын... Надеюсь, ваш сын тоже станет мне родным сыном. Но дочь, родная дочь! Кровь от крови моей... Не хочет понять меня. Если бы поняла, если бы пришла ко мне! Этими вот руками поднял бы ее до неба. Вся надежда моя на вас, раис!

Со стороны поглядеть — такой неприступный, важный, кажется,

доволен и собой, и жизнью. А вот Атакузы видел, как слезы душили его. Так страшно качался и всхлипывал, что у Атакузы даже мороз пробежал по коже...

Жена твердит: не считаешься с людьми. А Джамал Бурибаев, что же он — не человек? Тоже не камень и не ком глины. Справедливо ли осуждать его на всю жизнь за одну, пусть и серьезную, ошибку? Вот и под самого Атакузы роют, выскивают какие-то не стоящие выеденного яйца грехи!

Машина взревела, Атакузы очнулся, торопливо убрал ногу с газа.

Кишлак остался позади. «Волга», ненасытно пожирая черный асфальт, нырнула в толпу пепельно-серых барханов.

Яркое белое солнце повисло над вершинами гор. Казалось, небо опрокинуло на землю котел раскаленной лавы, и теперь пустыня тихо докипала под небесным огнем. Мысли Атакузы то текли, перекачивались, точно волны песка, то вдруг начинали бурлить, подогретые внутренним огнем. Что сказал ему вчера утром Шукуров? Больно, обидно и вспомнить.

Он не собирался встречаться с секретарем райкома, но настоял Джамал Бурибаевич:

— Неудобно так уезжать. Надо засвидетельствовать свое уважение. Как-никак первый — глава района!

Час был ранний, и Бурибаев предложил подождать в райкоме. Но Атакузы решил по-своему: раз уж ехать к Шукурову, то лучше будет встретиться за дастарханом, — и взял курс прямо к нему домой. Прикапали не с пустыми руками — Атакузы припас на такой случай ящик «дамских пальчиков».

Гостей встретили радушно, особенно жена его. Махбубахон была в цветастом шелковом халате, очень он шел к ее полноватой статной фигуре. Она засуетилась, забегала — белые легкие туфельки так и мелькали. Вмиг устала дастархан под виноградной лозой всем, что только нужно для души.

Двор звенел ее веселым смехом — очень похожа веселостью на отца. За какие-нибудь полчаса, вот так шутя и смеясь, сумела и приготовить, и подать гостям на огромном блюде лагане — сочное, пахучее жаркое. Пока руки хлопотали, уста смеялись, успела высказать свою маленькую обиду:

— Нехорошо, Атакузы-ака! Вы скрываете, а мы узнали ваш секрет. Теперь ждите, приедем на свадьбу, даже если не пригласите.

Атакузы на лету поймал удобное для него слово:

— Да вы будете самой почетной гостьей! Только бы ваш хозяин разрешил сыграть той. Вы уж похлопочите, а за мной дело не станет — осыплю подарками с ног до головы!

— Идет! — засмеялась Махбубахон.

И Шукуров улыбнулся шутливо:

— Не бойтесь, ханум? Я с себя снимаю ответственность. За свадьбу в страду отвечать будете вы!

— Согласна! — еще звонче расхохоталась Махбуба.

Словом, первая часть встречи прошла неплохо. Спасибо Махбубахон. Подошло время прощаться. И тут Абрар Шукурович взял под руку

Атакузы, отвел в сторону и вконец испортил настроение раису. Показал то несчастное письмо про Минг булак, а потом снова заговорил о жалобе Надирахон и опять про ее мужа: мол, Атакузы за письма жены про дом наказал мужа -- выслал в пустыню.

Атакузы очень разобиделся. Думал, этим жалобам положен конец, а первый их снова вытащил. Ну Атакузы и вспыхнул:

— Да неужели вы всерьез принимаете кляузы базарной бабы?

Шукуров как-то странно посмотрел на него и сказал тоном, не терпящим возражения:

— Это не кляуза. Вам было поручено уладить все, и вы должны, если потребуется, даже извиниться перед ней.

— Хорошо,— неожиданно спокойно согласился Атакузы.— У вас все?

— Нет...— Шукуров потер лоб и заговорил о притязаниях Аксакала на газовые трубы.

Атакузы опять же спокойно, но твердо отказался отдавать трубы. Во-первых, деньги уже перечислены. Во-вторых, ведь он припас трубы для дачада и яслей для детей, не для кого другого, нужны. Если что, к самому первому поедет, в обком! Шукуров чуть смягчился, попросился довольно тепло.

А когда выехали с Бурибаевым за город, Учар вдруг остановил машину. Подмигнул хозяину: выйдите, мол, на минуту!

Атакузы вышел. Учар зря не вызовет на разговор с глазу на глаз.

— Секретарь завернул обратно ящик винограда. Тот, который вы велели оставить им.

Атакузы в упор посмотрел на шофера:

— Сам, что ли, вернул?

— Нет, шофер его вынес.

— Ты сказал, что виноград из моего личного сада?

— Да. Ну шофер ни в какую. Хозяин его, говорит, приказал вам больше не делать таких...— Учар замялся, украдкой взглянул на сидевшего в машине Бурибаева.

— Подарков, что ли? — досказал Атакузы.— Ну и черт с ним... с виноградом. А ты тоже хорош. Из-за всякого пустяка машину останавливаешь. Поехали!

Атакузы совсем расстроился. Уж если не захотел брать, мог бы сам и сказать, а то через этих языкатых шоферов! Расхотелось ехать в Ташкент, да Бурибаев уговорил — обещал помочь насчет минеральных удобрений и запчастей и сдержал свое слово. Вчера же устроил Атакузы несколько сот тонн удобрений и вполне приличный комплект запчастей. Между прочим, очень даже кстати пришелся ящик отборного винограда, того самого, от которого отказался Шукуров. Вот как бывает в жизни...

Атакузы конечно же понимает, что действует незаконно. А что поделаешь? Упрекаете в ловкачестве? Законы нарушаю? Наведите порядок, планируйте разумно, обеспечьте всех как надо, тогда и говорите! Если кого и призывать к порядку, то хозяйственников, снабженцев, а не трудяг-раисов. Пора положить конец бесхозяйственности, а не долбить: нехорошо, незаконно! Еще не родился на свет председатель, который

может выдать план без минеральных удобрений. И инженера такого не сыщешь, чтобы без запчастей заставил бесперебойно работать машины. Слушать кляззников слушают, а план, между прочим, не снижают. Ни тонны не сбрасывают с плана! Раньше все же было проще. Прежний секретарь все понимал. А этот не хочет ломать голову над трудностями. Ему и хлопок подавай, и от правил ни в чем не отступись. Сам попробуй!

Тяжелые думы, голова даже разболелась. Атакузы затряс головой, будто отгоняя назойливых мух.

Пепельно-серые барханы расступились, и впереди, у горизонта, среди мертвого моря неожиданно всплыл зеленый островок. Вот он — его город, окруженный зелеными саженцами, его стройка! Вагончики, палатки, камышовые шалаши среди хлопковых полей, а кое-где поднялись уже и кирпичные стены. Атакузы только взглянул на этот чудо-островок, и все обиды, все горестные мысли улетучились, пропали — мир посветлел.

3

От магистрали отходили дороги к землянкам бригад, и на этих боковых дорогах там и сям чернели холмики. Гудрон! Наконец выгрузили! Рабочие, человек десять, расстилали его лопатами, громадный самоходный каток утрамбовывал.

Атакузы на радостях выскочил из машины:

— Хорманглар! Не уставать вам, молодцы!

— Спасибо! — молодые парни, как по команде, выпрямили черные мускулистые тела, блестящие от пота, с интересом посмотрели на раиса.

— Рад вас видеть на моих землях, дорогие!

— Что поделаешь? — рассмеялся рыжеволосый парень с ясным наивно-голубым взглядом. — Кто силен, тот и отхватил, так ведь? Вот и нас сняли с восьмого совхоза, перебросили к вам.

— Есть еще одна — русская поговорка, дорогой: «Дитя не плачет, мать не разумеет». Уж я ли не плакал!

Рыжеволосый блеснул полоской зубов:

— Что-то вы не очень похожи на тех, кто плачет, раис-ака!

Его товарищи дружно захохотали.

— Умеем и поплакать, и посмеяться. Вот закончите асфальт — сразу устрою сабантуй. Повеселимся, джигиты!

У дверей штаба Атакузы встретил бригадир колхозной строительной бригады. Растянул рот до ушей.

— Чему так разулыбался? Кирпич привезли?

— Привезли — не то слово. Четыре самосвала со вчерашнего дня ездят без передышки! Помните ту красавицу, ее еще на летучке пробирали...

— Начальника облбыта? Ну-ну!

— Сегодня чуть свет примчалась с помощниками. Осмотрела все и дала задание своим...

— Попробовала бы не приехать! Вчера в обкоме я им накрутил хвоста! — приврал на радостях Атакузы и тут же подумал: «А ведь и впрямь надо бы зайти в обком, утрясти с газом».

Вместе с бригадиром обошли городок. Да, сомневаться не приходилось: после летучки работа в степи закипела не только на участках Атакузы. И в соседних совхозах, и на канале гудом гудели механизмы. Намного больше стало машин, кранов, бульдозеров. В степи стоял невообразимый — а какой уж отрадный! — грохот, сновало множество незнакомых людей.

Атакузы расправил плечи, почувствовал себя победителем. Теперь можно было поговорить и с Наимджаном.

Наимджан уже больше месяца работал здесь на месте бывшего бригадира Али-Муйлова. Тот теперь в кишлаке. Тихий Наимджан; безропотный, всегда со всем согласен. Это жена его мутит, не дает покоя.

Солнце жарило вовсю. Подставишь неосторожно щеку или шею — будто пламенем лизнет. Был перерыв. Люди попрятались в землянках. Только повариха у котла возилась под камышовым навесом.

— Наимджан здесь?

— Здесь, раис-ака, в землянке.

Атакузы шагнул в полумрак землянки и как в рай попал — прохладно, хоть дышать можно. В одном углу обедали девушки, подстелили камышовые циновки. В другом углу прямо на земляном полу расположились парни.

— Хорманглар, милые девушки! Бог на помощь, джигиты!

Все поднялись с места.

— Добро пожаловать, раис-ака!

Атакузы с трудом различил в сумраке Наимджана, присел рядом, взял с дастархана кусок лепешки.

— Как поживаешь, бригадир? Как дела, джигиты?

— Сами видите. Живем-поживаем под вашим заботливым крылом, прямо как на курорте!

Атакузы узнал голос — он уже сталкивался с этим парнем. Демобилизовался год назад из армии и прямо сюда. Весной в буран ходил вместе с раисом, осматривали с фонарем в руках поля. Парень не раз жаловался — условия жизни, мол, здесь плохие, в пустыне...

— Значит, опять за старую песню? — Атакузы прилег около Наимджана.

Парень посмотрел на раиса и осклабился:

— Я же говорю — курорт, а вы — старая песня!..

— Брось ехидничать, хватит!

— А вы не больно пугайте, раис-ака! А то, пожалуй, и с трактора слезу.

— Значит, хочешь испугать меня? Думаешь, трактор останется без тракториста? А на что ты рассчитывал, когда ехал сюда? Мечтал с ходу в рай попасть?

Парень со стуком отодвинул миску, привстал.

— Вам тоже не следовало бы ехидничать, — сказал, и голос его дрогнул. — Я-то знал хорошо, что здесь не рай! А вы... Где ваши обещания? Вот уже год, как мы тут. Разве это жизнь? Парней не жалко, так хоть девушек пожалели бы.

В землянке все замерло. Какая тяжелая тишина, слышно только,

как бурно дышит бывший солдат. Все головы опущены, никто не хочет смотреть на раиса.

Атакузы не ожидал такого поворота, да и удар оказался неожиданным. Только что был в прекрасном настроении. И будто кетменем хватили по башке. Даже кусок лепешки застрял в горле, еле проглотил. Собрался уже прикрикнуть на парня: «Не мути, брось свои мелкие разговорчики!» — а тут из другого угла землянки, где кучей сбились девушки, послышался тихий всхлип.

Головы повернулись туда. Девушки — не различишь, которая где, — все в просторных платьях, широких шароварах, в громоздких кирзовых сапогах. Невозможно понять, которая из них плачет, — сидят, опустили платки на глаза. Будто плакальщицы собрались на траур.

«По какому праву ты так говоришь с ними? — одернул себя Атакузы. — Разве не их руками вырастили из твоих саженцев тутовую рошу, которой ты так гордишься? Не они спасли хлопчатник, выходили кукурузу? А кто трудится здесь и в дождь, и в пургу, в жару и в холод? Вот и сейчас пекло адское. Их ведь труд, сознайся, принес тебе славу. За их счет срываешь на всяких собраниях аплодисменты. Где твоя совесть? Какое имеешь право обманывать их да еще кричать при этом?»

— Дети мои! — голос Атакузы помимо его воли задрожал. — Не думайте, что я ничего не вижу. Вижу и знаю. Вам тяжело. Но... Кто-нибудь из вас сегодня был в штабе?

Наимджан, сопевший в своем углу, поднял голову:

— Я был...

— Видел, как машины возят кирпич?

— Видел...

— Так вот, ребята, я обещаю вам: в этом году, до наступления зимы, вы — вы все будете жить в настоящих домах!

— Такое слово вы уже давали, еще весной прошлого года. Вспомните, раис-ака!

— Помню, дорогой солдат, все помню. Но не всегда могу. Ты же сам видишь — идет громадная стройка. В этой пустыне нет ни клочка земли, где бы не рыли, не строили. Не успевают. Но теперь говорю твердо, в последний раз: разобьюсь, а будет в этом году у вас жилье! Если не умру, если доживу до зимы, сдержу свое слово.

Из кучки девушек послышался тонкий взволнованный голос:

— Да продлится вовеки ваша жизнь, раис-ака!

Что-то перехватило горло Атакузы, он резко поднялся, жестом показал Наимджану: «Иди за мной!» — и стремительно вышел из землянки.

«Что же это я в тот день не всех пригласил на летучку? Пусть бы кто-нибудь из них сказал свое слово. Красавице из облбыта не вредно бы послушать».

Снаружи жгло так, будто всю пустыню охватило пожаром. Атакузы кинулся под навес. Подошел Наимджан, длинный, нескладный, смущенно потирая старой, замусоленной тюбетейкой бритую голову. Было заметно, чувствовал себя виноватым: не сумел предотвратить неприятный разговор в землянке.

— Что ж это получается, товарищ бригадир? Хромает у вас пропаганда, очень даже хромает...

Наимджан не знал, куда деть длинные, чуть не до колен, ручищи, виновато улыбнулся:

— Да вот... Молодые очень они, раис-ака, сами видите...

— Молодые должны быть как огонь, а у тебя — мокрые курицы. Как огонь! Понял?!

Что случилось с медно-черным, длинным лицом Наимджана? Незаметная раньше упрямая складка сошлась у бровей.

— Это они, вы говорите, мокрые курицы? Они...

— Да не трогаю я их. Просто хочу сказать: надо поднять у них настроение. Понятно? А теперь...— Атакузы обломил ветку тала, ударил ею по сапогу.— Хотел вот спросить про жену твою. Когда она кончит со своими клязузами?

— С какими клязузами?

— Овечкой прикидываешься? Хочешь сказать, жена твоя строчит жалобы, а ты сам по себе — ничего не знаешь, не ведаешь?

Грубо вытесанное лицо Наимджана менялось на глазах. Упрямая складка выступила резче. И глаза не опускал, смотрел в лицо раису.

— Я не могу приказывать жене...

— Ты что — мужчина или баба? Тюбетейка на твоей голове или платок?..

— Послушайте, раис-ака...— медленно начал Наимджан, но Атакузы прервал его:

— Этот несчастный дом! С твоего согласия я взял или нет?

— Согласен-то я был согласен...

— Глава дома согласен,— значит, аллах согласен, так ведь? Так чего же твоя жена трещит всюду: мужа ее я сослал сюда, в пустыню! Мало ей сплетен про дом. «Сослал!» Разве ты не сам дал согласие поработать здесь?

Наимджан опустил голову и неожиданно прыснул. И этого тоже никогда не разрешил бы себе прежний Наимджан — смирный, безответный.

— Согласие, его ведь тоже получают по-разному...

— Ах, вот оно что! Выходит, жена твоя правду говорит, значит, я выслал тебя в эту степь?

— Не выслали, конечно, я...

— А я-то рассчитывал: молодой, думал, наш Наимджан, в груди еще не остыл жар. Пусть, думаю, поработает здесь год-другой, покажет себя.

— Я и не бегу от работы. Сами видите...

— Спасибо, хоть не бежишь. А я-то, дуралей, мечтал, покажет себя парень, вырастет. Ну, думаю, вознесу его до небес! Героем сделаю! А ты даже со своей болтливой бабой не управишься, пляшешь под ее карнай!

— Мою жену не трогайте, раис-ака! Прошу вас.

Не просьбу, а угрозу услышал Атакузы в голосе механика.

— Вот как! — Атакузы дрожал. Дрожал каждой жилкой своего тела.— Я так понимаю: ты и слова не можешь промолвить поперек

своей ненаглядной. А я тебя в бригадиры. Нет, не могу размазне доверить бригаду.

Огромная черная ладонь Наимджана сжалась в кулак.

— Не надо насмехаться, раис-ака! Ваша воля, забирайте бригаду, но насмехаться над человеком не имеете... А места много под небом. Не здесь, так еще где найдется.

— Как хочешь! Я-то принимал тебя за своего, думал, скромный парень, тихий. Ну что же, пиши заявление.

Наимджан выпрямился во весь свой длинный рост и прямо в глаза взглянул раису. Уголки толстых, растрескавшихся от жары губ скривила насмешливая улыбка.

— Нет уж, извините. Дураков нет! Писать заявление не буду.

— Тем хуже для тебя, освобожу без заявлений.

— Пожалуйста, как знаете.

— Сегодня же вечером будь в правлении. Получишь приказ.

Вот так тихий, смирный парень! Атакузы не верил своим ушам. Постоял, подождал немного, — может, одумается.

— Ну что ж!.. — процедил сквозь зубы, резко повернулся и зашагал к стоящей за арыком «Волге».

4

Хлопнула калитка. Атакузы, шатаясь, словно изможденный болезнью, медленно дошел до навеса из виноградных лоз и бросился в плетеное кресло у колодца. Шитье выпало из рук Алии. Она сбежала с айвана. Под большими лампами, висящими среди виноградных листьев, замкнутое, осунувшееся лицо мужа показалось бледным как полотно. Алиа, похолодев, кинулась к нему:

— Что с вами, что случилось?

Атакузы нехотя поднял голову, долго смотрел на жену, будто не узнавал. Встал словно бы через силу, устало подошел к колодцу, опрокинул на голову ведро воды.

Алиа подала мужу полотенце — успела принести.

— Похоже, обильное застолье было?

— Да, вздрызг напился сегодня! — Атакузы грустно улыбнулся, вернул жене полотенце и неожиданно приказал: — А ну, одевайся!

Алиа широко раскрыла глаза:

— Что еще придумали на ночь глядя?

— Дело есть! Говорю, одевайся, без шуток.

— Да что стряслось, в самом деле? Скажите наконец!

— Ничего особенного. Надо пойти к этой самой, ну, как ее, к жене Наимджана. Должен ваш раис упасть перед ней на колени, умолять, просить прощения. Приказ сверху!..

— Хорошо, — неуверенно согласилась Алиа. — Раз надо, так надо. Но поймет ли она? Я говорю о Надирахон.

— Поймет, не поймет — должен пойти к ней, и баста! — Атакузы резко мотнул головой: — Нет! Дело в том... Обидел я мужа ее, Наимджана. Несправедливо поступил, обидел ни за что!

Чудо! К Алии вернулся прежний Атакузы — искренний, горячий.

Вот таким нетерпеливым всегда бывал, когда в чем-нибудь расканивал-ся. Как легко стало Али! Заторопилась, засуетилась.

— Сейчас, милый, я сейчас. Может, прихватить что с собой?

— Прихвати. Вина возьми, если есть. Еще что-нибудь такое, съедобное. И быстро!

Алия вбежала в комнату. Задыхаясь от неведомо почему нахлынувших слез, то кидалась к холодильнику, то шарила в чемоданах под кроватью. Набила сумку, переоделась.

Атакузы задумчиво прохаживался по двору. Что-то в нем успело измениться за те минуты, что Алия собиралась. Решимость в движениях спала, лицо снова помрачнело. Алия тревожно взглянула на мужа:

— Я готова, захватила все, что надо.

Атакузы не ответил. Молча дошли до ворот, молча сели в машину, молча тронулись с места.

Алия только теперь поняла по-настоящему, как тяжело мужу, как он страдает. Нет, прежний Атакузы не вернулся, и желание искупить вину тоже было не прежним. Он как бы сам себя тащил силком на аркане. Почему так мучается? Зачем так терзает себя? Надирахон и Наимджан тоже люди, должны понять его.

Атакузы словно мысли жены прочитал:

— Да, повинную голову меч не сечет! — и вдруг резко затормозил машину, глаза его подозрительно заблестели — не слеза ли в них? Задыхаясь от обиды, быстро-быстро заговорил: — Кто перед кем должен гнуть повинную голову? За какие грехи?.. С какой стати должен я ломать колени перед этой ябедницей? За то, что двадцать лет не знаю отдыха, что отдал всю жизнь, здоровье ради этого колхоза?

— Дорогой, милый мой, вы же обидели Наимджана, сами сказали, понапрасну обидели...

— Нет! Он уже не прежний Наимджан! Ты бы послушала, что говорил он мне.— Атакузы со злостью крутанул руль, машина со скрежетом и стоном повернула назад и стремительно помчалась обратно.— Я скажу Халиде, она парторг, пусть сама и поговорит с ним.

— Милый!..

— Нет! Ни за что!.. Пусть снимают с работы, сейчас, сегодня же пусть снимают! Выгонят — устроюсь в школу: хоть завхозом, хоть сторожем!

— Зачем же так...

— Что, не возьмут, думаешь, в сторожа? Ну, если они не возьмут, ты-то хоть согласишься взять в работники! — неожиданно расхохотался Атакузы.

Машина остановилась у ворот, Атакузы выскочил первый и предупредительно открыл заднюю дверцу:

— Прошу вас, моя ханум! А теперь пойдете, приготовьте своими прекрасными ручками прекраснейший в мире плов! Но смотрите, мой дорогой дядя не должен знать, что я дома. Ни одна живая душа пусть не знает. Все они сидят у меня вот где! — хватил ребром ладони по затылку.— Человек я, в конце концов? Так позвольте мне хоть раз отдохнуть по-человечески!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Рассвет был близок. За окном посерело. Но комната оставалась еще темной. Домла проснулся не сразу, медленно приходил в себя. Вспомнилось вчерашнее, вечером опять заходил доцент Абидов. Он и Прохор приходят беречь и без того ноющую рану.

— Я только что из М-минг булака,— доцент заикался больше обычного.— Никаких перемен к лучшему. Вы же понимаете, уважаемый домла: если строительство не перенесут, погибнет вся арча лесхоза!.. Просто поразительно, как ваш племянник, прославленный председатель, не разумеет простых вещей. Арча — это чудо природы. Тысячи лет арчовые леса охраняют горы от эрозии, берегут водный запас. Наши родники, реки зависят от арчи!

Нашел кому растолковывать! Кто-кто, а домла знает все это и без нервических подергиваний и монологов Абидова. Он столкнулся с этой проблемой не как биолог — как водник. Понял ее значение, оттого и взялся за книгу об арче, с головой ушел в историю... Исторические материалы убедительно свидетельствовали о том, что в далекие времена, когда горы и холмы Средней Азии покрывали густые арчовые леса, реки и речушки были полноводнее, а озера и моря переливались через край... Домла и в своем научном труде, связанном с переброской сибирских рек, выделил проблему арчовых лесов в отдельную главу.

Подумал о своей работе, о телеграмме, которую получил вчера. На душе сразу потеплело.

Домла встал с постели, нажал кнопку настольной лампы, надел очки. Такую телеграмму стоит перечитать, хоть и так знает почти наизусть.

«Уважаемый Нормурад Шамурадович тчк Ваша записка Правительство внимательно изучена верхах тчк Первой декаде августа созывается совещание поднятым вами проблемам тчк Просим выступить обстоятельным докладом тчк При необходимости командирuem вам научного сотрудника зпт телеграфируйте тчк Уважением Поликарпов тчк».

Очень хорошая телеграмма, а еще лучше, что принес ее Хайдар. Во всяком случае, домла, проведив до угла возбужденного Абидова, в сумерках разглядел Хайдара у своей калитки. Он возился у почтового ящика. Это было неожиданно и странно, Нормурад-ата даже остановился в недоумении:

— Над чем ты тут трудишься?

Хайдар, хмурясь, смущенно пробурчал:

— Телеграмма пришла вам. Хотел опустить в ящик...

— Телеграмма? — Похлопав по карманам и не найдя очков, домла попросил: — А ну прочитай, сынок.

Хайдар нехотя прочитал и, не глядя на домлу, протянул телеграмму. Он собрался уйти, но домла снова очень мягко попросил:

— Подожди, сынок. Давно хочу сказать тебе слово. Не откажи старику. Пойдем, выслушай меня...

В голосе Нормурада-ата была мольба,— может быть, поэтому Хайдар согласился, а может, и другое что толкнуло. Парень хоть и не-

хотя, но пошел за дедом. Они расположились под яблоней на сури, застеленном ковром, и проговорили битый час, а может, и все три. Вернее, говорил один домла. Хайдар больше молчал — слушал, не соглашаясь и не отрицая. Сидел, низко опустив голову. Никак не похож был на парня, учинившего дикий скандал в саду. Должно быть, сам теперь страдал, стыдась того злосчастного дня. Да и вид у него совсем иной — подтянулся, одет аккуратно.

Наконец-то домла смог высказать внуку все, о чем так часто с тревогой думал в последние месяцы. А главное, получилось, как и мечтал: говорил спокойно, искренне, душевно. Как и положено говорить с родным.

Начал с извинения. Признал, что в день защиты был не прав. Не прав в одном смысле — ему, как ученому и близкому человеку, задолго до защиты следовало заняться Хайдаром. Должен был предотвратить ошибки или хотя бы помочь, чтобы Хайдар устранил их. А не сделал ни того, ни другого, — значит, не надо было и выступать на защите, тем более так, как он выступил.

— Во всяком случае, я должен был понять, — сказал домла, — что мое выступление может нанести тяжелый удар молодому, еще не окрепшему ученому. А я сгоряча не подумал об этом и поэтому прошу: пожалуйста, прости своего деда...

Домла собрался было заговорить о сути ошибок Хайдара и заодно раскрыть ему, кто такой Вахид Мирабидов, что он представляет собой как ученый. Но вовремя придержал язык. Нет, Хайдар может понять не так. Вместо этого сказал просто, что никогда не сомневался в искренности намерений Хайдара. А заблуждений у кого не бывает.

— У тебя есть способности, ты можешь стать настоящим ученым. Но, мне кажется, ты слишком уверился в силе твоего отца. Подумай, а не мелькала у тебя мысль: какой, мол, он всемогущий, все сделает как надо. Вот ты и не брал глубоко, не напрягал голову. Боюсь, есть в тебе такая уверенность, и незаметно для самого проявляется она, мне кажется, и в твоих отношениях к людям, и вообще во всей твоей жизни.

Хайдар все так же смотрел вниз и молчал. И тогда домла решил чуточку тронуть Атакузы. Родной, единственный племянник, тот, кому надлежит опустить его прах в землю, кто, подпоясавшись белбагом и взяв в руки посох, будет сопровождать гроб дяди на кладбище, — этот вот племянник и тревожит домлу.

— Когда я слышу доброе слово про твоего отца, радости моей не бывает границ, когда же слышу плохое, боль долго не покидает мое сердце. Как говорится, ударишь по рогам — заноеет в копыте. Отец твой, не очень зная, что у меня на душе, частенько гневается на мои слова. Бывает, отмахивается, а то и, разобидевшись, месяцами не разговаривает. Я — старик, я не держу обиды, Хайдарджан, — продолжал домла, — знай, сынок, я горжусь твоим отцом. Кто еще мог столько сделать в таком запущенном колхозе, кто еще мог так преобразить мой родной кишлак?! Я горжусь, что мой племянник завоевал и здесь, и в районе, и дальше уважение и почет. Но есть одно, и это одно волнует, очень волнует меня. Народная мудрость говорит: уважение приходит золотниками, а уходит фунтами. И я теперь дорожу, боюсь, как бы

авторитет и почет, добытые твоим отцом не сразу — многолетним честным трудом, — не пошли растрачиваться фунтами. Беда в том, что твой отец, мой родной племянник, не чувствует опасности. А я — старый волк, я наблюдал не раз в жизни и взлеты и падения. Я отчетливо вижу теперь эту опасность и не могу быть равнодушным.

Словом, домла высказал все, о чем он думал уже давно. Сказал и о Минг булаке, о том, кто и почему протестует против затеянного там строительства. Не утаил и ночную беседу свою с Фазилатхон, ее обиду на будущего зятя...

Хайдар и это выслушал молча. Только раз, когда домла заговорил о Минг булаке, быстро взглянул на деда и снова опустил голову, не очень уверенно, но все-таки попытался защитить отца. Потому он и строит там, что ферма принесет невиданные выгоды колхозу. У отца — точные экономические расчеты.

— А ты в детстве купался в родниках Минг булака? — спросил домла. — Лазил по джиде, собирал ягоды? Ну вот, запомни, сын мой, — торжественно сказал старик, — дети твои и дети детей твоих могут на веки веков лишиться этой радости.

Под конец попросил Хайдара:

— Подумай над тем, что я тебе сказал. Особенно об отце. Вспомни, не заметил ли ты какой-нибудь перемены в нем? Не наблюдал, как относятся к нему теперь в кишлаке? Обдумай все и помоги ему... Давай вместе, общими усилиями попробуем предотвратить беду. Знай, — сказал домла, — если родители ответственные перед своей совестью за судьбу детей, то и дети, когда становятся взрослыми, тоже должны отвечать за судьбу своих родителей...

Была уже глубокая ночь. Хайдар молча встал. У ворот простились, и внук сказал одно лишь, единственное слово: «Спасибо». Да и сказал как-то странно: тихо, как бы нехотя. Но одного этого слова хватило, чтобы отогреть душу домлы. Он впервые отчетливо понял, что Хайдар попал в лапы Вахида Мирабидова и по его вине. Правда, отдал мальчишку Мирабидову не он, а Атакузы. Но как повел себя родной дядя? Нет того, чтобы насасть на племянника, отговорить, объяснить. Откуда было знать Атакузы, что за «жрец» науки Мирабидов? А дядя разобиделся: «Как так? Почему племянник подружился с моим давним противником?» Вот и получилось: сердясь на блоху, сжег и одяло.

Ночью, проводив Хайдара, домла долго сидел, перечитывая свою записку в правительство республики, размышлял. Перелистал и книгу Мирабидова и еще раз убедился, насколько он поверхностен как ученый. Все, что понаписал, легковесно, вредно. Нет, домла ни в коем случае не против переброски на юг части стоков сибирских рек. Да и в своей записке не отрицает эту проблему. Но — аллах! — сколько тут нерешенных или решенных наспех вопросов! Ведь эти воды, если даже правительство сегодня примет решение, придут не раньше чем через пятнадцать — двадцать лет. А за это время республика успеет стать пустыней. Так надо же думать об этом!..

Домла несколько раз отмахивался от назойливо дребезжащего звука. Наконец сообразил: это телефон! Уже наступило утро.

Звонила Халидахон. Домла не сразу вспомнил ее, хоть и назвала

свое имя и должность. И только когда сказала, что на сегодня назначена его встреча с читателями, — припомнилась молодая смуглолицая женщина с приятными ямочками на щеках. Ага, это которая привела к нему Фазилатхон и девушек — разбирать книги. Халидахон уже тогда говорила: надо организовать его встречу с читателями. В тот раз домла вежливо отказался: он же не знаменитый писатель, ни к чему ему эти встречи. Но Халидахон и слушать не захотела. И вот опять тот же разговор.

Домла сердито бросил трубку. Не прошло и часа, как в дверях появилась Халидахон. Демонстрируя чистейшую белизну зубов и ямочки на смуглых щеках, Халидахон заговорила с порога, опередив возражения домлы:

— Не будьте так скромны, Нормурад Шамурадович! Вы ничуть не меньше любой знаменитости. Так что прошу, собирайтесь. Сейчас за вами придет машина.

Полевой стан оказался под стать всему, что делал Атакузы: двухэтажное здание из белого кирпича в тени могучих, старых талов. К дому пристроена веранда — просторный айван. На стане было безлюдно. Только кругленький краснощекий повар копошился у большого хауза — помешивал в котле огромным черпаком.

Машина вплотную подкатила к белому двухэтажному дому. На айван вышел, будто на прогулку, Абидов в новой — да еще какой! — пижаме. На спине, груди — повсюду выглядывали из причудливых джунглей львы и леопарды. Абидов радостно заспешил навстречу домле:

— Э-э... милости п-просим, уважаемый домла, каким это ветром вас сюда занесло?

Нормурад Шамурадович с любопытством оглядел модную пижаму, болтающуюся на худых плечах Абидова, его легкие брезентовые сапожки и невольно заулыбался:

— А вы, товарищ Абидов, чувствуете себя здесь как на курорте!

Абидов насмешливо поклонился стоявшему тут же на айване Али-Муйлову:

— Низкий п-поклон благодетелю. Создал нам тут и курорт, и п-прекрасные условия!..

Доцент бесцеремонно отстранил Муйлова и повел гостя на хлопковое поле. По дороге сообщил: отряд биологов готов к «наступлению». Только от «врага» — от хлопковой совки — все еще нет вестей. Абидов очень беспокоился по этому поводу.

Али-Муйлов, идя за ними, испуганно прислушивался. На всякий случай трижды плюнул:

— Тыфу, тыфу, тыфу, домладжан! Да оградит нас всевышний от такой напасти!

Абидов нервно рассмеялся:

— В-вам, бригадир, выходит, наплевать на наши опыты?

— Не думайте, домла. Справку мы вам выдадим. Почему наплевать? Напишем: хорошие опыты. Все как нужно.

— Да, я вижу, вы мастер писать справки.

Усач не ответил, махнул рукой и зашагал обратно к полевому стану. Доцент, глядя ему вслед, задумчиво вздохнул:

— Непостижимые вещи творятся на белом свете!

— Например?— поинтересовался Нормурад.

— Пожалуйста, могу и пример. Хотя бы вас взять. Большой ученый, человек бывалый. Правильно я говорю?

Нормурад-ата остановился.

— Ну и что?

— А вот что. Вы приехали, кажется, на встречу с читателями, так ведь? А подумали о том, есть ли у этих людей время для чтения?

С широкого скуластого лица домлы схлынула кровь. Мгновенно набухли вены на висках.

— То есть вы хотите сказать... Моя беседа здесь о пользе книги — напрасный труд?

— Нет, зачем же? Я всегда за книги. Хочу лишь одно сказать: хлопкоробы наши работают от зари до зари. Когда им читать? Вот о чем я тревожусь, уважаемый профессор!

— Послушайте, доцент!— Лицо домлы побагровело, на выпуклом большом лбу росинками заблестели капли пота.— Человек, если он стремится к знаниям, всегда найдет время почитать. А тот, кто равнодушен...

— Вот как? — тонкие губы Абидова язвительно искривились.— В теории вы, может, и правы. Но попробуйте-ка восемь-девять часов помахать кетменем, да еще в этом пекле, хотелось бы взглянуть — останется у вас охота к чтению или нет?

— Я еще раз повторяю! — загромыхал домла.— У меня достаточный жизненный опыт. Я уверен, кто жаждет знаний...— тут Нормурад-ата стгоряча споткнулся о небольшой камень и умолк.

Нет, этот Абидов вовсе не таков, каким показался при первой встрече. Скорее всего, он из тех мелочных правдолюбов, которые везде и во всем только и ищут недостатки. Выискивает кривизну в конском волосе. Можно, пожалуй, понять и Атакузы. Нелегко ему приходится, если вокруг подобные типы.

Абидов между тем повернул назад. Домла возмущенно крикнул:

— Погодите, товарищ Абидов! Разговор не окончен!

Доцент нехотя остановился:

— Я не желаю продолжать такой разговор!

— Почему же?

— А потому...

Возмущение домлы сменилось растерянностью. Он с удивлением смотрел на этого странного человека. А у того вдруг задрожали губы, как у обиженного ребенка.

— Я думал, вы — большой ученый, настоящий человек, открыл душу. А вы?... Исказили мою мысль, не захотели понять. Накричали. Это я-то враг знанию!..

Домла окончателы'о растерялся:

— Прошу простить меня. Но ведь вы сами наговорили такое...

— Да что такого я сказал? Беседовали о культуре. Я уже целую неделю, как приехал сюда, только об этом и думаю.

— И что же?

— Низкая у нас культура, очень низкая, особенно культура труда. Вот возьмите здешних хлопководов. В нашей стране столько изобретено машин для них! Есть прекрасные тракторы, сеялки, культиваторы, хлопкоуборочные машины. Они должны помогать дехканину! И в этом хозяйстве, где мы с вами находимся, техники предостаточно.

— Ну-ну...

— А теперь, к примеру, возьмем Али-Муйлова! Ведь он, по старой привычке, чуть свет гонит людей на работу и, пока не стемнеет, не выпустит их с поля. К чему же тогда вся эта техника, если бригадир предпочитает ей кетмень? Вот он идет, Усач наш! — показал Абидов на приближающегося к ним Али-Муйлова. — Спросите-ка у него — когда люди выходят на работу и когда кончают?

— И что, думаете, он скажет?

— Скажет, и скажет с гордостью: приходят на поле до рассвета и уходят с закатом. А почему?

— Да, в самом деле — почему? — Этот злой на язык и желчный человек заинтересовал домлу.

— Да потому, что бригадир, — Абидов с нажимом произнес «бригадир», — до сих пор живет представлениями тридцатых годов, считает, что труд должен быть именно таким. Поел, поспал — и снова вкалывай! У него даже в мыслях нет, что не сытостью одной жив человек, что отдых дается не только для обеда, что есть на свете так называемый духовный мир! Но такой вот Али удобен раису. Когда бы ни нагрязнул кто из начальников — работа кипит! Но тогда для чего колхозу большая техника?

Нормурад-ата не отвечал. Ощутил во всем теле усталость — это в последнее время с ним случалось нередко. Внезапно ослабли ноги, он осторожно присел на берегу арыка. Абидов устроился рядом и заговорщически прошептал:

— Вот он идет, наш уважаемый М-муйлов. Задайте же, непременно задайте ему вопрос!

Усач преобразился: в новой нейлоновой сорочке, усы подкручены, концы их стали острее, подбородок гладко выбрит. Подошел к застенчиво-угодливой улыбкой:

— Зачем же так, домладжан! Отдохнуть вам надо на полевым стане, а вы сидите здесь, в жаре. Прошу вас, домла, прошу...

— Спасибо, дорогой. Вопрос тут у нас один возник: когда ваши люди идут на обед?

— Люди... — Али-Муйлов устремил глаза-бусинки в небо, посмотрел на тень от дерева. — Рановато еще, домла. Через часок, пожалуй, пойдут.

— А утром? Когда выходят на работу?

Усач, видно, почувствовал: неспроста спрашивает гость, но не мог понять, куда он клонит. Озадаченно потер новой тюбетейкой гладко выбритую голову.

— Люди... золотые у нас люди, домладжан. Чуть свет — все, как один, на поле.

— А вечером?

— И вечером тоже. Пока не стемнеет, ни один с поля не уйдет.

Сакиджан Абидов неожиданно вскочил, захохотал, ударил по бедрам, будто петух крыльями. Али-Муйлов растерянно хлопал глазами, улыбался. Не обращая внимания на доцента, домла продолжал:

— Так что же получается, работают от зари до зари? Когда же отдыхают?

Али-Муйлов обрадованно закивал: «Я, мол, вас понял».

— Вот сейчас будет обед, и отдохнут. Мы создали все условия, домладжан.

— Например?

— Например, горячая еда...

— А еще?

— А еще... у нас всегда бывает горячая еда,— повторил Усач. Круглое его лицо, блестящее, как намазанная маслом лепешка, отразило полное довольство.

Горячая еда! Этим, по его мнению, сказано все. Предел желаний человека! Да, выходит, этот доцент прав. Но что творится с Атакузы? Такому красоту развел в кишлаке, целый город построил, прекрасные полевые станы, проложил дороги. Атакузы, который понимает, чувствует, ловит новое... Зачем он держит этого тупого человека?

Али-Муйлов между тем отошел в сторонку, а потом заковылял к полевому стану. Доцент, глядя ему вслед, снова не удержался:

— Просто не понимаю! Иметь такую мощную технику и во главе бригады поставить тупицу, этого разжиревшего Муйлова! Я сам видел: и тракторы, и хлопкоуборочные машины. Да что говорить! Был бы я здесь бригадиром, обязательно дал бы женщинам по два дня отдыха в неделю. И будьте уверены — выполнили бы план! Правда ведь?

Домла не успел ответить. По тропинке с поля к ним шла молодая женщина. Она, видно, очень спешила: то и дело спотыкалась, поправляла сползавший на затылок цветастый платок.

«Кажется, невестка Уразкула...— Нормурад-ата узнал ее.— Так и есть, это она, Надирахон...»

Надира подошла, приложила к груди большие, мозолистые, как у мужчин, руки, склонила голову:

— Салям вам, атаджан!

— Многих лет жизни вам, доченька. Как живет-поживает ваш отец, Уразкул?

— Отец, он поехал к вам...

— Мда-а...— Домла озабоченно потер блестящий от пота лоб.— Вот беда, не удалось мне еще переговорить с Атакузы...

Надира настороженно взглянула на Абидова. Тот понял ее взгляд и незаметно отошел. Поглядев на поникшую голову домлы, Надира вздохнула:

— Пока вы собирались поговорить с племянником, он успел сделать еще одно «доброе» дело: муж мой теперь без работы. Сначала выслал в степь, а теперь и вовсе прогнал. И в степи, оказывается, ему не место.

— Но почему же?

— А вы его спросите — почему? Видать, я виновата, не проглотила обиду, пожаловалась в обком...

«Что он творит? Что с ним происходит?»

— Передайте своему племяннику, — с металлом в голосе сказала Надира. — Скажите ему: я и теперь не отступлюсь. Дойду до самого верха. Возьму за руки детей своих, в центр поеду!

Домла долго не поднимал головы. Вот захрустели камешки под ногами, и шаги затихли. Должно быть, Надира ушла. Домла ухватился за низко висящую ветку молодого тутового дерева, с трудом поднялся и медленно побрел к полевому стану.

Да, нынешний день преподал ему хороший урок. Воображал, что знает жизнь! С детства как будто близок к труду хлопкороба и вот, оказалось, смыслит маловато. Видно, слишком завяз в книгах, потонул в своих проблемах...

К полевому стану кто-то подъехал, у хауза остановилась «Волга», раздался знакомый голос Халидахаон:

— Велели вы людям, чтобы приоделись?

— Велел, велел.

— А здесь почему нет порядка? Посмотрите, что за мусор! Как вам не стыдно? Что скажет домла?

«Суетятся, будто я большой начальник!»

Халидахаон уже спешила навстречу ему:

— О, домладжан, на вас лица нет! Напрасно вышли на солнце. Скорее в помещение, отдохните...

— Спасибо, доченька. Если можно, отвезите меня домой.

— Как же так? Ведь сейчас начнется встреча...

— Нет, нет! Отложим до другого раза. Я должен сначала поговорить с одним человеком, — и Нормурад-ата, не ожидая ответа, пошел к машине.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

1

Давно, давно было пора навестить зятя на его новом месте. При этом, как говорится, приятное совмещалось с полезным. Собираясь в путь, Вахид Мирабидов рассчитывал одним выстрелом поразить несколько точек. Первым делом не вредно поближе познакомиться с районом, где зять теперь стал первым секретарем. Там широко осваивают целинные земли, а ведь это как-никак одна из главных задач дня. Вот и съездит, посмотрит кстати системы водоснабжения, орошения. Такие поездки бывают приятны — полезный деятельный отдых! Визит доктора наук Мирабидова к зятю конечно же не останется незамеченным, это он точно знает по своему скромному жизненному опыту. Найдутся люди, готовые носить ученого на руках. Одним из таких людей, само собой разумеется, будет старый друг, отец его ученика, знаменитый Атакузы. Правда, неурядицы с работой Хайдара вызвали легкое похолодание. Но, во-первых, Атакузы же сам видел: виноват был не Вахид Мирабидов — навредил им их же дядя. Во-вторых, Вахид Мира-

бидов затеял переговоры с нужными людьми, и, конечно, переговоры эти принесут плоды. На этом свете все зависит от добрых отношений! Жизненный путь Вахида Мирабидова не раз подтверждал эту истину, а как-никак прожито уже шестьдесят годков!

Таковы были общие, так сказать, планы. Но у Вахида Мирабидова имелась еще одна весьма деликатная, заветная цель. Его книга — она вышла еще весной — вызвала много разговоров. Обратили на нее внимание не только специалисты, не остались в стороне и широкие, как говорится, читательские массы. В газетах, журналах, напечатали несколько положительных рецензий. Друзья и знакомые не раз говорили: этот труд достоин Государственной премии. И в самом деле, почему бы нет? Если и не во всесоюзном масштабе, то, по крайней мере, в республиканском. Правда, положительные рецензии и выступления — все это не без личной инициативы самого автора. Но, как нередко бывает, автор в конце концов полностью уверовал в значительность своего произведения. А уверовав, стал помышлять и о материализации, так сказать, идеи — о премии. Но чтобы двинуть дело, надо дать толчок. Кто-то мог бы проявить инициативу. И лучшая кандидатура — конечно же Атакузы! А как же иначе: в книге Вахида Мирабидова, помимо переброски сибирских рек, затрагивались и другие проблемы. Например, освоение целинных земель, строительство дренажей, промывка засоленных почв. Вполне естественно: Атакузы организует встречу своих целинников с автором книги, а там кто-нибудь из передовых механизаторов или ирригаторов предложит выдвинуть книгу на премию. Ничего предосудительного — труду ученого воздается должное.

Правда, в последнее время вмешалось одно небольшое, но все же неприятное обстоятельство. На днях директор института проводил совещание и между прочим сказал, будто в верхах с большим вниманием отнеслись к докладной записке Нормурада Шамурадова. Вахид Мирабидов знал, что его давний, мягко говоря, оппонент утверждал противоположные идеи. Но не так уж это и страшно. Как бы там в верхах ни отнеслись к старому спорщику, все равно записку спустят вниз, к ним в институт. И в этом случае предложение целинников будет весьма и весьма кстати. Выйдет, что книгу поддержали практики, те, кто непосредственно заинтересован в осуществлении ее идей. Попробуй не посчитайся с таким аргументом!

Словом, как только Вахид Мирабидов вышел из машины и поздоровался с дочкой, он тут же распорядился пригласить в гости Атакузы.

Зятя не было дома — уехал в обком, Махбубе удалось лишь к вечеру, часам к семи, дозвониться до мужа. Он только что вернулся из области и у себя в кабинете просматривал бумаги, накопившиеся за время отлучки.

— Ой, где вы пропадаете, товарищ Шукуров? С самого утра ищут — не могу сыскать вас!

Радостно возбужденный голос жены удивил Шукурова.

— Что такое у вас?

— Ничего особенного. Просто гости собрались. Отец с матерью приехали из Ташкента. И Атакузы-ака уже здесь. Приезжайте поскорее.

Надеюсь, сегодня вечером у вас нет никаких там собраний-совещаний?

— Хорошо, хорошо, сейчас подъеду.

Шукуров стоя досмотрел бумаги. Он и сам сегодня чувствовал радостный подъем. Побывал с утра в облисполкоме, обкоме, был на приеме у первого. А главное — разговор с первым получился на редкость искренним, откровенным. Немолодой уже, роста небольшого, полноватый, лысый человек. Напомнил Шукурову его учителя — старого, усталого ученого. Как он внимательно, спокойно слушал, задумчиво поглаживая седые брови. Шукуров начал горячась, но постепенно взял себя в руки и толково, а главное, начистоту выложил все, что накопилось за несколько месяцев работы. Все свои планы, трудности, сомнения — все открыл этому похожему на старого учителя человеку. Не утаил и довольно резко сказал о неувязках в работе плановых и хозяйственных органов области.

Первый, поглаживая то брови, то лысину, задумчиво кивал, делал пометки в настольном календаре, а когда очередь дошла до просьб, вдруг лукаво сверкнул глазами:

— А вы думаете, только у первого секретаря райкома такие трудности? Считаете, первому секретарю обкома легко? Вам надо, скажем, пять тысяч тонн удобрений или там цемента, а мне требуются все пятьдесят, дорогой мой! — он засмеялся.

И все же позвонил по ВЧ в Ташкент, сначала в Госплан, а потом еще двум министрам. С министрами разговаривал по-приятельски.

— Мы с тобой старые стали, ленивые, инициативы уже нет. Пора на пенсию, — так начал с одним из них. — А вот пришел ко мне новый секретарь в район — горячий парень! Грандиозные строит планы. И представь себе, не просит, а требует: район, мол, какой — целинный! Не может получить человек положенное по закону. Как так? Вот и проверь своих! Да, да, проверь и подкинь что-нибудь. Что-что? Ну какой ты министр без резерва? Не прибедайся. — Положил трубку и подмигнул Шукурову: — Это я своему фронтовому дружку по-свойски.

Сказал, надзор за делом поручит Бекмураду Халмурадовичу, Шукуров очень досадовал, что Халмурадов оказался в отъезде. Хотелось поговорить с ним в присутствии первого, надо бы разобраться в некоторых делах. Уже прощаясь, первый вдруг спросил:

— А как там Атакузы Умаров?..

И снова внимательно, не торопя, не прерывая, выслушал все «за» и «против».

— А не слишком ли вы либеральничаете с ним?

Шукуров невольно улыбнулся:

— Может быть. Но ведь и сам обком...

— Что обком?

— В промышленном отделе мне, например, сказали, что обком дал указание ускорить газификацию именно его поселка. А помнится, вы просили, чтобы я не обижал Аксакала...

— Хорошо, я разберусь. Бекмурад Халмурадович говорил мне — Атакузы Умаров построил прекрасные ясли, детсад. Неплохо ведь. Очень даже хорошо. И постановление ЦК было по этому поводу. А многие наши председатели, и притом не из бедных, все еще не хотят утруж-

дать себя. Так что передайте вашему Умарову спасибо от моего имени тоже. Пригласите к нему в колхоз других раисов — пусть перенимают опыт. Но тем не менее каким бы передовым ни был Умаров — это не значит, что ему дозволено больше других. Законы писаны для всех! Кстати, разберитесь на месте и насчет Минг булака. Но учтите: животноводческий комплекс — дело очень нужное, полезное...

Странное ощущение не покидало Шукурова. Всю обратную дорогу он думал о разговоре с первым. Подействовали не обещания его, а сама личность. Но в то же время как понять это, разберитесь сами? Видно, шутка насчет пяти и пятидесяти тонн удобрений — наболевшая, горькая шутка. И он сталкивается с теми же трудностями, что и секретарь райкома. А что касается Атакузы, разобраться, конечно, придется. Хоть, надо сказать, теперь, когда сам чуть не задыхается от навалившихся забот, Шукуров стал больше понимать и Атакузы, и других раисов.

Вот он, секретарь райкома, требует от них хлопка, беспрекословного выполнения плановых заданий... А сам в глаза не может им посмотреть. И как посмотришь, когда требовать требуешь, а дать то, что нужно для того же хлопка, не можешь. Не сами ли мы толкаем раисов на обходные пути с хандаляшками?

Однако правда и то, что Атакузы переходит уже все границы. Ведет себя будто владетельный князь.

...Шукуров собрался уже уходить, но секретарша принесла еще одно письмо. Подписано Халмурадовым. Ответ на запрос о районной биологической лаборатории. Обком считает не очень целесообразным создавать районную лабораторию. Однако, если в районе чрезмерно размножилась хлопковая совка, этот вопрос можно поставить перед Министерством сельского хозяйства.

«Ловко! — усмехнулся Шукуров. — Выходит, или заткнись, или признай: да, недосмотрел — и хлопок гибнет от совки».

Вспомнились неистовый доцент и его подопечная — с большими печальными глазами. «Надо помочь, — решил Шукуров. — Пусть Халмурадов думает, что ему угодно, но лабораторию мы откроем!»

Он захлопнул папку и попрощался с секретаршей.

Через несколько минут был уже около своей калитки, толкнул ее — и не узнал двор. Готовилось какое-то пышное торжество. Собрались женщины, должно быть соседки, пекли лепешки в тандыре, чуть поодаль двое мужчин в белых халатах, подвесив тушу барана — и преогромную! — на суку яблони, разделявали ее, сверкая лезвиями ножей. От летней кухни уже остро ипряно тянуло жареным луком и мясом.

Первой увидела Шукурова Назокат-биби. Полненькая, крепенькая, она засеменила к зятю. Поцеловала в лоб, провела несколько раз белыми пышными руками по его плечам и затараторила:

— О ненаглядный мой зятек! А вы загорели и, знаете, возмужали!

Вслед за Назокат-биби выпорхнула из дома Махбуба. Стряхнула со лба специально уложенные в «поэтическом беспорядке» локоны, подставила для поцелуя ликующе-радостное лицо.

Шукуров поцеловал сияющую счастьем жену и невольно улыбнулся, хоть был и недоволен приготовлениями к непонятному торжеству.

— Приветствую вас, ханум!

— Спасибо. И я вас! — Махбуба, ласкаясь, взяла мужа под руку, повела в дом. — Пойдемте, переоденьтесь.

Шукуров поймал невзначай взгляд тещи. Глаза Назокат-биби, все ее гладкое, без единой морщинки лицо светилось безграничной гордостью. Это была гордость матери, увидевшей счастье любимого дитяти.

— А вам не кажется, не слишком ли размахнулись?

— Почему же слишком? — опустила чуть подсиненные веки Махбуба и отвела со лба и бровей легкие пряди.

— Я вижу, целый той готовите!

— Ну и что? Из такой дали приехали родители, а вы...

— Я не против, надо, конечно, хорошо встретить. Но к чему баран, мясники...

— Баран с базара, можете не бояться.

— Я и не боюсь. Просто неловко как-то, нескромно.

— Почему это нескромно? — всерьез обиделась Махбуба. — Понижаю, были бы голодные годы. Сейчас, кажется, всего предостаточно. Ведь говорят же: если хлеб твой честен, ешь его хоть на улице.

«На самом деле, не чересчур ли я?..» — одернул себя Шукуров. Он переоделся и вышел к гостям.

Вахид Мирабидов и Атакузы удобно расположились на сури под виноградными лозами, полулежали на пышно настеленных атласных стеганых курпачах. Два низких столика — хантахты перед ними ломились от яств — тут были и жареное мясо с влажно-коричневой корочкой, и горы нежно-румяной самсы — мясных пирогов, и круглые маслянистые лепешки, и белые, целиком отваренные куры. Бутылки выстроились в ряд, как солдаты в почетном карауле, играли разноцветным стеклом.

В сторонке, на берегу маленького хауза с фонтаном, за другим столом сидела жена Атакузы Алия и Назокат-биби. Пылавшая румянцем Махбуба давала указания поварихам.

Атакузы, смеясь, поднялся навстречу Шукурову:

— Впервые вижу такого хозяина, Абрар Шукурович! В доме гости, а вы где-то проводите собрания!

Рот Вахида Мирабидова блеснул ярким солнцем.

— Не будем придиричивы, раис. Недаром говаривали в старину: правителей не судят! Приходится прощать недостатки.

— Ха-ха-а! Слова сами слетают у вас с языка, когда хотите выгородить зятя! — Атакузы хмелел то ли от вина, то ли от своих остроумий. Смех привыкшего к степным просторам раиса гремел на весь двор. — Так из какой бутылки прикажете вам налить, товарищ хозяин? Из белой или красной?

Шукурову показалось, что Атакузы чем-то взвинчен: смех нарочито громок, движения слишком резки, а сам напряжен.

— Позвольте отдышаться, — попросил Шукуров и потянулся было к чайнику, но Атакузы опередил:

— Нет, уж простите! Раз опоздали, подчиняйтесь тамаде. Слово тамады — священо, так ведь? Вы большой человек в своем районе,

и там мы вам подчиняемся, слушаем вас. Но здесь, за дастарханом, вы должны слушать нас, гостей. Правильно говорю, домладжан?

Шукурову пришел на память разговор об Атакузы в обкоме, но тут же он одернул себя: «Чего ты, в самом деле, взъелся? Встретились два товарища. Они же дружат давно. Ну и позволили себе слегка... Это же твои гости!»

Он опустил на мягкую, шелковисто-прохладную курпачу, затолкал под мышку белоснежную подушку и неожиданно почувствовал необыкновенную сладостную легкость. Все заботы дня, давившие на душу, вмиг улетучились, стало легко, будто скинул камень с плеч.

— Да, тамаде не откажешь. За дорогих гостей!— он опорожнил рюмку.

— Вот это по-нашенски!— торжествовал Атакузы.— Ну-ка, домла, теперь ваш черед, не отстаньте от зятка!— Он по-свойски обнял Мирабидова.— Не беспокойтесь, Вахид-ака. Вашу просьбу мы обязательно провернем. Слово целинников, их поддержка тоже чего-то стоит. Собрание созовем, проведем предложение с аплодисментами. Можете считать, премия у вас в кармане!

— Какая премия?— Шукуров с удивлением посмотрел на тестя.

Атакузы открыл было рот: «Да это насчет книги...» Но тесть со словами: «Скажу потом»,— одним махом осушил рюмку, обернулся к хаузу:

— Доченька, подай мне дутар. Да забудутся сегодня треволнения этого бренного мира! Как считаете, тамада?

— Хвала вам, домла!— еще больше развеселился Атакузы и снова наполнил рюмки.

Махбуба вынесла из дома дутар. Вахид Мирабидов вытянул вперед одну, потом другую руку — засучил рукава. Настроивая дутар, подмигнул Назокат-биби:

— А ну-ка, ханум! С чего начнем, с «Лязги» или же хочешь «Тановар»?

— Что вы, домладжан! У нас тут молодые найдутся,— она посмотрела на Махбубу, а сказала:— Вот сидит Алияхон.

Вахид Мирабидов прикрыл глаза. Раскачиваясь всем телом в такт музыке, заиграл знаменитую «Рохат». Назокат-биби, хоть и отказывалась, не выдержала, чуть изогнув тонкие брови, будто не своей силой поднялась с места.

Вся кругленькая, пухленькая, поводя искусно подкрашенными глазами, шелкая короткими, унизированными золотом пальчиками, Назокат-биби поплыла по кругу. Да так легко и изящно, что Атакузы от восторга крикнул во весь голос:

— Яшанг! Да сбудутся все мечты ваши, Назокат-биби!

Махбуба тоже умилилась — подбежала к матери, звонко чмокнула ее в слегка наруганные щеки (нет, Назокат-биби не поддавалась летам!). Алия тоже хотела поддержать общее веселье. Она мягко улыбалась, но улыбка ее была почему-то вымученной, печальной.

Шукуров всегда удивлялся жизнерадостности своих тещи и тестя. Как умели они отдаваться веселью! У него так не получалось, и этот недостаток он в себе знал. Оттого, наверно, и ценил такие качества в

других. И сейчас, в эту минуту, он никак не мог приладиться к общему веселью. Одергивал себя, убеждал: он хозяин, они гости, им и веселиться — ничего не помогало. Слишком было заметно — с Атакузы что-то произошло. Что именно — Шукуров не мог понять. А тут еще намек на какую-то премию. Успел, хитрец, с тестем договориться. Неладное что-то во всем этом...

Мирабидов самозабвенно играл теперь легкую, быструю, как бег лани, «Лязги». Махбуба, прервав кружение, с громким смехом подбежала к Али, потащила танцевать. Но тут из кухни позвали: «Махбуба-апа! Шашлык готов!» — и танец сразу расстроился.

Махбуба пригласила всех к столу у хауза. Над водой загорелись лампочки, струи фонтана вспыхнули разноцветной дугой. Атакузы, возбуждаясь все более и более, разливал «красавицам» шампанское, «джигитам» — коньяк. Вот он высоко поднял свою рюмку:

— Так давайте поднимем наши бокалы за то, чтобы в этом бренном мире человек мог хоть изредка отвести душу, повеселиться вдоволь! Все заботы — к чертям!

Шукуров незаметно бросил взгляд в сторону кухни. Атакузы что-то уж слишком разошелся. Неужели специально, чтобы услышали соседи, которые хлопочут на кухне? Есть такие люди — любят довести до всех ушей: «Вот посмотрите, какой я свой человек в этом доме!» Но Атакузы... Ему-то зачем? Шукуров с трудом подавил вспыхнувшее недоверие, заставил себя любезно улыбнуться.

Атакузы не заметил тени, мелькнувшей на лице хозяина. Мгновенно осушив рюмку, собрался было наполнить снова, но Алия быстро прикрыла ее ладонью:

— Не надо, пожалуйста, хватит на сегодня!

— Что? — Атакузы напряженно хохотнул. — Сегодня я как раз имею право пить сколько хочу! Имею право веселиться и гулять сколько пожелаю!

Шукуров попытался свести разговор к шутке:

— За какие же заслуги, дорогой раис? Может, выполнили план хлопкозаготовок?

— Нет! Сегодня я выполнил другое, еще более важное задание секретарей обкома и райкома!

— А именно?

— Вы что же, забыли? Приказ ваш выполнил! Выбросил на улицу старого ученого со всеми его книгами. А дом передал той самой ябеднице, которая обивала ваш порог...

— Послушайте, Атакузы-ака! — Шукуров привстал. Теперь он уже не думал о сковывавшем его долге гостеприимства. — Бросьте ваше кривлянье. Мой дом — не сцена, а вы — не артист, и мне не по душе подобные представления.

— При чем здесь представление? — Атакузы отодвинул стул и тоже встал.

Алия выбросила вперед дрожащие руки:

— Атакузы-ака! Дорогой мой!

Наступила долгая давящая тишина. Слышалось лишь тяжелое сопение Атакузы да тихое журчание фонтана. Шукуров опустил глаза.

— Вот что, давайте кончим этот разговор. Я вас считал человеком серьезным...

— Ошиблись, значит!— сказал Атакузы.— Какой я серьезный? Я — самый несерьезный, самый... нечестный, самый бессовестный, самый, самый бессердечный человек!— Он потянулся к коньяку.

Шукуров перехватил бутылку:

— Хватит! Да что, в самом деле, случилось?

Атакузы не ответил. Он тяжело, как-то боком плюхнулся на стул. Уперся лбом в его спинку, закрыл глаза. В памяти сразу всплыла картина сегодняшнего утра. Он застонал от резкой боли в голове.

2

Стычка с дядей произошла неожиданно и самым нелепым образом.

Утром, наскоро позавтракав, собрался уже ехать в степь. И тут у садовой калитки показался Нормурад-ата:

— Атакузы!

Атакузы нехотя повернул назад. Домла в неизменной полосатой пижаме, повисшей на нем как мешок, в старых шлепанцах на босу ногу, кряхтя, шел ему навстречу. Дядя и племянник сошлись у колодца, молча подали друг другу руки.

— Все-таки повезло мне, поймал тебя!

— А что случилось?— Атакузы вспомнилось письмо о Минг булаке, написанное рукою дяди. На душе стало мутрно.

— Есть о чем поговорить!

— Хорошо. Но лучше отложим до другого раза. Сейчас тороплюсь в степь...

— Степь твоя никуда не убежит!— неприязненный холодок в голосе старика стегнул будто плетью Атакузы.

— И ваш разговор, думаю, тоже никуда не сбежит.

— Стой!— приказал вдруг домла.— У меня сейчас сидит Уразкул! «Ах, вот как — Уразкул! Понятно».

— Дядя! Я знаю, зачем он пришел. Но не сейчас, я...

По голому черепу домлы начала медленно разливаться краснота, будто от пролитых красных чернил.

— Ох, дорогой мой, дорогой! Знаешь, значит. Так зачем же понадобилось тебе втягивать меня в это... дело?

— В какое такое дело?

— Еще спрашивает — какое? Может, это я просил, чтобы ты отобрал у людей дом и отдал мне?

Атакузы так и застыл на месте. Вот она, человеческая неблагодарность! Перевез к себе, думал обласкать на старости лет... И что же! Чем платит за добро родной дядя? Мало Атакузы неприятностей от начальства. Да разве он не знает своего дядю?! Всегда был такой. Одной ногой в могиле, а все бьет себя в грудь: «Вот я какой честный, бескорыстный, благородный!» И письмо про Минг булак то же самое — надо продемонстрировать принципиальность: смотрите, не шажу даже своего племянника! Да знал ли этот человек хоть когда-нибудь, что такое пощада, милосердие?

— Так!.. Вы меня не просили, чтобы я освободил этот дом для вас? Не просили? А почему живете в этом доме? Почему не освободили его?

Большой, похожий на бугристый огурец нос домлы угрожающе уставился на раиса.

— Я и не собираюсь жить в этом доме!

— Не собираетесь? Так поскорее освободите его!

— Освобожу, но я хотел поговорить...

— Сегодня же и выезжайте!— отчеканил Атакузы, не слушая.

Из кухни выбежала Алия. Босиком, на ходу лоя сползший с головы платок, бросилась к мужу:

— Опомнитесь, Атакузы-ака! Опомнитесь!

Багрово-красная голова домлы тряслась. Он с болью сказал:

— Ах, глупец, глупец! Совсем потерял голову, раис.

— Благодарю покорно! Будь проклят тот, кто делает добро! Сегодня же оставьте этот дом, этот кишлак!

В саду градом посыпались яблоки, из-за деревьев выскочил Хайдар — в майке и трусах.

— Отец!— схватил Атакузы за руку.— Одумайтесь, отец!

— Хорошо, я покину...— Увидев Хайдара, старик сразу как-то сник.— Дом я покину, но кишлак... Возомнил себя хозяином кишлака, глупец!

— Вот, вот, все глупцы, все невежды, один лишь на свете мудрец — вы!

Хайдар подошел сзади, крепко обнял отца, оттащил от домлы:

— Да опомнитесь же наконец!

Атакузы вырвался из сильных рук сына. Не помня себя, закричал:

— Только вы, вы мудрец!..— и вдруг замер с полуоткрытым ртом.

Старик, странно шаркая ногой, спотыкаясь, поплелся к себе — горбленный, жалкий. Атакузы опустил голову, сделал было шаг вслед дяде, остановился, махнул рукой и быстро пошел к воротам.

Шофера Атакузы отпустил, сам сел за руль и помчался в степь. У последних домов кишлака повернул обратно. Вспомнил: надо съездить в трест к газовикам — что-то застопорилось с газопроводом. С подороги опять повернул назад, сообразил: пожалуй, сгоряча набьет там кувшинов.

В полдень лежал в штабе один, уставившись в потолок. Зазвонил телефон, потянулся, не вставая снял трубку.

— Дядя... дядя переезжает...— услышал взволнованный голос Али.

— Куда?— спросил устало, безразлично.

— В школу. Комнату ему там будто бы дали.— Алия всхлипнула.

— Ну и прекрасно!— Атакузы бросил трубку на рычаг.

Минуты через три телефон опять задребезжал. Снова Алия!

— Что тебе еще?

— Звонили от Шукурова. У них гости из Ташкента. Домла Мирабидов с супругой. Просят вас приехать!

— Да?— Атакузы вскочил на ноги, захлебываясь, будто получил счастливую весть, сказал:— Тогда и ты готовься! Переоденься! Я сейчас буду. Поедем вместе!..

...Атакузы сидел, грудью навалившись на спинку стула. Но вот он встрепенулся, встал, грузными, твердыми шагами пошел к хаузу, подставил голову под струю фонтана. Обмыл лицо, похлопал мокрыми ладонями по шее. Вытерся — Махбуба подала полотенце. Теперь он был совсем трезв, будто и не пил вовсе.

— Простите, Абрар Шукурович. Обрадовался неожиданной встрече с Вахидом Мирабидовичем и позволил себе лишнее...

— Нет-нет,— заерзал, заюлил Вахид Мирабидов,— все хорошо...

Атакузы оставил без внимания эту суету, смотрел только на мрачного Шукурова.

— Если разрешите, мы поедем, Абрар Шукурович.

Подбежала, покачивая плечами, Махбуба:

— Что вы, Атакузы-ака! Сейчас подам плов!

— Спасибо за все. А ну, ханум!..

— Я готова...— Алия, словно прося извинения, застенчиво улыбнулась.

Абрар Шукурович остановил поднявшегося тестя:

— Не беспокойтесь. Я сам провожу гостей.

У ворот он отвел Атакузы в сторону:

— Куда переехал домла?..

— В школу. Дом, как вы и приказали, вернули этой самой Надирахон. Мужа восстановили на прежней работе. Я извинился перед ним. Надеюсь, сделал все?

— И страдаете от гордости? Самолюбие пострадало?

— Дело не в самолюбии. Я, кажется, устал.— Атакузы стоял, печально опустив голову, непривычно тихий.— Устал, Абрар Шукурович. Хочешь сделать что-то хорошее — мешают, не дают развернуться.

— Это вам-то не дают развернуться?

— Я сделал все, что вы приказали,— уклонился от ответа Атакузы.— Можете проверить...

— Я приеду к вам. Поговорим.

— Понятно,— усмехнулся Атакузы.

Алия хотела бы уговорить мужа, чтобы не садился за руль, но знала — бесполезно. В такие минуты Атакузы никогда не отступает от своего. Собственно говоря, Алия вовсе и не боялась, что может произойти несчастье, даже не думала об этом. Всем сердцем чувствовала, как страдает муж.

Алия знала его натуру: сначала обидит человека, а потом сам терзается. Но то, что случилось сегодня!.. Такого не должно было быть. Даже Хайдар, он ведь дуется на деда, и то возмутился, напал на отца. И потом пошел помогать старику, когда услышал, что тот переезжает.

Алия тоже побежала к дяде, плакала, упрасивала: «Подождите, одумайтесь. В гневе, сами знаете, что только не слетит с языка. Потерпите до возвращения Атакузы-ака!» Но Нормурад-ата не захотел ждать, твердо стоял на своем. Все в той же полосатой пижаме-мешке, в старых шлепанцах таскал вещи, устраивался в машине. Алия бо-

ялась, как бы старик в сердцах не прогнал Хайдара. Но нет, обошлось, даже рад был его помощи.

В полдень, когда позвонила мужу, Алия по голосу поняла, насколько ему тяжело. Но по-настоящему почувствовала всю силу его страданий, когда он вернулся из степи.

Во двор Атакузы вошел пошатываясь — и сразу к колодцу. Припал к ведру. И, будто убегая от неприятных новостей, заспешил обратно на улицу. Только бросил на ходу: «Не возись, побыстрее!» За один день весь почернел. Стал похож на обуглившееся дерево. До самого районного центра не проронил ни звука. Гнал и гнал машину — страшно было взглянуть на спидометр.

И вот он опять гонит «Волгу», словно нарочно кидает ее в ямы, в колдобины, скачет по ухабам. Сюда мчались хоть днем, посветлее. А теперь, в сумерках, и не разглядишь, как мелькают дорожные знаки. Только подкидывает на рытвинах и буграх. Атакузы не замечал ничего. Встречные машины включали, выключали свет, а он, будто их вовсе не было, гнал, не уступая дороги, вел прямо в лоб и так стремительно, будто только и желал одного — на безумной скорости разбиться!

Нет, Алию пугала не катастрофа, которая могла произойти в любой момент. Нет! Она украдкой глядела на суровое чугуно-черное лицо мужа, на ходившие ходуном желваки, а слезы так и жгли, туманили глаза...

Что за времена пошли!.. Родные дядя и племянник не могут понять друг друга. А другие?.. Неужели никто так и не поймет? Так и не узнают, что творится в душе Атакузы. Но как же он казнит сейчас себя, как казнит!

Алия вовсе не выгораживает мужа. Он слишком занесся — это да. Особенно в последние два года. Она сама замечала. Все чаще бывает круг и несправедлив — это верно. Но верно и то, что не такой уж он злодей, как думают некоторые. И сейчас за что ни возьмется — все только для людей. Доброе не так бросается в глаза, как дурное. Но Алия никого не винит. Захвалили его сверх меры — вот что. У тех, кто хвалит, свой расчет, раис ведь тоже может кое-кому оказаться полезным. Но она... Она — жена, и именно она прежде всего виновата. Недоглядела, не спохватилась вовремя, тревогу не забила. Ведь как-никак тоже — учительница, с высшим образованием, и начинала с ним вместе. Поддалась, подстроилась под него...

В уши Алии ударил дикий рев, похожий на зов взбесившегося в пустыне верблюда. Ревело что-то огромное. Слепя двумя ярчайшими глазами, надрывно гудя, оно шло прямо на них. Атакузы и не подумал свернуть в сторону. Летел вперед — сейчас будет удар...

Алия отчаянно кинулась на руль. Атакузы очнулся, резко крутанул баранку. «Волга» как неслась на всех своих ста с лишним километрах в час, так и прыгнула на той скорости в темноту. Несколько раз подскочив, словно стреноженный конь, перелетев через ямы и арыки, замерла, скособочившись, на склоне невысокого пригорка. Атакузы рывком открыл дверцу, вышел из машины.

Алия долго еще сидела. Никак не могла прийти в себя. Незаметно поплевала по сторонам, как самая простая кишлачная женщина, и тоже вышла.

Ревущий «МАЗ» давно проехал. Все кругом потонуло во тьме. Только далеко, там, откуда они ехали, светились огни — словно бусинки, нанизанные на ниточку. Там остался город.

Атакузы курил, навалившись на капот машины. В частых вспышках папиросы возник короткий треугольник усов и кончик чуть загнутого орлиного носа с нервно вздрагивающими ноздрями.

Алия бесшумно подошла к мужу. Атакузы ласково положил руку на ее плечо. Сказал:

— И тебя я замучил, бедняжка.

— Больше всего себя...

Атакузы погладил плечи жены: осторожно, нежно, будто просил прощения.

— Я хотел бы... я готов на колени встать перед стариком. Только знаю — не простит он теперь...

Алия схватила тяжелую мозолистую лапищу мужа. Глотая сбегавшие на губы соленые капли, сказала:

— Простит! Вы не знаете его, простит.

— Сужу по себе, я бы на его месте — ни за что...

— Не знаете его,— повторила Алия.— Он не такой, он не держит обиды!

Атакузы помолчал, потом заговорил задумчиво, будто сам с собой:

— Что-то я и в самом деле загордился. Слава и почет, видно, и впрямь сбили с пути, закружили голову...— Словно обессиленный горем или болезнью, тяжело опустился около машины, растянулся на иссохших кустах полыни.

Алия села рядом, положила голову мужа на колени, прижала к груди.

— Милый мой! Бросайте вы эту каторгу! Ведь говорили же сами недавно: и без этого председательства проживем!..

— Бросать? Оставить, не достроив то, что начато? Пустить по ветру четверть века жизни? Нет, не могу, родная, невозможно. Мне одно надо: работать не мешали бы. Не понимают, не хотят понять.

«Опять заладил свое!»

— Я не знаю, как насчет работы... Но с людьми — нельзя так. С Наимджаном, с его женой как поступили... Родной, так же нельзя! И секретарь — я говорю про Шукурова,— не желает он вам плохого. По глазам вижу — хочет добра вам.

— Ты так думаешь?..— Атакузы замолчал.— Может быть...— Проговорил задумчиво: — Запутался я...

Опять набежали слезы. Алия нагнулась к мужу, стала целовать его в щеки, в висок, в лоб...

Атакузы закрыл глаза. Лежал тихо, чуть слышно дыша, будто даже своим дыханием боялся спугнуть эту минуту. Поддался ласке — большой ребенок — истосковался по любви!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

1

— Вставай, сынок, тебя отец спрашивает...

Хайдар раскинулся на широком сури в излюбленном своем уголке сада под старой туютой. Он спал мертвым сном.

Солнце уже взошло, но сад все еще оставался в густой тени, лишь верхушки пирамидальных тополей вдоль ограды — садовых стражей — купались в первых розовых лучах.

— Вставай, говорю, отец зовет, — достиг наконец сознания голос матери.

Хайдар нехотя поднялся. Вчера весь день помогал дяде, домой пришел в полночь. Потом долго лежал, смотрел на звезды — все не мог заснуть, тревожили разные думы.

Вообще был странный день. Нелепая ссора отца с дедом. Директор школы без разговора выделил старику комнату из «хозяйственных помещений». Потом, как узнал, что домла собирается подарить школе свою библиотеку, добавил еще одну. А дальше начались совсем уж странные вещи: сбежались и знакомые и незнакомые. Перетаскивали коробки с книгами, вещи, помогали грузить, путались под ногами. Соседи несли чай, разную еду. Словом, получился самый настоящий хашар — каждый хотел помочь, внести свою дань. И Латофат с подругами помогала, укладывала книги. А вечером принесли целое блюдо плова.

Конечно, разве плохо, что люди так заботятся о домле? Оказалось, многие относятся к нему с уважением и любовью. Хайдара беспокоило другое. Он заметил среди тех, кто пришел на незванный хашар, Кудрат-ходжу и еще нескольких человек из тех, кто любит мутить воду. Шакалы! Им только бросить кость — поднимут вой на весь свет. У Хайдара как бы открылись глаза: неожиданное и всеобщее сочувствие к домле, старания людей поднять его дух — в этом чувствовалось открытое и тоже всеобщее недовольство. Кем?.. Хайдар не сразу решил ответить себе. Тяжело было признать: люди недовольны его отцом, раисом Атакузы! Лежал долго с открытыми глазами, смотрел на звезды и думал, пока не одолел сон. А теперь отец зовет — о чем будет говорить?

Атакузы, заложив руки за спину, медленно вышагивал по коридорчику из виноградных лоз от айвана к летней кухне. У колодца на большом круглом столе стояло глиняное блюдо, на нем гора лепешек. Две касы сметаны были непочаты, не тронут и виноград на подносе. Видно, хозяину было не до еды.

— Садись! — продолжая расхаживать вперед и назад, Атакузы исподтишка взглянул на сына. Глаза раиса ввалились, черные щеки запали, движения были замедленные, вялые. — Ну что, рад старик переезду?

— Удивительные вещи спрашиваете, отец, — сказал Хайдар. — С чего ему радоваться?

Уголок рта Атакузы насмешливо скривился.

— Вижу, и ты перешел в стан деда?

Хайдар готов был съязвить в ответ, но его остановило незнакомое жалкое выражение ввалившихся глаз отца. Ответил сдержанно:

— Ни в чей стан я не перешел, и дело не в этом...

— А в чем же?

— Если говорить честно, вы были не правы...

Атакузы с удивлением взглянул на сына:

— А дядя? Он, значит, по-твоему, прав? Я делаю для него все, забочусь как о родном отце, принимаю на свою голову все камни, а он... Не будем говорить о благодарности, но подставлять ногу!..— Атакузы закрыл глаза, помолчал. Потом сказал изменившимся голосом: — Ладно, не будем больше об этом. Я позвал тебя по другому делу. Что я хотел сказать?.. Да! Приехал твой учитель.

— Кто?

— Руководитель твой. Вахид Мирабидов! Гостит сейчас у зятя. Вчера мы виделись. О тебе говорил, о твоей работе. Обнадеживает. Уверяет, что все будет в порядке.

— Да ладно уж!..

— Что-о? — Атакузы остановился перед сыном, испытующе посмотрел в глаза.

— Ничего особенного, я что-то остыл к той работе...

— Остыл или нет, но диплом получить надо, — тон отца не допускал возражений. — В жизни еще пригодится! Словом, мы должны принять его у себя в доме, на высоте... — Атакузы почему-то замялся, почесал за ухом. — Да, вот еще что. Вчера твой учитель просил об одном деле. У него есть, говорит, какая-то книга о сибирских реках.

— Ну?..

— Так вот, значит, такое дело... Он сказал, желательно бы по этой самой книге... провести... совещание, что ли. Среди целинников. Хорошо бы, говорит, чтобы выдвинули ее на соискание премии...

— Какой премии?

— Не знаю. Говорит, есть какая-то премия для ученых. Имени Беруни, так, что ли?

Хайдар не поверил своим ушам, переспросил:

— И он сам сказал вам об этом?

— Да, конечно, сам. Как бы нам это дело проверить?

Хайдар, наверно впервые в жизни, с удивлением посмотрел на отца: неужели он всерьез? Его отец, умный, все понимающий, — и говорит такие вещи, берется за дело, которое ему совсем не к лицу да и не под силу!

— Не представляю, дада. Никогда не сталкивался с подобными вещами.

— Гм... А дядя, наверно, знает, как все это делается?

Хайдар громко расхохотался:

— Не хватало только вашего дядю просить, чтобы выступил с докладом об этой книге перед целинниками!

Что было на уме у отца — непонятно. Видно, наконец понял, какую чушь городит. Умолк, лишь рукой махнул.

Хайдар в раздумье побрел в конец сада к арыку, зачерпнул в при-

горшню ледяной воды, плеснул в лицо — раз, другой. Еще тяжелее, чем ночью, давили думы. Прилег на сури.

Большой сад, засеянный между яблонями клевером, уже прогрелся в лучах солнца. Лишь раскидистое старое дерево туты — громадный шатер — уберегало уголок сада от зноя.

Хайдар лежал в тени этого зеленого шатра и вспоминал. Когда же эти гнетущие думы привязались к нему? В день, когда случился скандал с доцентом? Нет, пожалуй, позже. Они пришли после неожиданной-негаданной беседы с дядей.

Встреча и в самом деле получилась неожиданной. Почтальон оставил телеграмму у них, и Хайдар хотел незаметно опустить ее в ящик старика. Да вот наткнулся на него самого. А дальше и не заметил, как подчинился — то ли ясному уму, то ли душе этого человека, его воле, — так и не понял. Конечно, телеграмма сделала свое дело — дед попросил прочитать ее вслух. Да и голос старика был неожиданно ласковый, искренности. И конечно же его слова...

Тогда, после беседы со стариком, Хайдар тоже ворочался всю ночь. Слова деду да казались справедливыми, а то вдруг жестокими. Так до рассвета Хайдар и проспорил мысленно с ним. А потом — нелепая стычка отца с дедом... Сам видел вчера, как старик сгорбился от дикого отцова окрика, как пошел, шаркая шлепанцами. Душа так и перевернулась. Но осунулся за ночь и отец, стал непохож на себя.

Особенно тяжело было смотреть, как пытается он глядеть прежним Атакузы, гордым и недоступным. Видно, что-то надломилось в нем.

А насчет своей работы Хайдар сказал отцу неспроста. Он действительно к ней остыл. И дело даже не в том скандале, что разгорелся на защите. Нет, не с потолка взята эта идея о повторном использовании сточных вод. Долгие три года провел Хайдар в Каршинских степях, в новых совхозах Мирзачуля, в знойных просторах Язьяванских степей. Испытал влияние сточных вод на почву. В его научной работе даны карты тех мест, схемы, приведены результаты опытов и есть заключения специалистов — все это имеется. Ошибся он лишь в одном — в процентном соотношении минеральных солей. Вот тут-то и сказались «помощь» Вахида Мирабидова. Он ведь и предложил это самое соотношение.

Впрочем, не к чему Хайдару валить всю вину на руководителя. Он и сам во многом виноват. Старик прав: поторопился Хайдар. А в другом он прав еще более. Уверовал Хайдар в могущество отца, в непогрешимость и силу руководителя. Сел на чужие плечи! А жизнь повернула иначе. Все оказалось куда сложнее, запутаннее.

Хайдар встал, прошелся по саду.

Дома ни души. Младшие братья в горах — в лагере. И Тахира с матерью куда-то ушли, скорее всего по свадебным делам.

Свадебные дела!.. Латофат!..

Так нужно поговорить с ней Хайдару. Решил сходить к деду. Вчера вечером Латофат с подругами до полудня работала в библиотеке старика. Но поговорить не удалось, — после той стычки она избегает его. Может, и сегодня будет там и все-таки согласится выслушать его?

Не успел выйти за калитку, сзади окликнул взволнованный голос Латофат:

— Хайдар-ака!

Стремительно подъехала на велосипеде, затормозила прямо перед Хайдаром. Видно, очень торопилась. Высокая прическа рассыпалась, волосы разметались по груди. В лице ни кровинки. В затененных густыми ресницами глазах — отчаяние.

— Отец ваш... Атакузы-ака дома?

— Нет, куда-то уехал. Что случилось?

— А куда? Не знаете?

— Нет. Да что же случилось?

— И в конторе его нет... — Латофат, занятая своим, не отвечала на вопросы Хайдара. — И парторга нет. Что же делать?..

— Да что случилось, наконец?!

— Наш бригадир Али-Муйлов посадил домлу Абидова!

— Посадил? Сакиджана Абидова? Это куда же?

— Домла не давал ему сыпать ядохимикаты! — Сплетая и ломая тонкие пальцы с нежно-красными от хны ногтями, Латофат оглядывалась по сторонам. — Что же теперь делать? Как нам быть?

Хайдару понадобилась лишь секунда. Решительно скомандовал:

— Ставь свой велосипед во двор! Сейчас выведу машину.

Он побежал в гараж, через минуту выехал на «Москвиче»:

— Садись! Говоришь, в конторе отца нет? Сейчас найдем!

Хайдар резко нажал педаль. Машина рванулась вперед.

А случилось вот что.

Вчера утром доцент Абидов со своими помощниками собрался, как всегда, в поле. И вдруг тяжело притопал весь красный, запыхавшийся Али-Муйлов. Обычно висящие подковой усы топырились в стороны. Дико вращая глазами, залопотал, заикаясь пуще Сакиджана Абидова:

— С-совка, домла! Хлопковая с-совка!

К удивлению его, эта весть не привела в ужас Абидова. Даже будто обрадовала:

— Превосходно! Превосходно! Где же она, совка? Скорее ведите меня!

Али-Муйлов всполошился не зря. На краю поля, как раз на опытном участке, отведенном группе Абидова, появились верные признаки хлопковой совки. Несколько веток хлопчатника пожелтели. На изрешеченных листьях по краю выеденных дыр приклеились мелкие розово-желтые гусеницы. Эти личинки несколько не обеспокоили Сакиджана Абидова.

— Не тревожьтесь, Муйлов! — потирал он руки. — Не делайте из мухи слона. Мы тут наблюдаем, изучим...

— Ч-что-что? — заикаясь, взыв Усач. — Что вы сказали, д-дорогой мудрец?

— Н-не бойтесь, я вам говорю. Мы посчитаем, сколько совок придется на квадратный метр, примем меры...

— Сахар вашим устам! Он еще собирается считать хлопковую совку!.. Хотите, чтобы вместо хлопка я сдал государству эти самые личинки?

— Так участок же по договору отведен нам!

— А я по плану должен хлопок сдавать и с твоего участка! — разъяренный Али-Муйлов пригвоздил взглядом Абидова.

Через несколько минут он промчался мимо на отчаянно тарактевшем мотоцикле.

А Сакиджан Абидов приступил к работе. Открыл колбы, отсыпал в бумажные пакетики по щепотке желтой пыльцы — личинки трихограммы, раздал помощникам. Надо было разложить под кустами пакетики с этой пылью — в этом и состояла особенность метода, разработанного Абидовым. Не заметили, как прикатил и Али-Муйлов с колхозным агрономом. Тот посмотрел на пожухлые кусты, и глаза его полезли из орбит. Абидов и его успокаивал, показал договор на проведение опытов, заверил: все меры будут приняты...

Вчера было спокойно. Поэтому вечером Латофат и ушла помогать Нормураду-ата.

А наутро, когда девушки, ни о чем не подозревая, пришли на работу, они даже к полю не смогли подойти: над всей бригадой, и, конечно, над их участком, висел остро пахнущий туман. Трактористы в противогазах ездили по полю, распыляли яд.

Непонятно, то ли Али-Муйлов приказал обработать препаратом без разбора все поля, то ли трактористы по ошибке прихватили и опытный участок, — так или иначе, но над всем бригадным полем растянулось едкое желтовато-серое облако.

— Домла наш где? Где домла?.. — Девушки кинулись к полевому стану.

Там — никого. Один лишь Усач, заложив руки за спину, удовлетворенно вышагивал вокруг хауза, усы правильной подковкой свисали вниз.

— Скажите, Алиджан-ака, где наш домла?

— Ваш домла... — Муйлов усмехнулся, кивнул на двухэтажный каменный дом: — Он там, в подвале, рассказывает крысам, как совок считать.

Латофат подбежала, наклонилась к маленькому, забранному решеткой окошку подвала.

— Домладжан! — Латофат принялась трясти железные прутья.

Сакиджан Абидов стоял у окна, сложив руки на груди. Увидев Латофат, молча отошел в темный угол подвала.

Девушка просила, требовала, плакала:

— Выпустите домлу! Сейчас же откройте! Я к рансу пойду!

— Хоть к самому министру беги! — усмехнулся Муйлов. — Пусть выгонит меня, если им урожай не нужен!

...Машина вылетела из киш-така. Латофат думала, что они едут искать раиса. Но нет, Хайдар свернул на Минг булак. Значит, гонит прямо в бригаду.

«Что он задумал? Разве Али-Муйлов послушает его?»

«Москвич» с грохотом скакал через ухабы, выбоины. В сощуренных глазах Хайдара, в смуглых, напряженно втянутых щеках Латофат почудилось что-то от его отца — твердое, суровое, незнакомое раньше

выражение. Вот так — суровый, не сбавляя скорости — он и подлетел к стану, затормозил.

Али-Муйлов все еще прохаживался вокруг хауза — руки за спиной, под усами улыбка. Вдруг увидел: сын Атакузы выходит из машины. Засеменил к нему:

— А, Хайдаржан! А я смотрю, кто это едет...

— Где доцент Абидов? — строго перебил Хайдар и, не дожидаясь ответа, прошел вслед за Латофат к подвалу. Увидел на двери большой замок. — Кто это вам дал право запирать домлу?

— Да нет, Хайдарджан, у нас и мысли такой нет, чтобы запирать. Только, сами подумайте, что было делать? Работать же не давал! Прямо под трактор бросался.

— Не давал вам работать!

Хайдар отступил и изо всей силы ударил ногой в дверь. Разбежался и еще раз ударил. Дверь с грохотом сорвалась с петель, повисла на замке. Нагнувшись, Хайдар спустился в подвал. Сакиджан Абидов сидел в темном углу на пустом ящике.

— Извините, Сакиджан Абидович...

Абидов не проронил ни звука. Молча прошел мимо Хайдара и Латофат, поднялся по ступенькам, направился к хаузу. Али-Муйлов стоял под чинарой, прижав руки к животу. Хайдар не думал, что удастся так просто решить дело. Муйлов славился суровым нравом. Но, видать, суров он был только у себя в бригаде. А здесь — сын самого Атакузы! Выходит, он опасается не только раиса, но даже его детей. Уронил голову, смиренно сложил руки на отвислом животе.

— За такие дела можете и под суд пойти! — сурово бросил ему Хайдар.

— А? Под суд, говорите? — Али-Муйлов растерянно оглянулся на женщин — они собрались у хауза. — Зачем же под суд? Я ведь не ради себя — ради бригады, ради плана, дорогой Хайдарджан!

«Ради плана!» Что толку спорить с этим недалеким человеком? Хайдар подошел к Абидову. Тот сидел у хауза на корточках, умывался.

— Простите, Сакиджан Абидович. Я сегодня же поговорю с отцом, расскажу обо всем.

Абидов устало вздохнул:

— К чему? Теперь уже бесполезно, дорогой.

Подошла Латофат. В глазах ее все еще стояли слезы. Что они значат? Жалеет домлу Абидова? Или, может, раскаивается в чем-то, кого-то благодарит?..

2

Не напрасно слова «жахл» — гнев и «жохил» — невежество стоят в словаре рядом. Не зря, видно, сказано мудрецами: «Гнев — оружие невежд».

Когда Нормурад-ата переселился в новую комнату, в эту самую, где сейчас сидит за столом, он ничуть не сомневался в своей правоте. Кипел, шептал все время что-то, кистил племянника и так и этак, винил во всем. Сомнения, беспокойство пришли ночью. Гости разошлись, он

остался один в своей комнатухе. Тут-то и накинудись на него думы. В ушах, правда, все еще гремел грубый окрик Атакузы. И каждый раз будто что-то обрывалось внутри, как только вспоминал слова, брошенные племянником. И все же волна первых сомнений уже прихлынула, накатилась.

Атакузы загордился выше всякой меры — это правда. Не заметил, как разбух от похвал. Слава — большая, малая ли — кружит слабые головы. Все это так. Но Атакузы единственный родич, тот, кто предаст тело домлы земле, кто посадит деревце на могиле. Можно же было спуститься чуть пониже, поговорить с ним спокойно, по-человечески!

«Ты, Нормурад Шамурадов, должен был выслушать его, а потом спокойно, разумно, как разговаривал с Хайдаром, высказать все, что думаешь. Кто же еще, как не ты, обязан открыть ему глаза, образумить...»

И еще было одно. Это кололо особенно больно. Он знал своего племянника, знал, что тот ходит где-то сейчас и страдает не меньше его самого. Так было и на защите Хайдара. Атакузы тогда разобиделся ужасно, смотреть не хотел на дядю. И все же, узнав о кончине Гульсары, прилетел — на трех машинах примчался. А как рыдал, как истязал себя! Люди думали — провожает не янгу, жену дяди, а родную мать. И самого дядю к груди прижал, забыл все, хлопоты взвалил на свои плечи — от похорон до последнего траурного дня. Разве не так?

Домла всю ночь — первую ночь на новом месте — просидел у окна. Пропели первые петухи, потом вторые... Показалось, кто-то топчется за дверь. Может, Атакузы? Раскаялся, пришел к дяде, а войти не осмеливается, бродит в тоске по саду?.. Нормурад-ата потихоньку, чтобы не спугнуть, ошупью пробрался наружу, вышел в молодой, посаженный школьниками фруктовый сад.

Безлунная, но полная звезд, светлая ночь... Кишлак спал. Издалека, от Минг булака, доносились ночные звуки — квакали лягушки, стрекотали сверчки. Временами в кишлаке взлаивал обеспокоенный чем-то пес.

Нормурад-ата долго стоял, жадно тянул в себя прохладный воздух, вдыхал аромат сухого сена и клевера. Всмотривался пристально в темный сад. Никого не было видно. Можно было уйти. Но в чуткой тишине то треснет сучок, то упадет яблоко, и домле все еще казалось: за темными стволами чернеет чья-то тень. Не Атакузы ли?..

Несколько ночей провел так — почти без сна. Сегодня, еще не взошло солнце, пришла Алия. Принесла молока, кувшин сметаны, миску теплых — только что из тандыра — лепешек.

Робко, не сразу открыла дверь. Боялась — вдруг не понравится дяде, что пришла, встретит окриком или выгонит вон... На бескровном, взволнованном лице застыла смущенная улыбка, в глазах — виноватость.

— Здравствуйте, дядюшка...

Домла посмотрел в ее несмелые, грустные глаза — она словно просила прощения. Сердце так и упало, захотелось сказать хоть несколько слов. «Почему же ты не сказал их? Что тебе помешало сделать хоть это?» Нахмурив брови, лишь кивнул слегка — и все! И с Хай-

даром вчера обошелся точно так же. А ведь чувствовал, хочется Хайдару поговорить, может, и пришел-то джиен, чтобы раскрыть душу. А он?.. Сделал вид, будто ничего не заметил. Вот как...

Ушла Алия. Домла разложил на столе свои папки, подобрал нужные книги, бумаги, документы. Решил набросать для начала короткие тезисы доклада — не много дней осталось до конференции. Будут обсуждать его записку в министерство. Работа — верное средство — отвлекает от навязчивых дум. Счастье, когда у человека есть такая отдушина. Вот так и сидел, писал. Вдруг в комнату влетел директор школы. Маленький человек, любитель поговорить. И всегда-то ласково-суетливый, директор сейчас суетился больше обычного.

— Как вы себя чувствуете, домла? Все ли хорошо? Ну и слава аллаху! А к нам в школу приехал секретарь райкома. И вас тоже пожелал навестить. Ну-ка, давайте немного приберемся в комнате...

Азиз-заде не только убрать — договорить не успел. За окном во дворе зашаркали шаги.

Домла посмотрел в окно и сжался: Шукуров шел не один. По одну сторону от него шагал Хайдар, по другую — Вахид Мирабидов.

Кого-кого, а уж Вахида Мирабидова он никак не расположен был принимать у себя. «Не по институтским ли делам приехал?» — мелькнула мысль и тут же пропала. Нет, Поликарпов не прислал бы Вахида Мирабидова.

А тот, наверно, и не рассчитывал на радушный прием, сделал вид, что не приметил холодок во взгляде домлы. Стараясь особо не блистать золотым ртом, напустил на распаренное от жары лицо облачко печали. Сочувственно наклонил голову:

— Да, хорошая была женщина Гульсара-ая. Пусть земля ей будет пухом! Все мы смертны.

Но не растопили лед слова незваного гостя. Домла лишь суровее сдвинул брови, только для приличия кивнул головой. Исподлобья недобро взглянул на Хайдара: «Чего тебя угораздило привести этого человека?»

Вахид Мирабидов все заметил, тоже замкнулся. Кое-как выпил пиалу чая, попросил разрешения уйти.

— Хорошо, идите, я вас догоню.— Говоря это, Шукуров уже двигал свой стул к домле. Совсем иным, мягким голосом спросил: — Как ваше здоровье? Как самочувствие, Нормурад Шамурадович?

— Благодарю, товарищ Шукуров,— сказал домла, как отрезал.

Секретарь райкома не ожидал такого подчеркнуто официального тона. Замолчал, не сразу нашелся, как дальше вести речь. Но дело важнее личных обид.

— Мы занялись сейчас вплотную Минг булаком...

Домла метнул взгляд на секретаря, глубоко запавшие глаза быстро замигали.

— А правы ли мы? Жизнь так стремительно меняется. Нам, старикам, понять ее нелегко...

— Я еду оттуда,— Шукуров будто не расслышал.— Мы всё изучим, всё взвесим. Но мне лично кажется, вопрос поднят правильно. Жаль,

конечно, что работа уже начата. Однако попробуем что-нибудь предпринять, попробуем...

Шукуров вызывает на откровенность. Это ясно, вот и тестя выпроводил — хочет остаться один на один с домлой. Нормурад-ата все отметил с благодарностью. Но что может сказать он сейчас? Чернить Атакузы?

Домла мучительно раздумывал. Очень хотелось поговорить откровенно.

Молчание затянулось.

— А удобно ли вам здесь? — попробовал разрядить неловкость Шукуров. — Может, сказать раису...

— Нет, нет, не надо! — перебил домла. — Скоро начнутся школьные занятия. Я буду рядом с детворой, с юношеством. Мне достаточно этого... Только знаете... Есть у меня одна просьба.

— Да, да? — встрепенулся Шукуров.

— Не совсем обычная просьба... Помогите Атакузы! — И, словно боясь возражений, сбиваясь и захлебываясь, заторопился: — Помоему, он сам запутался. Я не собираюсь отрицать его недостатки. Должно быть, и вправду зазнался человек. Но ведь кто-то ему в этом немножко... гм, не мешал... Я надеюсь, вы не станете отрицать и его достоинств — он человек дела, труженик. Так помогите ему!

Шукуров сосредоточенно глядел в одну точку. Весной, когда он впервые встретился в Ташкенте с домлой, старик поразил его лобастой, как у Сократа, лысой головой, своенравным, гордым и прямым характером. Сейчас перед ним сидел тот самый старик, только согнула его нелегкая — бок о бок с племянником — жизнь. Между ними, вероятно, произошло что-то серьезное. Домла, видно, не хочет распространяться об этом. Значит, лучше проститься.

— Насчет Атакузы не беспокойтесь. Он ведь и сам не из тех, кто даст себя в обиду. Но я понял вас. Нет-нет, не вставайте, ата, не провожайте...

И опять домла долго сидел, мучился думами. Опять был недоволен собой: человек, по всему видно, пришел поговорить по душам. Но этот Вахид Мирабидов!.. Замутил душу старый прилипала. Зачем он тут? Приехал разноухать что-нибудь в связи с предстоящим совещанием? И Хайдар... Суетился вокруг своего учителя. Значит, так и не сделал выводов из их ночной беседы? Ох, Нормурад, Нормурад! Опять валишь вину на других.

— Можно, дедушка?..

Хайдар!.. Домла встрепенулся.

— Как же ты оставил своего учителя? — спросил ревниво.

Хайдар сел на стул у большого кожаного дивана, где только что сидел Шукуров.

— Мне показалось, вам нездоровится, вот я и...

— Нет, нет, все хорошо, сынок, все хорошо.

«Смотри-ка, выходит, все-таки кое-что извлек. А может, просто так пришел, ради приличия?»

— Зачем он пожаловал? Я говорю про твоего учителя.

— Он приехал...— Губы Хайдара дрогнули в усмешке.— Планы моего учителя грандиознее планов Наполеона...

— Как так? — не понял домла.

— О, у него — сверхзадача! Организует себе премию. Государственную премию имени Беруни, не больше и не меньше.

— Это каким же образом? — в усталых глазах Нормурада-ата загорелся знакомый огонек.

— Вы же знаете, у него есть книга о переброске сибирских рек...

— Да, да...

— Так вот, он хочет, чтобы целинники выдвинули ее на премию. Отец говорит...

— Про отца потом,— старик опустил веки, задумчиво поглаживал кустистые брови.— А ты сам читал его книгу? — бросил быстрый взгляд на внука.

— Да.

— И что скажешь?

Хайдар пожал плечами:

— Мне трудно судить. Я же не занимался этой проблемой. А так — читается легко...

— Вот именно — легко! — вскинулся домла, встал было пройтись по привычке из угла в угол — и сразу наткнулся на книжный шкаф. Комната и так тесная, а в ней еще пять шкафов! — Вот что, сынок,— он сел на диван против Хайдара.— Помнишь, мы ночью беседовали с тобой? Хотел я тогда сказать кое-что об этом человеке, да подумал — не время еще. Боялся, решишь, пожалуй, что соперничаем, что завидую его успехам... Я не касаюсь его научной карьеры. Придет время, надеюсь, ты и без меня все узнаешь, все поймешь. Но книга его... Ты принес тогда телеграмму, сам и прочел мне. Помнишь, что было в ней? А я ночью, в связи с той телеграммой, еще раз проглядел книгу Вахидова и снова убедился, насколько она легковесна, несерьезна с научной точки зрения.— Домла снова встал, рванулся пройтись, но остановился.— Вот один, всего лишь один пример. Есть в книге расчеты... Во сколько станет эта переброска государству. И сроки, в которые она окупится. При этом твой учитель забывает, если можно так сказать, опыт строительства таких каналов-гигантов, как Аму — Бухара, Иртыш — Караганда. Ведь там фактическая стоимость намного выше, чем в проекте. А он, говоря об эффективности, использует те же методы расчета, которые не оправдали себя. Да разве это допустимо? А все для чего? Чтобы снизить проектную стоимость переброски! Но так ведь можно ввести в заблуждение государство! Понимаешь — в заблуждение ввести...

Хайдар глядел на дядю и поражался: как необычен был сейчас его вид, как красив стал вдруг старик — сгорбленные плечи распрямились, лобастая голова откинута назад, глаза горят, как у юноши. Удивительно! Почему раньше Хайдар не замечал в нем эту незаурядную мощь, особую, вдохновенную красоту?

— Ладно! — сказал домла неожиданно.— Бог с ней, с книгой. Допустим, она безупречна с научной точки зрения, даже достойна награ-

ды. Но вот бегодня автора вокруг этой премии... Как ты сам смотришь на суету твоего учителя?

Хайдар рассмеялся:

— Во всяком случае, очень странно.

— Гмм... — Нормурад-ата сел на диван. — Я не решался говорить с тобой об этом человеке. Слава аллаху, вижу, ты сам начинаешь понимать! Но твой отец!.. Вот уже несколько ночей не сплю, все думаю о нем. Страдаю, жалею его. Боюсь, что и он страдает, а может, и стыдится своих поступков. Но почему же по-прежнему гнет свое? Неужели так ничего и не уразумел? Передай отцу... Нет, лучше сам поразмысли, подумай.

3

Как непонятно устроена жизнь! Светлое так часто соединяется в ней с темным. Счастье шагает бок о бок с несчастьем. Атакузы на себе испытал это в последние дни.

Позвонил Шукуров. Сообщил — совещание руководителей колхозов и совхозов района по вопросам благоустройства решено провести в «Ленин юлы». Часа через два и сам прикатил. И не один, с высоким гостем — профессором Вахидом Мирабидовым. Тестя оставил в колхозном саду, а сам даже за дастархан не сел, повез Атакузы смотреть детсад и ясли. Оттуда проехали по бригадам, раис показал полевые станы. Секретарь шутил, смеялся — похоже, остался доволен. Атакузы уже собирался открыть рот: мол, там, в саду, остывает плов, но гость вдруг предложил поехать на Минг булак. И покой сменился тревогой.

Шукуров молча долго стоял в ложине среди высокой травы, пил пригоршнями холодную воду из родников Минг булака, любовался джидой, плакучими ивами, бродил в зарослях горной арчи. Не спеша, поглядывая вокруг, поднялся на косогор — отсюда видней был котлован, который рыли под здания животноводческого комплекса.

Уже с самого начала, с того момента, как Шукуров спустился в ложину, Атакузы понял, чью сторону примет первый секретарь. Это было заметно по сосредоточенной грусти, с которой обходил он роши Минг булака, по тому, как задумчиво останавливался у прозрачных, окруженных арчой родников, с каким наслаждением пил воду. Да, он примет сторону жалобщиков. Это ясно. Правда, Шукуров и здесь, на месте, внимательно слушал расчеты и доводы Атакузы в пользу гигантской стройки. Возражать не стал. Но когда покидали ложину, в последний раз окинул задумчивым взглядом сочные зеленые луга, окруженные сплетенными меж собой деревьями, чистые родники, зеркальными осколками блестящие меж зарослей высокого камыша, и сказал:

— Надо подумать. Пришлите, пожалуйста, проект стройки. Посоветуемся со специалистами. Если что-то можно еще сделать, надо это сделать обязательно!

Больше он ничего не сказал, да и говорил мягко, как бы и сам еще не уверенный в своей правоте. Но душа уже была растрожена, — слишком много ждал Атакузы от этого начинания.

После Минг булака тучи несколько развеялись. Шукуров с тестем

навестили старика, а потом хорошо посидели в саду у Атакузы. Вахид Мирабидов сначала был несколько мрачноват, но это у него долго не держится. Забыв неприятную встречу с домлой, развеселил застолье, выложив целую дюжину новейших, «девственных», как он выразился, анекдотов. Опрокинул рюмку, другую и вошел окончательно в свою «струю»: с вдохновением читал Омара Хайяма, газели, воспевающие красавиц и вино. Словом, как всегда, украсил беседу. Потом Шукуров с Атакузы ходили в контору. Секретарь райкома пожелал увидеть Наимджана с женой. Атакузы был спокоен: вчера после звонка Шукурова он восстановил Наимджана на работе, успел и поговорить с ним. Шукуров хотел поговорить с обиженной четой наедине. Когда, основательно потолковав с секретарем, оба ушли и Атакузы опять зашел в контору, Шукуров сказал удовлетворенно:

— Вот это — поступок мужчины, достойно и справедливо!

Так хорошо сказал, что Атакузы даже растрогался. И надо же: в этот самый момент — всегда так бывает в жизни! — будто нарочно, в комнату как снег на голову ввалился ташкентский дервиш — Сакиджан Абидов!

В одной руке раскладушка, в другой набитая чем-то хозяйственная сумка, за плечами вещевой мешок. Волосы растрепаны. Ввалился без спроса, стуча громче чем надо большими кирзовыми сапогами.

За ним вбежала Халидахон:

— Погодите! Послушайте меня!

Халидахон пыталась удержать Абидова. Но такого разве удержит? С грохотом кинул на пол раскладушку.

— Да не хочу я вас больше слушать, распрекрасная ханум! И вообще, разве нельзя нашему брату попроситься с высокочтимым раисом? Или не положено? — Абидов, должно быть, только тут заметил стоявшего в стороне Шукурова и пошел паясничать пуше прежнего: — Вот это повезло! И наш высокоуважаемый секретарь, оказывается, здесь! Счастлив видеть ваш светлый лик!

Шукуров с недоумением посмотрел на Халидахон и Абидова и, переменявшись в лице, спросил:

— Что это за кривлянье? Не теряйте достоинства, домла, объясните по-человечески, что случилось?

— Об этом у раиса-ака спросите. И у этой вот ханум! — Абидов уселся на вещевой мешок и пятерней еще больше растрепал волосы. — Весь наш труд, на который мы потратили не один год, — все пошло прахом, товарищ Шукуров! А помучились мы основательно, пока размножили этих, как говорит почтенный Али-Муйтов, букашек-мукашек, которых он отправил на тот свет, да пребудет их душа в раю! И сам ваш покорный слуга чуть не вознесся в сады эдема!

— Простите, домла. До меня плохо доходит ваш эзопов язык. Обработали ядохимикатами ваш участок, так я понял?

— Сейчас все объясню, Абрар Шукурович... — Это Халидахон, чтобы восстановить истину, вышла вперед. — Произошло недоразумение. Наш бригадир допустил ошибку. Атакузы-ака уже принял...

Шукуров, не слушая дальше, обернулся к Атакузы:

— Как же так случилось, раис-ака?

Атакузы смущенно поскреб затылок:

— Правду говорит Халидахон, недоразумение...

— Недоразумение? А может, все было заранее продумано?

Атакузы потом не мог вспомнить, что больше всего обидело его, суровый ли тон Шукурова или несправедливость его слов. Он тоже вдруг переменялся в лице и сказал не менее резко:

— Прошу прощения, товарищ секретарь! Но я хочу спросить: осенью райком будет требовать от нас выполнения плана? Или, может, изменилось что?

— Потребуется! Но это не значит...

— А если потребуется,— невежливо перебил Атакузы,— то хочу вас спросить: представляете вы себе, что такое хлопковая совка?

— Наверно, не представляю!

— Напрасно иронизируете, Абрар Шукурович...

— И вы не менее напрасно иронизируете насчет плана! Я знаю, что такое совка. Но что раис «Ленин юлы» может уйти в кусты, когда жизнь призовет к ответу,— этого я не знал. Домла Абидов работал у вас по договору. Спрашивается, зачем вы этот договор заключили? К чему понадобилось морочить людям голову? Вы же должны понимать, с какой важной проблемой связана была эта работа, такая нужная для будущего всего хлопководства, для всех нас! — Шукуров сказал все с непонятной для Атакузы обидой и решительно повернулся к Абидову: — Пойдемте, домла!

Сколько ни упрашивал Атакузы, Шукуров не остался. Посадил с собой в машину Абидова и тут же уехал.

Атакузы не понимал первого секретаря. Али-Муйлов поступил неправильно. Атакузы действительно вызывал его перед приездом Шукурова, отхлестал словами как только он умел, хуже, чем камчой. Но что поделать? Разбитый кувшин не склеишь. Бывают ошибки. И все же почему так взвился Шукуров? Может, и важны опыты этого дервиша, может, труд его и необходим потомкам. Атакузы тоже кой-чему учился в своем институте. Однако, как бы там ни было, сейчас речь идет не о будущем. Хорошо секретарю гневаться. А если Атакузы не выполнит план по хлопку? Этот же самый Шукуров и поставит его по стойке «смирно» на бюро райкома.

Хуже степных колючек такие думы — Атакузы всю ночь проворочался, метался в постели. А утром совещание. И опять: то вверх, то вниз — все запуталось, все переместилось.

Съехались руководители всех колхозов и совхозов района, секретари партийных организаций, работники просвещения, заведующие детскими садами — словом, более двухсот человек!

Первым делом осмотрели новые двухэтажные здания детсада и яслей. Сто пятьдесят детишек уже играли на площадках под навесами. Сад и ясли Атакузы успел открыть перед самым совещанием. Затем гости поехали в бригады, дивились благоустройству полевых станков. Подготовку к совещанию-смотру Атакузы поручил Халидахон. Она в таких делах дока. Сделала так, что хоть в лупу рассматривай — и пятнышка не найдешь. Особенно дивились гости чистоте и порядку в детсаду и яслях. Девушки-воспитательницы — одна краше другой —

в белоснежных халатах, детишки принаряжены, умыты — ну просто куколки! Постели аккуратно заправлены голубым и розовым. Только вздохнули да рты разинули. Двухэтажные полевые станы тоже, конечно, поразили. Комнаты отдыха — с дорогими телевизорами и радиоприемниками, ковры; столовые с зеркально чистой посудой, отменной едой. Надо сказать, и сам Шукуров повеселел, глядя на то, что натворил в колхозе Атакузы. Подобрел и, когда подводили итоги, сказал в адрес раиса немало теплых слов. Призвал брать с него пример. Лишь под конец чуть-чуть ушипнул, и то получилось, будто выискивал кризису в конском волосе.

— Только одно хочу заметить,— Шукуров хитро улыбнулся.— Хороши у Атакузы-ака полевые станы! Но похоже, как для парада — гостя дорогого чествовать в этих залах. Обжитости нет, уюта. Полевой стан должен быть вторым домом хлопкороба, просторным — это есть, удобным, уютным — а этого еще нет. Хлопкороб должен чувствовать себя здесь как дома. А признаться, и мне было страшновато ступить по этим роскошным коврам. Боюсь, хлопкороб посмотрит-посмотрит, да и пойдет отдыхать к арыку...— Кончил он речь такими словами: — Мы восторгались всем тем, что сумел создать Атакузы-ака. Теперь давайте сообща обсудим, как распространить этот опыт. Надо добиться, чтобы и в других хозяйствах руководители уделяли больше внимания быту, культуре, благоустройству.

Зашевелился Аксакал. «Ага, выходит, не простые слова сказал Шукуров, с зацепкой», — мелькнуло у Атакузы. Давний соперник его до этого, казалось, спокойно дремал в президиуме. Большой, грузный, склонил седую голову на грудь, к Золотой Звездочке Героя. И вдруг будто очнулся, пряча улыбку в пышных усах, попросил слова:

— У меня к вам вопрос, товарищ Шукуров. Вот вы тут хвалили Атакузы. Очень хвалили. А теперь призываете, чтобы мы переняли его опыт. Согласен. Заслуги Атакузы я ни в коем случае умалить не собираюсь. Дельный раис, ничего не скажешь. Но... что там ни говори, он у нас на особом положении. Не кажется ли вам, что и другие молодые раисы, по адресу которых вы прошлись, кое-что могли бы сделать, будь у них его льготы?

Атакузы вспыхнул. Сам не заметил, как закричал:

— А какие это льготы, дорогой Аксакал?

— Ну, не будем уточнять, дорогой,— Аксакал подмигнул залу.— Зачем вспоминать про мрамор, про лес, про трубы, которые утащил из-под моего носа? Хороший ты парень. Не хочу я сегодня портить твой праздник. Однако боюсь, что и газ пройдет мимо меня. А ведь путь его лежит сначала через мой кишлак, а потом уже он должен прийти к тебе. Ой, боюсь, и этот кусок вырвешь из моего рта!..

Что тут началось! Зал взорвался. Люди хототали, били в ладоши. Их смех наглухо закрыл рот Атакузы. Шукуров ответил на ехидные вопросы старого лиса тоже шутливо: мы, мол, не волки, зачем же вырывать куски друг у друга? С этими повадками надо кончать. Он спускался уже с трибуны, когда в зал вошел Халмурадов.

Его сегодня не ждали. Секретарь обкома любил иной раз нагрнуть

неожиданно, без шумихи. Упадет как камень с неба — и прямо в самое слабое место угодит.

Вот и тут — оказывается, успел уже один, без сопровождения, осмотреть хозяйство Атакузы. Но так как выступил с ходу, не зная, что говорили перед ним, его речь пришлось несколько вразрез. Взошел на трибуну — молодой, курчавый, в ловко сидящей финской куртке цвета хаки, в ярком модном галстуке, веселый, уверенный в себе.

Начал шутовлю: он-де, нарочно не сказавшись, приехал. А то раисы спешат всегда встретить. Ну, думал, выковырнет без хозяина какой-нибудь орех. Нельзя же все хвалить, иногда и поучить знаменитого раиса тоже не вредно. И что же: искал, искал, да так и не нашел изьяна!

Странно было слушать такое после слов Аксакала и ответа Шукурова. В зале на миг наступила мертвая тишина, а потом — новый взрыв смеха и еще более громкие хлопки. Халмурадов уловил, что слова его пришлось, видно, невпопад. Тут же перестроился, подобрался, продолжал уже серьезно:

— Я позволил себе, товарищи, начать с шутки. Но все же скажу: районный комитет поступил правильно, собрав вас всех именно в этом колхозе. Мы всегда говорили и будем говорить: деятельность Атакузы-ака по части строительства и благоустройства колхоза — образец не только для этого района, но и для всей области.

До чего же странное существо человек! Все так же весело и бурно поддерживали секретаря обкома. И Аксакал хлопал в ладоши. У Атакузы даже горло перехватило, как во время летучки в степи. Да, что бы ни болтали, а добрые дела, пот, пролитый для блага людей, не пропадают даром.

После совещания Атакузы устроил в своем саду небольшой ужин. Он удался на славу.

Весной этого года речники преподнесли раису редкостную рыбку. Вытащили в реке. Огромная, метра полтора. Уже тогда потянула больше двух пудов. Атакузы пустил ее в большой проточный хауз у себя в саду, откармливал для свадьбы сына. Но Халмурадов взволновал и расстрогал его. Вот и решил попотчевать гостей этой чудо-рыбой. Блюдо получилось что надо. Рыба сама таяла на языке, исходила жиром. Гости только хвалили да пальцы облизывали.

Но и тут не обошлось без ложки дегтя. Торжество было в самом разгаре, люди — один за другим — поднимали бокалы в честь Атакузы. Только Шукурову не сиделось. Встал из-за стола, взял под руку секретаря обкома и увел в глубину сада.

Атакузы сразу почуял — речь у них пойдет о нем. Так хорошо все складывалось. Душа, можно сказать, сияла, раис торжествовал, опять был наверху. И вот — мигом погас праздник. Атакузы не выдержал, тоже встал. Поторчал у колодца, потоптался и отправился вслед за секретарями в сад.

Шукуров и Халмурадов стояли за яблонями, на берегу арыка. Раскидистые ветки скрывали лица, но по голосам было заметно — оба взвинчены до предела.

-- Вы что же, только себя считаете умным и справедливым? А мы,

выходит, и неразумны, и не гуманны? — Это голос Халмурадова. В нем слышались обида и отчасти угроза.

— От разговора уклоняетесь,— не менее жесткий голос Шукурова.— Аксакал нам только что преподавал хороший урок. Почти те же слова говорил мне и...— Шукуров назвал имя и отчество первого.

— А я считаю, передовые хозяйства — маяки — нужны! Они призваны служить образцом для всех. Передовые хозяйства были и будут всегда. Что касается первого, то думаю, вы не совсем объективно доложили ему про здешние дела.

— Точнее...

— Точнее? Возьмите хотя бы Минг булак. Мне кажется, вы упускаете исключительную важность, которую представляет собой данное строительство в развитии животноводства всей области... Прошу не перебивать! Не вы один, мы тоже, представьте себе, любим нашу природу и хотели бы сохранить Минг булак. Но существует еще и так называемый экономический фактор. Сбрасывать его со счетов мы не вправе. И как раз это хорошо понимает раис, которого вы критикуете. Умейте ценить талантливых руководителей, товарищ Шукуров, не принижайте...

— Никто не принижает его. Но и чрезмерно возвышать... так можно любого сбить с пути. Раис готов был прислушаться, внять критике. А после вашего выступления...

— За свое выступление я и отвечаю!

— Ну что ж...

Атакузы незаметно отступил назад. Когда секретари вернулись к столу, он уже сидел с гостями. Секретари — районный и областной — были явно не в духе: красные, хмурые, глаза опущены. Не смотрят друг на друга. Вскоре Шукуров поднялся — дела у него в Ташкенте. Попросил прощения и уехал. Районный уехал, а областной остался! Такого еще в этих краях не бывало, очень уж получилось неуважительно. Халмурадов тут же попросил разрешения у хозяина и тоже собрался покинуть застолье. Улучив момент, он, как бы прохаживаясь в ожидании машины, взял под руку Атакузы и увлек его в сад.

Чувствительно задел Халмурадова Шукуров. Областной шел, странно подпрыгивая ногами, нес высоко свое гладко выбритое, красивое лицо. В глазах — холодная гордость. Таким Атакузы его еще не видел.

— Хотел вас спросить,— начал Халмурадов, приглаживая рукой густые черные кудри.— Что за козочка пробежала между вами?

Атакузы нервно передернул плечами:

— И сам не пойму, товарищ секретарь обкома. Стараемся по мере сил своих и даже больше. Выполняем все государственные задания. Бывают, конечно, ошибки. Слушаем советы старших товарищей — исправляем. Если насчет дома моего механика, я же вернул его хозяину, извинился.

Атакузы начал тихо, даже робко. А потом вспомнил неприятности последних дней и разволновался — выложил все, что накопилось на душе.

Халмурадов стоял и, поигрывая веточкой с бутоном розы — сорвал ее в цветнике,— хмурил брови и молчал.

— Вот что,— принял наконец решение, голос сделался ровным, властным, как и приличествует большому руководителю.— Не горячитесь, Атакузы-ака. Этот человек гнет свою линию, хочет удивить первого новшествами. Пусть удивляет. А вы делайте свое дело, как раньше. То, что дом вернули, это очень хорошо. И насчет Минг булака не слишком упирайтесь, посоветуйтесь с проектировщиками, может, еще не поздно что-то сделать. Ну, истратите лишних пятнадцать — двадцать тысяч, что же делать, придется. Раскиньте мозгами — нельзя ли перенести строительство чуть в сторону от урочища. Не забывайте — Шукуров все же первое лицо в районе. Приходится с ним считаться. Лично я всегда поддерживал вас, буду поддерживать и впредь. Завтра же доложу обо всем первому. Попытаюсь уговорить, пусть придет. Посмотрит собственными глазами, а то ведь давно не был у вас, все отсталых навещает. Будьте готовы принять.

— Спасибо! — Атакузы с трудом скрыл дрожь в голосе, крепко обеими руками пожал дружескую руку Халмурадова.

Провожать высокого гостя отправились все, кто пировал у Атакузы. Далеко растянувшейся цепочкой машины торжественно проследовали до границы соседнего района. Возвратился Атакузы с проясненной душой. Казалось, рассеялись наконец тучи, нависшие в последние недели над головой. Да, хорошего, верного друга приобрел он себе. Халмурадов — молодой, энергичный руководитель областного масштаба и, по всему видно, с большим будущим. А что Шукуров?.. Правда, и Шукуров, если по-честному, не так уж плох к нему. Но слова Халмурадова: «Передовые хозяйства — маяки, образец для всех — были и будут всегда!» — крепко засели в голове раиса.

Лесья близка душе человека, а у Атакузы была обыкновенная человеческая душа.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

1

Вот уже четыре дня, как Вахид Мирабидов с Назокат-биби отдыхают в горах в санатории колхоза «Ленин юлы».

Прекрасное место для здравницы. Внизу Минг булак с его целительными родниками. Вверху — снежные горы, справа — миндалевые и арчовые рощи хозяйства, слева — многоводная горная речка.

Санаторий рассчитан на двадцать человек. Но сейчас работа в колхозе еще в разгаре, и, кроме Мирабидова с супругой, никого нет. Просторные домики с айванами на берегу бурной речки — выбирай любой! Яблоневые рощи и виноградники с уже созревшими золотистыми плодами — протяни руку и ешь! Пенистый кумыс от стреноженных в высокой траве кобылиц — все в распоряжении домлы Вахида и Назокат-биби. Для них стараются повара, их покой охраняет сторож санатория. Почему же Вахид Мирабидов ходит сам не свой? Почему так непривычно мрачен?

Не первый раз приезжает он в эти края. Отдыхать здесь случалось и раньше, и довольно часто. Но никогда не был он так одинок. Обычно по одну руку от него неизменно был его шагирд¹ Хайдар, по другую — сам Атакузы. К приезду уважаемого профессора готовились: резали баранов, приглашали музыкантов, танцовщиц. Съезжались руководители района, и пиршества длились нередко до рассвета. Пировали обычно в укромном уголке миндалевой роши, у прохладного веселого водопада. Главным запевалой, неизменным тамадой бывал, конечно, он — профессор Вахид Мирабидов. И чего бы ни пожелала душа — все исполнялось как в сказке. А на этот раз...

В санаторий их привез Хайдар и тут же укатил обратно — какие-то у него появились дела. И, похоже, глаза прячет. Что с ним случилось? Пытался поговорить по душам — ускользает, скрытничает. А сам Атакузы? Кажется, мог бы улучшить время, заглянуть — за четыре-то дня! Нет, пропал, ни разу не наведлся. Правда, позвонил, поинтересовался, как живется гостям, попросил извинения — в его колхозе начинается большое совещание. Что же оно — с утра до утра? Нет-нет, что-то изменилось, не тот стал Атакузы. Но больше всего угнетало пренебрежение, которое выказывал зять. Атакузы, как бы ни дружили они, все-таки не родич. С чужого, что там ни говори, спрос невелик. Но что произошло с зятем — вот ведь вопрос! И дочка не приезжает. Но она хоть разговаривает по телефону с матерью. А вот Аббарджан даже позвонить не изволит...

Вахид Мирабидов собирался и отдохнуть здесь, и поработать. Надо было набросать план выступления. Недолго уже осталось до совещания в Ташкенте. Беспокоиться, конечно, причины нет. Будут разные точки зрения, будут споры, ну и что? Посмотрим еще, кто победит! Одно настораживает: в верхах что-то слишком внимательно отнеслись к докладной Шамурадова. И директор института все еще держит с ним связь, считается с его мнением. Казалось бы, старик давно на пенсии, консультантом лишь числится, да и живет теперь этот кишлачный консультант, можно сказать, на краю света. Пора бы махнуть на него рукой. Так нет же, носятся, ставят в планы его научный труд — одному аллаху известно, когда этот труд будет завершен. Разговоры тянутся вот уже десять лет. Понятно, этот древний осел утвердился в своей учености и на совещании упрется, будет стоять на своем как чурбан. Давно бы пора сделать выводы из жизни, подумал бы — конец ведь уже близок. Куда там — как был твердолобым, так и остался.

А Вахид Мирабидов готов забыть все обиды, протянуть дружескую руку. Пошел же, можно сказать, на поклон, с искренним сочувствием к горю домлы. Вид старика даже расстроил его. И что? Чем ответил Нормурад Шамурадов? Даже в жалком своем положении не смирился. Не пожелал глаз поднять на гостя. А зять? Родной зятек не заметил унижения тестя, остался! Долго проторчал там, шушукались — о чем? Можно догадаться...

Вахид Мирабидов, наблюдая в последнее время за дочерью и зятем, подумал было даже: а не наступило ли между ними охлаждение?

¹ Шагирд — ученик, последователь.

Назокат-биби уверяет, что все в порядке. Но, может, Махбуба не делится с ней? Как бы там ни было, Вахид Мирабидов решил: если зять не заглянет сегодня — все! До свиданья! Позвонит Атакузы, попросит машину и — прямо в Ташкент, а к дочери даже не заедет. Пусть обижается. Благодарим! Вахид Мирабидов не из тех, кем можно пренебрегать.

Однако кто-то, похоже, приехал. Сквозь шум речки донесся негромкий говорок мотора. Наконец-то!

Наверху, в санатории, поднялась суматоха, беготня, слышались громкие голоса, какая-то команда. Гадать пришлось недолго. На узкой тропинке показался сам Атакузы.

Успел приобрести курортный вид: в длинном халате из старинного шелковистого банораса, грудь распахнута. Яркая узорная тюбетейка сдвинута на лоб. На бронзовом скуластом лице — белозубая улыбка. Ухарь-джигит!

— Э-э, домладжан! Я к вам с повинной головой, надеюсь, не отсечете? — Широко, как крылья, раскинув руки, Атакузы обнял Вахида Мирабидова, покружил разок и поставил на место.

Лицо Мирабидова посветлело.

— Кстати прибыли! Я вот сидел здесь, посиживал и думал: если раиса и сегодня не будет — уеду.

— Потому я и здесь! Угадал ведь, что у вас в голове, дорогой профессор! — Атакузы захохотал так, что отдалось в горах. — Никаких отъездов, Вахид-ака! Через неделю, в следующую субботу, свадьба вашего шагирда!

— Ах, вон оно как!

— Именно! Вам заготовлено место во главе застолья.

— Благодарю за высокую честь. Но целую неделю...

— Что такое неделя? Пролетит как миг. Если вашему сиятельству надоел горный воздух, махнем в степь. Очень будет кстати, предстоит ведь встреча с целинниками.

Вахид Мирабидов как будто смутился. Задумчиво потер круглую румяную щеку и заговорил вкрадчиво:

— Я здесь поразмыслил насчет того вопроса... дорогой. Нужно ли вообще что-то предпринимать?

— Очень даже нужно! — отрезал Атакузы и посмотрел на тропинку.

Оба умолкли.

От санатория спускался повар, в руках — большой круглый поднос. Вот он подошел, поставил поднос на плоский камень у речки. Чего там только не было: и увесистые кисти золотистого винограда, и бархатные персики, и печеное, и вареное, и бутылки, и рюмки. Повар мигнул Атакузы. Раис прошел с ним несколько шагов обратно по тропинке. Вернулся, загадочно улыбаясь.

— Большая новость, домла! Звонил ваш зять, едет, оказывается, сюда с Махбубахон. Я тут тоже, между прочим, с женой.

— Большая новость, говорите? Почему так?

— Да так как-то, к слову пришлось. Боюсь, не знает, что и я тут с вами.

Рука Вахида Мирабидова с янтарно-прозрачной виноградной застыла у рта.

— А что, снова поссорились?

— Как вам сказать... Мы тут с вами посиживаем, а он вот придет, и, пожалуй, мне попадет: кто вам дал право прохладиться в этом санатории для трудящихся? — Снова хохот Атакузы раскатился по горам. — А ну, за ваше здоровье, профессор! — одним махом раис осушил рюмку. Схватил с подноса горсть винограда. Веселые искорки в глазах вдруг потухли, на лоб набежали морщины, в углях рта прорезались горькие складки. — Хочу, дорогой домла, спросить про вашего зятя, давно уже собирался. Что он за человек, Вахид-ака?

Вахид Мирабидов подсел к Атакузы, оторвал от вареной курицы ножку.

— Сказать по правде, я и сам не понимаю его. Странноватый он человек.

— Странноватый? Не то слово. Этот странноватый человек вконец замучил меня, домладжан!

— А чего он требует?

— В том-то и дело — сам не поймет, что ему надо. Вроде как умный человек, все видит, все понимает, а придирается к каждой мелочи. Будто сам не понимает сложности жизни. Только сложности и толкают нас на... на некоторые шаги, — Атакузы вскочил, разгоряченным конем пробежал вокруг камня. Остановился и снова налил рюмку. — Не подумайте, пожалуйста, что специально зазвал вас в горы, чтобы открыть свои болячки. Нет, само собой вышло. Просто ценю и уважаю вас больше, чем родного дядю.

— Благодарю, мой друг! — Глаза Вахида Мирабидова ласково засияли. Он выпил вторую рюмку и поближе придвинулся к Атакузы. — Мы сделаем вот как. Провернем с вами это дело (не решился сказать: «премию») ...это дело провернем, ваш семейный той отпразднуем, и тогда я на свободе поговорю с Абрарджаном, идет? Можете быть спокойны, все ему разъясню...

Наверху, там, где сквозь яблоневую рощу белел санаторий, пропел сигнал машины.

— Приехал, кажется! — Атакузы встал было — идти навстречу, но Вахид Мирабидов потянул его за полу халата:

— Сидите, дорогой. Он хоть и старше вас по чину, зато вы старше по возрасту. Дойдет сам.

И правда, вскоре по извилистой тропинке к ним спустился Шукуров.

Он шел и чему-то улыбался. Озирался, поднимал восторженные глаза на снежные горы, любовался склонами, покрытыми арчой. Так, с улыбкой, и подошел к речке.

— Да-а... не плохо, я вижу, эта пара устроилась здесь, в райском местечке!

Атакузы быстро взглянул на Вахида Мирабидова:

— Ну что, домла, угадал я, что скажет вам зять?

— А может, я прочел ваши мысли, Атакузы-ака?

— Еще как прочли! Попали в самую точку, Абрар Шукурович!

Шукуров сел на камень рядом с тестем, кинул шляпу на траву. Еще раз обвел взглядом горы, леса, ручьи вокруг и рассмеялся, как смеются дети, — просто от радости жизни.

— Правду говоря, и я сейчас не расположен к серьезным разговорам. Но хотите, раис, отгадаю еще одну вашу мысль?

Глаза Атакузы озорно вспыхнули, он остановил протестующий жест Вахида Мирабидова, с интересом подался вперед:

— Ну-ну?

— И чего этот человек прицепился ко мне как овечья колючка? Так ведь думаете?

— Угадали, так оно и есть! — Вновь эхо в горах от хохота Атакузы. — А теперь я — хотите отгадаю, что у вас на душе?

— Пожалуйста! — в глазах Шукурова тоже заиграли огоньки.

— Как мог этот неглупый человек так потерять голову от успехов! Верно?

— А вы, наоборот, считаете, что, несмотря на успехи, остались самым скромным человеком в мире.

— Да бросьте наконец ваши скучные споры! — крикнул Вахид Мирабидов.

Но Атакузы уже не остановить. Прихлопнул ладонью сдвинутую на лоб тюбетейку.

— Хотел бы я знать, товарищ Шукуров, в чем состоит моя нескромность?

Шукуров взял с подноса яблоко, разломил пополам и неожиданно попросил:

— А ну-ка, налейте и мне! — Под одобряющий смешок раиса выпил рюмку, неторопливо вытер губы, устало улыбнулся: — До чего же день сегодня тяжелый! Может, отложим?

День и впрямь выдался нелегкий. С утра договорились с Махбубой, что после обеда вместе поедут к старикам (и правда, получилось нехорошо, за целую неделю ни разу не смог выбраться). Но нагрянул начальник главка из Министерства водного хозяйства, а с ним председатель облисполкома. Втроем и поехали в степные совхозы, оттуда — на горные пастбища, а затем еще к Аксакалу. Вернулся только часам к шести.

Махбуба все еще ждала — нарядная, в новом (опять в новом!) золотисто-солнечном атласном платье. Оно выгодно оттеняло белизну лица, шеи, оголенных до локтя рук. Черные, сплетенные из ремешков лакированные туфельки довершали наряд. Утомленная долгим ожиданием, встретила мужа обиженно-холодно, отвернулась, не ответила на ласковое слово.

Шукуров растерялся, но только на миг. Посмотрел на нарядную жену, и вдруг его осенило.

— Махбуба, милая, ты же была такая разумница, неужели не догадалась, за кого выходишь замуж? — он засмеялся.

Махбуба сердито отбросила со лба челку.

— А теперь, считаете, поглупела?

— Наоборот, еще больше поумнела. А похорошела как! — добавил Шукуров. — Но почему-то не понимаешь простых вещей. Не

замечаешь, как устал, адски устал твой любимый, извини, некогда любимый супруг!

— Это я — некогда! Я! — Махбуба захлебнулась, большие, серые, обведенные нежно-голубой краской глаза налились слезами.

Шукуров сел рядом с женой, тихонько обнял, поправил челку на лбу. Эта ее челка! Он любил, как он любил вот так же поправлять ее в юности. Что-то теплое перехватило вдруг горло.

— Ну, прости, Махбуб! Конечно, я виноват кругом. Ты даже не знаешь, как я благодарен тебе. Что было бы со мной, если бы тогда, в наши молодые годы, ты отвернулась от меня?..

— Глупышка была, потому и пошла за вас.

— Не говори, самой умной была на свете!

Проговорили битый час. Шукуров считал, что у него появилось за последнее время право быть недовольным женой: захотелось ей почестей должностных, жизни послаще. А оказалось, и у жены «наболевших вопросов» не меньше — изменился к семье, забыл детей, погрубел, не хочет понять ее, и вот итог всем обидам — «разлюбил». Как только ни оборонялся: и объяснял, и шутил, но она все говорила и говорила, пока не выложила все, не выплакала слезы.

— Ну? Можно теперь мне? — он крепче обнял ее.

— Пожалуйста, начинайте свои...

— Нотации, хочешь сказать?

— Не знаю, нотации или другое, но все, что вы скажете, я заранее знаю.

— Телепатия? — засмеялся Шукуров.

— Может быть... Ну ясно... мешанка, обывательница, жажду роскоши, почитаю чины...

Шукуров вскочил с места:

— Вот это правдолюбка! Молодец! А ведь не угадала, что я хотел тебе сказать.— Снова сел рядом, взял ее руки в свои.— Вот что, Махбуба. Я хочу спросить тебя, но сначала обещай ответить честно. И не вилить...

Махбуба достала надушенный платочек, осторожно — как бы не задеть краску — промокнула дрожащие слезинки на ресницах и настороженно уставилась на мужа.

— Скажи, Махбуб, помнишь, как ты пошла за меня? Родители были против. Шла за бывшего детдомовца, студента с неопределенным будущим. Скажи, была ты тогда счастлива? Только честно...

Махбуба опустила голову и вдруг тихо всхлипнула.

— К чему вы? Будто не знаете...

— Пожалуй, побоялся бы спросить, если б не знал! Мы с тобой оба были счастливы. Так вот: наши тщеславные желания быть первыми людьми в районе (он осторожно сказал «наши»), стремление жить на широкую ногу, приобретать то, чего не могут приобрести другие,— все это гроша ломаного не стоит перед нашей с тобой любовью. Любовь нас соединила, и я бы хотел донести ее до конца наших с тобой дней...

Махбуба быстро взглянула на мужа. Глаза засверкали.

— Вы хотели бы... Неправда! Не верю! — Она кулачком забара-

банила в его грудь.— Где же вы были все эти дни? — и кинулась на шею ему...

Потом они ехали в машине. Молчали, но обоим было хорошо. «Как много теряют люди от недосказанности, от нежелания выслушать друг друга»,— подумал Шукуров.

Он устал сегодня, но давно не был в таком добром расположении духа. И так не хотелось терять это настроение. Зачем только Атакузы затеял спор?

— Давайте отложим этот разговор,— повторил Шукуров.

— Ладно,— согласился Атакузы.— Но есть у меня к вам одно слово.

— Если только одно,— улыбнулся Шукуров.

— Вот вы, видимо, считаете себя самым правильным, самым честным человеком, Абрар Шукурович...

— По-моему, каждый видит себя таким.

— Ну, я вижу, здесь началось заседание бюро! Пойду лучше на дочь посмотрю,— Вахид Мирабидов махнул рукой и стал подниматься по тропинке к санаторию.

— ...докладываете первому секретарю обкома,— Атакузы продолжал, не обратив внимания на Мирабидова,— докладываете обо мне, о моих делах. Искажаете истину, вводите в заблуждение.

«Успел и с ним потолковать. Ну и человек! — подумал Шукуров о Халмурадове.— Что им движет? Хочет создать свой собственный маяк? Только ли это?»

— Что я могу ответить? Если скажу, что никого не вводил в заблуждение, вы же не поверите.

— А вы докажите! — усмехнулся Атакузы.

— Чем? Может, поддакивать вам во всем?

— Поддакивать мне незачем! Все, что я делал и делаю,— все это только ради колхоза, ради людей...

— Послушайте меня, Атакузы-ака,— перебил Шукуров. Заговорил медленно, сосредоточенно, останавливаясь, чтобы подобрать нужное слово.— Мне пришлось в жизни немало повидать рансов способных, талантливых. Иной хорошо начнет работу, а потом, смотришь, потерял голову. Не думайте, я знаю все трудности, которые вам приходится преодолевать. И хозяйственные, и прочие. Каждый день сам сталкиваюсь с ними. Каждый день. Вы скажете: тем хуже, все знает, а цепляется. А я всего-навсего хочу помочь вам. Вы не можете представить даже, как я был рад, когда вы отважились попросить прощения, вернули дом этому механизатору. Я ценю вашу энергию, ваш организаторский талант. Поверьте мне, я хочу сохранить лучшее, что есть в Атакузы Умарове. Именно потому и лезу с неприятными замечаниями, как вы говорите, цепляюсь. Боюсь, очень боюсь, как бы вы не споткнулись. Хотите верить, хотите нет! Все! Я кончил. И вас лишаю слова! — Шукуров встал, снял пиджак, бросил его, не глядя, в сторону.— Устал, черт побери! — вздохнул, распрямил плечи.— Приехал сюда, думал отойти немного, подышать воздухом, послушать шум реки. Где ваше знаменитое гостеприимство? Или оно не для тех, кто вас критикует?

— Ха! — Атакузы тоже встал, тоже расправил широкие плечи.—
Дернул меня шайтан с моими обидами. А ну их...

Он не договорил, вдали на тропинке снова показался повар:

— Раис-ака! К вам еще гости!

Запахавшись — так спешил — поднялся к санаторию. Его встрети-
ла Алия, она укоризненно качала головой:

— Зачем вы это придумали, Атакузы-ака?

— Что такое?

— Пригласили Джамала Бурибаева. Только что от нас звонил.
Да еще был бы один, а то и жену привез с собой!

Атакузы и сам понимал: Бурибаев явился некстати. Но что поде-
лаешь? Не выставишь же гостя.

— Иди скажи сыну, пусть везет их сюда. А там что-нибудь
придумаем...

2

Хайдар отвез гостей в горы и, не задерживаясь, вернулся в
кишлак. Поставив «Москвич» в гараж, вышел во двор. В доме настой-
чиво звонил телефон. Успел добежать, снял трубку.

— Хайдар-ака! — Это была Латофат.— Где вы пропадаете? Я уже
несколько раз звонила вам... Дедушке плохо! Я вызвала врача...

Хайдар помчался в школу. Но врача уже не застал. Огромный
кожаный диван был застлан белым. Нормурад-ата лежал на спине.
Возле него сидели Латофат и директор школы. Хайдар робко подо-
шел:

— Как чувствуете себя, дедушка?

— Спасибо, сынок.

Директор встал, уступил место Хайдару.

— Не беспокойтесь, атахон,— директор почтительно склонил голо-
ву.— Мы примем все меры, этот анашист, пьяница больше не будет
беспокоить вас!

Домла сморщил, словно от боли, лицо и закрыл глаза.

День сегодня у домлы начался радостно. Утром почтальон
принес письмо в необычно большом и твердом конверте — из Цент-
рального Комитета. Это был ответ на записку в правительство. Раньше
прислали телеграмму, а теперь вот и письмо. Подписал его секретарь
ЦК. Ответ был очень благоприятный, доброжелательный. Домла в ра-
достном волнении целый час ходил по комнате и вокруг дома. Наконец
успокоился; сел за стол, углубился в рукопись. Сколько времени
прошло — не заметил. Дверь осторожно приоткрылась, в комнату
заглянул Уразкул. Домла встал встретить друга, но Уразкул обер-
нулся назад, позвал:

— Где ты там, Ходжа? Заходи, не стесняйся, ты ведь тоже не
чужой Нормураду.

Эти слова неприятно задели домлу. Гостей встретил сухо. Зачем
Уразкул притащил за собой Кудратходжу? Если не хотел идти один,
пригласил бы Прохора или хоть кого другого. Но ходжу... Домла сразу
помрачнел. «Что нужно Уразкулу от меня? — думал с раздражением.—

Кажется, сделал все, что он требовал. Сын его с семьей опять у себя дома. Чего еще надо?» Урузкул заметил, что домла не в духе. Поскорее завел разговор об их молодости. О службе в мардикерах. Думал отвлечь от дурных мыслей, знал — Нормурад любит вспоминать те годы. Но домла продолжал мрачно листать бумагу, думал о чем-то своем. Урузкул завел было свое обычное — о «распрекрасных старушках», но тут Кудратходжа раскрыл беззубый рот — черную нору — и захихикал:

— Ты думаешь, Урузкул, молла Нормурад печалится из-за старухи?

— Конечно, из-за чего же еще?

— Ошибаешься. Нормурад-ишан делал революцию, верой и правдой служил советской власти больше пятидесяти лет, и вот награда — сидит в этой... — Кудратходжа, должно быть, не решился сказать, где сидит домла, вместо этого снова наставил на него свой гнилой рот: — Ха-ха!

Странное дело: эта ехидная подковырка не уколола, как обычно, Нормурада. Домла неожиданно рассмеялся:

— Ты все тот же, ходжа, все меришь на аршин твоего отца.

— А что, разве неправду говорю? За твою верную пятидесятилетнюю службу наградили этой сырой, хе-хе, кельей!..

Если бы не Урузкул, домла не стал бы продолжать явно никчемный разговор — жалко времени. Но зачем-то Урузкул ведь привел ходжу, и это неприятно царапнуло. Специально ведь привел. Кудратходжа не унимался:

— Вот видишь — задумался. Правильно, правильно, подумай. Тебе и в келье есть о чем поразмыслить, Нормурад-ишан.

Домла подошел к окну, распахнул обе створки, полной грудью вдохнул свежий утренний воздух и вдруг, посветлев лицом, подо звал Урузкула:

— Подойди сюда, дорогой. А воевали мы с тобой недаром! Хорош кишлак, ничего не скажешь, верно говорю? А школа. Не школа — дворец! Помнишь, мечеть здесь стояла, муллы забивали народу головы, все для кулаков старались и для торговцев, вроде отца Кудратходжи...

— Чего тебе дался мой отец? Честный человек был. Торговец как торговец. Торговцем и назывался. Ты лучше на своего племянника посмотри, интересные дела творит.

— Не тебе, анашисту, критиковать моего племянника. Ты лучше посмотри в окно — не его ли рук дело весь этот поселок, эта новая жизнь?!

— А что, неплохо сделано. Умеет, умеет размахнуться твой племянник. Любит показать товар лицом. Кому честь и слава? Ему, конечно, Атакузы. О нем гремят карнаи, ему мед течет в уста. Неплохо, неплохо устроился.

— Вот ты и обрадовался, кулацкий прихвостень. И затывквал. Рад бы укусить, да зубов нет...

— Почему затывквал? Я не тывкаю — говорю, как и ты, профисор, на нашем родном языке. А все же подумай, что-то твой племянник

сильно разгулялся: все у него пиры да сабантуи. Гляди-ка, этот самый Атакузы с голым задом по кишлаку бегал, а теперь совсем как бухарский хан! Ты тут в своей келье поразмысли, полезно будет, молла Нормурад.

Ходжа долбил в самое больное место. Нормурад-ата прохрипел:

— Вон отсюда, шура кулацкая!

Он был страшен: весь почернел, задыхался, лицо сделалось белым, как листы книги, в которую вцепились его руки. Домла занес тяжелый том, стукнул по столу. Ходжа попятился, хихикнул и выскочил из комнаты.

Уразкул укоризненно качал головой:

— Ты что, Нормурад, не видишь, что он анаши наглотался?

— Ладно, дорогой, оставь меня в покое.— Домла прилег на диван, опустил тяжелые веки.— Оставь, оставь меня в покое, дорогой,— устало повторил он.

Уразкул не знал, что и предпринять. Торчал посреди комнаты, теребил куцую бородку. Посматривал на друга — что с ним? Наконец, тяжело вздохнув, вышел. Домла не двинул даже бровью. Сквозь слабость, сквозь шум в ушах где-то далеко брезжило: «Пожалуй, опять обидел старого друга. Единственный ведь оставшийся в живых товарищ детских и юношеских лет». Но остановить Уразкула, поговорить с ним по душам не было уже сил.

Ладно, пусть идет! Даже он не знает, что сейчас творится в душе Нормурада. Что они все, в самом деле! Нормурад тоже ведь человек. Не бесчувственный ком глины. Но где понять этому ходже, отравленному ненавистью и анашой, что не в личном довольстве высшее счастье.

Сегодня утром Нормурад был счастлив. Не тем, что, признав правильной именно его идею, авторитетный орган поставил домлу Нормурада Шамурадова над домлой Вахидом Мирабидовым. Нет, Нормурад-ата рад, что своей работой окажет пусть небольшую, но все же услугу родной земле. Вместе с Уразкулом, с Прохором и с другими друзьями, которых уже нет в живых, он боролся за счастье своего народа. И теперь, если увидит вдруг, что кто-то хочет оседлать завоеванное, подчинить своему личному интересу, он готов броситься опять на борьбу. Не укусы Кудратходжи — молчание Уразкула, укор в глазах друга детства так растревожили сердце домлы. Он понимал: Уразкул порицает его за Атакузы. «Атакузы все выше голову дерет, бог знает во что превращается, а ты сидишь, пальцем боишься шевельнуть!» — вот что прочел в глазах старого друга домла. Но не знает Уразкул одного: и без его укора Атакузы — главная боль Нормурада Шамурадова.

Домла собрался было сесть за стол и вдруг увидел в окне Кудратходжу. Качая маленькой, с кулачок, иссохшей головой, тот пытался заглянуть в комнату, подсмотреть. Нелепость, пустяк? Но и пустяк может быть последней каплей. Домла не заметил, как вскочил на ноги. Не слышал, как крикнул:

— Вон, вон отсюда!

Прижал к груди руку и медленно опустился на диван. Какая боль! Будто игла вошла в сердце!..

* * *

Домла лежал на застеленном белым диване. В комнате дежурили Хайдар и Латофат. «Врач сказал, особенно страшного ничего нет, пройдет,— услышал шепот Латофат.— Разволновался сильно, от нервов все».— «Да, да, от нервов, от нервов»,— согласился Нормурад-ата и открыл глаза.

Хайдар и Латофат сидели у окна и тихо разговаривали.

«Мирно беседуют — значит, в согласии, это хорошо,— подумал домла.— Хорошо. Хайдар будто другой стал! Такой задумчивый, тихий. Осунулся, бедняга, смотри, как почернел. И исхудал сильно. Но ничего, зато мальчишкой быть перестал, получился стоящий человек».

Домла шевельнул бровью, поморщился.

«Да, необузданный ты старик, Нормурад. Одним неосторожным словом поломал крылья молодому ученому, а ведь он только-только собирался в полет. Надо было иначе. А он вот сидит здесь. У твоего изголовья. Кто говорит, что в людях не осталось совести, сострадания? Вот сидит около больного старика, беспокоится о нем. А много ли он слышал ласковых слов от этого деда. Не говоря уже о заботах».

Латофат торопливо подошла к дивану:

— Опять болит, дедушка?

— Нет, нет, я просто... с Хайдаром хотел поговорить. И ты сиди, доченька, ты нам не помешаешь.

Хайдар придвинул стул, нагнулся к домле:

— Я слушаю вас, дедушка...

Домла тяжело, с шумом вздохнул.

— Лежу вот и думаю — нехорошо поступил с тобой.

— Зачем вы, дедушка? Не волнуйтесь, все прошло. Я и сам теперь иначе смотрю на всю ту историю.

— Ладно, не буду. Собирался вот поехать с тобой в степь...

Хайдар грустно улыбнулся:

— Не на встречу ли моего учителя с целинниками?

— Аллах с ним, с Мирабидовым. Есть более важные дела. Хотел вместе с тобой проехать по полям, там строятся коллекторы и дренажи... Поездили бы, понаблюдали, как поливают сточными водами и что из этого получается... Хотелось проехать вместе и поговорить, обсудить с тобой твою работу. Да вот не знаю, удастся ли еще это сделать...

— Удастся, дедушка, конечно, удастся. Все будет хорошо.

— Ладно,— согласился домла.— А теперь вот что. Там на столе две рукописи о горной арче. Как влияет арча на климат, на водный баланс наших земель. «Древом жизни» я назвал ее. Эта работа уже готова. Вторая связана с переброской сибирских рек. Ее я не дописал еще. И не знаю: закончу ли...

— Закончите, обязательно закончите...

— Погоди, не перебивай. Я бы очень хотел, чтобы ты взял обе

эти рукописи и прочитал внимательно, понял? А теперь возьми вон ту зеленую папку. Открой ее.

Хайдар взял папку, развязал тесемки.

— Так. Видишь письмо? Ну-ка, читай.

Хайдар достал письмо на бланке со штампом: «Центральный Комитет Коммунистической партии Узбекистана». — быстро взглянул на старика.

— Прочти, прочти, — повторил домла и, видимо утомившись, опустил веки.

Хайдар быстро пробежал бумагу. Там говорилось:

«Уважаемый Нормурад Шамурадович!

По поручению ЦК ученые и специалисты внимательно изучили Вашу докладную в правительство республики и пришли к следующему заключению.

Большинство Ваших предложений, особенно в необходимости комплексного решения проблемы переброски и одновременном осуществлении широких мероприятий по обновлению всей оросительной системы, о техническом оснащении ее, что само по себе даст огромную экономию воды, вполне обоснованно. Обоснованны и Ваши предложения о том, чтобы направить накопившиеся в коллекторах и впадинах, таких, как Арнасай и Сарыкамыш, вешние и сточные воды в Аральское море через обводные каналы. Проблема переброски сибирских рек в Среднюю Азию — это сколь важная, столь и сложная проблема. И наше государство понимает, что это именно тот случай, когда надлежит семь раз отмерить, прежде чем отрезать. Поэтому при решении проблемы будут учтены мнения всех сторон, особенно мнения таких опытных ученых, как Вы. Мною даны указания о дальнейшем детальном изучении Вашей записки во всех заинтересованных в проблеме министерствах, проектных и научных учреждениях.

С уважением

Секретарь ЦК...»

У Хайдара заблестели глаза, он посмотрел на дом.лу:

— Дедушка, да что же вы молчите? В руках у вас такое письмо, а вы ни слова!

Нормурад-ата насупил брови:

— А что же, по-твоему, я должен кричать на весь мир — какое, мол, письмо получил! И тебе показываю вовсе не для того, чтобы погордиться. Хочу, чтобы ты понял всю важность этой проблемы и принципиальность наших споров с Мирабидовым. Вот для чего и письмо дал тебе почитать. Ты понял, сынок? Ну, а если понял, то можете идти.

Латофат, пока Хайдар читал, стояла, прислонившись к стене. Теперь потихоньку, боясь скрипнуть половицей, подошла к дивану:

— Дедушка! Мы еще побудем...

— Нет-нет, уже стемнело, идите, доченька, идите...

Латофат вышла первая. Хайдар на минуту задержался, потушил свет, поправил простыню на диване, посмотрел еще раз на деда и тоже вышел.

Кишлак погрузился в стон. Прямо над головой, в провале темного густозвездного неба, блестел отточенный серп трехдневной луны.

Тихая ночь. Голубоватый туманный свет звезд и луны. Тонкая фигура девушки у ворот. Латофат показала Хайдару одинокой, печальной. Теплая, незнакомая нежность перехватила дыхание.

— Латиф!..

Латофат взглянула на Хайдара — в глазах были слезы — и уткнулась лицом в его грудь.

— Латиф! Что с тобой, Латиф? — Хайдар задыхался от нахлынувшей нежности, привлек девушку к себе и стал целовать в соленые щеки и губы, в глаза.

Латофат что-то говорила, очень тихо, неразборчиво, казалось, просила о чем-то. И как эта девушка была непохожа на ту Латофат, что в последнее время обдавала холодом. Вернулась прежняя Латофат — открытая, любящая, какой была она в раннюю пору их дружбы. Та же нежность, те же шемающие душу глаза, та же доверчивая ласка!

Странная вещь жизнь! Почему Хайдар только сейчас разгадал, что нужно и ей и ему для их любви? Не дорожил доверием и сам не доверял ей. Зачем, поддавшись чувству странной какой-то гордости, мучил и ее и себя? Оказывается, достаточно одного ласкового слова, простого искреннего слова — и холод пропал.

Хайдар осторожно прижал девушку к себе. Так, обнявшись, медленно пошли вниз. Латофат шла притихшая, успокоенная.

Они подходили к дому Хайдара. Полутемную улицу вдруг рассек свет фар. К воротам подлетела и со скрипом затормозила «Волга».

— Отец ваш! — Латофат испуганно отпрянула.

— Это ты, Хайдар? Пойдем! Разговор есть...

— Хорошо, ата, я сейчас...

Хайдар довел Латофат до калитки. На улице, перед домом Фазилат, стоял газик. Латофат шепнула: «Кажется, и брат здесь», торопливо подставила губы, скользнула во двор. Хайдар повернул обратно. Темный газик вдруг взвыл и стремительно, с грохотом пролетел мимо. Хайдар уже подходил к дому. Его догнали легкие, быстрые шаги.

— Братик!

— Тахира?

Сестра беззвучно прильнула к нему:

— Я рада, братик. Рада за вас! Рада рада!.. — Она дрожала, плакала.

— Что с тобой, Тахира?

— Ничего... Я рада за вас, за Латофат!..

— Да что с тобой? В машине был Кадырджан?

— Да, он поехал в горы. — Тахира всхлипнула. — О братик, он не любит меня! Не любит! — Маленькая фигурка в темном платье прильнула к нему.

Сердце недобро екнуло. Хайдар обнял дрожащие плечи сестры, пригладил растрепанные волосы:

— Не волнуйся, все обойдется, сестричка...

— Нет, нет, он не любит, я знаю, братик, знаю!

— Ну и черт с ним, если не любит! — рассердился Хайдар.

А Тахира уже не всхлипывала — она громко и горько рыдала.
— Вы не знаете, братик!.. Если б вы знали!..

Хайдар до боли сжал зубы. Он догадывался... Но что мог он сказать этому маленькому, любимому с детства существу?

За дувалом послышался глухой кашель.

— Отец ждет. Не плачь, Тахира, все обойдется, мы еще поговорим.

Атакузы нервно прохаживался у колодца. Сосредоточенный, мрачный, с крепко сжатыми губами. Увидел: сын и дочь идут вместе, молча прошел в дом. Направился прямо к холодильнику, достал бутылку минеральной воды, ударом о край стола открыл, пил прямо из горлышка большими глотками.

— Еду в обком...— сказал, как только Хайдар подошел.

— Что-нибудь случилось, отец?

— Этот подонок! — Атакузы сердито швырнул в темный проем окна пустую бутылку.— Этот любитель легкой жизни! Я говорю про Бурибаева. Не зря, оказывается, прикатил. Весной выделил нам тонн триста удобрений и запчасти, не так уж и много. А теперь приехал обрадовать: какой-то там шум поднялся.

По спине Хайдара будто холодный уж прополз.

— И серьезно все это?

— Не знаю. Думаю, голову не снимут. Не на свой же огород я сыпал те удобрения! Но, видно, что-то случилось, раз этот тип не смог сам уладить, ко мне прилетел. На всякий случай хочу поставить Халмурадова. Не забудь, разговор этот — не для чужих ушей.

— А может, не стоит ехать, отец? — сказал Хайдар.— Он ведь отпускал, пусть сам и отвечает. И вообще напрасно вы...

— Напрасно или нет — об этом не время! А ехать надо. Другого выхода нет, придется улаживать самому. Словом — еду. Гостей не привози. Пусть до моего приезда побудут там.

3

Фазилат вышла за ворота — проводить соседок. Они теперь каждый день приходят помогать ей. И надо же так получиться, в это самое время, как нарочно, у ворот остановился знакомый «Москвич». Из машины выпрыгнула Латофат и сразу смутилась, увидев соседок, — она была в белом свадебном платье. И Хайдар — он сидел за рулем — поспешил поддать газу, стремительно тронулся с места. Латофат пробежала в калитку, женщины задумчиво смотрели ей вслед, должно быть вспоминали молодость.

— Дай бог им счастья!

— Очень подходят друг другу!

— Да вознаградит их счастьем аллах!

Сладко матери слышать такие слова, хорошо, что люди увидели дочь вместе с будущим зятем, в его машине. Так получилось хорошо! Теперь соседки закроют рот сплетницам, а такие есть, завидуют счастью дочери.

Вот уже неделя прошла в свадебных хлопотах. И как дружны стали

между собой дочь и Хайдар, словно подменил их кто. Фазилат не знает, что случилось, в чем причина такой перемены. Да и зачем ей знать? Смотрит на жениха и невесту и не может нарадоваться. Три последних дня Латофат с Хайдаром каждый день ездят в районный центр. Там, говорят, открывается лаборатория. Хайдар отвозит Латофат и сам же привозит обратно. Удивительно, даже к доценту Абидову переменялся. Нередко и Абидов приезжает с ними на машине. Бывает, втроем засиживаются допоздна за беседой. А Фазилат... У нее голова кружится от неожиданного счастья. Ей приходилось бывать на тоях, на празднествах у соседей, но сама ни разу не созывала гостей. Странной своей судьбы стыдилась. И как же радуется теперь: наконец настал день — и она может отплатить людям за радушие. Атакузы по непонятной ей причине отказался от прежних планов, не хочет пышной свадьбы. Однако на расходы не поспешил. И на одежду, и на еду — на все дал. Фрукты, мясо, вино, рис — все, что нужно, для свадьбы есть. И теперь на дворе у Фазилат с утра до вечера люди: соседки стегают одеяла для приданого, джигиты в саду готовят дрова, ладят тандыры — много ведь придется напечь лепешек. А вечерами собираются подружки дочкины — шьют платья, веселятся, танцуют, песни поют, как в старину пели перед свадьбой.

Правда, пробежало недавно маленькое облачко, сын Кадырджан, дай бог ему здоровья, приехал в отпуск на днях и привез с собой отца и мачеху. Фазилат две ночи проворочалась до рассвета, будто на колючках лежала. Но вчера Латофат сообщила новость: Джамал Бурибаев на свадьбу не останется. Отдохнет денька два в горах и назад. А Хайдар сказал, будто Атакузы перестал уважать Бурибаева.

А вот и Латофат — переделась, вышла из дома. Включила свет под виноградными лозами, расстилает скатерть на сури. Сейчас должны прийти подружки-помощницы. Радуетс Латофат, но неясная тревога с самого утра нет-нет да и засосет. Откуда она? Подошла мать. Только хотела расспросить, как там в городе с лабораторией, и в этот момент у ворот угрожающе завизжали шины... С шумом распахнулась калитка, во двор влетел Кадырджан.

Он бежал, будто спасаясь от страшной беды. В растерзанной рубаше, лохматый, глаза дико блуждают. Фазилат даже не узнала собственного сына, попятилась назад. Но тут же бросилась к нему:

— Что с тобой? Сыночек мой!

Кадырджан прислонился к двери, рывком разорвал ворот рубахи, обнажил черный поджарый живот, провел пятерней по лицу.

— Кончено! — прохрипел, то ли смеясь, то ли плача. — Все погорело...

— Да говори же, что случилось?

— Человека сшиб! Насмерть, кажется. Все! И свадьба, и праздник, и счастье наше — все к шайтану!

Фазилат взглянула на застывшую под виноградным навесом дочь, глазами молила о помощи... и вдруг бессильно опустилась на землю. Латофат, будто стряхнув страшный сон, кинулась к матери, схватив на ходу медный кувшин у арыка.

Кадырджан, пьяно пошатываясь, подошел к водопроводу,

подставил голову под струю. Одним резким движением освободил худое жилистое тело от рубашки, сел прямо на землю, заговорил. Несвязные слова с хрипом вылетали из глотки. Будто умом тронулся, разговаривает сам с собой.

— Гости... возил на охоту. Да... Подстрелили архара. А тут, как его... корноухий сторож лесхоза... Прохор, что ли, зовут. Увидел, погнался на мотоцикле. Я уже оторвался... И тут у Минг булака налетел на того, будь он проклят! На Кудратходжу. Анашист, пьянь проклятая! Что ему нужно в Минг булаке? Сидел бы дома...

Фазилат попыталась встать, но не смогла. Опираясь на руки, поползла к сыну:

— Какой Кудратходжа? Что ты говоришь?

— Тот самый. Кулацкий прихвостень! Из-за него, из-за подонка, меня... Нет! Не хочу! Почему я, жизни еще не повидав, должен погибать из-за этого раскулаченного. Он же враг, враг! Нет, Атакузы-ака поймет. Может уладить, замять все! Анашист проклятый! Сам был пьяный как свинья! Мама! — Кадырджан вскочил на ноги, потрянул, будто конь, лохматой гривой.— Мама! Бегите к Атакузы-ака! Сейчас же бегите. Объясните все! Не даст он засудить меня, не оставит Тахиру на всю жизнь несчастной.

Фазилат приподнялась, упала на грудь дочери, запричитала:

— Ой, сыночек, да что ты наделал! Что натворил, сыночек ты мой!

— «Сыночек, сыночек!» — передразнил Кадырджан. По-бычьи нагнув голову, со сжатыми кулаками пошел на мать, на полдороге опомнился, перевел безумные глаза на сестру: — Латиф! Сестрица! Иди позови Тахиру. Пусть сама поговорит с отцом. Беги! Я ей все сам скажу.

4

Джамал Бурибаев и Вахид Мирабидов, запыхавшись, ворвались во двор. Через несколько минут Атакузы уже знал все. Кудратходжу привез в кишлачную больницу егерь лесного хозяйства Прохор Поликарпов. Однако было уже поздно. Еще по дороге в больницу ходжа отдал богу душу. Атакузы тут же связался по телефону с главврачом:

— Где Прохор? У вас еще?

— Нет, он ушел.

— Куда?

— Не знаю. Сказал, если понадобится, найдем его у домлы Шамурдова.

«Понятно, Прохор поехал докладывать своему приятелю. Нашлась у старого хрыча новая тема для разговора!»

— Что будем делать, раис-ака? — спросил главврач.— Полагается немедленно сообщить в милицию.

— Вот что,— Атакузы овладел собой.— Кудратходжа, я слышал, был вдрызг пьян. Вы сделали экспертизу?

— Нет...

— Сделайте! Исследуйте как надо и запротоколируйте!

— Если был пьян, то конечно...
— Я же говорю вам — он в стельку был! Ясно?
— Да, но... насчет милиции как? А вот и сам участковый. Дать ему трубку, раис-ака?

— Нет-нет! Скажите ему сами, пускай не спешит. Не к чему шумиху устраивать. И вы тоже не очень... Не паникуйте. Я еще позвоню.

— Простите, не совсем понял вас, раис-ака. Вы сообщите в район?..

Атакузы не ответил, бросил трубку на рычаг.

Пока на айване шел телефонный разговор, Бурибаев, заложив руки за спину, нервно прохаживался вокруг колодца. Вахид Мирабидов как упал в плетеное кресло, так и сидел, обхватив голову подрагивающими пальцами. Когда трубка стукнула о рычаг, Бурибаев замер на полпути. Вахид Мирабидов поднял голову. В глазах у обоих вспыхнули искорки надежды.

— Ну что нового, раис? Говорите! — Бурибаев, слабея, ухватился за сруб колодца.

Атакузы с яростью смотрел на его жалко увядшее лицо. Ведь вот как сник, обмяк. Трус несчастный!

— Новость отличная! — отрубил беспощадно. — Сшибли насмерть старого человека и бросили на дороге. Не оказали даже помощи!

Вахид Мирабидов слезно промышчал что-то и снова обхватил голову руками. Бурибаев пошатнулся, будто его ударили в грудь.

— О молодежь, молодежь! Я предупреждал Кадырджана...

— Кадырджан мальчишка. А вы, где вы были? Какого черта вас туда понесло? Разве время сейчас охотиться на архара?

— Виноваты! Виноваты! — стонал Джамал Бурибаев. — Но, раис! Вы должны что-нибудь придумать! Найдите выход! Вы можете утрясти дело. Вам все под силу! Подумайте, если мы попадем под следствие... Нет, нет, что-нибудь придумайте, дорогой!

Джамал Бурибаев шагнул из-под темного листового навеса. Что за вид! Голову покорно склонил, просительно смотрит на Атакузы. Куда осанка девалась! Где гордо-холодная мина на лице, от которой робели и тряслись посетители, — ничего не осталось. Старик, суетливый старикашка! Дутый пузырь, нытик!

А он, Атакузы, совсем ослеп, дядю своего не щадил, столько боли причинил старому человеку. Из-за кого! Ну, натворил дел, нарушил закон — так тебе же не шестнадцать, хоть держись достойно. Да и не впервой творить грех. Однако, видать, фронт тебя не очистил, нет, не очистил... И второй дрожит, как пойманный заяц. Домла! Ученый муж!

Атакузы брезгливо поморщился.

— Хотите, чтобы я придумал что-нибудь? Вы творили беду, а я расхлебывай! — Атакузы задыхался. — А что же вы третьего дня ничего не придумали, когда надо было помочь мне? Не только не придумали, а, наоборот, постарались свалить со своей головы на мою. Весной, когда распорядились выдать удобрения и запчасти, держались так, будто вынули из собственного кармана. Не беспокойся, мол,

Атакузы, бери, даю из особого фонда! Это в глаза. А за глаза — взяли и записали на счет района. Из-за вас я вчера краснел в обкоме, не сегодня завтра придется краснеть и на бюро райкома...

— Дорогой мой! — кинулся к нему Буринбаев, попытался схватить за руку. — С удобрением утрясем как-нибудь, все устроим, дорогой. Только этот вопрос уладьте. Вы же умный человек, понимаете: если попадет в милицию, плохо будет и вам, и нам. Вы тут хозяин, у вас авторитет. И товарищ Шукуров вас ценит...

«Товарищ Шукуров!» Вахид Мирабидов будто проснулся, поднял голову:

— Да, да. Конечно, Шукуров. Я тоже поговорю с Абрарджаном. Машину мне! Сейчас же поеду...

Кто-то с треском распахнул ворота, громко протопал по двору, хлопнула дверь кухни. В окнах зажегся свет, кто-то отчаянно зарыдал. Ну денек!

Атакузы проглотил душившие его слова, кинулся в дом.

— Что еще случилось? Кто там вопит?

— Дочь ваша... — Алия заступила дорогу.

И без того взвинченный Атакузы взорвался:

— Чего она так убивается, твоя дочь? Не найдет себе мужа? Цепляется за подонка. Ничтожный сын ничтожного отца!

Алия отвела взгляд от страшных, налитых кровью глаз мужа.

— Вы не знаете, ничего не знаете...

— Что там еще?

— Дочь ваша... дочь...

— Да не тяни ты резину!

— Беременна она...

— Подлец! — Атакузы прижался лбом к косяку двери. — Где он, сам поговорю с ним. Не он ли пробежал сейчас по двору? — Атакузы сверкнул глазами, сжал зубы. — Где этот мерзавец? Я хочу...

Он не кончил. Дверь робко отворилась, вошла Тахира.

Густые черные волосы, обычно падавшие на плечи, были растрепаны, глаза опухли от слез. Тахира тихо, беззвучно подошла к отцу, опустилась на колени и мокрым от слез лицом прижалась к его сапогам.

— Дададжан, папочка мой милый, любимый...

5

Потом, когда все кончилось, Атакузы не раз вспоминал последний свой разговор с дядей. Но почему-то путь до школы начисто стерся из памяти. Не помнил, как вышел из своего дома, как очутился у дяди... Одно лишь каждый раз вставало в глазах — дочь, Тахира. Тихо, беззвучно приближается к нему, молча опускается на колени, прижимает лицо к его сапогам...

У Нормурада-ата он застал Прохора и Хайдара. Домла сидел за большим письменным столом, подперев руками тяжелую голову. Прохор ходил взад-вперед по узкому проходу между книжными шкафами. Он был в больших кирзовых сапогах, в старом, потертой гимна-

стерке, с потускневшей бурой каской мотоциклиста на голове. У окна, прислонившись к стене, стоял Хайдар.

Все трое, как по команде, повернулись к Атакузы, едва тот вошел. Нормурад-ата настороженно поднял на него глубоко ввалившиеся глаза.

Атакузы набрал полную грудь воздуха.

— Дядя! Я виноват перед вами..

Домла все глядел на него усталыми глазами. Хайдар опустил голову, Прохор стал одергивать гимнастерку, расправил складки под широким кожаным ремнем.

— Я сильно виноват перед вами! — повторил Атакузы и, стараясь унять волнение, глухо кашлянул.— Но сейчас я пришел не для того, чтобы просить прощения. За этим я еще приду. На коленях буду просить...

Домла вдруг заморгал глазами:

— Не надо, не надо...

— А сейчас я пришел, чтобы...— он опять набрал полную грудь воздуха,— чтобы просить совета у вас, у двух уважаемых аксакалов!

Атакузы медленно обвел глазами всех троих. Ни поддержки, ни сочувствия — ничего не встретил в ответных взглядах, только настороженность. Голос Атакузы дрогнул:

— Я знаю, случилось ужасное! Такое, что трудно простить.— И жестче: — Но и сам этот анашист, я говорю про Кудратходжу, и сам он был в дымину пьян! Дня ведь не проходило, чтобы не пил, да еще и анашой обкуривался. А разговоры его? Сами слышали, сбивал молодежь с пути...

— Все! — прервал Прохор. — Понятно! Он пьяница, он наркоман. Он кулацкий элемент. Значит, не стоит и огород городить! Все шито-крыто.— Прохор насмешливо блеснул синевой глаз, оглянулся на Нормурада-ата и Хайдара.

Те сидели, уставившись в пол.

Атакузы весь подобрался, готовый кинуться на этого кривоногого мотоциклиста, будто коршун на осмелевшего петушка.

— А что, по-вашему, не был он кулаком?

— Если и был, то не мы с тобой, Атакузы, а советская власть и наказала его. Советская же власть и помиловала.

— Словом, по-вашему, из-за этого навозного жука, из-за вражьего отребья, подстрекателя будем губить жизнь двух молодых людей?

— Ого! — Прохор замигал синими чистыми, как у ребенка глазами.— Раз он пьяница, так замнем преступление? Ваши дружки убили человека. Попирая законы, подстрелили архару. А вы, значит, их — под свое крыло!

— Что ж, по-вашему, архар дороже людей?

— Ого! — повторил Прохор.— Одним запрещено, а другим — можно! Да существуют ли для вас, в конце концов, законы и правила? Или, думаете, законы писаны для других? А вы можете творить, что вам вздумается? — Весь побледнев, по-петушиному вытянув шею, посмотрел на Нормурада.

Но тот молчал. Большая медно-красная голова была по-прежнему опущена, только вены сильнее набухли у висков да темные большие руки, лежавшие на коленях, начали мелко-мелко дрожать.

— Хорошо! — сказал Атакузы. — Раз так, разговор кончен. Но я скажу вам, кто вы!..

— Отец! — крикнул Хайдар.

Нормурад-ата встал, тяжело опираясь о стол. В широком, скуластом лице не осталось ни кровинки.

— Ох ты, дорогой, дорогой мой племянник! — сказал, тяжело ворочая языком. — А я сию радуюсь: уразумел мой Атакузы кое-что. Все последнее время камни так и падали вокруг тебя. Надо бы извлечь урок, да представляешь ли хоть себе, о чем ты говоришь с нами? Ты начисто, Атакузы, забыл об одном: есть на свете совесть, есть честность!

Дядя трясся, как в приступе падучей. Атакузы крепче сжал зубы. Выйти бы хоть молча! Чувствовал — откроет рот, проклянет дядю. Закрыв глаза. И снова увидел Тахиру. Дочка, любимая дочка, снова беззвучно упала перед ним на колени. Боль вырвалась наружу.

— Совесть! — выкрикнул. — Ладно уж, дядя! Чужая боль не ранит тела. Пусть я кажусь вам самым бессовестным человеком на свете. Пусть! Но говорил вам и еще повторю: чужой, сочувствующий беде, лучше бессердечного родича!

Хайдар, побледнев, шагнул к отцу:

— Остановитесь, отец! Есть же границы!..

— Отойди, размазня!.. Спасибо, дядюшка! Есть такая поговорка: беркут, состарившись, становится коршуном. Коршуном клюете родню свою! Спасибо! — Атакузы отшвырнул в сторону сына, пинком распахнул дверь и исчез во тьме.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

1

Кудратходжу собирались хоронить на следующий же день. Но, непонятно почему, тело увезли вдруг в район, на экспертизу. Продержали два дня. Лишь на третий разрешили предать земле. На похороны собралось человек двадцать пять, все больше старики. Пришли и Прохор с Уразкулом. Был и Хайдар. Он не хотел идти, но дядя настойчиво присил:

— Сходи. Издавна говорили: на покойников обиды не держат. Я бы и сам пошел, да, видишь, занемог.

Всю дорогу с кладбища домой Хайдара не оставляла тревога. Вызывали в район Қадырджана — на допрос. Сегодня и отца вызвали то ли в милицию, то ли в райком. В доме неспокойно. Тахира не перестает — плачет, мать места себе не находит.

Хайдар вошел во двор и невольно остановился. Тихо, безлюдно, словно брошенный очаг. И еще сильнее подступила тревога. Прошел в

конец сада к арыку. Солнце уже спряталось за горизонтом, но жара все еще не спадала, воздух оставался горячим, а в саду даже было душнее, чем днем.

Хайдар поплескался в арыке, чуть освежился. Поднялся было, чтобы уйти, и невольно вздрогнул. Высокие, в рост человека, камыши по ту сторону арыка раздвинулись, и в них показалась растрепанная лохматая голова с лихорадочно горящими глазами. Кадырджан, в распахнутой до пупа серой рубашке, в потертых джинсах, мрачно глядел на Хайдара.

— Я жду Тахиру. Ты мне тоже нужен!

Кадырджан, легко подпрыгнув, ухватился за ветку тала и, перелетев арык, очутился рядом с Хайдаром:

— Что уставился на меня? Не узнаешь?

— Трудно узнать... Что тут делаешь?

— Я же сказал: жду Тахиру.

— Тахира не выйдет.

— Ты так думаешь? — усмехнулся Кадырджан. — Пока не свалилась беда на мою голову, я был нужен! В зятки торопились записать. А попал в беду — так вы в кусты, дорогие родичи? А?

Хайдар чуть отступил назад.

— Послушай, Кадырджан, чего ты от меня хочешь?

— От тебя лично — ничего. Я отца твоего прошу, Атакузы-ака! Мог бы замять дело. Мог бы!.. — Последние слова Кадырджан выкрикнул высоким плачущим голосом.

Хайдар брезгливо посмотрел на него:

— Плетешь, Кадырджан, не знаю что. Насмерть ведь сшиб человека. А теперь просишь отца, чтобы собой прикрыл тебя. На что толкаешь его! Он и без того страдает — из-за тебя, из-за отца твоего. Сегодня вызывали в район...

— Подумаешь — вызывали! Если захочет, все уладит.

— Вижу, тебе не Тахира нужна, а теть. Да ты хоть любил ее?

— А какая теперь разница: любил я ее или нет? — Зеленые кошачьи глаза Кадырджана сузились, кончик длинного носа странно шевельнулся. — Не пойму вашу семью. Неужели вам, тебе и отцу, безразлична судьба Тахиры? Подумали бы, что станет с ней без меня. Ведь она уже... Дошло до тебя?

— На этом выехать хочешь? — Хайдар двинулся на него. Он был страшен в эту минуту. Высокий, гораздо выше Кадырджана, лицо налилось темной кровью. — Да, дошло до меня. Дошло: ты — сволочь последняя! Раньше я еще сомневался. Спасибо, открыл глаза. Мерзость, а не человек! — Он сгреб в кулак ворот рубашки Кадырджана. Затрещала ткань.

Оставив в руках Хайдара большой лоскут, Кадырджан отскочил. Снова ухватился за ветку тала, перемахнул через арык.

— Хорошо, ладно, я мерзость, — грозился, стоя по ту сторону арыка, — но запомни, дорогой сородич, запомни: если меня засудят, не видать тебе Латофат! Как своих ушей!

Хайдар молча повернулся, зашагал к дому. Подальше от этих

кошачьих глаз. Они так и манили — броситься через арык и наотмашь, наотмашь, справа и слева по этой шакальской физиономии...

Бедная Латофат! Вчера ночью они опять вместе шли от дяди. Оба молчали. Думали об одном и том же. Но что сказать, чем успокоить ее? Подошли к дому, Латофат прижалась к Хайдару — искала защиты.

— Я знаю, брат все переживет, еще молод,— заговорила с тоской.— Но мать... Что будет с матерью? Я боюсь...

Хайдар молча отвел с ее лица легкую прядь, осторожно поцеловал лоб, губы. И сейчас видит, как уходит она: тихая, поникшая...

На айване шла непонятная возня. Мать крепко держала Тахиру, а та куда-то рвалась. Алия увидела Хайдара, отпустила дочь.

— Спроси, спроси ее, куда она бежит! — сказала, вытирая слезы.

Тахира сухими глазами затравленно смотрела на брата:

— Пойду, мне надо поговорить.

Хайдар загородил дорогу:

— Я уже говорил с ним. Можешь не ходить. Я скажу, чего он от тебя хочет. Он хочет, чтобы любимая дочка поднажала на отца. Ему надо, чтобы Атакузы прикрыл преступление. Чувствуешь, куда он нас толкает?

Тахира, закрыв руками лицо, склонилась на курпачу, волосы упали черным занавесом.

— Доченька, ну что ты?..— уговаривала Алия.

Но сын глазами показал: «Оставьте нас вдвоем». Опустился на курпачу рядом с сестрой. Осторожно обнял за плечи:

— Тахира, сестричка, ты же сама говорила... Он же не любит тебя. Может, боишься — что скажут люди? Выкинь это из головы. Мы все — с тобой. Ты же взрослый человек...

— Нет, нет! Я не могу, не могу без него! — затряслась Тахира.

Руки Хайдара медленно сползли с дрожащих плеч сестры. Он смотрел на нее с удивлением и неприязнью:

— Такого полюбить! Он же думает только о себе!

— Пусть! — Тахира откинула волосы с лица, с яростью взглянула на брата.— Ну и пусть! И пусть плохой!..

— А ты... Нет у тебя ни достоинства, ни гордости. Родного отца толкать на преступление! Да ты сама такая же эгоистка! — крикнул Хайдар и вдруг увидел отца: Атакузы молча стоял у колодца под виноградным шатром.

Тахира тоже увидела, вскочила на ноги, с рыданием кинулась к нему.

— Ну, ну, не надо, успокойся, доченька, успокойся.— Атакузы погладил ее плечо и прошел мимо Хайдара в дом.— Пойдем, разговор есть, сынок.

Подошел к окну, широко распахнул створки и долго стоял — глядел в сад, на красные в закатном солнце деревья. Будто вылитое из бронзы лицо было сурово. Как он осунулся, какие горькие складки пролегли по обе стороны орлиного носа!

— Зачем вас вызывали, отец?

Атакузы тяжело вздохнул:

— У дочери беда. Плачет, убивается, а я ничем не могу помочь.

Почти четверть века жизни своей отдал делу, лучшие годы жизни — и вот, не могу помочь ни ей, ни себе...

Хайдар смотрел с недоумением. Он не понимал отца. Так уже было однажды — когда отец заговорил с ним о премии для Мирабидова.

— Ваши четверть века, отданные делу, и беда Тахиры... Какая тут связь? — спросил осторожно, боясь причинить боль.

— Да? Ты так думаешь? — Атакузы не глядел на сына, он по-прежнему смотрел в сад.

— Избаловали мы ее. Никого и ничего не хочет признавать, считается только с собой.

— Вот как? — Атакузы повернулся спиной к окну, с ног до головы измерил сына долгим, мрачным взглядом.— Ты заговорил языком товарища Шукурова,— усмехнулся.— Откуда это у тебя? К деду все бегаешь?

Хайдар опустил голову. И опять тихо, чтоб не слишком задеть больное место, сказал:

— Зачем вы так? Ведь если он и говорил что-то не совсем приятное, то ведь добра желал... Помириться с ним!

Атакузы отвернулся:

— Помириться, говоришь? Ну что же, помирюсь. Вот не сегодня завтра снимут с работы. Тогда и пойду помирюсь...

Тяжело сел на диван, опустил голову на руки. Вчера опять был разговор с Шукуровым, трудный и длинный, и сейчас этот разговор в мельчайших подробностях всплыл в памяти.

2

«Эх, Атакузы-ака, Атакузы-ака! Весной мы были с вами в доме вашего дяди Нормурада Шамурадова в Ташкенте. Помните? Вы повели меня в его библиотеку и там рассказывали кое-что о Бурибаеве. Должен признаться, я тогда уж подумал: зачем Атакузы-ака ищет дружбы с этим человеком? Не зря же говорят: кто к казану притронется — измажется непременно. Зачем же вам было обнимать этот черный казан? Как могли вы, Атакузы, давать ему взятки?»

«Какие там взятки, Абрар Шукурович, фрукты-мрукты, мелочь, так сказать...»

«Да если бы даже даром он давал вам запчасты и удобрения, как могли вы идти на это? Запускали руку в карманы своих друзей!»

«Вы не знаете, товарищ Шукуров. Он уверял меня, говорил — из другого источника. Если б я только знал, что все это он отнесет за счет района...»

«Будто и не знали! У него что — собственные заводы удобрений и запчастей? Как тут ни крутись, а облагодетельствовать вас он мог только за счет других.»

«Да, теперь я вижу. Поступил нехорошо. Но не для себя старался, товарищ Шукуров, ради своего колхоза.»

«Странная у вас логика. Подумайте, что получится, если каждый будет стараться только для своего колхоза.»

«Спасибо, товарищ Шукуров. Вы всегда изрекаете одни лишь истины. Вас послушать — в жизни вы ни разу не оступились, очень правильный вы человек. Но хочу вас спросить, товарищ Шукуров: чем вы оцениваете нашу работу, работу райсов?»

«Да, мы оцениваем вашу работу по выполнению плана. «Хлопок — наша гордость» — не просто фраза. Все, чем живем мы в республике, что выкладываем на дастархан, — все зависит от хлопка. Но это вовсе не означает, что надо делать план всеми, в том числе и недозволенными средствами!»

«Простите, но вы требуете плана, не подкрепив это требование материально. Может, вы думаете, у райсов есть собственные заводы удобрений и запчастей? Жесткое требование и толкает нас на те недозволенные средства».

«Есть еще трудности, да, есть... Снабжение хромает. Я не отрицаю. Но при чем здесь лично вы? Только ли о плане думали, пускаясь в обходные пути? Может, все-таки славы хотелось? Может, это подталкивало? Вот и не заметили, и до личных выгод дело дошло. Ну и, соответственно, до недозволенных средств. Не заметили, как...»

«Закружилась голова — это вы хотите сказать?»

«Напрасно усмехаетесь. Между прочим, именно так оно и есть. Не будем трогать ваши прежние срывы. Возьмем самое последнее. Близкие вам люди совершили преступление. Как вы поступаете? Жмете на врачей, принуждаете дать ложное заключение о смерти. Уничтожаете акты сотрудников ГАИ. Запугиваете егеря лесхоза Поликарпова. Прикрываете браконьеров. Словом, попираете все законы! Так что иронизировать насчет заводов не время. Скажите сами, только честно: что мне остается делать при наличии всех этих фактов?»

«Этого я сказать не могу. Моя судьба в ваших руках. И не только моя. Ко мне вы можете быть безразличны, однако подумайте о своем тесте. Ведь и он в числе браконьеров!»

«Что же, законы писаны для всех».

«Вот как?.. Вы, товарищ Шукуров, хотите во всем быть прямым как палка. Однако и палку можно согнуть. Жизнь — не бетонное шоссе. Встречаются ведь и ухабы, и очень крутые иной раз повороты. Не такие — куда более крупные промахи люди поправляют без шумихи!»

«Интересно вы говорите. Но это не для меня!»

«Да, вижу, не для вас. Креслом дорожите».

«Опять кресло! Кому что, а старухе мерещатся только ее калоши! Обижаться, конечно, легче. Не хотите думать, все бегаєте к товарищу Халмурадову. Вы простите меня, Атакузы-ака, но скажу откровенно: ваш закадычный друг очень помог вам прийти к сегодняшнему дню. Река портит берег, а излишняя похвала — человека! Слыхали такое? Это самое я сказал и вашему другу Бекмураду Халмурадовичу!»

«Благодарю за откровенность!»

«Могу вас порадовать — своих позиций он не сдал. Все еще защищает, считает вас незаменимым!»

«А вы, конечно, ответили — незаменимых не бывает».

«Нет, на этот раз ошиблись. Оставить вас райсом невозможно».

Но кого поставим на это место? Не знаю. Секретаря парткома? Но ведь она просто кукла, танцует под ваш бубен...»

«А у других? У других не танцуют».

«Подумайте сначала о себе».

«Ну что ж, так издавна ведется: того, кто упал, все топчут».

«Хватит ныть! Батыр, даже пораженный стрелой, остается на поле брани. Не теряйте лица, Атакузы-ака! Признать свои ошибки может только человек мужественный, благородный. Я знаю и ваши хорошие стороны. По-человечески сочувствую вам, но обманывать не хочу. Завтра состоится бюро, и нет никакой надежды, что вы останетесь на месте...»

«Неужели никакой? Правда, я сейчас упрямылся. Не знаю почему, но трудно так сразу все признать. Но поверьте — за эти дни я передумал, пересмотрел многое. Если оставят меня, искуплю все грехи. Трудом бы я смог оправдать себя».

«Нет, Атакузы-ака, теперь это невозможно. Вы перешли все границы. Люди не поймут нас, если все это останется без наказания. Могу посоветовать лишь одно: выше голову, Атакузы-ака! Лихому джигиту — лихая жизнь!..»

3

Шукуров открыл глаза — ему послышался голос Махбубы — и удивился: он сидел на диване, привалясь к подушкам. Как сидел ночью, так и заснул — даже не раздевался.

В комнате было уже светло. Со двора доносились приглушенные голоса. По-видимому, теща и тестя готовились к отъезду.

Шукуров вспомнил о ночной стычке, на душе стало опять нехорошо. Махбуба... Приходила и она — еще до тестя. Села рядом, робко спросила, пряча глаза:

— Неужели ничего нельзя сделать?

— Ничего, — ответил он и отвел глаза от ее просящего взгляда. — Может, кто другой и сделал бы, а вот я не могу.

— Он уже старый. Пятно ведь на всю жизнь...

— Пусть особенно не волнуется. Ну оштрафуют, ну узнают в институте. Что ж делать? А обходить закон — новое преступление. Так, по крайней мере, честнее.

Жена незаметно вздохнула. Он взял ее руку в свои:

— Махбуб, ты должна понять: дело не в том, что я боюсь, не решаюсь предпринять что-либо. Но это тот случай, когда вступает в силу моральная сторона.

Махбуба ничего не ответила, вышла молча. Он надеялся, жена объяснит все родителям. Может, не сумела убедить? Так или иначе, неприятный разговор с ними состоялся. Точнее сказать — с тещей. Подключив в дело ее, тестя как-то стусывался. А уж Назокат-биби «выдала» на полную мощность.

Начала издали: в этом мире не дождешься, чтобы платили за добро добром. Закончила сетованиями на зятя: отдали ему любимое дитя, доверили. Откуда такое отношение к ним? Чем они его заслужили? И наконец, рыдания и угрозы: увезет дочь, заберет внучек...

...Дверь осторожно открылась, вошла Махбуба. В припухших глазах следы бессонницы, лицо побледнело, осунулось — тоже нелегко.

— Родители собрались уезжать. Отец хочет вам что-то сказать, можно ему войти? — Махбуба подавила всхлип, не стала ждать ответа.

Не успела закрыться за нею дверь, явился Вахид Мирабидов.

— Можно, сынок? — Вид напроказившего мальчишки, глаза жалобно моргают, руки покорно сложены на животе. Редкие пепельно-серые волосы, обычно так благопристойно обрамлявшие лик, сплелись и взлохматились. Встал перед зятем, сиротливо склонил голову.

У Шукурова невольно сердце сжалось:

— Прошу вас, отец, садитесь.

— Благодарю, сынок. Пришел вот попрощаться и... извините уж старика, снова я об этом надоевшем вопросе. Надеюсь, мой возраст...

— Я слушаю вас...

— Я, собственно, о... о вашей милиции. Оставят они меня, старика, в покое, учтут мою седину или будут еще вызывать, трепать нервы? — Вахид Мирабидов робко, как-то даже воровато взглянул на зятя и сразу отвел глаза.

Шукуров молча посмотрел в окно. Опять за свое! Снова старый халат да старый кушак! Когда только, по какой причине родилась в нем и пустила корни уверенность, что секретарю райкома все под силу? Ведь вот как сказал — «ваша милиция»! Думает, что так и должно быть в жизни. И не темный же, безграмотный простак — ученый, солидный человек! То-то и есть — ученый ли?.. Шукурову припомнился ташкентский разговор с домлой Шамурадовым. Как он тогда говорил: с позволения сказать, ученый. Это ведь о Мирабидове. Шукуров теперь точно знает. А как хотелось бы Шукурову видеть своего тестя таким же чистым и великодушным, как домла Шамурадов. За шестьдесят тестю перевалило, а все норовит свернуть на кривую дорожку.

Шукуров с трудом подавил тяжелые мысли.

Вахид Мирабидов по-прежнему стоял у порога — руки на животе, глаза просительные, терпеливо, с робкой надеждой ждал. Вразумлять этого человека — напрасный труд. Но обидные слова все же сорвались с языка:

— Удивляюсь я вам, отец!

— То есть?

— Вы же ученый, а мыслите... Считаете, можно обойти любой закон...

Слова зятя отняли последние силы. Вахид Мирабидов беспомощно опустился в кресло у дверей.

— Прошу вас, сынок... Не будем касаться юридического аспекта...

— Да я и не собираюсь. Просто удивительно: когда в вас завелось все это, все эти взгляды? — воскликнул Шукуров. И вдруг вырвалось: — Может, когда писали свои статьи против домлы Шамурадова?

Глаза Вахида Мирабидова округлились.

— Нормурад Шамурадов! — застонал он. — О аллах! И вам, мой сын, уже донесли. Не спешите судить. Вы же знаете, что это были за годы. Да и сколько я уже перенес за ту свою ошибку. Как я сам казнил себя, как терзал! Неужели еще мало?

Из глаз Вахида Мирабидова капнули слезы. Шукуров сжал губы, удерживая готовые вырваться слова. Перевел дыхание.

— Простите, может, я не прав... Но мне хочется видеть вас прямым и честным, отец. Теперь, когда вы уже немолоды, должны же наконец подумать, как говорится, и о душе.

— Хорошо, сынок, хорошо. А теперь разрешите откланяться...— Вахид Мирабидов торопливо попятился к двери, словно бежал от беспощадных слов зятя.

«Кажется, я перегнул палку,— подумал Шукуров. И сам же отвел эту мысль: — Каждый жнет то, что сеет». Шумно вздохнув, будто освободился от тяжести, вышел вслед за тестем. Что бы там ни было, а гостей полагается проводить. Этого требовали и долг хозяина, и простое приличие.

4

Домла Шамурадов почувствовал, что летит в бездонную пропасть, и очнулся.

В комнате было полутемно. В углу, под зеленым абажуром, Латофат читала книгу, как школьница подперев подбородок руками. Уловив беспокойное движение домлы, она обернулась:

— Вам что-нибудь подать, дедушка?

— Нет, спасибо. Где Хайдар?

— Его вызвали в город. Задерживается что-то...

«Почему эта девушка здесь? Каждый день приходит, дежурит до полуночи. Наверно, Хайдар попросил. Одна с больным стариком. Напрасно он так делает».

Нормурад-ата почувствовал себя плохо в ночь после бурного разговора с Атакузы. «Предынфарктное состояние»,— определил врач и приказал: лежать и не двигаться. А он-то рассчитывал поработать...

— Может, чаю подать?

— Нет-нет...

— Вы просили почитать Герцена...

— Да, да, почитать,— сказал домла.— Почитаешь попозже...

Омар Хайям и Навои — их стихи лежали на столике у дивана. Но и раньше, и теперь — всего ближе был домле Герцен, особенно «Былое и думы». Эта книга в последнее время стала его постоянным собеседником. Книга рассказывала о тяжелых днях человека, о страдании, и все — с мудрой, грустной улыбкой. Это как раз и нужно было домле. Книга лечила его собственную грусть, вводила от горьких воспоминаний. Но сейчас и она...

Странно, вот домла снова закрыл глаза и сразу опять начал опускаться все в ту же бездонную черную пропасть. Там, на дне пропасти, он увидел Гульсару-биби; она подняла на него печальные насурьменные глаза. Что это — бред? Нервы шалят — так сказал врач из города, его приглашали осмотреть домлу. Прав врач, расстроились нервы от горьких дум. А думы все о том же, об Атакузы!..

Нормурад-ата знает, что племянника вызывали и к следователю, и в райком, что в колхозе началась ревизия. Черные тучи над головой Атакузы уже сгустились, вот-вот грянет гроза. Одна и та же мысль не

дает покоя: он, Нормурад, не сумел отвести беду! Сколько раз начинал говорить с Атакузы и всегда срывался. Конечно, Атакузы сгубило тщеславие. Когда только подцепил он эту хворь?.. Э, брось, старик! А сам ты не был ли заражен той же болезнью? Тебя возмущала даже мысль, что могут перечить тебе — известному человеку, ученому! Вот откуда все, вот почему и орал, гремел! Тоже — громовержец! Неужели так все и кончится? Поговорить бы с ним, с родным человеком, по душам!.. Теперь он сумел бы это сделать. Откроет племяннику самые заветные мысли. А если не успеет? Что тогда? Нести все с собой в могилу? Все, все может случиться. Недаром, наверно, мерещится ему Гульсара, все зовет и зовет к себе.

Опять, опять подступает знакомая боль в груди. Домла крепко сжал зубы, терпел. Вот начало затихать. Позвал Латофат:

— Дитя мое, возьми из ящика стола бумагу... и ручку... Сядь вот здесь, мне надо кое-что продиктовать...

Латофат поставила на столик у дивана зеленую лампу, приготовилась писать. Какие тревожные, настороженные у нее глаза. Надо отпустить домой...

Он зажмурился — обдумывал. Вот уже больше недели мысленно разговаривает то с Атакузы, то с Шукуровым. Сейчас, когда подзвал Латофат, казалось, слова собрались на самом кончике языка. Странно, куда они вдруг исчезли?!

Латофат, обеспокоенная молчанием, нагнулась:

— Дедушка! Может, подать лекарство?

— Нет.— Нормурад-ата открыл глаза, посмотрел на Латофат и, будто вдруг схватив нужную мысль, заторопил: — Пиши! «Дорогой Абрарджан!» Нет, лучше так: «Первому секретарю районного комитета партии товарищу Шукурову».

Нормурад Шамурадов на миг замолчал, перевел дыхание и, уставившись в одну точку, начал медленно, спокойно диктовать, обдумывая каждое слово:

— Уважаемый Абрар Шукурович!

Вы, я знаю, в курсе моих дел, и потому обращаюсь именно к Вам. За свою жизнь я собрал довольно основательную библиотеку. Подбирал с расчетом на молодого человека. В ней есть книги по науке и технике, философские труды. Особенно много художественных произведений и книг по искусству. Эту библиотеку более чем в десять тысяч томов я подарил, Вы знаете, средней школе колхоза «Ленин юлы». Очень прошу Вас — проследите, чтобы книги не попали в руки случайного человека. Надо подыскать такого, кто ценит и любит книгу. Лишь тот, кто сам стремится к знаниям, может помочь молодому поколению кишлака воспользоваться этой, скажу без скромности, редкой и ценнейшей коллекцией... Это моя первая к Вам просьба. А теперь о второй...

Нормурад-ата перевел дыхание, подождал.

— Как мне стало известно, на днях бюро райкома будет обсуждать персональное дело моего племянника, председателя колхоза «Ленин юлы» Атакузы Умарова.— Тут домла закашлял, заговорил глухо.— Вы знаете, как я, будучи коммунистом, отношусь к его ошибкам, Вам известна моя критика по его адресу. Я никоим образом не соби-

раюсь, да и не имею ни морального, ни иного права оказывать какое-либо влияние на решение райкома.

Мне, старику, приходилось сталкиваться с опасным явлением: обсуждая ошибки человека и при том решая его судьбу, иной раз нечисто отбрасывают его прежние заслуги. Раньше такое бывало нередко. Оттого и взял на себя смелость заговорить здесь об объективности. И еще у меня просьба лично к Вам, товарищ Шукуров: какое бы решение ни вынесло бюро, как бы строго коммунисты ни осудили Атакузы, прошу — не отвернитесь от него, не махните на него рукой.

К несчастью, жизнь так сложилась, что между дядей и племянником не вышло близости. Мне, как человеку, умудренному жизнью, полагалось быть более терпимым. Нет, не к его ошибкам, — я должен был бы внимательно выслушать его, выяснить корни ошибок и, главное, понять, что толкало на неправильные поступки. Тогда, может, я и успел бы предпринять что-нибудь. Но, как говорится, горбатого могила исправит. Мое упрямство подвело и меня, и племянника. Очень прошу Вас теперь, когда Атакузы окажется на перепутье, помогите ему. И то, чего не сделал я по ослиному своему упрямству... (Слова «по ослиному» зачеркни-ка, доченька!)... сделайте Вы. Прошу Вас, станьте его советником и наставником. Если бы Вы исполнили мою просьбу, я мог бы умереть спокойно.

Не знаю почему, но с первого раза, как Вас увидел, меня потянуло к Вам. И знаете, показалось, будто повидал своего сына Джаббара. Человек я необщительный, порою и резкий, немало обидел людей. Боюсь, не сказал ли и Вам резкого слова, — простите старика, если что было, товарищ Шукуров. (Слова «товарищ Шукуров» зачеркни.) Прошу простить меня, сынок. С глубоким уважением профессор Нормурад Шамурадов... Слово «профессор» уберите...

— Дедушка! — Латофат бросила ручку на стол и, кусая дрожащие губы, наклонилась к Нормураду-ата.

Недовольный взгляд остановил ее.

— Садись, доченька. Мне надо еще кое-что сказать. Возьми другой листок.

Латофат не узнала Нормурада-ата. Глаза пылали, на острых скулах зажглись два темных пятна, иссохшие губы шептали о чем-то. Комната, наполненная зеленоватым светом, погрузилась в тишину, слышалось только тяжелое, прерывистое дыхание старика.

— Пиши! «Моему племяннику»... Нет, не то. Начинай так:

Родной мой Атакузы!

Всю жизнь я не любил тех, кто сначала обидит человека, а потом кается. И вот приходится самому. Такая у меня судьба. Но поверь, мои слова идут от души. Мы оба с тобой иной раз не щадили друг друга. Знай, дорогой, в моем сердце нет к тебе ни капли обиды. Только благодарность. Ты в дни нашей с Гульсарой старости и одиночества поддерживал нас и согревал наши души.

В последнее время я постоянно думал о тебе. Свои думы, беспокойство о твоём будущем я изложил в письме к Шукурову. Хочу надеяться, вы с ним найдете общий язык.

У тебя очень хорошая жена, дорогая моя невестка Алия, да пребудет

такую во веки веков. Я всегда видел от нее только одно хорошее. Ничто не остается без ответа в этом мире: ни добро, ни зло — все возвращается с лихвой. Да обернется вам в тысячу раз умноженной ее ласка и доброта.

Нормурад-ата замолчал. Стараясь победить дрожь в голосе, продолжил:

— Я благодарен Хайдарджану. Он имел полное право обижаться на меня, а вот сумел подавить в себе обиду, утешил в дни тяжелой болезни. Страшно подумать, как было бы мне одиноко без него. Так пусть он будет счастливым в жизни! Да станут счастливыми дни его с нареченной. Во веки веков!

Теперь о деле: на книжке у меня хранится около трех тысяч рублей. Две тысячи отдай школе. Хочу, чтобы купили новые полки для книг. Останется тысяча — ее истрать на похороны.

Мой дом в Ташкенте завещаю Хайдарджану, пусть живет там вместе с молодой женой. Пусть Хайдар там продолжит свою научную работу. Он теперь на верном пути. Мои рукописи, законченные и незаконченные, отдаю в полное его распоряжение...

Домла начал было говорить о своем предстоящем докладе, но что-то забубулкало в горле, он поперхнулся, замолк.

Латофат отбросила ручку, припала к груди старика:

— Зачем вы себя надрываете, дедушка? Еще успеете, вы будете жить! Жить! И на нашей свадьбе будете, будете!

Нормурад-ата с усилием приподнялся, уперся локтем в подушку, провел рукой по лбу девушки, по ее распустившимся волосам.

— Да, да, буду. Это я просто так, письмо пусть лежит, детка.

Какая милая девушка! Ведь вот как убивается по старику. И что у нее за глаза! Недаром говорятся: глаза — душа человека. Очень искренние. Сейчас в них любовь и мольба. И все это к нему обращено, к Нормураду-ата, его просят, умоляют — живи! Домла еще раз погладил волосы Латофат.

От волнистых, мягких волос так хорошо пахло. Нет, не базиликом — другими цветами. Но все равно Нормурад-ата вспомнил Гульсару, и вдруг снова пришла уже посещавшая мысль: «Такое же чистое, нежное создание могло бы родиться и у Джаббара...»

Домла снова нежно провел рукой по волосам Латофат:

— Дитя мое, у меня был сын, звали его Джаббар...

Латофат улыбнулась сквозь слезы, закивала головой:

— Знаю, дедушка, знаю. Ваш сын был настоящим героем, замечательный человек...

— Когда я в первый раз увидел тебя, посетовал на судьбу: почему не у моего сына родилась эта славная девушка?.. А ты так заботишься обо мне, столько вижу от тебя любви, наверно больше, чем если бы была моей внучкой. Ну, что плачешь? Все станет на место... Иди отдохни, детка, отдохни...

Латофат подняла мокрое от слез лицо, попросила:

— Не прогоняйте, пусть сначала Хайдар-ака придет, а потом...

— Нет, нет, пусть и Хайдар отдохнет. Ничего не случится. Мне уже лучше, даже очень хорошо. Выключи свет и иди. Я немного отдохну...

В самом деле, после писем стало вдруг легко и светло на душе. Дом-ла ласково кивнул Латофат, будто тяжесть свалил с себя, и закрыл глаза.

5

Колхоз «Ленин юлы» от райцентра отделяло тридцать километров. Помнится, в военные годы, когда Атакузы работал в колхозе арбакешем, тратил, чтобы доехать до города, чуть ли не целый день. Сейчас «Волга» за полчаса домчит его до места. Но и этот срок часто казался томительно долгим, и он обычно подгонял Учара — быстрее, быстрее! Сегодня же впервые за последние двадцать лет ему не хочется быстроты. Не по душе даже широкая, прямая как стрела асфальтированная дорога. Оказаться бы сейчас на пыльном, ухабистом проселке, как в детстве. Пусть бы «Волга» превратилась в старую, запряженную волами арбу. Атакузы потихоньку, не спеша доскрипел бы к вечеру до города. А там волов предоставил бы самим себе — так делал всегда, когда работал арбакешем, — и развалился бы на мешках зерна. Можно было бы не спеша обдумать все. Глядишь в безмятежное — ни облачка! — небо и спокойно, не торопясь думаешь. Только так и нужно оглядываться на почти полувековой путь.

Сегодня в двенадцать часов бюро райкома. Атакузы нарочно выехал всего за полчаса — до этого успел заглянуть в Минг булак. Незачем ему встречать сожалеющие взгляды людей — тех, кто прежде готов был кланяться даже его тени. Не хочет видеть тонких улыбок соперников. И для утешающих слов друзей уши свои закрыл. К чему? Знает уже наверняка — судьба его решена. Бесконечные проверки и ревизии не оставляли надежды — всё стали валить на него: и незаконно приобретенные удобрения, запчасти, трубы для газопровода, и то, что дал колхозный газик будущему своему зятю, на котором тот задавил человека. Словом, обвинили во всех грехах, какие только есть на белом свете. Все эти проверяющие еще вчера стояли перед ним, смиренно сложив руки на животе, сквозь пальцы смотрели на всякие мелочи. Вот по их изменившейся позе, по их рвению, как копаются во всякой чепухе, Атакузы и знает — все уже решено. Иначе разве позволили бы себе эти люди такой тон в разговоре с ним. Да раньше Атакузы и с места бы не встал — разговаривал бы, развалился на диване!

Что же делать? Ничего не поправишь! Пусть! Эта тяжелая ноша надоела Атакузы. Он и сам уже не раз просил, чтобы его освободили от проклятой должности. Но, оказывается, одно дело — просить самому, зная наперед, что тебя не только не освободят, а, наоборот, еще будут уговаривать, чтобы остался: «Нет, нет, если вы уйдете, что станет с хозяйством? Небо опрокинется на землю!» И ты, все еще упираясь: «Я не могу», диктуешь свои условия. Совсем иное дело, когда, не спрашивая твоего согласия, те же люди сами снимают тебя с работы. Бросив в лицо твои ошибки, унизив, сбрасывают с достигнутой долголетним трудом высоты. Нет, дело даже не в этом. Самое печальное, что Атакузы только теперь, после того как «кувшин разбился», понял не только весь горький смысл своих ошибок, но — и это главное! — понял, на что он способен. Как много доброго мог еще сделать в жизни!

Только бы не сняли, только бы оставили! Он вытерпит все: все обвинения, суровый нагоняй, выговор. Сам признает свои ошибки. Атакузы доказал бы всем, таких бы дел натворил — весь мир бы ахнул.

Он понимал — нет никакой надежды, сознавал всю безысходность своего положения, и все-таки где-то в уголке души еще теплилось — а вдруг! Ведь почти четверть века отдал этому колхозу, не зачеркнул же всех его добрых дел.

Машина мчалась. По обе стороны дороги тянулись бесконечные хлопковые поля. Сады приветствовали его веселым шумом, темно-зеленой краской. Проплывали клеверные поля, виноградники! Но Атакузы не видел ничего.

6

Нормурад-ата удивленно озирался вокруг. Где он? Неужели это его комната такая светлая, веселая? Казалось, очутился в другом мире.

Да, вот лампочка на столе, чайники и пиалы в шкафу, и зеркальце, как полагается, висит на стене. Но эти знакомые вещи, и комната, и сам он, наверно, — все озарено необыкновенно ярким, ликующим светом. И на душе так хорошо, легко. Кажется, чья-то добрая рука сняла тяжелый камень, тот самый, что уже больше недели давил на грудь.

Домла, сам не веря себе, приподнялся на диване, посидел немного. Что же это за чудо случилось с ним за ночь? Вчера он продиктовал свои письма и тогда же, вечером, почувствовал внезапное облегчение. Сегодня впервые за неделю спал спокойно и проснулся легко. Кстати, где эти письма-завещания? Пусть их пока никто не видит.

Письма были спрятаны в выдвижной ящик, а на столе под абажуром лежала записка:

«Дедушка! Мы приходили. Вы так хорошо спали, не захотелось будить. В холодильнике — сметана, молоко, в термосе — чай. Мы поехали в район, к отцу. Вернемся вечером.

Хайдар, Латофат».

От этой маленькой записочки еще светлее стало на душе.

Долго же он спал. Солнце вон как высоко стоит. Домла умылся, достал из холодильника сметану, взял лепешку, налил чаю из термоса и впервые за последнюю неделю с аппетитом позавтракал. Вдруг его внимание привлекла строчка из записки: «Мы поехали в район, к отцу», — и сразу вернулась тревога.

«Может, уже сняли с работы? Сняли и исключили... Нет, этого не может быть! Снять, конечно, могут. Ошибки серьезные. Но чтобы исключить из партии — нет, такого быть не может!»

И тут во дворе резко, рая слух, затрещал мотоцикл. Через минуту, стуча сапогами, вошел Прохор.

Знакомая старая каска, неизменная гимнастерка и большие кирзовые сапоги — вот он весь тут, стоит посреди комнаты, моргая невинными синими глазами.

— Что я вижу, товарищ профессор? Мы думали, вы соскучились по Гульсаре-биби, торопитесь к ней, а вы сидите — ну совсем молодой беркут! Поздравляю, дорогой, поздравляю!

Прохор подошел, обнял домлу, отстранился и еще раз осмотрел друга с ног до головы:

— Молодец, старина. Вот теперь можно поверить, действительно ты был сотником и мардикером! Крепок, крепок! Есть порох в пороховнице...

— А ты как?

— Я тоже не жалуюсь, здоровье — слава богу! — Прохор присел рядом с домлой. Принимая пиалу из рук Нормурада-ата, весело подмигнул: — Да-а... заскучает там Гульсара-биби, дожидаясь такого...

— Не в моей Гульсаре — в тебе все дело! — грустно пошутил домла. — Совсем собрался уже отдать душу аллаху, да подумал: надо сначала дописать заказанную Прохором книгу, а то ведь и на том свете найдет, не даст покоя! — Нормурад-ата взял со стола толстую папку, на которой было выведено четкими буквами: «Древо жизни», положил перед Прохором. — Вот, кончил наконец! Можешь прочитать, дорогой, тут все про твою любимую арчу, — удовлетворенно и не без гордости посмотрел на друга.

— Ладно уж, зачем... — Прохор поставил пиалу с чаем на стол. — Что толку теперь от этой твоей книги...

Вот уж не ожидал домла таких слов! Снова кольнуло в самое сердце.

— Это почему же ты так считаешь? — деревянным голосом произнес, пытаясь скрыть обиду.

— Причина простая. С Минг булаком опоздал, там все по-прежнему. Так и останетя, пока твой племянник сидит на своем месте. Теперь хоть десяток таких книг напиши — толку не будет. — И встал, нервно теребя рваное ухо.

Опять Атакузы! О, дорогой мой Прохор! Попадаешь в самое больное место. Домла вынужден был замолчать — ждал, пока немного утихнет частый перестук в груди. Тихим голосом, будто берег что-то внутри себя, проговорил:

— Племянник мой уже не будет раисом, можешь быть спокоен. Не знаю, изменится ли дело с приходом другого...

— Не волнуйся, раиса твоего не так легко ссадить. Я час назад видел — катается на своей «Волге» по Минг булаку и... — Прохор не успел договорить, замер.

Побелевший Нормурад-ата, пошатываясь, встал со стула:

— Поехали!

— Послушай, Нормурад...

— Поехали, я тебе говорю! — рявкнул вдруг домла. И совсем тихо: — Сам, своими глазами посмотрю. И если только Атакузы там, при тебе скажу ему...

Не слушая, вышел из комнаты, не дожидаясь хозяина, полез в люльку мотоцикла.

«Поторопился ты, старик. Опять пошел на поводу у своего гнева.

Видно, так и останешься неразумным до конца своих дней. Доедешь ли ты еще до Минг булака?»

Мотоцикл трясся, подскакивал на неровностях, и каждый раз в груди больно колело. Но вот, кажется, и Минг булак. В лицо подуло свежим ветерком. Знакомые запахи — скошенное сено и арча, вдохнул — и будто чуть полегчало.

Чудо, чудо земное — Минг булак! Места, где прошли далекие, но так запавшие в память годы детства! Вот они — луга, где он бегал босиком, весь мокрый от росы. Такими видел их и месяц назад — не изменился вечно свежий, благоуханный Минг булак. Луга все так же ярко зеленели, их не тронул и зной, будто выкупались в здешних прозрачно-чистых родниках...

Домла смотрел и не мог насмотреться на чудо, знакомое и любимое с детства. Не мог надышаться ароматом арчового леса и скошенных трав...

Не было видно ни людей, ни машин. Но вот свернули с дороги и выскочили на поляну. Ее пересекал гравийный тракт. Здесь стояло несколько самосвалов. Краны отвешивали над ними усердные поклоны. Было непонятно, то ли грузят огромные, в обхват человека, трубы, то ли складывают на машины сваленные у дороги деревья. Однако работа шла — над поляной стоял пчелино-ровный гул моторов, звенели голоса рабочих. У первого крана, в стороне от тракта, заметно выделялся среди других краснолицый великан. Он то прикладывал руки к усам-подкове, то передвигал на голове старую, измочаленную тубетейку и что-то говорил рабочим. Али-Муйлов — узнал домла. В грязной рубашке, в разбитых сапогах, но лицо круглое, красное, как спелое яблоко.

«Выходит, после скандала с Абидовым с бригадирства сняли. Перевосит сюда!» Нормурад-ата подал знак Прохору.

Мотоцикл подкатил к самому крану. Увидев стариков, сходящих с мотоцикла, рабочие приостановили работу, с интересом уставились на них. Али-Муйлов вдруг засуетился, видно, узнал домла, заулыбался, приложил руки к груди:

— Э-э... почтенный домла, какими молитвами в наших краях?

Нормурад-ата сделал шаг, и вдруг земля под ногами качнулась. Пришлось схватиться за руль мотоцикла.

— Где Атакузы?

— Атакузы-ака? Они уехали в город, на райком. Только сейчас и уехали...

— А вы что тут делаете?

— Мы? — переспросил Али-Муйлов и еще больше расплылся в улыбке. — Работаем, почтенный домла.

— Работаете! — Нормурад-ата затрясся, двинулся на Али-Муйлова.

— Нормурад! — Прохор попытался остановить его, но домла вырвал руку и закричал, трясаясь и багровея:

— Когда только наша земля избавится от таких тупиц, как ты! Прекрати! Сейчас же прекрати безобразие! — хотел что-то еще сказать — и не смог. Земля, небо, деревья, люди — все заходило, закру-

жилось, и он, хватая руками воздух, всей тяжестью рухнул на подбежавшего Прохора. Последнее, что услышал,— писклявый голос Али-Муйлова, он доносился словно издалека:

— Мы переезжаем, переезжаем, домла... Из Минг булака переезжаем. Атакузы-ака велел...

7

Редкий случай — члены бюро были все налицо. Обычно едва натягивали до кворума, а тут, похоже, сто процентов. Атакузы отметил это сразу, с одного взгляда, как только вошел в кабинет первого секретаря. Молча, никого не приветствуя, пробрался на заднее место.

Оживленный говор и смешки — он слышал их, еще подходя к двери,— как по команде, смолкли. Наступила тишина.

Шукуров встал. Окинул взглядом членов бора, посмотрел на Атакузы и не выдержал, отвел глаза. Больно было видеть, как за короткий срок скрутило этого сильного человека. Глаза в глубоких темных впадинах, скулы обтянуты, худое лицо еще больше почернело.

— Товарищи! — начал Шукуров, и в этот момент засипел телефон. Шукуров раздраженно поднял трубку, хотел уже оборвать: бюро идет, не мешайте! Внезапно лицо его побелело.— Не может быть... Когда?

Осторожно опустил трубку. Постоял с опущенной головой.

— Товарищи!— сказал тихо.— Скончался один из первых и активнейших организаторов колхоза «Ленин юлы», большой ученый, профессор Нормурад Шамурадов... Бюро откладывается. Прошу минутой молчания почтить его память...

8

Кто-то тронул плечо. Атакузы поднял голову. Над ним стоял Хайдар:

— Пойдемте, отец. Пойдемте! Люди уже пошли к нам на фатиху...

Атакузы, не видя, смотрел на сына красными, воспаленными глазами. Фатиха? Люди? Он оглянулся по сторонам. Народ, только что заполнявший и кладбище, и весь караул-тепе¹, хлынул вниз. В кровавом отблеске вечерней зари длинная вереница людей — кто пешком, кто в машине, а кто и на лошади — двигались, как отступающее войско.

— Ладно, ты иди, иди, сынок. Я приеду попозже...

— Как же так...

— Иди!..

Полные слез глаза отца и весь его горестный вид заставили Хайдара отойти.

¹ Караул-тепе — сторожевой холм.

Атакузы еще раз оглядел опустевшее громадное кладбище, багровое зарево над караул-тепе, опустил голову, прикрыл глаза. Опять, будто издали, послышался чуть приглушенный, взволнованный голос Шукурова: «Бывают люди, жизнь которых, их деяния, пройденный ими путь навсегда остаются для нас высоким образцом. Таким человеком был большой ученый, старый коммунист, наш дорогой атахон Нормурад Шамурадов. Он прожил большую честную жизнь, полную борьбы и благородных свершений во имя счастья людей...»

Голос Шукурова затих, его заглушил другой — громкий, отчаянный. «И в маршиках, и в боях за советскую власть, и в радости, и в беде мы были вместе,— это над могилой рыдал Прохор.— Я надеялся, что и из жизни мы уйдем тоже вместе. Почему так несправедливо обошелся со мной? Почему оставил меня одного в тоске и печали, дорогой мой Нормурад? Привык принимать все удары на себя, и смерть тоже ты принял первым. Зачем, зачем только я повез тебя в Минг булак? Прости, прости ради нашей шестидесятилетней дружбы, прости, незабвенный мой товарищ!»

Много добрых слов было сказано. Уразкул вспомнил прошлое домлы Нормурада. Слова благодарности сказал директор школы. Говорил и представитель института — приехал за докладом домлы и вот попал... на похороны...

Добрые речи словно повернули что-то в голове Атакузы. Вспомнилось письмо дяди, и он плотно сжал зубы, застонал.

Еще когда читал письмо-завещание, чувствовал, будто что-то оборвалось внутри. Главное, что мучило,— не успел покаяться, попросить прощения. Дядя хоть в письме излил душу. Сказал свое последнее прости! А вот он, Атакузы,— кому он выскажет все, что так и осталось в нем? Пусть были между ними обиды, но он же любил старика, как родного отца любил! Надеялся — в душе всегда надеялся — когда-нибудь склонит перед ним колени, выскажет все, что накопилось за последние нелегкие месяцы. Кому теперь он откроет свою боль? Этой холодной могиле, безмолвному камню на ней? Или будет носить — до конца своих дней — этот тяжелый груз?

Раскаялся, говоришь? Любил? Разве не тобой нанесенные обиды омрачили его последние дни? Разве не ты из мелкого самолюбия, дрожа за свой несчастный авторитет, оттолкнул его добрые слова? И даже сейчас, когда уже грохнулся лбом об стену,— и сейчас не торопишься усмирить свою гордость! Не к нему — к себе любовь твоя. Бередишь раны — тешишь свою боль. Хоть теперь, над этой свежей могилой, отважься, скажи себе правду и сам оцени свои дела. Есть на свете честность и совесть, Атакузы. Только ими и жил твой дядя.

Да, это так! От человека остаются лишь его добрые дела. А все остальное — пустой прах, приходит и уходит бесследно. Вот что понял Атакузы. Поздно, но понял. И горько — не сможет сказать об этом дяде, опоздал...

Думы перебил шум мотора.

Кругом уже стояла тьма. Небо играло звездами. У дороги остановилась машина. Хлопнула дверца, тишину нарушили чьи-то шаги. Кто-то подбежал.

— Отец! Поедем!..

— Атакузы-ака!— позвал от машины глухой голос.— Пойдемте, нельзя же так!

«Шукуров!»

Атакузы уперся руками в землю, тяжело встал.

Он еще раз склонил голову перед свежим могильным холмом у ног, посмотрел на уходящий в темноту, будто в бесконечность, ряд могил и устало зашагал к дороге.

Теперь осталось лишь одно — нести в жизнь то, что сегодня здесь, на кладбище, понял. Нелегкое это будет дело. Но таков его долг. Люди и совесть требовали этого.

Ташкент
1974 — 1978
